Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе

Материалы Международной научно-практической конференции, г. Рязань, 20–21 апреля 2016 г.

Рязань 2017

УДК 930.9+372.893
ББК 63.3(0)+74.266.30
А43

Рецензенты:
Е.А. Кирьянова, д-р ист. наук, проф.
(РГУ имени С.А. Есенина)
Е.Г. Тарабрин, канд. ист. наук, доц.
(РГУ имени С.А. Есенина)

А43 **Актуальные** проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе : материалы Международной научно-практической Конференции, г. Рязань, 20–21 апреля 2016 г. / отв. ред. М.В. Жолудов ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2017. – 336 с.

ISBN 978-5-88006-976-7

В сборнике публикуются материалы ученых-историков, а также аспирантов и магистрантов России, Белоруссии, Польши, Великобритании и Германии, посвященные актуальным и малоизученным проблемам всеобщей истории стран Запада и Востока.

Предназначен для специалистов-историков, преподавателей школ и вузов, студентов и аспирантов исторических факультетов.

всеобщая история, новая и новейшая история, история международных отношений, методика преподавания истории, историография.

УДК 930.9+372.893
ББК 63.3(0)+74.266.30

ISBN 978-5-88006-976-7

РАЗДЕЛ I

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

И.Н. Гребенкин

БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена основным итогам изучения Балканских войн 1912–1913 годов российской историографией за столетие. Представлены периоды развития историографии Балканских войн в России и важнейшие факторы общественно-политической жизни, определившие интересы ученых и тенденции научного осмысления проблемы. Автор указывает на значение, которое исследования российских историков имеют для современной общественно-политической мысли.

Балканские войны, Россия, общественно-политическая мысль, историография.

BALKAN WARS IN THE RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL OUTLOOK AND HISTORIOGRAPHY

The article focuses on the results of hundred-year-long studies of Balkan wars of 1912–1913 by Russian historians. We represent periods in development of Balkan wars as per-ceived by Russian historiography and the major factors in social and political life that deter-mined scientists' interest and trends of scientific research of the issue. The author points out the significance of Russian historians' researches, for they prove to be essential for contemporary social and political outlook.

Balkan wars, Russia, social and political outlook, historiography.

В начале XX века Балканы, в силу своего геополитического положения, сложных межэтнических и межконфессиональных отношений, острых социальных конфликтов, несомненно являлись наиболее проблемным и взрывоопасным регионом Европы, что было причиной обостренного интереса к нему. В России все связанные с ним события и процессы постоянно оставались объектом пристального внимания не только профессионалов – политиков и военных, но и широкой общественности, и порой даже оказывали влияние на внутреннюю обстановку. Огромное оживление этого интереса последовало с началом в октябре 1912 года войны стран Балканского союза против Османской империи.

На этот раз события на Балканах получили отклик во всем спектре общественно-политических течений России. Российские правые и либералы так или иначе выражали свое отношение к ним в рамках традиционных представлений российской политической элиты об интересах империи в этом регионе с целью решения пресловутого «Восточного вопроса». Различия в их мнениях состояли лишь в понимании роли России и способов ее участия в борьбе коалиции против

Турции и, как следствие, в оценках позиции и деятельности правительства, которые нередко носили весьма критический характер. С началом войны в российской правой и либеральной печати развернулась бурная кампания критики в адрес Министерства иностранных дел, которое, по мнению националистов, избрало в возникшем конфликте слишком осторожный курс, граничивший с изменой интересам России. Со страниц таких влиятельных правых изданий? как «Новое Время», «Русское слово», «Голос Москвы» звучали прямые призывы к военному походу в защиту славянства, угрозы в адрес Турции и Австро-Венгрии, упреки кабинетам Франции и Великобритании за нежелание открыто встать на сторону славян и доказать таким образом свою верность союзу с Россией. С ними активно полемизировала газета конституционных демократов «Речь». Указывая на неумеренный шовинизм правых, лидер кадетов П.Н. Милюков утверждал, что только в союзе с могущественными союзниками по Антанте Россия сможет добиться своих целей на Балканах и защитить славянские интересы.

Балканские войны 1912–1913 годов привлекли значительное внимание современников – деятелей российской социал-демократии. С одной стороны, развитие событий на Балканах во многом отвечало лево-социалистической концепции международных отношений, а их освещение служило пропаганде идей революционного марксизма. С другой – недавно вступившие на путь модернизации молодые государства Балкан своей социально-экономической реальностью напоминали Россию и так же могли считаться «слабым звеном» европейского капитализма. Принципиальное отличие взглядов российских революционеров по балканской проблеме состояло в отказе от оценок с привычных, «национальных» позиций. Субъектами международных отношений в них выступали не государства, их союзы и коалиции, а классы – пролетариат и буржуазия. Таким образом, в анализе международных процессов на первый план выступали роль и интересы социальных слоев и групп.

Декларацией российской социал-демократии по поводу начала Первой Балканской войны послужило воззвание «Ко всем гражданам России», написанное В.И. Лениным и выпущенное в свет в виде отдельной прокламации [1]. Обращаясь к российским рабочим, лидер большевистской партии указывал, что эта война вновь подтверждает факт вступления мира в эпоху великих социальных и политических потрясений. Ответственность за них несет крупная буржуазия и правители империалистических государств. Следующим актом кризиса неминуемо станет общеевропейская война.

Тем не менее, Ленин высоко оценивал значение военных побед балканских государств над Турцией, поскольку они создавали предпосылки для дальнейшей консолидации народов этих стран, прогрессивных политических и экономических преобразований в регионе. Так, для Македонии завоевание ее Болгарией и Сербией означает буржуазную революцию в духе европейских революций 1789 или 1848 годов. И все же собственно «национальное» освобождение, утверждал Ленин, не способно разрешить эти проблемы. Наоборот, «только доведенное до конца экономическое и политическое освобождение крестьян всех балканских народностей может уничтожить всякую возможность какого бы то ни было национального угнетения» [2]. Таким образом, в работах Ленина по бал-

[1] Ленин В.И. Ко всем гражданам России // Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 22. С. 135–139.
[2] Ленин В.И. Социальное значение сербско-болгарских побед // Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 22. С. 188.

канскому вопросу, публикуемых в партийной печати и включавшими наряду с политическим анализом мощную пропагандистскую составляющую, выстраивалась простая и ясная в методологическом плане схема. Согласно ей международные отношения также являются ареной классовой борьбы. Международная политика буржуазии – это политика империалистических захватов, которой может противостоять только международная политика рабочих, чьи интересы объективно обращены к миру и подлинной демократии. Подтверждение этого тезиса Ленин определенно видел в развитии конфликта на Балканах, где великие державы стремились реализовать свои притязания, невзирая на интересы народов региона.

Другой видный деятель российской революционной социал-демократии Л.Д. Троцкий оставил целое публицистическое наследие, посвященное событиям 1908–1913 годов на Балканах. Неоднократно посещая регион и будучи знаком с его проблемами, он подготовил большой цикл корреспонденций, которые публиковались как в партийных, так и легальных российских изданиях.

Не считая войну способом разрешения международных проблем, достойным цивилизованного мира, Троцкий тем не менее признавал справедливый, освободительный характер Первой Балканской войны. Совместная борьба славян со своим геополитическим и историческим противником – Турцией создает предпосылки для создания ими новых государственно-политических форм.

Множество корреспонденций Троцкого посвящено собственно ходу военных действий. Уделяя особое внимание моральному состоянию воюющих армий, он полагает, что справедливая, освободительная миссия войск союзников является фактором их несомненного превосходства над противником и залогом будущей победы. При этом автор не склонен замалчивать самые страшные и неприглядные из реалий войны, будь то жестокости вооруженной борьбы или страдания мирного населения, за которые несут ответственность все участники конфликта. Главная же заслуга военных успехов стран антитурецкой коалиции принадлежит, по его мнению, не правительствам и военачальникам, а подлинно народному патриотическому движению: «Не благодаря недосказанному еще гению своих генералов, ошибки которых очевидны, а заслуги еще требуют критической проверки, одержала Болгария свои победы. Если военные победы приносят честь, то честь эта по праву принадлежит выносливости и сметливости болгарского мужика или рабочего-солдата и болгарского интеллигента-офицера» [3]. Достойно внимания, что наблюдения и опыт, которые Троцкий составил в период войны на Балканах, в немалой степени послужили формированию его как крупного военного деятеля – будущего создателя Красной Армии в годы Гражданской войны в России.

Масштабы, а главное последствия событий 1912–1913 годов обусловили значительный интерес к ним ученых-историков. Историография в широком смысле не может считаться явлением исключительно научной сферы и обусловлена множеством факторов общественно-политической жизни. В этой связи в ее развитии можно выделить три крупных этапа.

Первоначально, по горячим следам конфликта, к изучению Балканских войн приступили не профессиональные историки, а заинтересованные профессионалы – военные и политики. Самый ранний анализ военных операций принадлежал специалистам российского Генерального штаба и осуществлялся,

[3] Троцкий Л.Д. Армия победителей // Киевская Мысль. 1912, 6 декабря. № 338.

главным образом, с целью освоения уроков современной войны [4]. Первый опыт осмысления Балканских войн показал, что в ходе их развивались все те новые тенденции, которые со всей интенсивностью проявились в годы Первой мировой войны: действия массовых армий в условиях применения новейших технических средств, что обусловило поиск соответствующих тактических решений.

Второй этап развития российской историографии Балканских войн целиком соответствует советскому периоду, которому мы обязаны началом научного изучения проблемы и появлением большинства исторических исследований. В силу его длительности внутри его можно указать несколько периодов.

Первым из них следует считать 1920-е года, символом которого стала фигура основоположника советской историографии М.Н. Покровского. В течение ряда лет Балканские войны находились как бы в тени самых масштабных событий эпохи – Первой мировой войны и революции в России и рассматривались в качестве этапа в жизни Европы, который обусловил возникновение первого глобального военного конфликта. Значительные перемены были вызваны бурными событиями и процессами, происходившими в стране и в мире в 1930–1950-х годах. В результате их Советское государство все более ощущало себя преемником Российской империи в международных вопросах. В этот период появились первые фундаментальные исследования, где особое внимание уделялось внешнеполитическим аспектам и роли России как защитницы югославянских народов [5]. В них не были обойдены наиболее трудные конфликтные вопросы, которые трактовались как следствие недальновидности и своекорыстия правящих кругов как Российской империи, так и балканских государств. С 1960-х годов наблюдалось углубление дифференциации в изучении проблемы. Происхождение, ход и значение Балканских войн находило свое отражение в исследованиях по истории стран-участниц конфликта, а также внешней политики великих держав в балканском регионе [6].

Итогом советского периода историографии нашей проблемы следует признать создание основы для осмысления Балканских войн в контексте общеевропейских и общемировых событий, которую составили крупные фундаментальные труды. Их характерными чертами являлось несомненно позитивное восприятие борьбы балканских народов против враждебного угнетения и экспансии, основное внимание уделялось политическим проблемам, которые рассматривались в русле назревания Первой мировой войны. Отдавая должное заслугам историков советского периода, необходимо отметить сравнительно небольшое внимание к чисто военно-историческим аспектам, в частности к военному потенциалу Османской империи. Традиции побед России над Турцией в войнах XVIII–XIX веков, привели к недооценке этого государства в военном отноше-

---

[4] Буняковский В.В. Балканская война: действия 1 и 3 Болгарских армий. Петроград, 1917 ; Махров П.С. Балканская война 1912–13 года (Общий очерк от начала войны до прерыва мирных переговоров). Севастополь, 1913 ; Пехливанов И. Балканская война. 1912–13. СПб., 1914 ; Рябинин А.А. Балканская война. СПб., 1913.

[5] История дипломатии / Сост. В.М. Хвостов. М., 1945. Т. 2. ; Могилевич А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940 ; Разин Е.А. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1939. Вып. 4.

[6] Балканские народы и европейские правительства в XVIII–начале XX в. (документы и исследования). М., 1982 ; Жебокрицкий В.А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1960 ; Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война. М., 1969 ; Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990 ; Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1986 .

нии, которую нельзя признать объективной, о чем, например, ярко свидетельствуют итоги Дарданелльской операции союзников 1915 года. Это позволяет лишний раз подчеркнуть значение побед болгарского, сербского, черногорского оружия, которые были одержаны над сильным, достаточно хорошо вооруженным и организованным противником.

Начало 1990-х годов стало временем смены общественно-политической и общественно-экономической системы как в России, так и в некоторых странах балканского полуострова, что не могло не отразиться на работах историков. Однако поворот от преобладавшей ранее в исторической науке марксистской методологии не означал отказа от идеологизированных подходов в исследовательской практике в принципе. Характерными для новейшего периода развития российской историографии Балканских войн стали две тесно связанных между собой тенденции. С одной стороны – значительный рост интереса к балканским проблемам вообще и истории Балканских войн в частности, что отчасти было вызвано сложной современной ситуацией в регионе. В то же время этот интерес сопровождался упрощенным пониманием проблем прошлого, стремлением к поиску прямых аналогий и забвению принципа историзма в ходе политологических и геополитических штудий. Широкое распространение получил дилетантский подход, который образовал целое направление, сводившееся в основном к поверхностному освещению вопросов военно-исторического характера, что касается не только Балканских войн. Несомненно, что попытка пересмотра многих традиций историографии советского периода породила ряд тревожных тенденций. Среди них – отказ от положительного восприятия югославянских народов, свойственного отечественной общественно-политической мысли, болезненное стремление к выпячиванию сложных конфликтных моментов в межгосударственных отношениях России и балканских стран, когда позиция отдельных деятелей и правительств экстраполируется на целые страны и народы, которые в свою очередь не могут нести ответственности за некоторых, пусть даже очень заметных, своих представителей.

Говоря о тревожных тенденциях, необходимо отметить и позитивные явления в данной сфере. В последнее десятилетие увидели свет ряд комплексных коллективных исследований, подготовленных специалистами ведущих научных учреждений России – Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Институтом славяноведения Российской академии наук, Институтом военной истории министерства обороны Российской Федерации. В них новое прочтение получили проблемы генезиса и сущности Балканских войн, их последствий для стран и народов Балкан и Европы в целом [7]. Балканские войны как фактор возникновения мирового военного конфликта получили отражение в новейших исследованиях, посвященных мировым войнам XX века [8]. В преддверии столетней годовщины Балканских войн наблюдается заметное оживление интереса к их проблематике в российской научной периодике. В 2011 году в Институте славя-

[7] Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005 ; Болгария в XX веке: очерки политической истории. М., 2003 ; В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 г. М., 2003 ; Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX века. М., 2000.

[8] Война и общество в XX в. М., 2008. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны ; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002 ; Мировые войны XX века : в 4 кн. М., 2005. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк.

новедения РАН состоялась представительная научная конференция «Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913)» с участием ведущих российских специалистов и ученых балканского региона. Ее материалы нашли отражение в коллективной монографии, центральной проблемой которой является антропологическое измерение событий [9].

Итоги изучения проблематики Балканских войн российской исторической наукой за 100 лет можно признать значительными. В то же время отсутствие крупного обобщающего труда, центральным сюжетом которого стали бы Балканские войны, говорит о незавершенности исследований. Его создание стало бы достойным увековечением памяти этих выдающихся событий XX века.

Какие же уроки может вынести из опыта изучения Балканских войн современное общество? Не секрет, что в Европе и мире существовали прежде и продолжают существовать позиции и подходы, которые отказывают югославянским народам в праве считаться полноправными участниками политических процессов в новой и новейшей истории. Стоит указать, что даже некоторые российские правители в определенные периоды недооценивали балканских славян как равных, рассматривая их в качестве «младших» братьев, которым отводилась роль инструмента внешней политики России в Юго-Восточной Европе. Ход и итоги Балканской войны 1912 года стали ощутимым доказательством зрелости славянских государств и мощи их вооруженных сил. Сами же войны являлись не просто шагом к мировому конфликту, но и важным этапом в развитии народов, ибо любая война становится проверкой на прочность основ государственности, способности граждан отстаивать ее всеми способами, а армий вести вооруженную борьбу, проявляя все лучшие моральные и профессиональные качества. Эти выводы могут считаться главным итогом осмысления проблем Балканских войн российской историографией.

Список литературы

1. Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. Документы и исследования [Текст]. – М., 1982.
2. Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке [Текст]. – М., 2005.
3. Болгария в XX веке: очерки политической истории [Текст]. – М., 2003.
4. Буняковский, В.В. Балканская война: действия 1 и 3 Болгарских армий [Текст]. – Петроград, 1917.
5. Война и общество в XX в. [Текст]. – М., 2008. – Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.
6. В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 г. [Текст]. – М., 2003.
7. Жебокрицкий, В.А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 гг. [Текст]. – Киев, 1960.
8. Жогов, П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и Первая Балканская война [Текст]. – М., 1969.
9. За балканскими фронтами Первой мировой войны [Текст]. – М., 2002.
10. Задохин, А.Г. Пороховой погреб Европы: Балканские войны XX века [Текст] / А.Г. Задохин, А.Ю. Низовский. – М., 2000.
11. История дипломатии [Текст] / сост. В.М. Хвостов. – М., 1945. – Т. 2.

[9] Модернизация vs. война: человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.

12. Ленин, В.И. Ко всем гражданам России [Текст] // Полн. собр. соч. – М., 1961. – Т. 22. – С. 135–139.
13. Ленин, В.И. Социальное значение сербско-болгарских побед [Текст] // Полн. собр. соч. – М., 1961. – Т. 22. – С. 188.
14. Махров, П.С. Балканская война 1912–13 года (Общий очерк от начала войны до прерыва мирных переговоров) [Текст]. – Севастополь, 1913.
15. Мировые войны XX века [Текст] : в 4 кн. – М., 2005. – Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк.
16. Могилевич, А.А., Айрапетян М.Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., – 1940.
17. Модернизация vs. война: человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) [Текст]. – М., 2012.
18. Петросян, Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки [Текст]. – М., 1990.
19. Пехливанов, И. Балканская война. 1912–1913 [Текст]. – СПб., 1914.
20. Писарев, Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны [Текст]. – М., 1986.
21. Разин, Е.А. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914–1918 гг [Текст]. – М., 1939. – Вып. 4.
22. Рябинин, А.А. Балканская война [Текст]. – СПб., 1913.
23. Троцкий, Л.Д. Армия победителей [Текст] // Киевская Мысль. –1912, 6 декабря. – № 338.

А. Малиновский

АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА БОСФОРЕ И ДАРДАНЕЛЛАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена различным аспектам российско-британского дипломатического взаимодействия по поводу статуса Черноморских проливов на рубеже вв. Рассмотрены главные факторы и международные события, влиявшие на отношения России и Британии в зоне проливов.

Россия, Великобритания, Босфор, Дарданеллы, дипломатия.

ANGLO-RUSSIAN RIVALRY OVER STRAITS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The article deals with various aspects of diplomatic interactions between Russia and Great Britain concerning the Black sea straits at the turn between XIX–XX centuries. We analyze the key factors and international events that influenced Russia – Great Britain relations in the Straits area.

Russia, Great Britain, Bosporus, Dardanelles, diplomacy.

Составной частью соперничества британской и российской дипломатии являлся вопрос о черноморских проливах, который сохранял свою остроту и в период борьбы за передел сфер влияния накануне Первой мировой войны. Но подходы Великобритании к этой проблеме в конце XIX – начале XX века изменились.

От традиционного стремления к единоличному контролю над проливами британская дипломатия перешла к признанию возможности ведению переговоров о возможном изменении режима черноморских проливов с учетом интересов России.

Во время попытки британского правительства вмешаться в дела Османской империи, после устроенной ее властями в августе 1894 года массовой резни армянского населения, они были вполне традиционны. Появившейся в феврале следующего года британский проект реформ в населенных армянами провинциях был поддержан Россией и Францией, но холодно воспринят государствами Тройственного союза, в особенности Германией. Австро-Венгрия 1 ноября 1895 года выступила с предложением о совместной военно-морской демонстрации европейских держав у черноморских проливах. Премьер-министр Великобритании Роберт Артур Солсбери предпочитал послать в проливы только британские корабли, не допуская участие в этом демарше русского флота. Но британское Адмиралтейство возражало против этой акции, опасаясь возможной блокады своей эскадры российскими кораблями со стороны Босфора и французскими – у Дарданелл [10].

В Санкт-Петербурге и Константинополе возможность появления английских кораблей в черноморских проливах вызвала глубокую озабоченность. Она была вполне оправдана, поскольку проект Солсбери означал значительное усиление британского флота в восточной части Средиземного моря. Султан Абдул Гамид II дал понять послу России А.И. Нелидову то, что он готов обсуждать с Россией возможность совместной обороны Дарданелл. Это предложение не встретило поддержку у царских дипломатов, которые из-за ситуации на Дальнем Востоке стремилось избежать ухудшения отношений с Лондоном из-за активных действий в Черноморских проливах. Министр иностранных дел России князь А.Б. Лобанов-Ростовский информировал Лондон, что в случае появления британских военных кораблей в проливах флот России будет вынужден предпринять адекватные односторонние действия у Босфора для защиты торговли на юге России [11].

Великобритания, не получив поддержки со стороны других великих держав, отказалась от военно-морской экспедиции к Дарданеллам, но была готова в августе 1896 года усиливать давление на Турцию. Недавно вступивший на престол император Николай II, который опасался, что за этими планами стоит стремление к разделу Турции, посетил в сентябре королеву Викторию в шотландском замке Балморал. Здесь состоялась его встреча с премьер-министром Солсбери, который осторожно высказался о возможности уступок России по вопросу о Черноморских проливах в обмен на признание английского господства в Египте. Николай II, опасаясь ухудшения отношений с Францией и Турцией, не принял британские предложения, но пообещал поддержать инициативы Солсбери по реформированию Османской империи, детали же предложил обсудить с послом России в Лондоне [12].

Но российские дипломаты смогли отговорить императора от продолжения русско-британских консультаций, который он дал в Балморале. В декабре 1896 года

---

[10] Grenville J. A. Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century. L., 1964. P. 30–32.

[11] Tanty M. Bosfor i Dardanele w polityce wielkich mocarstw. Warszawa, 1982. S. 260.

[12] Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrag des Auswärtigen Amts hrsg. // von J. Lepsius, A. M. Bartholdy, F. Thimme, 1–40. B., 1922–1927. T. 22. № 2919, 2920; 12. P. 219, 220.

в правительственных верхах Российской империи возобладала сформулированная русским послом в Константинополе А.И. Нелидовым линия, который в случае обострения ситуации в районе проливов предлагал произвести высадку на обоих берегах Босфора, тем самым закрывая вход в пролив Мраморного моря. В конечном счете, этот проект Босфорской экспедиции остался только на бумаге [13].

В британской политике в этот период стала преобладать тенденция к разделу территории Османской империи. В связи с этим в вопросе о черноморских проливах с 1890-х годов верховное командование британского военно-морского флота начало вырабатывать новую политическую стратегию. Морские эксперты исходили из двух соображений. С экономической точки зрения основные интересы Великобритании в этом районе были связаны с импортом зерна и сырой нефти из России. Со стратегической точки зрения было маловероятно, что существует реальная возможность помешать России военным путем установить свой контроль в проливах. Адмирал сэр Энтони Хоскинс, командующий британским флотом в Средиземном море, считал, что активные действия Черноморского флота России в Босфоре и блокада прохода через Дарданеллы Турцией могут быть поддержаны действиями Франции [14].

Дальнейшим свидетельством формирования новых подходов в политике Соединенного Королевства в отношении черноморских проливов стала британская декларации 1903 года, в которой говорилось о том, что оккупация проливов Россией не нанесет ущерб британским интересам на Средиземном море. Ее появление было тесно связано со сближением с Францией, кульминацией которого стало подписание британо-французского соглашения в 1904 году.

Толчком к появлению британской декларации 1903 году стал проход военных кораблей России через черноморские проливы. Один из четырех российских эсминцев, невооруженный и под коммерческим флагом, 14 января 1903 года, проследовал мимо мыса Золотой Рог в сторону Черного моря. Единственным государством, заявившим официальный протест против нарушения Конвенции о проливах, стало Соединенное Королевство, но оно оказалось в гордом одиночестве, не получив поддержки со стороны Франции и других государств. Еще ранее, в августе 1902 года, британская дипломатия была встревожена посещением султана русским послом И.А. Зиновьевым, в ходе которого обсуждалась возможность прохода через проливы определенного типа военных кораблей России. Первоначально англичане были убеждены, что султан не допустит нарушение Договора [15]. Однако затем они пришли к выводу, что русское-турецкое соглашение в этом вопросе возможно. Генри Лэнсдаун заявил, что Соединенное Королевство будет вынуждено в этом случае обращаться к турецкому правительству с той же просьбой, и надеялся получить поддержку других великих держав [16].

В конце декабря выяснилось, что прохождение военных кораблей России через проливы произойдет в ближайшее время. Тогда О'Коннор 6 января 1903 года заявил султану официальный протест в связи с нарушением существующих договоров, а также потребовал предоставить флоту Британия такую же возмож-

---

[13] Sobczak J. Tak zwana awantura bosforska 1896 roku i problem cieśnin w polityce zagranicznej Rosji // Echa Przeszłości. 2000. Z. 1. S. 105–133, 159, 160.

[14] Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. T. 18. № 2407, 2504; 14. P. 159, 160.

[15] Ibid. T. 24. № 7361.

[16] Ibid. T. 27. № 5654.

ность [17]. Демарш Великобритании встревожели Порту, которая безуспешно обращалась к России с просьбой отказаться от ее первоначальных планов, чтобы избежать возможного появления британских кораблей у стен Константинополь.

Когда об этом стало известно в Париже, министр иностранных дел Т. Делькассе решил не выступать против своего русского союзника, поскольку был уверен, что Россия получить согласие на проход своих корабли через проливы [18]. Действительно, султан 19 сентября 1902 года согласился на открытие проливов для военных судов при соблюдении четырех условиях: 1) на борту судов, не будет никакого оружия; 2) они будут идти под коммерческим флагом; 3) корабли будут проходить друг за другом через каждые 24 часа; 4) соблюдать все формальности, предусмотренные для коммерческих судов [19]. В начале октября, когда британский посол сэр Эдмунд Монсон, представил аналогичные предложения Франции, Делькассе заявил, что не обладает информацией об этом и обратился в Санкт-Петербург с просьбой прояснить ситуацию [20]. Ответ, в котором российская сторона информировала о своих планах отправки четырех новых эсминцев в Черное море, был получен 21 октября. Французское правительство первоначально возражало, но затем смягчило свою позицию, не поддержав поданный в январе 1903 года О'Коннором официальный протест и последовательно игнорируя этот британский демарш [21].

Между 1903 и 1908 годами дальнейшее изменение политики Великобритании по отношению к вопросу о проливах было связано со сменой расстановки сил в Европе, обусловленных подписанием франко-британского соглашения 1904 года и русско-британской конвенцией 1907 года [22]. Сам вопрос о черноморских проливах в этих соглашениях не рассматривался, но изменение британской политики в этом вопросе стало вполне определенными с 1908 года. Это во многом объяснялось как гибелью значительной части русского флота в войне с Японией, так и растущей мощью английского флота на Средиземном море.

Инцидент с проходом военных кораблей России через черноморские проливы в 1903 году заставил Соединенное Королевство и Францию тщательно проанализировать свою политику в отношении проливов. Результатом усилий Т. Делькассе и его сторонники по сближению с Лондоном стало подписание англо-французского соглашения в апреле 1904 года. Оно создало новую ситуацию для Парижа по сравнению с инцидентом 1903 года. Перед ним возникала дилемма. Франция была заинтересована в сохранении союза и с Россией, и с Великобританией, которые расходились в понимании своих интересов в отношении черноморских проливов, к тому же французский бизнес получал огромные прибыли от торговли в Леванте, гарантом которой был султан.

Выходом из этой сложной для формирующейся Антанты ситуации стал принципиальный поворот, который произошел в британской политике в отношении черноморских проливов. Созданный в 1904 году Комитет обороны Импе-

[17] British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office. Confidencial Print. Russia, 1859–1914. Wash., 1983–1989. Vol. 4. № 1. P. 168.

[18] Documents Diplomatiques Français 1871–1914. P., 1929–1957. Seria II. T. 2. № 424–425; 16. P. 84, 85.

[19] Smith I.H. Anglo-Russian Relations and the Dogger Bank Incident 1902–1905. Montreal, 1955. P. 49.

[20] Documents Diplomatiques Français 1871–1914. P., 1929–1957. Seria II. T. 2. № 444.

[21] Ibid. № 450, 451, 453, 454.

[22] Williams B. Great Britain and Russia 1905 to the 1907 Convention // F.H. Hinsley (ed.) British Foreign Policy under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977. P. 133–147.

рии пришел к выводу о том, что контроль России над проливами не будет представлять реальной угрозы для британских интересов. С этого момента Лондон начал использовать проблему черноморских проливов как предмет дипломатического торга и приманку для Санкт-Петербурга [23].

С началом русско-японской войны 1904–1905 годов, которую вели между собой с одной стороны союзник Франции, а с другой стороны – союзник Великобритании, проблема проливов отодвинулась на второй план. В отличие от событий 1903 года на этот раз обсуждение политических салонов было сосредоточено не на фактическом нарушении договоров, регулирующих вопросы проливов, а на потенциальных возможностях нарушения. Для Лондона важной проблемой стала возможность выхода кораблей Черноморского флота России через проливы и дальнейшего движения в Тихий океан для участия в боевых действиях против Японии.

Британская дипломатия не собиралась позволить России игнорировать договоры о черноморских проливах. Уже в январе 1904 года премьер-министр Артур Бальфур рекомендовал министру иностранных дел Г. Лэнсдауну подготовить официальные ноты для отправки в Константинополь и Санкт-Петербурге о том, что Соединенное Королевство готово принять немедленные меры, если соглашения о проливах будут нарушены [24]. В конце месяца ноты, посланные Чарльзом Скоттом в Петербург, несколько дней спустя были получены в Константинополе и Токио [25]. В середине февраля правительство ответило на запрос в палате лордов, что хотя нет никаких доказательств того, что Россия готова пойти на такой шаг, она будет рассматривать такую попытку как серьезное нарушение договоров о режиме проливов. Лэнсдаун предупредил посла Франции в Лондоне П. Камбона, что подобный шаг России может быстро изменить ситуацию в Европе и вызвать непосредственные действия британского флота. Целью этого демарша было заставить французского дипломата оказать влияние на русского посла в Лондоне графа А.К. Бенкендорфа и довести эту точку зрения до сведения Петербурга. В конце апреля Лэнсдаун заявил, что прохождение российских военных кораблей через проливы для участие в военных действиях против Японии не может быть допущено Лондоном [26].Чуть позже он уполномочил О’Коннора заявить султану, что Великобритания ожидает от Порты соблюдения принципов, закрепленным в договорах о проливах, подобно тому, как это делает она сама [27]. Но, несмотря на эти демарши, главным фактором, который помешал кораблям Черноморского флота России пройти через проливы, была их непригодность к длительному плаванию в открытом океане [28].

На дальнейшее развитие англо-русского соперничества в районе черноморских проливов значительное влияние оказало поражение России в войне с Японией. После урегулирования инцидента у Доггер-банки в европейских столицах начали циркулировать слухи о ппредстоящем сближения между Лондоном и Санкт-Петербургом, а также подписание ими соглашения, в которое будет

---

[23] British Documents on Foreign Affairs. Vol. 4. № 65.
[24] Dugdale B. E. C., Arthur James Balfour. First Earl of Balfour. L., 1936. Vol. I. P. 383, 384.
[25] British Documents on Foreign Affairs. Vol. 2. № 285, 286.
[26] Ibid. № 420.
[27] Ibid. Vol. 4. № 56.
[28] Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. № 8270.

включено и положение о режиме проливов. В одном из отчетов, отправленных в Берлин, как на одно из оснований для англо-русского сближения указывалось на сложившийся новый баланс сил по вопросу о черноморских проливах.

Правящие круги Великобритании были в курсе, что другие государства информированы об их осторожных усилиях, направленных на сближение с Россией. В октябре 1905 года министр иностранных дел Эдвард Грей заявил, что британское правительство не предоставит свободу действий России на Ближнем Востоке без подписания соглашения между Лондоном и Санкт-Петербурга. В тоже время посол Великобритании в России Чарльз Хардинг подготовил меморандум, в котором он указал, что изменение статус-кво проливов встретило понимание в Российской империи [29].

Англо-русские переговоры были сложными и утомительными. Лондон пытался убедить партнеров по переговорам принять его предложения о статусе проливов. В январе 1906 года Сесил Спринг-Райс, временный поверенный в делах посольства Великобритании в Санкт-Петербурге, сообщил, что во время одного из разговоров с графом А.К. Бенкендорфом тот указал на трудности для России в инициировании переговоров, которые были связаны с катастрофическими последствиями войны и сложной внутренней ситуацией. Русский дипломат предложил британской стороне для улучшения отношений между государствами подготовить свои предложения по проблеме черноморских проливов. Лондон отверг это предложение, считая, что это будет подрывать его позицию на переговорах [30].

Британская сторона по-прежнему призывала российскую сторону взять на себя ведущую роль в переговорах [31]. Ч. Хардинг, в то время уже заместитель министра иностранных дел, исходя из рекомендаций Э. Грея, предложил обсудить вопрос о статусе проливов, в котором заинтересованы все великие державы, на международной конференции с участием всех заинтересованных сторон. Эту британскую инициативу давно ожидала русская дипломатия. Но и после изменения политики в отношении черноморских проливов в ноябре 1903 года Лондон оставался очень осторожным и избегал конкретных обещаний [32].

Проблеме проливом была вновь поставлена А.К. Бенкендорфом в ходе англо-русских переговоров в середине марта 1906 года. Он считал, что есть общее понимание по отношению к режиму проливов. По словам российского министра, при условии свободы прохода через Дарданеллы проход через Босфор должен быть полностью закрыт для всех, кроме России [33].

Это предложение было малоприемлемо для Э. Грея, который попросил время, чтобы рассмотреть его, понимая, что аргументы, представленные российской стороной, могут вызвать бурю негодования среди британской общественности, в целом враждебно настроенной к Российской империи. В ее глазах Россиская империя была врагом прогресса и либеральных ценностей, а доминирующее положение Санкт-Петербурга в проливах угрожало интересам Британской империи. Грей замечал в письме к Николсон 1 апреля, что он ожидает бурную и неблагоприятную общественную реакцию, поэтому было бы лучше не включать

---

[29] Churchill R. The Anglo-Russian Convention of 1907. Ceder-Rapids, 1939. P. 107, 108; 1. № 64.
[30] British Documents on Foreign Affairs. Vol. 4. № 187.
[31] Gooch G. P. Before the War: Studies in Diplomacy. L., 1936–1938. Vol. 1. P. 307.
[32] Grey E. Twenty-Five Years, 1892–1916. L., 1925. Vol. 1. P. 157.
[33] Gooch G. P. Op. cit. P. 301.

вопрос о Босфоре и Дарданеллах в текст общего соглашения. Такое отношение Лондона вынудили царское правительство пойти в итоге на уступки, которые любой ценой пытался в ходе переговоров избежать А.К. Бенкендорф [34].

Изменение политического курса в отношении черноморских проливов принесло британской стороне ощутимые выгоды. Российская сторона осознала, что проблема господства над проливами не является принципиальной проблемой для достижения соглашения с Великобританией. Возможность созвать международную конференцию по этому вопросу стала актуальной в октябре 1908 года, когда Россия получила обещание о сотрудничестве с Австро-Венгрией. Министр иностранных дел А.П. Извольский надеялся на возможность проведения конгресса великих держав, не только для обсуждения аннексии Боснии и Герцоговины, но и для пересмотра договора о проливах, подписанного в ходе Берлинского конгресса в 1878 года [35].

Эдвард Грей настаивал на том, чтобы еще до начала официальных переговоров была сформулирована общая позиция по ключевым вопросам. Британский министр исходил из того, что если повестка дня этого конгресса будет включать вопрос о статусе проливов, ему придется заново знакомиться с ним и, если это возможно, то донести свою позицию до общественности [36].

Во время посещения А.П. Извольским Лондона 10 октября состоялась его встреча с Греем. Во время двухчасовой беседы Грей пытался убедить своего российского коллегу, что вопрос о режиме проливов следует отложить до достижения отдельного русско-турецкого соглашения, которое возможно позже в более благоприятное для этого время [37]. В то же время Эдвард Грей предупреждал А.П. Извольского, что в случае, если российские военные корабли будут готовы войти через проливы в воды Средиземного моря во время войны, Соединенное Королевство твердо и последовательно выступит против таких действий. Грей утверждал, что британская общественность будет возражать против предоставления поддержки России в случае одностороннего подписания соглашения о проливах. Несомненное влияние на эту позицию оказала популярность младо-турок, которым они пользовались в Великобритании в первые месяцы после прихода к власти, и тот факт, что британское правительство не хотело открыто выступить против них [38].

В то же время Грей заверил партнера по переговорам, что в более благоприятных условиях можно будет обсудить и принять решение по некоторым пунктам соглашения о Босфоре и Дарданеллах с учетом интересов России [39].

В итоге, Лондон в лице Эдварда Грея ограничился при обсуждении вопроса о проливах только обещаниями о возможности достижения договоренности по нему в будущем, разжигая тем самым аппетит потенциального союзника в борьбе с Германией на снятие ограничений для прохода военно-морского флота России через Босфор и Дарданеллы.

---

[34] Buxton R. Europe and the Turks. L., 1907. P. 58 ; David W.D. European Diplomacy in the Near Eastern Question, 1906–1909. Urbana, 1940. P. 116.

[35] Giza A. Bośnia i Hercegowina w dobie tureckiego i austriackiego panowania (1800–1914). Szczecin, 2002. S. 120–131.

[36] British Documents on Foreign Affairs. Vol. 5. № 313, 314.

[37] Ibid. № 37 ; 15. P. 78.

[38] Ibid. № 364.

[39] Ibid. № 387, 388, 393, 394.

Список литературы

1. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office. Confidencial Print. Russia, 1859–1914 [Text]. – Wash., 1983–1989.
2. Buxton, R. Europe and the Turks [Text]. – L., 1907.
3. Churchil, R. The Anglo-Russian Convention of 1907 [Text]. – Ceder-Rapids, 1939.
4. David, W.D. European Diplomacy in the Near Eastern Question, 1906–1909 [Text]. – Urbana, 1940.
5. Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrag des Auswärtigen Amts hrsg [Text] // von J. Lepsius, A. M. Bartholdy, F. Thimme, 1–40. – B., 1922–1927. – T. 18, 22, 24, 27.
6. Documents Diplomatiques Français 1871–1914 [Text]. – P., 1929–1957. – Seria II. – T. 2.
7. Dugdale, B.E.C., Arthur James Balfour. First Earl of Balfour [Text]. – L., 1936. – Vol. I.
8. Giza, A. Bośnia i Hercegowina w dobie tureckiego i austriackiego panowania (1800–1914) [Text]. – Szczecin, 2002.
9. Gooch, G.P. Before the War: Studies in Diplomacy [Text]. – L., 1936–1938. Vol. 1.
10. Grenville, J.A. Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century [Text]. – L., 1964.
11. Grey, E. Twenty-Five Years, 1892–1916 [Text]. – L., 1925. – Vol. 1.
12. Jefferson, M. Lord Salisbury`s Conversations with the Tsar at Balmoral 27 and 29 September 1896 [Text] // Slavonic and East European Review. – 1960. – № 92.
13. Laager, W.L. Russia, the Straits Question, and the European Powers: 1904–1908 [Text] // English Historical Review. – 1929. – Vol. 55.
14. Marder, A.J. The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnough Era 1880–1905. – N. Y., 1940.
15. Monger, G. The End of Isolation. British Foreign Policy 1900–1907 [Text]. – Toronto ; N. Y., 1963.
16. Phillipson, C., The Question of the Bosphorus and the Dardanelles [Text] // C. Phillipson, N. Buxton. – L., 1917.
17. Smith, I.H. Anglo-Russian Relations and the Dogger Bank Incident 1902–1905 [Text]. – Montreal, 1955.
18. Sobczak, J. Tak zwana awantura bosforska 1896 roku i problem cieśnin w polityce zagranicznej Rosji [Text] // Echa Przeszłości. – 2000. – Z. 1.
19. Tanty, M. Bosfor i Dardanele w polityce wielkich mocarstw [Text]. – Warszawa, 1982.
20. Williams, B. Great Britain and Russia 1905 to the 1907 Convention [Text] // F.H. Hinsley (ed.) British Foreign Policy under Sir Edward Grey. – Cambridge, 1977.

Я. Рубаха

БОЛГАРСКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ НАРОДНЫЙ СОЮЗ КАК ГЛАВНАЯ ОППОЗИЦИОННАЯ ПАРТИЯ БОЛГАРИИ (1944–1947 ГОДЫ)

В статье анализируется политическая ситуация в Болгарии в конце Второй мировой войны и в первые годы после ее завершения. Это был чрезвычайно бурный период в истории страны, связаный с началом фундаментальных изме-

нений, означавших обострение внутриполитической борьбы. С 1942 года набирает обороты процесс, конечным результатом которого было расширение и укрепление зоны советского влияния в Центральной и Восточной Европе.

Вторая мировая война, Болгария, Болгарский земледельческий народный союз.

BULGARIAN AGRARIAN PEOPLE'S UNION AS THE MAIN OPPOSITION PARTY OF BULGARIA (1944–1947)

The final stage of World War II and the first years after its completion were an extremely turbulent period in the history of Bulgaria. It was connected with the beginning of fundamental changes which were dictated by the exacerbation of the internal political struggle and gaining momentum since 1942 processes, which the ultimate result was supposed to be broadening and strengthening of the Soviet zone in Central and Eastern Europe.

World War II, Bulgaria, Bulgarian Agrarian National Union.

Последний этап Второй мировой войны и первые годы после ее завершения были очень бурным периодом в истории Болгарии. Это было начало глубоких перемен, продиктованных, с одной стороны, ужесточением внутренней политической борьбы между монархистами, имеющими полную поддержку царя Бориса III и правящими с 1935 года, и демократической оппозицией, а с другой стороны, с усиливающимися с 1942 года процессами, итогом которых должно было стать расширение и укрепление советской зоны в Центральной и Восточной Европе.

В этот период динамичных изменений болгарское народное движение вошло внутренне разрозненным, что было результатом внутреннего трения, достигшего апогея на рубеже 20–30 годов XX века, и на политической сцене было представлено двумя основными группами: Болгарским земледельческим народным союзом (БЗНС) «Александр Стамболийский» и БЗНС «Врабча 1». Несмотря на это деление, традиционно пользующееся в Болгарии поддержкой народное движение занимало видное место среди оппозиционных группировок, требующих восстановить гражданские права и порвать союз с Третьим рейхом. Следует отметить, что, хотя популярность оппозиции среди болгарского населения возрастала в связи с поражениями Германии и приближением Красной Армии к болгарским границам, положение страны на международной арене постепенно усложнялось. Основной проблемой был выбор правильного пути, чтобы Болгария могла выйти из войны при относительно малых политических и территориальных потерях. Возможностей было немного. Одна из них было как можно скорее начать переговоры с западными державами – США и Великобританией – и перейти под их покровительство. Однако усилия правительства Ивана Багрянова и нового коалиционного правительства, сформированного 2 сентября 1944 года с участием оппозиционных партий под руководством деятеля народного движения – Константина Муравиева из БЗНС «Врабча 1», не принесли успеха [1]. Вто-

[1] Jackowicz J. Partie opozycyjne w Bułgarii 1944–1948, Warszawa, 1997. С. 10 ; Kramer M. Stalin, Soviet Policy and the Consolidation of Communist Block in Eastern Block, 1944–1953 // Stalinism Revisited: The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe. Budapest ; N. Y., 2009. С. 22.

рой возможностью было сотрудничество с коммунистами и сформированным ими в 1942 году отечественным Фронтом (ОФ). Эту идею было проще реализовать, так как коммунисты, зная о слабости партии и ее партизанского движения, сами выступали с предложениями о сотрудничестве [2]. Одновременно в Болгарии, в итоге двух десятилетий террора, демократические партии серьезно ослабели и не были в состоянии самостоятельно создать сильные политические центры. Поэтому многие руководители решились на сотрудничество с коммунистами в рамках ОФ, чтобы их «цивилизовать» или использовать для подкрепления собственной позиции на политической сцене. В состав фронта, по инициативе одного из лидеров – Николы Петкова, в конечном счете вошел также БЗНС «Александр Стамболийский».

Фиаско правительственных переговоров с западными союзниками побудило руководство Фронта к захвату власти, тем более что после вступления Красной армии на территорию Болгарии сложилась подходящая ситуация. Восьмого сентября 1944 года, на заседании Национального комитета ОФ было принято решение о захвате власти. В новом коалиционном правительстве под руководством председателя Политического Круга «Звено» Кимона Георгиева БЗНС «Александр Стамболийский» представляли Никола Петков, Асен Павлов, Борис Бумбаров и Ангел Държански [3]. Большинство кабинета составляли члены Болгарской рабочей партии (коммунистов) – БРП(к), которые, получив контроль над ключевыми министерствами, начали строить новую государственную систему по образцу советской. Такие действия вызывали недовольство и критику других политических групп, объединенных Отечественным фронтом. Их руководители полагали свои цели достигнутыми и не намерены были участвовать в осуществлении программы коммунистов, особенно их беспокоил тот факт, что самые важные решения все чаще принимались вне правительства и даже вне Национального комитета ОФ. Конфликт касался полномочий Министерства внутренних дел и Военного министерства и развивался на фоне чистки, проводимой службой безопасности в рядах армии и государственном аппарате [4].

Попытки коммунистов укрепить положение коснулись не только армии. Большое внимание они уделяли также «очистке» политической сцены путем устранения или, по крайней мере, серьезного ослабления политических оппонентов. В частности, это относится к БЗНС, руководство которого не намерено было уступать и вскоре стало одним из столпов антикоммунистической оппозиции в Болгарии. Особое влияние на такое положение дел имело возвращение в страну 24 сентября 1944 года пребывавшего с 1941 года в эмиграции официального председателя БЗНС «Александр Стамболийский» – Георгия Михова Димитрова. Осознавая популярность Союза среди крестьян, он почти сразу начал широкую критику деятельности коммунистов и особенно сопротивлялся господствующему в стране террору и нарушениям гражданских прав. Он использовал тот факт, что БРП(к) не могла позволить себе порвать с народной партией и лишить Отечественный фронт полного контроля над деревней. Одновременно Г.М. Димитров принял меры для восстановления структур Союза [5]. По

[2] Гунев Г. Към брега на свободата или за Никола Петков и неговото време. С., 1992. С. 52.

[3] Ревякина Л. Българската комунистическа партия и Българският земеделски народен съюз (1944–1989 г.) // Изследвания по история на социализма в България 1944–1989. С., 2010. Ч. 2. С. 577–578.

[4] Цветков Ж. Съдът над опозиционните лидери. С., 1991. С. 13.

[5] Moser Ch. A. Dimitrov of Bulgaria. A Political Biography of dr. Georgi M. Dimitrov. N. Y., 1979. P. 54.

его инициативе был созван первый с 1933 года конгресс БЗНС, который проходил 14–15 октября 1944 года в Софии. В ходе заседания было подтверждено его лидерство в партии, и он был избран на пост Генерального секретаря. Кроме того, учрежден Центральный Комитет, в который вошли: Н. Петков, Асен Павлов, Борис Бумбаров и некоторые другие, и принято решение развивать структуры партии. Еще в ноябре 1944 года было проведено много встреч по всей стране, на которых поощрялось единство профсоюза и партии. Результатом быстрого организационного развития были второй съезд БЗНС, состоявшийся 12 октября 1944 года, и большая манифестация народного движения две недели спустя в Пловдиве.

Необычайная популярность Г.М. Димитрова и его бескомпромиссность по отношению к действиям коммунистов побудили их противостоять. С одной стороны, было решено благоприятствовать оставшемуся за пределами ОФ и пользующемуся незначительной поддержкой БЗНС «Врабча 1» и начать пропаганду против БЗНС «Александр Стамболийский», а с другой стороны – добиваться смены председателя Союза. Димитрова должен был заменить Н. Петков, которого коммунисты считали шатким и уступчивым политиком, однако тот не был изначально заинтересован в предложении [6]. В этой ситуации Г.М. Димитров неоднократно заверял о лояльности к Отечественному фронту и идеям рабоче-крестьянского союза, но это не изменило ситуацию. В кампании против него коммунисты пытались использовать советских представителей, работавших в Болгарии в рамках Союзной Контрольной Комиссии [7]. Понимая серьезность ситуации, в ходе заседания Президиума и Верховного Совета БЗНС, который состоялся 18–20 января 1945 года, Димитров подал в отставку [8] и в августе 1945 года покинул страну. Его преемником был выбран Н. Петков, который, вопреки ожиданиям коммунистов, решил отстоять независимость Союза.

В то время произошли существенные изменения и на международной арене, а их пиком была конференция Большой тройки в Ялте в начале февраля 1945 года. В ее ходе была принята так называемая Декларация об освобожденной Европе, которая предполагала право союзников совместно помогать в проведении на территории освобожденных стран демократических выборов [9]. К этой акции коммунисты решили хорошо подготовиться, а главным вопросом стала для них проблема очищения болгарской политической сцены от любых враждебных элементов. С весны 1945 года проводились действия, в том числе против БЗНС, который потенциально считался самой большой угрозой. Потому было принято решение не только очистить ряды народного движения от последователей Г.М. Димитрова, но и подорвать внутреннее единство Союза. Окончательное решение было принято в ходе созванной на 8 мая 1945 года по инициативе БРП(к) конференции БЗНС. В ее ходе удалось удалить из Союза сторонников бывшего председателя и продвинуть политическую линию, представленную сторонником коммунистов Александром Оббовом. Это ознаменовало начало распада партии на две враждебно относящиеся друг к другу, группы. Влияние Н. Петкова, который решительно выступал против вмешательства в дела Союза, неуклонно ограничивалось. В результате действий власти он был удален из редакции печатного

[6] Гунев Г. Указ. соч. С. 61–62.
[7] Jackowicz J. Partie opozycyjne w Bułgarii 1944–1948. C. 33.
[8] Исусов М. Политическите партии в България 1944–1948. С., 1978. С. 95.
[9] Исусов М. Сталин и България. С., 1991. С. 19.

органа Союза – «Знамя земледельцев» и лишен доступа к помещениям и средствам организации, которые были переданы фракции А. Оббова. Несмотря на это, вокруг Н. Петкова очень быстро сосредоточилась большая часть народных активистов, отрицательно относящихся к переменам, продвигаемым коммунистами, что сделало его главной фигурой в болгарской демократической оппозиции. Окончательный разрыв между крыльями БЗНС произошел после объявления в середине июня 1945 года срока парламентских выборов, которые должны были состояться 26 августа. В ходе подготовки фракция Н. Петкова потребовала от властей разрешения издавать свою собственную газету и участвовать в выборах с независимым списком кандидатов от БЗНС. В то же время они выступили с открытой критикой БРП(к) по поводу вмешательства во внутренние дела Союза и попыток разрушить ОФ. Критике подвергались также деятели другой фракции, а затянувшийся спор вскоре перерос в открытый конфликт, который в итоге привел к распаду коалиции. Хотя участие в попытках разрешить конфликт принимали и мирно настроенные деятели БЗНС и коммунисты, находившиеся под советским влиянием (в Москве опасались, что попытки маргинализации группы Петкова могут привести к распаду ОФ, а тем самым дестабилизировать внутреннюю ситуацию в Болгарии [10]), соглашение не было достигнуто. В связи с этим 26 июля 1945 года Н. Петков и его сотрудники направили премьер-министру К. Григореву меморандум, в котором потребовали отложить выборы и провести их под международным контролем. Свою позицию они аргументировали невозможностью проведения свободных выборов в связи с ограничением гражданских прав. Этот шаг был раскритикован БРП(к) и ее союзниками, в том числе фракцией А. Оббова, а подписавшие документ были названы национальными предателями. Результатом было исключение Н. Петкова из партии и лишение его должности министра и поста заместителя премьер-министра, а также окончательный распад БЗНС на две группы, которые стали использовать одно и то же название: БЗНС–Никола Петков и БЗНС–Александр Оббов.

В поисках новых последователей Петков, как лидеры других оппозиционных партий, выступил с критикой антидемократических законов о выборах, представил новую программу, в которой заявил о враждебном отношении ко внутренней политике правительства, к нарушениям конституционных прав и к отсутствию равенства политических партий, и, хотя положение его группы было очень сложным, представил отдельные избирательные списки, в которые вошли политики, не связанные прежде с ОФ, в то же время выдвигая тезис о легитимности отсрочки выборов. Эти действия совпали с дипломатическим наступлением западных держав, к которому привел, в частности, меморандум Петкова. В ноте правительства США, которая была передана в Софию 13 августа 1945 года, содержались призыв к реорганизации болгарских властей и требование соблюдать демократические свободы. Отказ угрожал задержкой заключения мирного договора с Болгарией. В подобном тоне была выдержана британская дипломатическая нота, направлена в Болгарию 21 августа 1945 года, в которой было однозначно заявлено о возможном отказе признать болгарское правительство, избранное в ходе немократических выборов. Несмотря на первоначальное сопротивление, болгарское правительство 24 августа решило отложить выборы,

[10] Исусов М. Сталин и Болгария. С. 18, 22, 25.

и это решение, несомненно, стало большим успехом оппозиции. Победа была очень значительной, потому что болгарские власти решились на частичную либерализацию. В начале сентября 1945 года были официально зарегистрированы оппозиционные партии, и дано согласие на выпуск ими собственных газет, благодаря чему начинающий официальную политическую деятельность БЗНС–Никола Петков 26 сентября представил широкой общественности свой печатный орган «Народно земеделско знаме». В то же время изменения были внесены в избирательную систему, и несколько политических заключенных получили свободу, в том числе бывший лидер БЗНС «Врабча 1» –Димитр Гичев. Нет никаких сомнений, что последнее решение было хорошо продуманным. Поскольку коммунисты знали о том, что Н. Петков пользуется большой популярностью среди членов БЗНС и болгарских крестьян, освобождение Гичева было рассчитано на усложнение ситуации в крестьянском движении, тем более что он решительно заявил о намерении реализовать собственные политические амбиции, используя углубление конфликта между Н. Петковым и А. Оббовым. В то же время Гичев не игнорировал ни одного из остальных лидеров. Во время конференции БЗНС «Врабча 1», которая состоялась 6–8 октября 1945 года, кроме декларации о сотрудничестве с БРП(к) были заявлены действия для воссоединения народного движения [11]. Для этого были созданы два комитета, которые должны были начать диалог с другими группами. Первоначально казалось, что больше шансов на успех будут иметь консультации с поддерживаемой коммунистами партией А. Оббова. Поставленные ими условия объединения на самом деле носили довольно общий характер, и, таким образом, были приемлемыми для лидера БЗНС «Врабча 1». Тенью на эти переговоры ложились постоянные вмешательства БРП(к) и особенно их отрицательное отношение к освобождению других членов правительства К. Муравиева. Больше проблем вызвали переговоры с группой Н. Петкова, что было продиктовано по большей части личными амбициями лидеров. Тем не менее Гичев решил проконсультироваться по условиям сотрудничества с членами партии во время состоявшейся 4 ноября конференции БЗНС «Врабча 1». В ходе конференции были представлены программа и условия будущего сотрудничества между БЗНС и БРП(к) и выбрана состоявшая из 32 человек комиссия, которая должна была продолжить переговоры с Н. Петковым и А. Оббовым. Представлены Гичевым условия, в частности, отказ от попыток установить однопартийное правительство, соблюдение Тырновской конституции и частной собственности, оказались для них неприемлемыми. В то же время они были также отклонены БЗНС–Александр Оббов, но оказались в соответствии с программой БЗНС–Никола Петков. Таким образом, после нескольких изменений они стали основой для объединения, подписанного 10 ноября 1945 года, а созданная на этой основе партия стала использовать название БЗНС–Никола Петков.

Между тем приближались парламентские выборы. Понимая, что совершенные коммунистами изменения имеют лишь поверхностный характер, лидеры оппозиционных партий во главе с Н. Петковым 16 октября подписали заявление о бойкоте выборов, рассчитывая на вмешательство западных держав. Здесь, однако, они просчитались. Хотя американцы отправили в Болгарию миссию, кото-

[11] Исусов М. Политическите партии в България 1944–1948. С. 170.

рая должна была изучить ситуацию на месте, но оппозиционные призывы вмешаться в вопрос о дальнейшем переносе выборов не вызвали особой реакции. Таким образом, выборы были проведены как это было запланировано – 18 ноября. По официальным данным участие в них приняли почти 85 % избирателей, а более 88 % проголосовали за список ОФ. Вне парламента оказались оппозиционные партии, в том числе прежде всего БЗНС–Никола Петков, но это не означало полного отсутствия влияния на власти в Болгарии. Некоторые шансы на участие в правлении давали решения, принятые 27 декабря 1945 года в ходе встречи министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве, которые гарантировали оппозиционным партиям два места в правительстве. Следует, однако, отметить, что по просьбе СССР в заключительной декларации было указано, что эти политики должны быть «способны к искреннему сотрудничеству» [12].

При выполнении этих положений правительство Кимона Георгиева 3 января 1946 года назначило специальную комиссию для переговоров с оппозицией и обратилось к лидерам БЗНС Николе Петкову и Болгарской рабочей социал-демократической партии (объединенной) БРСДП(о) Косте Лулчеву с просьбой выдвинуть делегации, состоящие из трех человек. От имени БЗНС в консультациях должны были принять участие Н. Петков, Георгий Йорданов и Димитр Гичев, но в связи с протестами правительства против участия последнего из них, Союз отправил только своего лидера. Уже во время первого заседания 5 января 1946 года вспыхнул серьезный спор. Он касался условий, при которых оппозиция могла бы быть включена в состав кабинета министров, представленный правительственной делегацией. Переговоры длились несколько дней, но 11 января завершились безрезультатно. В этой ситуации можно было ожидать, что формировать правительство будет только БРП(к) и, возможно, ее спутники. Для решения этой задачи коммунисты должны были хорошо подготовиться и начали действовать только в марте 1946 года, пытаясь разрушить оппозицию. Тринадцатого марта ЦК БРП(к) предложил крестьянскому движению и социал-демократам возобновить прерванные в январе переговоры, надеясь, что их лидеры выдвинут такие условия, которых он не захочет или не сможет удовлетворить. Таким образом, всю ответственность за срыв переговоров можно будет возложить на оппозицию. Переговоры состоялись 26 марта 1946 года, но, как и в первом туре, происходили в напряженной атмосфере. В ходе обсуждения Н. Петков потребовал, в частности, немедленно распустить Народное собрание (НС), создать правительство, которое объявило бы парламентские выборы в соответствии с новой демократической избирательной системой, передать в руки оппозиции Министерство внутренних дел и освободить политических заключенных. Именно такого предлога ждали коммунисты, которые через два дня после отклонения этих предложений прекратили переговоры и 31 марта 1946 года сформировали второй кабинет ОФ под руководством Кимона Георгиева, в состав которого не вошли не только представители оппозиции, но также сочувствующие ей члены Политического Круга «Звено» – Станчо Чолаков и Петко Стайнов.

То, что оппозиционные партии оставались вне правительства, способствовало быстрому укреплению коммунистов в Болгарии. Этому послужило, с одной стороны, усиление преследования противников, а с другой – принятие НС в пе-

[12] Jackowicz J. Partie opozycyjne w Bułgarii 1944–1948. С. 82.

риод с марта по август 1946 года целого ряда законопроектов, направленных либо на привлечение новых сторонников, либо на создание условий для политической борьбы. Одновременно через Болгарию прокатилась волна арестов, результатом которых были сфальсифицированные процессы и долгие сроки тюремного заключения, которые значительно ослабляли деятельность оппозиционных групп. Летом 1946 гоад парламент, в котором доминировали коммунисты, принял два закона, навсегда изменившие болгарскую политическую систему, – закон о проведении референдума о ликвидации монархии и введении Народной Республики и закон о выборах в Великое народное собрание (ВНС), которое должно было принять новую конституцию. Хотя БЗНС отстаивал введение республиканского строя, Н. Петков решительно выступал против идеи введения государственной модели, предлагаемой БРП(к), и вместе с лидерами других оппозиционных партий открыто обвинил коммунистов в стремлении создать однопартийную диктатуру. Несмотря на эти оговорки, БЗНС–Никола Петков в ходе референдума, состоявшегося 8 сентября 1946 года, выступил за отмену монархии, и эта позиция народного движения позволила им создать, наряду с БРСДП(о) и группой независимых интеллектуалов, коалицию под названием «Федерация городского и сельского труда», которая должна была выдвинуть общий список на выборах в Учредительное собрание.

Этот блок не был внутренне однородным и трения появились даже внутри БЗНС–Никола Петков. Разногласия на тему целей и тактики Союза особо заявили о себе во время встречи Верховного Совета БЗНС, который состоялся 15–16 июля 1946 года. В ходе встречи вспыхнул спор между лидерами группы – Д. Гичевым, который предложил выход партии из оппозиции и сближение к БРП(к), и БЗНС – Александром Оббовым и Н. Петковым, решительно выступавшим против какого-либо сотрудничества с коммунистами. Результатом этих разногласий был выход группы Гичева из Союза.

Кристаллизация антикоммунистического блока была враждебно принята коммунистами, которые уже летом 1946 года начали активную пропагандистскую кампанию с целью дискредитации оппозиционных партий, особенно крестьянского движения. Эти действия не принесли ожидаемых результатов, и активно участвующий в полемике с правительством и коммунистами Никола Петков стал бесспорным лидером всей оппозиции. Перед выборами по стране прокатилась очередная волна арестов. Несомненно, это повлияло на результаты выборов в ВНС 27 октября 1946 года, которые закончились решительной победой партий ОФ. Несмотря на провал, оппозиционные партии получили 99 из 465 мест в парламенте, из которых 90 завоевал БЗНС–Никола Петков, что давало теоретическую возможность бороться за форму новой конституции. Но уже во время первых заседаний стало ясно, что влияние оппозиции и на повестку дня ВНС, и на изменения в стране будет незначительным, а правящие коммунисты не намерены идти на уступки. Именно поэтому попытки БЗНС–Никола Петков создать собственный проект конституции и многочисленные дискуссии в ходе заседаний Учредительного собрания оказались бесполезными, и 12 апреля 1947 года ВНС принял конституцию Народной Республики Болгарии в форме, предложенной ОФ.

Такое положение дел было также продиктовано усиленными действиями против оппозиционных групп, которые коммунисты предприняли уже в начале

1947 года. Сигналом для начала этой акции стала глубокая газетная критика условий мирного договора, подписанного 10 февраля в Париже, и оспаривание политических изменений, происходящих в Болгарии, в которых очень активное участие принимал Н. Петков. Эти действия казались коммунистам настолько опасными, что они решились на окончательную расправу с оппозицией. В этой акции были использованы материалы, собранные в ходе проведенного на рубеже января и февраля 1947 года расследования и судебного разбирательства в отношении членов незаконной военной организации «Нейтральный офицер», во время которого обвиняемые сообщили, что к подрывной деятельности их побудили, между прочим, статьи, опубликованные в газете «Знамя земледельцев». Эти показания были использованы против деятеля БЗНС–Никола Петков депутата ВНС Петра Коева. Лишение Коева депутатской неприкосновенности и возбуждение против него 12 июня 1947 года судебного дела стало для руководства Союза серьезным ударом, а данные им показания ударили по всему движению и лично по Н. Петкову. Полученные в ходе расследования доказательства помогли расширить сферу действия против БЗНС, в частности, против ее руководителя. Н. Петков был арестован 5 июня, а в следующие дни были арестованы также другие члены партии. Все это заставило оставшихся еще на свободе деятелей искать способы договориться с коммунистами. Переговоры по этому вопросу с представителями БНР(к) провел 20 и 25 июня 1947 года Христо Стоянов. С 14 июля консультации по этому вопросу проводились с Национальным Комитетом ОФ, что в конечном счете одобрил Верховный Федеральный совет на своем заседании 17–18 июля. В обмен на согласие на проведение независимой политической деятельности, народное движение заявило о лояльности к ОФ, согласилось поддержать государственную политику и отказаться от незаконных методов политической борьбы. В то же время было принято решение удалить фамилию Петкова с названия партии. Несмотря на далеко идущие уступки, декларация Верховного Федерального Совета была признана Национальным комитетом ОФ недостаточной и отклонена. Таким образом, судьба партии была решена.

В первой половине августа был проведен показательный процесс Н. Петкова. Лидер БЗНС был приговорен к смертной казни (через повешение) и казнен 23 августа 1947 года. Два дня спустя состоялся последний акт в процессе делегализации оппозиционного БЗНС. Союз был назван группировкой «реакционной и контрреволюционной», обвинялся в применении в политической борьбе нелегальных и конспирационных методов, после чего был распущен, его имущество и архивы конфискованы. Самая крупная оппозиционная партия в Болгарии перестала существовать.

Список литературы

1. Гунев, Г. Към брега на свободата или за Никола Петков и неговото време [Текст]. – С., 1992.
2. Исусов, М. Политическите партии в България 1944–1948 [Текст]. – С., 1978.
3. Исусов, М. Сталин и България [Текст]. – С., 1991.
4. Ревякина, Л. Българската комунистическа партия и Българският земеделски народен съюз (1944–1989 г.) [Текст] // Изследвания по история на социализма в България 1944–1989. – С., 2010. – Ч. 2.

5. Цветков, Ж. Съдът над опозиционните лидери [Текст]. – С., 1991.
6. Jackowicz, J. Partie opozycyjne w Bułgarii 1944–1948 [Text]. – Warszawa, 1997.
7. Kramer, M. Stalin, Soviet Policy and the Consolidation of a Communist Block in Eastern Block, 1944–1953 [Text] // Stalinism Revisited: The Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe. – Budapest ; N. Y., 2009.
8. Moser, Ch. A. Dimitrov of Bulgaria. A Political Biography of dr. Georgi M. Dimitrov [Text]. – N. Y., 1979.

Н. Симс

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И БРИТАНСКИЕ ЛЕВЫЕ (1917–1920)

В статье рассматриваются различные аспекты влияния русской революции 1917 года на развитие левого движения в Великобритании. Автор подчеркивает неоднозначность подходов лидеров левого движения в Великобритании к оценке результатов революции.

Великобритания, Россия, русская революция 1917 года, тред-юнионы, британские левые.

RUSSIAN REVOLUTION AND THE BRITISH LEFT (1917–1920)

This article discusses the various aspects of the impact of the Russian revolution of 1917 on the development of left movement in the UK. The author underlines the ambiguity of approaches of the left movement leaders to assess the results of the revolution.

United Kingdom, Russia, Russian revolution of 1917, Trade Unions, British left.

The impact of something as distant and far off as the Russian revolution on the English is difficult to gauge because we can never precisely know what was going on in people’s minds, especially when they leave little or no written accounts. The historian can only go on some pamphlets, from the time which provides some testimony to the excitement this event caused for some English men and women who were involved in trying to bring about a socialist future. The words, «soviet» and «Bolshevik» may have pierced public consciousness. Some, (Marxist) historians, like A.L. Morton have created an impression that the Russian revolution had a spectacular impact on the English, others, like Adelman are more sober in their judgement. It seems that the high point of Russia’s revolution spilling over into English life was during the London dockers’ strike, or, rather, refusal to load munitions destined for the Poles who were engaged with the Red, Bolshevik army during Russia’s disintegration into civil and other, wars. This was a highly unusual occurrence and almost defies belief as here were English work men making a political stand, unless they were simply strike-prone. However, this event appears a one-off and despite the revolutionary atmosphere across Europe at the end of the First World War, revolution remained something to be read in the International column of any newspaper in England. Yes, there had been a move

towards an all-out strike in Britain in 1911–1913, averted by the onset of the war and taken up again in 1926, but this was a national affair and not linked to Russia's status as a revolutionary state or not. Much to the chagrin of the likes of Harry Pollitt, almost a socialist from birth, and Krugman, writing in 1967 the History of the Communist Party of Great Britain [1], reform was the means through which the British working man secured his higher wage, better conditions in which he worked, the vote, a less long day, not by manning a barricade. The British had a system of law that worked and the trade union movement operated, successfully within it and had a long tradition of doing so dating back to the latter half of the 19th century. Indeed some trade unions were very comfortable within this system – «New Model» unions – and did not want to rock the boat. Their secretaries benefited from it in status. This was, perhaps, in replica of British society with hierarchies of labour; the more skilled you were the higher you were placed and as such could benefit from being in a particular union which represented you. Why upset this apple cart if the system was working to your favour? Tom Mann, Ben Tillet, John Burns wanted unions that represented the unskilled and saw, with syndicalism the possibility of a new future opening out in which unions played a central part. The ideas of Marx appealed to them, but Marx, Lenin and the Russian revolution were simply not relevant to the average working man who is strange considering that Marx, Engels, Lenin and Trotsky all visited and lived in England and some might say England, or London was the birthplace of communism.

In 1920, when the ship, *The Jolly George*, was to transport munitions – «OHMS Munitions for Poland» [2] to help the Poles fight the Russians in the Russo-Polish war of 1919–1920. The London dockers refused to load the ship as part of, or in sympathy with the «Hands off Russia» Committee, which was a Socialist led movement begun in Manchester in 1919. The Socialists in Britain were fervent about «the first workers' state» and desired an end to the government's intervention in Russia on the side of the Whites against the Bolsheviks. British troops had been stationed at Murmansk and Archangel to defend Allied military stocks and had even become embroiled in skirmishes with the Reds, the Bolshevik side. The Allies in the First World War had been anxious that should the Bolsheviks take power then Russia would cease to play a role in the war, so they supported the Whites. Largely, Britain did this by arming the Whites. The Allies, generally, also sought to have future influence in Russia and believed this might be possible through aiding the winning side. The Poles were in a war of their own against the Bolsheviks, or Russia as a whole as they saw an opportunity to expand their borders in the wake of German retreat. Socialists in Britain saw the Polish endeavour as simply imperialist and desired an Internationalist approach to aid workers- «brothers» – in other lands. Lenin and Tchitcherine had put together «A Message to British Trade Unionists» in 1918, an appeal circulated to British troops at Murmansk, by Bolsheviks said, «For the first time in history the working people have got control of their country. The workers in all countries are striving to achieve this object. We in Russia have succeeded, but we have tremendous difficulties to overcome. We cannot build a new society in a day. We desire to be left alone. Remember this! If the

[1] Krugman J. History of the Communist Party of Great Britain, Volume One: For-mation and Early Years 1919–1924. L., 1968.

[2] White S. Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplo-macy 1920–24. L., 1979. P. 41.

Russian Revolution is crushed the fight for economic freedom will be put back for a hundred years» [3]. Fred H. Peel, the secretary of the London «Hands off Russia» committee wrote, «A great opportunity presents itself thereby to voice the growing working class detestation against the infamous capitalist blockade of Soviet Russia, and the secret conspiracy of the governments to attack her by means of a mercenary Polish army suborned and paid by them» [4].

The rhetorical outrages of the likes of Harry Pollitt must have had some effect for the refusal by the dockers to load The Jolly George is a virtually unique and successful example of industrial action for political reasons in Britain. Perhaps, though, the dockers were prone to strike action anyway because of the casual nature of dock labourers' employment: they had a grievance already. According to Morton this action «caught the imagination of the whole country» and goes on to say the when Lloyd George offered to assist the Poles with British troops he was defeated by the threat of a general strike, by the TUC and the newly fledged Labour Party, but other sources differ. White says that the cabinet had already decided not to pursue further assistance to Russia's Whites even before the «Hands off Russia» committee came into existence and Pollitt himself says, «[that we] were not able to develop the mass movement to the point where the trade unions were prepared to take strike action» [5]. While Churchill was vehemently anti-Communist and desired intervention, others were of the opinion that the ascendancy of a White Russia would lead to Russian imperial expansion, while Lloyd George believed that Kharkov was the name of a general and not a city.

On the ground, opinion was much less effusive than Morton believes. The 1917 Leeds Congress, for example, Morton says, was a «strong» indication of the level of support for the Russian Revolution – «it left no doubt as to the sympathy of the British workers» [6] – and 'more remarkable still was the spectacle of MacDonald and Snowden taking a leading part in the proceedings and helping to pass resolutions in favour of the setting up of workmen's and soldier's councils (or «soviets', to borrow from the Russians), while Adelman claims Macdonald was 'embarrassed» and that the Congress was a «failure». Hobsbawm and Morton both see the end of World War One as an immense opportunity for the Left across Europe, Hobsbawm, says that «it looked as though only a signal was needed for the peoples to rise, to replace capitalism by socialism, and thus to transform the meaningless sufferings of world war into something positive» [7]. Morton says there were strikes across Britain, even amongst the police and mutinies in the army- in Shoreham soon after the armistice [8]. The initial show of patriotism and «war-fever» of 1914 had been replaced by 1916 by a «sullen and silent hostility». Morton says a naval mutiny in Britain was only just averted [9], which seems to be a pre-cursor of revolution as at Kiel and Kronstadt. The French mutinied in the Black Sea to prevent French assistance towards the Whites. World War One was a gift to the Socialists and the Bolsheviks in Russia as the demand for peace or anti-war sentiment could rub off on the Socialist cause. The Independent Labour Party had stub-

---

[3] Pamphlet "Hands off Russia" movement (held at Working Class Movement Library, Manchester).
[4] Ibid.
[5] Ibid.
[6] Morton A.L. A People's History of England. L. 1938. P. 459.
[7] Hobsbawm E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. L., 1994. P. 55.
[8] Morton A.L. A People's History of England. P. 462.
[9] Ibid.

bornly opposed the war. Harry Pollitt had railed against it as a war of imperialists in which the workers would gain nothing, as had Tom Mann and George Lansbury.

This seems to lie at the heart of the development of socialism and trade unionism in Britain. Unusually, Britain had a lengthy history of trade unionism and recognition of them as legal entities (in 1855, when they could register as Friendly Societies, which offered legal protection) yet they were essentially non-political. Existence was increasingly taking the form of those that paid wages and those that lived on them. Certain cities, or districts came to represent purely industrial grounds for their construction – Hobsbawm, cites Middlesborough and West Ham/Poplar for England – where members of the working class would live and work without coming into contact with the non-wage-earning classes [10]. The advent of the motor car underlined the difference between the haves and the have-nots, yet trade unionism in Britain remained stubbornly unrelated to class. Hobsbawm says that this feature of British industrial life was «quite exceptional» and that «between 1867 and 1875 trade unions acquired a legal status and privileges so far reaching that militant employers, conservative governments and judges did not succeed in reducing them or abolishing them until the 1980s.» [11]. Socialists and anarchists got as far as «christening» people as «workers» but that these very same people who up till now had been forgotten sections of the community failed to develop this identity. That is, make it political. The realisation that the class of employers were the main adversary, despite going on strike and organising, did not occur.

Ferguson sees the proletariat dividing into "aristocracies of labour" with skills and «a lumpenproletariat with vices» [12]. The former favouring strikes and collective bargaining over revolution and, hence, securing higher wages, while the latter the gin palace. One had their respectable working men's clubs and trade unions, while the other had music hall and street fights [13]. It is true that the 1889 dockers' strike owed some of its success to the skilled stevedores – «aristocrats of labour» – pitching in with their support. In 1893–1894, Adelman says, new unionism (that is a more radical, syndicalist variety) was in «full retreat» in the face of a counterattack by employers, using «free» (non-unionised) labour to break strikes with police protection. But new unionism survived in municipally owned industries – gas, water, electricity – because stability was essential for their smooth running – it was in the interests of the owners to work alongside labour – and because, blackleg labour was unskilled and could not replace the «craft skills» of, say, the gas workers. A more elitist approach had arrived where collective bargaining was used to better working conditions. When the employers' counterattack led to an attack on the «aristocrats of the trade union world» – coal, cotton and engineering – it lead to political action. The system of law seemed in cahoots with the employers with the Taff Vale case (1900–1901), when the Amalgamated Society of Railway Servants was sued by the company for loss of earnings while on strike. The only way to reverse this disastrous result – damages plus costs, totalling 142,000 – was for a government to change the law to the unions' favour. The result was that the Labour Party became the party of independent labour representation due to a mixture of socialist «permeation» of the unions, the employers' counterattack, ju-

[10] Hobsbawm E. Age of Empire. L., 1987. P. 125–126.
[11] Ibid.
[12] Ferguson N. Civilisation. The West and the Rest. L., 2011. P. 209.
[13] Ibid.

dicial decisions and Liberal weakness and hostility. The mass of workers-miners, dockers, seamen, engineers – were, at once, «converted to socialism», or were at least willing to vote Labour – for fear of losing their traditional unionism. The working class of Britain were more concerned with seeing gains made in law, the «legal route» rather than through revolution. Such was the chosen road for getting the eight hour day. They came round to choosing electoral representation rather than revolution and «direct action» because within England that was the way things were achieved – «increasingly any social group had to pursue its political aims by exerting pressure on the national government, in favour of or against the legislation and administration of national laws» [14]. The events of «Bloody Sunday» in Trafalgar square in 1887 were exceptional.

The mind-set of the majority of the workers seemed replicated in those that had the capacity to lead – Keir Hardie wanted representation via the Independent Labour Party (ILP), desired collective ownership of the means of production but sought reforms and middle class support; the Fabians, radical in their desire to see land and industrial capital owned by the community, disregarded violence as a means to an end; only the Social Democratic Federation (SDF), led by an old Etonian advocated violence and the Socialist League split from them in 1884 due to Hyndman's high handedness. The Labour Representation Committee (formed in 1900) managed to unite various members of this assorted crew- two ILP members, two SDF members, one Fabian and seven trade unionists. Its aim was to «represent working-class interests in parliament; about socialism it was very vague» [15]. From extracting better wages and working conditions through collective bargaining, it was only a short step to extracting the right to vote for the propertyless man – universal suffrage – a return to the demands of the Chartists.

The fact that this revolution had taken place in Russia made no difference to him, «It wouldn't have mattered where this revolution had taken place, Timbuktu or Costa Rica» [16]. Those like Harry Pollitt (1890–1960), Tom Mann (1856–1941), W.P. Coates (1883–1963), John Burns (1858–1943), Ben Tillet (1860–1943), George Lansbury (1859–1940) were all of a certain generation who were born into poverty but managed to escape the mine or the docks or the seas via their union work. These were not «fellow travellers», that is «commitment at a distance which is not only geographical but also emotional and intellectual» [17]. For them the Russian revolution was not an opiate, they were dedicated socialists, who would have continued with their pursuit whether the events in Russia had happened or not. Certainly this was Pollitt's case. Pollitt could not get work during the First World War because of his radical views on the war and was kidnapped by fascists on one occasion to prevent him from speaking at a meeting. Both Pollitt and Mann were tried for Incitement to Mutiny. Pollitt was locked up for twelve months during the General Strike of 1926. Lansbury was jailed in Pentonville, in 1913 for sedition and led a Rates Rebellion in Poplar in 1921. For the likes of Arthur Ransome (1884–1967), who attended Rugby school, and whose father was a history professor, or Beatrice Webb, daughter of a wealthy manufacturer in Lancashire, it was a different social background, but nevertheless proved equally dedicated. Ransome got to know Lenin and Trotsky personally. Beatrice Webb coined the term, «collective bargaining» and with her husband, Sidney, helped the cause by providing the intellectual underpinnings for it, in such works as the History of Trade Unionism. Cau-

[14] Hobsbawm E. Age of Empire. L., 1987. P. 129.
[15] Lowe N. Mastering Modern British History. L., 1984. P. 377.
[16] Ibid.
[17] Caute D. The Fellow Travellers: Intellectual Friends of Communism. L., 1973. P. 4.

te goes on to say that it is possible to be a «fellow traveller» without belonging to the (Communist) Party and that they do not join in «nine cases out of ten». This applies well to the Fabians who were interested in the gradual development of socialism, perhaps because they were not entirely «disillusioned» with what the West had to offer, but, nevertheless had formed a party of their own.

Bibliography

1. Caute, D. The Fellow Travellers: Intellectual Friends of Communism [Text]. – L., 1973.
2. Ferguson, N. Civilisation. The West and the Rest[Text]. – L., 2011.
3. Hobsbawm, E. Age of Empire. [Text] – L., 1987.
4. Hobsbawm, E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991 [Text]. – L., 1994.
5. Krugman, J. History of the Communist Party of Great Britain, Volume One: Formation and Early Years 1919–1924 [Text]. – L., 1968.
6. Lowe, N. Mastering Modern British History [Text]. – L., 1984.
7. Morton, A.L. A People's History of England [Text]. – L., 1938.
8. White, S. Britain and the Bolshevik Revolution. A Study in the Politics of Diplomacy 1920-24 [Text]. – L., 1979.
9. Pamphlet "Hands off Russia" movement (held at Working Class Movement Library, Manchester).

РАЗДЕЛ II

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

В.В. Аболмасов

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируется развитие международных отношений в период между двумя мировыми войнами. Автор делает вывод о том, что непрочность Версальско-Вашингтонской системы связана с нарастанием конфликтов из-за недовольства побежденных стран своим международно-правовым положением.

Первая мировая война, Вторая мировая война, Версальско-Вашингтонская система международных отношений, Европа.

ABOUT THE CONTRADICTIONS OF VERSAILLES-WASHINGTON SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article analyses the development of international relations in the period between the two world wars. The author concludes that the fragility of the Versailles-Washington system is linked to increasing conflict because of dissatisfaction with the vanquished Nations its international legal status.

World War I, World War II, Versailles-Washington system of international relations, Europe.

Проблема непрочности Версальско-Вашингтонской системы международных отношений вызывает значительный интерес у исследователей и в настоящее время. Новый мировой порядок, созданный победителями после Первой мировой войны, существенно отличался от довоенного, основой которого было равновесие в отношениях между четырьмя великими континентальными державами – Германией, Австро-Венгрией, Францией и Россией – в то время как Великобритании принадлежала роль третейского судьи в отношениях между ними, и следуя традиционной политике баланса сил, она принимала то одну? то другую сторону в отношениях между ними. Война и революции разрушили эту политическую конструкцию, в корне изменив соотношение сил в Европе. Германия была повержена. Прекратила существование Австро-Венгерская империя, распавшись на несколько независимых государств. Россия, выпав из коалиции победителей, была охвачена Гражданской войной. Радикально изменилась и политическая карта Европы. Распад трех империй – Германской, Российской и Австро-Венгерской – привел к появлению на ней 9 новых держав: Австрии, Венгрии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, Польши, Чехословакии, Финляндии, государств Прибалтики.

Подводя итоги войны и приступая к созданию новой европейской политической системы, державы-победительницы не пошли по пути восстановления прежней модели континентального равновесия. Напротив, навязанные силой по-

бежденным государствам пять мирных договоров носили ярко выраженный репрессивный характер и имели целью закрепить франко-британское преобладание в Европе на возможно длительный период. Этой же цели, по существу, были подчинены и решения Парижской конференции по территориально-государственному устройству Центральной и восточной Европы. Хотя распад Австро-Венгрии произошел вопреки желаниям Антанты, именно она взяла в свои руки управление этим процессом. При определении границ новых государств победители руководствовались прежде всего собственными геополитическими и военно-политическими целями, зачастую входившими в противоречие с интересами народов, чьими судьбами они распоряжались.

Задавшись целью максимально ослабить Германию, союзники добились, по существу, обратного результата. В геополитическом отношении она скорее выиграла, чем проиграла. На ее восточных и южных границах вместо России и Австро-Венгрии теперь располагались слабые государства – Польша, Чехословакия, к преобладанию над которыми политическая элита Германии будет стремиться уже с конца 1920-х годов по мере преодоления послевоенного экономического кризиса и разрыва дипломатической изоляции.

Отбросив принципы континентального равновесия, державы-победительницы рассчитывали заменить его глобальным равновесием. Решающими гарантиями прочности Версальской системы как мирового международного порядка целом, должны были стать согласованные действия как минимум 3-х ведущих государств Антанты – Великобритании, Франции и США, подкрепленные системой коллективной безопасности и солидарных санкций, предусмотренных Уставом Лиги Наций. Однако отказ США от роли гаранта послевоенного мирового и европейского порядка подрывал его основы. Теперь главная ответственность за поддержание международной стабильности ложилась на плечи Великобритании и Франции. Их политического веса и влияния было не достаточно для решения этой нелегкой задачи. В прямой зависимости от поддержки ведущих держав мира находилась и Лига Наций. Ее деятельность, не подкрепленная их совокупной мощью и авторитетом, не могла быть по-настоящему эффективной.

Серьезным препятствием для создания необходимых гарантий прочности Версальской системы являлись и острые англо-французские противоречия, не позволявшие этим двум державам объединиться для проведения согласованной политики в Европе. Великобритания не захотела отойти от традиционной роли третейского судьи и не пожелала без США в одностороннем порядке ратифицировать подписанный ею ранее с Францией гарантийный договор безопасности. Ввиду этого в Париже было принято решение приступить к созданию в Европе собственной системы военно-политических союзов, получивших впоследствие название «тыловые союзы». С их помощью французы рассчитывали укрепить Версальскую систему изнутри, нейтрализовав угрозы как со стороны Германии и других побежденных государств, так и со стороны основавшейся вне рамок послевоенного урегулирования и враждебной победителям Советской России.

В 1920 году был подписан франко-бельгийский, а 1921 году – франко-польский оборонительный договор. В 1921–1922 годах при активном содействии Франции, Чехословакия, Румыния и Югославия создали военно-политический блок – малую Антанту, направленный на возможную агрессию со стороны Венгрии и Болгарии. В марте 1921 года Румыния и Польша подписали оборонительный договор по защите своих восточных границ, направленный против Советской России.

Франция, встав на путь силового регулирования Версальской системы, по существу стремилась к построению нового континентального порядка, инструментами поддержания которого, помимо ограничительных статей мирных договоров под эгидой Лиги Наций, должны были стать замкнутые на ней военно-политические союзы, призванные сдерживать «антиверсальские» государства.

Тем не менее, справиться с ролью европейского лидера в одиночку Франции было не под силу. Она нуждалась в сильном континентальном союзнике, в роли которого могла выступить только Италия, входившая в группу ведущих держав-победительниц и занимавшая место постоянного члена Совета Лиги. Однако произошедшие в этой стране в начале 1920-х внутриполитические изменения не оставили возможности для создания прочного итало-французского союза. В октябре 1922 года на волне националистических настроений, порожденных итогами Первой мировой войны, к власти в Риме пришли фашисты во главе с Муссолини, выступавшие под флагом борьбы за обретение Италией подлинного великодержавия послевоенного порядка. Постоянно растущие аппетиты фашисткой Италии расшатывали Версальскую систему международных отношений, а сама идеологи фашизма входила в противоречие с заложенными в ее фундамент демократическими принципами.

Таким образом, соотношение сил, сложившееся на континенте уже к началу 1920-х годов, не соответствовало той политической конструкции, которую державы победительницы выстраивали в Париже. Создать в Европе прочный политический порядок им так и не удалось. Значительная группа европейских государств, в числе которых оказались две крупнейшие континентальные державы – Германия и Советская Россия, а также принадлежавшая к лагерю победителей Италия была недовольна послевоенным урегулированием, поставив во главу угла своей внешней политики борьбу за его пересмотр. Главный недостаток Версальской системы – разделение государств на победителей и побежденных – предопределил необходимость серьезной модификации этой системы уже в самом скором будущем. Версальская система международных отношений, в создании которой исключительно активно действовали США, закрепляла это неравенство, была направлена против Германии, Советской России и, в угоду Японии, против Китая. Победители в Первой мировой войне – западные демократии – поделили между собой колонии Германии и владения Турции на Ближнем Востоке. Советскую Россию решили исключить из Европы. Согласно американскому плану, известному под названием «14 пунктов президента Вильсона», ее предполагалось поделить на несколько сфер влияния.

В целом отражением непрочности Версальской системы является нарастание конфликтов из-за недовольства побежденных стран своим международно-правовым положением, которое было закреплено решениями, вынесенными на Парижской конференции, а также в ряде последующих договоров с ними, составивших основу Версальской системы. Эти противоречия впоследствии и привели к началу Второй мировой войны.

Список литературы

1. Горохов, В.Н. История международных отношений. 1918–1939 [Текст]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004

2. Демидов, С.В. Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. [Текст]. – М., 2001.

3. Клеймёнова, Н.Е., Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития [Текст] / Н.Е. Клеймёнова, А.Ю. Сидоров. – М. : Информполиграф, 1995. – 147 с.
4. Системная история международных отношений [Текст] : в 2-х т. / под ред. А.Д. Богатурова. – М. : Культурная революция, 2007. – Т. 1: События 1918–1945 годов. – 477 с.
5. Marks, S. The Illusion of Peace: International Relations in Europe, 1918–1933 [Text]. – N. Y., 2003.

В.В. Аболмасов, И.В. Федорова

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ ГЕГЕМОНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

В данной статье прослеживается становление гегемонистских устремлений США. Рассматриваются факторы, приведшие к росту американского могущества. Большое внимание уделяется основным геополитическим целям, стоявшим перед США, и порядку их достижения. Кратко представлены основные методы, позволившие США установить доминирование в мире после «холодной войны».

США, гегемония, геополитика, Первая мировая война, Вторая мировая война, холодная война.

TO THE QUESTION ABOUT THE ORIGIN OF THE HEGEMONIC TENDENCIES IN THE FOREIGN POLICY OF THE UNITED STATES

This article traces the emergence of US hegemonic ambitions. The factors that contributed to the growth of American power are considered. Much attention is given to the geopolitical goals that the US were facing and to the history of achieving those goals. The principal methods that led to the US dominance in the world after the cold war are represented briefly.

The United States of America, hegemony, geopolitics, World War I, World War II, the cold war.

Становление и развитие политической гегемонии США представляет собой процесс образования неформальной имперской системы, отличающейся от могущественных держав прошлого – традиционных и колониальных империй [1]. Реализации этих устремлений способствовал ряд факторов.

Во-первых, США стали первым крупным государством за пределами евразийского континента. Вследствие чего политические и иные противоречия европейских и азиатских стран не оказывали влияния на развитие страны. В силу этого обстоятельства США не свойственно видеть ограничения собственной мощи.

Во-вторых, государство и общество США складывались заново, без учета предыдущего политического опыта. Первые английские переселенцы, по сути,

[1] Шишков В.В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // Век Глобализации. 2014. №1. С. 133–146.

реализовали идеи эпохи Просвещения по созданию нового мира. Таким образом, политическая, социальная и культурная новизна американской «неформальной империи» стали факторами, определивщими ее претензии и амбиции на исключительное положение среди других политико-территориальных сообществ [2].

Следующий фактор – отсутствие давления со стороны адекватных по силе региональных соперников. США с 1814 года, с завершением войны с Великобританией, «второй войны за независимость», и до XX века не сталкивались с политической конкуренцией со стороны державы, которая могла бы стать равной им по силе и политическому могуществу.

В силу рассмотренных факторов складывающаяся имперская доктрина США утверждала принципы исключительности и мессианства, универсализма и интернационализма, амбиций и экспансии, присущих американскому мировидению [3], а также специфический изоляционизм, требующий от США полного контроля над ходом вещей [4].

Доктрина гегемонизма США складывалась постепенно и нашла выражение в ряде политических документов, официальных заявлений, в трудах известных геополитиков и статьях. В качестве примера можно привести «доктрину Монро», «длинную телеграмму» Дж. Кеннана, «Влияние морской мощи на историю 1660−1783» А. Мэхэна, «Manifest Destiny» Дж. Кеннана, «доктрину Трумэна», «доктрину Эйзенхауэра» и «доктрину Кеннеди». Идеи, которые содержатся в этих трудах, оказали то влияние на американское общество, которое и позволило ему обрести господство и могущество сначала на американском континенте, а затем и во всем мире.

Зарубежный исследователь Дж. Фридман, пишет: «у США есть пять геополитических целей, которые определяют их стратегию. Эти цели постепенно, шаг за шагом становятся все масштабнее, амбициознее и сложнее» [5]. Первая цель – полное господство в Северной Америке. Вторая – устранение любой угрозы США со стороны какого-либо государства Западного полушария. Третья цель – полный контроль над морскими подступами к США и предотвращение любой возможности вторжения с моря; четвертая – полное господство над мировым океаном в целях безопасности и контроля над международной торговлей, а пятая цель – лишение любой страны возможности оказывать сопротивление превосходству США.

Если проследить исторический путь развития США с момента высадки первых переселенцев в 1620 году, то можно увидеть, как последовательно они достигали своих целей. В ходе войны за независимость 1775–1783 годов проявился революционный характер нового политического общества, отразились стремления к модернизации, происходившей в тринадцати колониях. После преодоления разделенности США на Север и Юг в ходе Гражданской войны 1861–1865 годов и Реконструкции Юга 1865–1877 годах США приступили к реализации второй и третьей целей: контролем над западным полушарием и морскими подступами

---

[2] Шишков В.В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. // Век глобализации. 2014. № 1. С. 134.

[3] Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. С. 80–84.

[4] Ливен А. Борьба за душу Америки // Международная политика. 2004. № 5. С. 5–6.

[5] Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М. : Эксмо, 2010.

к берегам США. Постепенно расширяя свои владения на континенте и за его пределами, США увеличили свою территорию в 10 раз уже к 1900 году [6], в чем проявляется стремление к имперскому доминированию. Постепенное расширение зоны влияния в мире и участие в Первой и Второй мировых войнах на стороне держав-победительниц позволили США приступить к переустройству мира, зависимого от американской экономики и политической воли. После Второй мировой войны США вступили в период конфронтации с СССР, который получил название «холодной войны». Основной стратегией американской стороны стало сдерживание. Эта стратегия помимо военной составляющей, воплотилась еще в четырех компонентах. Это экономическая мощь США и запущенная на ее основе глобализация как средство борьбы против СССР; система военно-политических союзов, гарантировавших поддержку США по всему миру; тайные операции с целью подорвать могущество Советского Союза, а также идеологическая борьба против «империи зла», в которой использовались все средства воздействия на людей: телевидение, радио, культурный обмен, паблисити и др. [7]

По мнению историков, для окончательной победы в «холодной войне» США было необходимо проникнуть вглубь Евразии. Евразия является крупнейшим континентом на земном шаре и занимает осевое положение в геополитическом отношении. Сила, которая господствует в Евразии, контролирует два из трех наиболее развитых и экономически продуктивных мировых регионов. Евразия, таким образом, представляет собой шахматную доску, на которой ведется борьба за глобальное господство [8]. Таким образом, проникновение в Евразию стало еще одной геополитической целью США, достижение которой определило победу Америки в «холодной войне».

Все меры, предпринятые США, привели к росту их влияния в Евразии, Европе, Японии и других азиатских государствах, а также государствах Арабского Востока. С распадом СССР началась эпоха безраздельного господства одной державы – США, к концу XX века достигшей своих геополитических целей.

Список литературы

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы [Текст]. – М. : Международные отношения, 2009.

2. Богатуров, А.Д. Истоки американского поведения [Текст] // Россия в глобальной политике. – 2004. – № 6.

3. История США [Текст] : в 4 т. / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М. : Наука, 1985. – Т 2.

4. Ливен, А. Борьба за душу Америки [Текст] // Международная политика. – 2004. – № 5.

5. Полынов, М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР [Текст] // Общество. Среда. Развитие. – 2008. – № 3.

6. Фридман, Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века [Текст]. – М. : Эксмо, 2010.

[6] История США : в 4 т. / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М. : Наука, 1985. Т 2

[7] Полынов М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 3. С. 36–54.

[8] Бжезинский З. Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 2009.

7. Шишков, В.В. Становление и развитие гегемонии США: имперское доминирование и глобализация в XX в. [Текст] // Век Глобализации. – 2014. – № 1.

К.А. Авакян

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена деятельности транснациональных корпораций, появление которых обусловлено процессами глобализации, охватившими мировую экономику. Стремление ТНК оказывать влияние не только на мировую экономику, но и на политику ставит под угрозу роль государства как главного актора международных отношений. Для достижения своей главной цели – получения максимальной прибыли – ТНК используют различные рычаги давления.

транснациональные корпорации, глобализация, инвестиционный режим, транснациональный капитал, мировая экономика.

TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN GLOBALIZATION OF THE WORLD ECONOMY

This article is devoted to the activities of transnational corporations, whose appearance caused by the processes of globalization, covering the world economy. TNCs try to influence not only on the world economy, but also on policy and this fact jeopardizes the state's role as the most important actor of international relations. TNCs use different leverages to achieve their main goal – profit maximization.

multinational corporations, globalization, investment regime, transnational capital, world economy.

Глобализация – относительно новая тенденция развития человечества – проложила путь таким негосударственным акторам мировой политики, как транснациональные корпорации (ТНК), неправительственные организации (НПО), которые вполне независимы и самостоятельны в своей деятельности и способны влиять на международные процессы. Они являются мощным звеном мировой экономики. Появившиеся на мировой арене новые субъекты международных отношений способствуют стиранию границ между экономикой и политикой, делая их прозрачными.

На сегодняшний день многополярность, ставшая реальностью и в экономике, минимизирует возможность появления нового экономического гегемона, так как у крупнейших экономик мира – США, Китая, Японии, ЕС – экономические интересы различаются. По мнению западных аналитиков, на первый план выходит так называемое «столкновение цивилизаций» Хантингтона из-за фактора неравенства, так как «ТНК обеспечивают зависимость остального мира от вышеупомянутых крупнейших мировых экономик» [1]. По мнению другого специалиста,

[1] Huntington S. The Clash of Civilization? // Foreign Affairs. Summer, 1993. P. 22.

американского социолога и представителя неомаркистской парадигмы И. Валлерстайна, мир не станет считаться с данным фактом неравенства. Последствием такого неравенства по Валлерстайну может стать «экономический коллапс» глобального масштаба. По мнению индийского специалиста Гурмита Канвала, «в случае истощения природных ресурсов ТНК крупнейших экономик мира будут стремиться овладеть стратегически важным сырьем, что в свою очередь приведет к еще большему противоборству экономически бедных и богатых стран» [2].

Некоторые специалисты отмечают, что ТНК и процессы глобализации не столько объединяют мир, сколько приводят к его фрагментации. ТНК могут повлиять на изменение процесса мирового развития, так считает и один из виднейших представителей антиглобалистской парадигмы Самир Амин. По его мнению, «деятельность ТНК лишь способствует усилению поляризации на мировом уровне. Основную роль в этом процессе сыграют пять типов монополий:

1) в области технологий;

2) в области международных финансовых потоков;

3) обладающие доступом к природным ресурсам;

4) осуществляющие деятельность в сфере коммуникаций;

5) осуществляющие деятельность в области производства оружия массового уничтожения» [3].

ТНК, по сравнению с национальными компаниями, пользуются большим успехом. У них есть доступ к большему количеству банков, также они обладают информацией о нуждах потребителей, об изменениях в технологической сфере и планах конкурентов. К примеру, нидерландская компания «Филипс» переводит свой бизнес в Юго-Восточную Азию, которую можно считать конкурентным рынком в сфере электроники. «Форд» пользуется популярностью и спросом в Европе, там и концентрируется их производство. К примеру, такие ТНК, как «Дженерал Моторс», «Мицубиси», «Бритиш Петролеум» имеют больший годовой доход, чем некоторые страны.

Основную свою деятельность ТНК ведут в развитых странах. Это можно объяснить сложившимися историческими особенностями и связями, благоприятствующим инвестиционным режимом, наличием в развитых странах хорошей инфраструктурой и другими факторами. Но также растет активность работы ТНК в развивающихся странах. Это объясняется тем, что многие развивающиеся страны проводят меры по либерализации и привлекательности инвестиционной деятельности ТНК, по стабилизации валютно-финансовой среды, налогообложения и валютного курса.

Основная цель ТНК, как известно, – это стремление получить максимальную прибыль, что в свою очередь заставляет руководящие структуры ТНК тщательно наблюдать за деятельностью своих конкурентов. В связи с этим, во многих крупнейших ТНК существуют специальные отделения, которые занимаются разведкой и контрразведкой, формирующиеся из бывших сотрудников ФБР и действующие не хуже, а порой и лучше, чем государственные спецслужбы, не уступая им. Так, например оружием, которое выпускает только одна американ-

---

[2] Kanval G. The New World Order: an Apprisal-1 // Strategic Analysis. 2004. June. P. 365.

[3] Глобализация сопротивления. Борьба в мире / под ред. С. Амин, Ф. Утара. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 237.

ская компания «Дженерал Дайнемикс», можно вооружить армию нескольких государств. Осуществляя свою деятельность в принимающих государствах, ТНК ведут активную политическую деятельность. Они налаживают контакты с руководителями местных партий и местных органов власти для получения большей прибыли и наиболее благоприятного для себя режима; таким образом они могут влиять на политический курс в стране пребывания. ТНК также заинтересованы в военных конфликтах, войнах, государственных переворотах и в сменах правительств в странах Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, в Европе и Азии. Они также осуществляют подкуп и финансирование заговоры против неугодных им правительств. Примером может послужить деятельность компании ИТТ в отношении к правительству Сальвадоре Альенде в Чили.

ТНК стали полноправными объектами мировой политики, часто нарушающими нормы международного права. Они активно принимают участие во всех глобальных процессах: в политике, экономике, в военной, экологической технологической и других сферах. ТНК пытаются взять на себя функции государства, вторгаясь в сферы, которые должны регулироваться последним. ТНК негативно влияют на национальные государства и прежде всего на развивающиеся: они конкурируют с местным компаниям с целью вытеснить их на внутреннем рынке, не давая при этом возможности для развития; из-за свободного перемещения транснационального капитала подрывается стабильность местных национальных валют, и все это приводит к угрозе национальной безопасности развивающихся стран. Следует отметить, что военные конфликты часто происходят именно в тех странах (Ирак, Босния и др.), где по каким-то причинам ТНК не смогли удержать власть экономическим путем или их интересы нарушились.

Но все-таки ТНК можно считать своеобразным «регулятором развития», который предоставляет капиталы, технологию странам, в которых размещается его производство. Такой регулятор необходим ТНК для обеспечения высоких темпов экономического роста, а так же для повышения своей роли не только на экономической, но и на политической арене.

На наш взгляд, ТНК безусловно положительно влияют на развитие мировой экономики, они оказывают большое региональное влияние, обладают большими финансовыми средствами, имеют налаженные контакты с общественностью, также способны влиять на политику, но скорее это продиктовано их основной целью – получением максимальной прибыли, а для достижения этой цели им необходимо принимать активное участие во всех глобальных процессах, а также оказывать свое влияние на все сферы общественной жизни.

Список литературы

1. Бабиков, А.В. Транснациональные корпорации в мировой политике [Текст] // Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – 2005.

2. Глобализация сопротивления. Борьба в мире [Текст] / под ред. С. Амин, Ф. Утара. – М. : Едиториал УРСС, 2004.

3. Дробот, Г.А. Экономические факторы мировой политики: финансы и транснациональные корпорации [Текст] // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 2.

4. Huntington, S. The Clash of Civilization? [Text] // Foreign Affairs. – Summer, 1993.

5. Kanval, G. The New World Order: An Apprisal-1 [Text] // Strategic Analysis. – 2004. – June.

С.М. Аверьянов, С.В. Демидов

ДЖЕЙМС ЭРИК ДРУММОНД – ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЛИГИ НАЦИЙ

В статье анализируется деятельность первого Генерального секретаря Лиги Наций Джеймса Эрика Друммонда. Авторы показывают, как политические убеждения и стиль руководства Э. Друммонда способствовали укреплению престижа Лиги Наций в 1920-х годах.

Лига Наций, Джеймс Эрик Друммонд.

JAMES ERIC DRUMMOND, THE FIRST SECRETARY-GENERAL OF THE LEAGUE OF NATIONS

The article analyzes the activities of the first Secretary General of the League of Nations James Eric Drummond. The authors show how Drummond’s political beliefs and leadership style contributed to the strengthening of prestige of the League of Nations in the 1920s.

League of Nations, James Eric Drummond.

Джеймс Эрик Друммонд, первый Генеральный секретарь Лиги Наций, практически неизвестен в нашей стране. Он не упоминается в первом издании «Истории дипломатии» и мельком 3 раза о нем говорится во втором издании, где совершенно не рассматривается особенности структуры и разносторонняя деятельность Лиги Наций.

Друммонд родился в шотландской аристократической семье, принадлежавшей к клану Друммонд. В 1937 году он наследовал своему сводному брату Уильяму Хантли Друммонду и стал 16-м графом Пертом. Получил образование в престижном Итонском колледже, который окончил в 1895 году с особыми успехами в изучении французского языка, стававшего впоследствии важным инструментом его международной дипломатической карьеры. Вершиной карьеры Друммонда стало пребывание 13 лет в качестве Генерального секретаря Лиги Наций. Прежде чем занять этот престижный пост он служил в качестве личного секретаря различных британских политиков и дипломатов, включая министра иностранных дел Э. Грея и премьер-министра Г.Г. Асквита. В 1918 и 1919 годах он был членом британской делегации на Парижской мирной конференции, где занимался разработкой Устава Лиги Наций. В 1919 году по рекомендации лорда Роберта Сесила он принял должность Генерального секретаря Лиги Наци. Еще в 1915 году, поддерживая идею создания международной организации, был вовлечен в переговоры относительно Лиги Наций. Он был опытным дипломатом и заслужил блестящую репутацию за 19 лет работы в Форин Оффис, что делало его кандидатуру лучшей из всех возможных. После некоторых первоначальных сомнений, вызванных беспокойством по поводу организации Лиги, Друммонд наконец принял предложение. Пленарное заседание Парижской мирной конференции 28 апреля 1919 года утвердило назначение Друммонда в качестве первого Генерального секретаря Лиги Наций.

Одной из главных задач Генерального секретаря было создание постоянного и поистине международного Секретариата. До тех пор подобной практики почти не было, все довоенные секретариаты в основном были национальными по своим задачам и составу. Поэтому создание международной гражданской службы шло не без проблем, порой высшие чиновники выражали опасение, что такой орган никогда не будет эффективно работать в единстве и доверии. Тем не менее к августу 1920 года. Секретариат был полностью сформирован. Персонал был составлен из представителей более чем тридцати стран, которые различались по языку, религии и квалификации и были назначен Лигой, а не национальными правительствами. Это подчеркивало разницу между новой международной организацией и предыдущими национальными секретариатами. Секретариат состоял из семи отделов: отдел мандатов, финансово-экономический отдел, отдел для транспорта и связи, социальный отдел, политический отдел, юридический отдел и международное Бюро.

Стиль руководства Друммонда может быть назван консервативным, сказывался опыт его подчиненного положения в британском внешнеполитическом ведомстве. Не будучи крупным политическим деятелем, он не стремился превратить должность в отражение своей личности, его вполне устраивала роль номинального главы Лиги Наций, а главной заботой стало создание административных подразделений организации. Друммонд предпочитал не рисковать обострением отношений, назначая на руководящие посты в Лиге Наций только тех представителей, которые поддерживали свои собственные правительства, и давал эти посты только представителям ведущих держав. Он проявлял обстоятельность в рассмотрении различных текущих вопросов, относясь к исполнению своих обязанностей очень серьезно. Он читал все документы, что поступали в Секретариат, и часто созывал заседания для обсуждения различных проблем, встречался с членами правительств различных государств, с которыми ему удалось установить контакт путем их назначений в Лигу Наций. Друммонд таким образом получал массу конфиденциальных сведений из различных правительственных, а также неправительственных источников и стал доверенным лицом различных политических деятелей во всем мире.

Стараясь избегать общественного и политического внимания, несмотря на важность своей должности, Друммонд все же считался весьма влиятельной фигурой политического закулисья первого послевоенного десятилетия. Его готовность оставаться «в тени» часто преследовала цель успокоить различные государства либо была следствием отсутствия поддержки со стороны других правительств. Примером может служить его взаимодействие в 1920-е годы с Бенито Муссолини, который создавал много проблем своими внешнеполитическими авантюрами на Балканах и в Африке. Друммонд не мог публично осудить действия Муссолини, так как не рассчитывал получить поддержку Великобритании и Франции и хотел сохранить хорошие отношения с Италией; это была одна из причин среди многих, которые создавали о нем впечатление как о слабом лидере.

Давая оценку его деятельности, необходимо рассматривать ее в рамках институтов, которые существовали тогда, и тех ограничений, которые он испытывал, а также принимать во внимание его приверженность либеральной идеологии, особенности воспитания и черт характера. Его руководство может оцениваться по двум направлениям: традиционные политические вопросы, касающиеся безопас-

ности и национального суверенитета, и менее острые технические вопросы. В отношении обеспечения безопасности в мире Лигой Наций роль Друммонда обычно оценивается как несущественная, особенно во второй половине его пребывания на посту. Этому способствовала не прекращавшееся соперничество великих держав, в частности Великобритании и Франции, а также во многом отягощенный империалистическими пережитками XIX века орган, непосредственно отвечавший за безопасность – ее Совет. Хотя его прагматичный и конструктивный подход привел к некоторым успехам в первые годы существования Лиги, его роль считается недостаточной, когда рассматривается Маньчжурский кризис. Его участие в формировании организационной инфраструктуры в таких областях, как решение проблемы беженцев, определение режима меньшинств, мандатная система может рассматриваться в более позитивном свете, поскольку в течение первой половины 1920-х годов в этих областях были достигнуты некоторые успехи, также как во время Польско-Литовской войны 1920 года, греко-болгарского конфликта в 1925 году, войны между Колумбией и Перу в 1932–1933 годы, войны между Боливией и Парагваем 1932–1935 годов. Друммонд был частью международной технократической элиты экспертов, которая занималась выработкой международных стандартов в области здравоохранения, вопросов регулирования трудовых отношений, сбора и обмена статистической информацией, развивая дух интернационализма при решении этих многочисленных «технических проблем».

Идеалы, лежащие в основе деятельности Секретариата и тех, кто работал там, соответствовали пониманию бюрократии Вебером в духе протестантско-светского рационализма и отвечали идее неполитического, нейтрального, эффективного и действенного бюрократизма. Как отмечал сам Друммонд, «проблемы почти всегда решаются не теми, к кому обращены взоры публики и ее ожидания, в основном деятельность, скрытая от широкой общественности, осуществляемая за кулисами, часто становится главным фактором достигнутого успеха». И хотя полностью избежать политизации деятельности Секретариата Лиги Наций не удалось, он признавался современниками высокоэффективно действующим международным органом, во многом став прообразом будущих структур ООН. Хотя обращение Друммонда с политическими задачами Лиги подвергается критике как чрезмерно осторожное, ему не откажешь в смелости при решительных действий, необходимых для поддержания авторитета Лиги. После завершения его полномочий в Лиге Наций он стал британским послом в Риме (1933–1939), а позже – главным советником по международным связям в Министерстве информации (1939–1940). В 1946 году он стал и оставался до своей смерти в 1951 году заместителем лидера либеральной партии в палате Лордов.

Ю.Г. Акимов

ОТНОШЕНИЯ КВЕБЕКА И ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРВОГО РЕФЕРЕНДУМА О СУВЕРЕНИТЕТЕ (20 МАЯ 1980 ГОДА)

В статье рассматриваются отношения Квебека и Франции в период от прихода к власти Квебекской партии (1976) до проведения первого референдума

о суверенитете Квебека (1980). Особое внимание уделяется позиции, занятой Францией по отношению к суверенистскому проекту. Анализируются заявления французских лидеров по «квебекскому вопросу» и провозглашенная ими политика «невмешательства и небезразличия».

Квебек, сепаратизм, первый референдум о суверенитете, парадипломатия, Франция, квебекско-французские отношения, политика «невмешательства и небезразличия».

QUÉBEC-FRANCE RELATIONS
BEFORE THE FIRST QUÉBEC REFERENDUM (20 MAY 1980)

The Article deals with Quebec–France Relations from the assumption of office Parti Québécois government in 1976 till the first Quebec referendum in 1980. Special attention is given to the France's attitude towards sovereignty project. It analyses French leaders' approaches to the "Quebec question" and their "ni-ni" («non ingérence, non indifférence») doctrine.

Quebec, Separatism, First Referendum, paradiplomacy, France, Quebec–France relations, «ni-ni» policy.

Семидесятые годы XX века стали новым этапом в национальном движении франко-канад-цев (франко-квебекцев), составляющих подавляющее большинство населения канадской провинции Квебек. В этот период все бóльшую популярность среди них стали приобретать идеи превращения Квебека в суверенное государство, сохраняющее тесные связи (прежде всего в области экономики) с «Остальной Канадой». Выразителем этих идей на политической арене Прекрасной провинции (как часто называют Квебек) стала Квебекская партия (parti Québécois, PQ; отсюда пекисты, péquistes), выдвинувшая проект «Суверенитет–Ассоциация». В 1976 году пекистам под руководством популярного харизматичного лидера Рене Левека удалось впервые в истории Квебека выиграть провинциальные выборы и сформировать правительство. В соответствии с предвыборными обещаниями на 20 мая 1980 года в Квебеке был назначен референдум о суверенитете. В преддверии референдума пекисты стремились заручиться поддержкой своего проекта со стороны международного сообщества. Чрезвычайно важное значение для них имела позиция Франции, страны исторически, лингвистически и культурно тесно связанной с Квебеком. Отношения Парижа и Прекрасной провинции в период, предшествовавший референдуму, будут рассмотрены в данной статье.

«Особое партнерство» Франции и Квебека в его современном виде начало оформляться в 1960-е годы. Это было время «Тихой революции» в Прекрасной провинции и президентства Шарля де Голля в «старой» Франции. Важнейшими вехами в этом процессе стало открытие в 1961 году в Париже постоянного квебекского представительства («Дома Квебека», позднее преобразованного в Генеральную делегацию), заключение в 1965 году отдельного квебекско-французского соглашения о сотрудничестве в сфере образования, провозглашение доктрины Жерэн-Лажуа и, конечно, исторический визит де Голля, в ходе которого он произнес в Монреале знаменитую речь, заканчивавшуюся словами «Да здрав-

ствует свободный Квебек!» [1]. В конце 1960-х – середине 1970-х годов отношения Квебека и Франции продолжали развиваться в целом в поступательном ключе, хотя и были сконцентрированы в основном в области образования, языка, науки и культуры [2].

Приход к власти Квебекской партии и ставшая вполне реальной перспектива суверенитета Прекрасной провинции сразу же создали новую повестку в ее отношениях с Францией. Париж рассматривался пекистами не просто как важный иностранный партнер, но как естественный и привилегированный союзник для будущего суверенного Квебека (плюс как держава, которая первой признает произошедшие в нем изменения). Кроме того, Левек и его сторонники рассчитывали использовать Францию как своего рода трибуну для привлечения на свою сторону мирового общественного мнения.

В этой ситуации особое значение имел визит квебекского лидера в Париж, состоявшийся в ноябре 1977 года. Несмотря на негативное отношение к этому со стороны федерального правительства Канады, Левек был принят во французской столице чрезвычайно тепло. Весьма показательным был тот факт, что провинциальному премьеру были оказаны некоторые почести, обычно полагающиеся только главам суверенных государств. В частности, он был награжден крестом Великого офицера Ордена Почетного легиона (единственным канадским федеральным политиком, удостоенным подобной чести, был премьер-министр сэр Уилфрид Лорье в 1897 году). Левека принимал премьер-министр Раймон Барр. Во время переговоров между ними была достигнута важная договоренность об организации регулярных встреч двух премьеров. У квебекского лидера состоялась продолжительная встреча с президентом Валери Жискар д’Эстеном. В ходе ее французский президент сделал чрезвычайно важное заявление. Обращаясь к Левеку и в его лице ко всем квебекцам, он сказал: «Вы сами, без внешнего вмешательства будете определять путь своего будущего. Вы имеете на это право, и вы способны на это. То, чего вы ждете от Франции <…> это ее понимание, ее доверие, ее поддержка. Вы можете рассчитывать на то, что все это останется с вами на всем протяжении пути, по которому вы решите следовать» [3] .

Здесь мы видим четкое выражение той позиции, которую французское правительство в дальнейшем будет занимать по отношению к Квебеку. Эта позиция получила название «ni-ni» – «невмешательство и небезразличие» («non ingérence, non indifférence») – то есть, с одной стороны, невмешательство во внутренние дела Канады и уважение ее суверенитета, а с другой – явная демонстрация симпатий к Квебеку и прозрачный намек на поддержку его движения к суверенитету.

Очевидно, что это был максимум того, что Левек и его соратники могли ожидать от Франции. Не случайно сам премьер охарактеризовал свой визит как «полностью успешный» [4].

---

[1] Акимов Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2014. Сер. 6. Вып. 2.

[2] Акимов Ю.Г. Внешние связи Квебека при первом правительстве Робера Бурасса (1970–1976): формирование основных направлений современной квебекской парадипломатии // Канадский ежегодник. М.: ИВИ РАН, 2015. Вып. 19.

[3] Le Devoire. 1977. 5 novembre.

[4] Bastien F. Relations particulières: La France face au Québec après de Gaulle. Montréal : Boréal, 1999.

Безусловно, «квебекский фактор» оказывал негативное воздействие на отношения Парижа с федеральным правительством Канады. В конце 1970-х годов они стали весьма натянутыми. Вышеописанный визит Левека в Париж вызвал тревогу и раздражение в Оттаве [5]. Кроме того, между канадским и французским руководством имелись серьезные разногласия по вопросу о развитии международного франкофонного сотрудничества, начавшегося еще на рубеже 1960–1970-х годов. Париж еще со времен де Голля настаивал на том, что «франкофонии без Квебека быть не может», тогда как Оттава не хотела допускать того, чтобы Прекрасная провинция участвовала в деятельности международной организации наравне с суверенными государствами.

В феврале 1979 года Канаду посетил Раймон Барр. Его поездка представляла собой два практически несвязанных друг с другом визита, один – в федеральную столицу, другой – в Прекрасную провинцию. В Оттаве федеральный премьер Пьер Элиот Трюдо говорил о неприемлемости перенесения внутриканадских проблем за границу и призывал французскую сторону к «деликатности» [6]. В то же время пребывание Барра в Квебеке имело символический характер, поскольку подчеркивало «небезразличие» Парижа к разворачивающимся там событиям. На пресс-конференции по итогам визита французский премьер подчеркнул: «Связи между Парижем и Квебеком должны быть чем-то большим, нежели просто обмен мнениями и теоретическими подходами <…> наши отношения должны также стать практическими» [7].

В декабре 1979 года в условиях казавшейся благоприятной политической конъюнктуры правительство Левека приняло решение о проведении референдума о суверенитете. Однако его результат был неудачным для пекистов – проект «Суверенитет–Ассоциация» поддержало только 40 % квебекцев, 60 % проголосовало против. Во Франции такой результат вызвал известную растерянность; в Париже не ожидали столь сокрушительного поражения. Однако в ближайшем будущем французская политика по отношению к Квебеку осталась неизменной, что показал второй визит Левека в Париж в качестве провинциального премьера, состоявшийся в декабре 1980 года. Определенные корректировки произошли только после прихода к власти Франсуа Миттерана в 1981 году.

Список литературы

1. Акимов, Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. – 2014. Сер. 6. – Вып. 2. – С. 146–152.

2. Акимов, Ю.Г. Внешние связи Квебека при первом правительстве Робера Бурасса (1970–1976): формирование основных направлений современной квебекской парадипломатии [Текст] // Канадский ежегодник. – 2015. – Вып. 19. – С. 48–63.

3. Bastien, F. Relations particulières: La France face au Québec après de Gaulle [Text]. – Montréal : Boréal, 1999.

4. Histoire des relations internationales du Québec [Text] / Sous la dir. de S. Paquin avec la coll. de L. Beaudoin. – Montréal, 2006.

---

[5] The Globe and Mail. 1977. 4 November.

[6] Histoire des relations internationales du Québec / Sous la dir. de S. Paquin avec la coll. de L. Beaudoin. Montréal, 2006.

[7] Le Devoire. 1979. 14 février.

5. Le Devoire [Text]. – 1977. – 5 novembre.
6. Le Devoire [Text]. – 1979. – 14 février.
7. The Globe and Mail [Text]. – 1977. – 4 November.

О.С. Акчурина, С.В. Демидов

ЛОРД СЕСИЛ И СОЗДАНИЕ ЛИГИ НАЦИЙ

Статья анализирует роль лорда Р. Сесила в создании Лиги Наций. Третий человек в партии консерваторов, Сесил стал либеральным интернационалистом в силу чисто консервативных причин. Страстный приверженец идеи Лиги Наций, один из ее творцов на Парижской мирной конференции, он посвятил свою долгую жизнь делу укрепления международного мира, часто с большими издержками для собственной карьеры как консервативного политика.

Великобритания, Лига Наций, Р. Сесил.

LORD CECIL AND THE CREATION OF THE LEAGUE OF NATIONS

The article analyzes the role of Lord R. Cecil in the creation of the League of Nations. The third man in the conservative party, Cecil was a liberal internationalist in view of the strictly conservative reasons. A passionate supporter of the idea of the League of Nations, one of its creators at the Paris peace conference, he devoted his long life to promoting international peace, often at great cost to his own career as a conservative politician.

Great Britain, The League of Nations, R. Cecil.

Лорд Роберт Сесил, британский юрист, политик и дипломат, во время Первой мировой войны стал одним из самых горячих сторонников идеи Лиги Наций. Вопрос о зарождении этой идеи и ее общественной поддержке в Великобритании, о британской роли в ее создании остается малоизученным в отечественной исторической науке. Каковы были побудительные мотивы и цели той ожесточенной политической борьбы, которую вел Сесил в защиту идеи Лиги Наций и при отстаивании ее организационных принципов во время практического воплощения в ходе Парижской мирной конференции? Третий по значимости член консервативной партии стал одним из главных архитекторов Лиги Наций, его ревностное служение ей, часто в ущерб своей политической карьере, принесло ему Нобелевскую премию мира в 1937 году.

Приверженность Сесила делу Лиги Наций питалась из различных источников. Первым было мощное влиянием отца, маркиза Солсбери, чья привязанность идеалу «европейского концерта» и вера в возможность заключения некоего всеобщего международного договора в целях обеспечения прочного мира и процветания оказали огромное влияние на образ политического мышления Сесила. Вторым было моральное и религиозное влияние его семьи, заставлявшее Сесила смотреть на дело защиты мира, как на «обязанность христианина». Не

менее важным было то, что его глубокий консерватизм и предвидение разрушительного воздействия войны на традиционные ценности и социальные структуры Европы заставляли его поддерживать различные схемы для предотвращения войны. Это приводило его к мысли о необходимости реформирования международной системы для защиты мира и порядка. В то же время Сесил никогда не был послушным партийцем, он был сторонником принципа свободный торговли, и его интерес к либеральным внешнеполитическим темам значительно подкреплялся его восхищением идеями и личностью Э. Грея, его начальника в Министерстве иностранных дел.

Огромную важность Сесил придавал сотрудничеству с президентом США В. Вильсоном, считая, что оно будет иметь решающее значение для будущей британской политики. Так, например, это явствует из меморандума, представленного им Военному Кабинету 18 сентября 1917 года. Сесил настаивал на необходимости заменить Спринг-Райса в качестве британского посла в Вашингтоне Греем, который будет гораздо лучше ладить с Вильсоном, «Гладстоновским либералом» [1]. Сесил также передавал информацию Уильяма Уайзмена (главы британской разведывательной миссии в США), утверждавшего, что Хаус и президент надеются на тесное сотрудничество с англичанами в области миротворчества, возможно даже на сговор против других держав. Сесил не мог поручиться, насколько правдивой была эта информация, но отмечал, что возможность этого велика, поскольку «помня о том, что, хотя американский народ весьма сильно отличается от нас, как по происхождению, так и по образу мыслей, его правители почти исключительно англо-саксы и разделяют наши политические идеалы». Сесил набросал грандиозное видение будущего Атлантического партнерства, возглавляемого Великобританией: «Соединенные Штаты открывают совершенно новую главу своей истории. В первый раз они принимают участие в международных европейских делах; скоро они начнут понимать, какой огромной мощью обладают; и, если они не сильно отличаются от любой другой нации из существовавших когда-либо, они захотят воспользоваться этой властью. Если они используют ее правильно, она может дать неоценимое благо для человечества; говоря «использовать правильно», я имею в виду использовать в соответствии с нашими представлениями о праве и справедливости. Существует несомненная разница между британской и континентальной точками зрения на международные проблемы. Я не буду пытаться описать разницу, но я знаю, что вы согласитесь с тем, что она существует: мы правы, а континентальные нации, вообще говоря, не правы. Если Америка принимает нашу точку зрения в этих вопросах, это будет означать преобладание нашей точки зрения во всех международных делах» [2].

Заметим, что надежды Сесила на будущее англо-американское партнерство в мировой политике, весьма преувеличенные, разделялись многими важными британскими политиками. То, что проект Лиги Наций был по большей части либеральной идеей, и в основном поддержали его либералы, не мешало Сесилу стать либеральным интернационалистом в силу чисто консервативных причин. Кроме того, Первая мировая война привела не к консолидации Британской Империи, а к усилению центробежных тенденций в ней в виде стремления домини-

---

[1] Fowler W.B. British-American Relations 1917–1918. The Role of Sir William Wiseman. Supplementary Volume to The Papers of Woodrow Wilson. Princeton : Univ. Press, 1969. P. 276.

[2] Cab. 24/26/2074.

онов к независимости. Сохранение прежних лидирующих позиций Великобритании после войны требовала выработать совершенно новый подход к ведению международных отношений. Именно это сделало Сесила страстным приверженцем идеи Лиги Наций, после войны он посвятил остаток своей долгой жизни делу укрепления международного мира, часто с большими издержками для собственной карьеры как консервативного политика.

Список литературы

1. Cab. 24/26/2074.
2. Fowler, W.B. British-American Relations 1917–1918. The Role of Sir William Wiseman. Supplementary Volume to The Papers of Woodrow Wilson [Text]. – Princeton : Univ. Press, 1969.

О.С. Акчурина

«МЕМОРАНДУМ ФОНТЕНБЛО» И БРИТАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ПО ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ ЛИГИ НАЦИЙ

В статье показана позиция Великобритании по вопросу создания Лиги Наций во время Парижской конференции. На основе анализа «Меморандума Фонтенбло» автор делает вывод, что Д. Ллойд Джордж и его ближайшее окружение намеревались строить стратегию безопасности на основе традиционной британской морской гегемонии и защиты империи. «Меморандум Фонтенбло» предлагал стратегию для мира, основанного на либерализме, стратегию, имеющую цель сдерживания французской реакции, а также российского большевизма.

«Меморандум Фонтенбло», Д. Ллойд Джордж, Ж. Клемансо, В. Вильсон, Парижская мирная конференция, Лига Наций.

"FONTAINEBLEAU MEMORANDUM"AND BRITISH POSITION ON THE ESTABLISHMENT OF THE LEAGUE OF NATIONS

The article shows the UK's position regarding the creation of the League of Nations during the Paris conference. Based on the analysis of the Fontainebleau memorandum, the author concludes that D. Lloyd George and his entourage had intended to build a security strategy based on the traditional British maritime hegemony and protection of the Empire. The Fontainebleau memorandum proposed a strategy for peace based on liberalism and designed to contain French reaction as well as Russian Bolshevism.

Fontainebleau Memorandum, D. Lloyd George, Georges Clemenceau, Woodrow Wilson, Paris peace conference, League of Nations.

Столкнувшись в ходе работы Парижской мирной конференции с одновременным кризисом в англо-французских и англо-американских отношениях и растущим призраком большевизма в Восточной и Центральной Европе, Ллойд Джордж удалился 22 марта 1919 года в Фонтенбло, предавшись, как он выразил-

ся, «самым тяжелым сорокавосьмичасовым размышлениям в моей жизни» [1]. Здесь премьер-министр провел первый анализ результатов британской миротворческой стратегии и тактики с декабря 1918 года. С ним в качестве его главных советников были М. Хэнки, Ф. Керр и Г. Уилсон, не было представителей Форрин офис [2]. Основная стратегическая тема, которая возникла из дискуссий 22–23 марта и была воплощена в «меморандуме Фонтенбло» от 25 марта включала предупреждение о том, что суровый мир может бросить Германию в объятия России, в результате чего «вся Восточная Европа окажется вовлечена в орбиту большевистской революции, и в течение года мы можем стать свидетелями зрелища из почти трех сотен миллионов людей, организованных в гигантскую красную армию под руководством германских инструкторов и германских генералов, оснащеную немецкими пушками и немецкими пулеметами и подготовленную для возобновления атаки на Западную Европу» [3]. Для предотвращения этой опасности премьер-министр выступал за мир, основанный на либеральных принципах справедливости, которые могли быть приняты и осуществлены немецким правительством, а также помогут избегать провокаций для будущих войн. Основные части меморандума были адресованы Франции, которой советовалось принять англо-американские гарантии вместо политики территориального расчленения Германии.

Вторая тема консультаций в Фонтенбло была посвящена англо-американским отношениям. Помимо уже обещанных англо-американских гарантий Франции, британские лидеры решили держаться линии жесткого торга по вопросу американской военно-морской программы. Один из самых ранних рабочих документов в Фонтенбло, меморандум Керра и Хэнки, озаглавленный «Интересы Британской Империи», – имел в качестве первого требования «жесткое ограничение германской военно-морской мощи», «соглашение с Соединенными Штатами Америки по военному кораблестроению» [4]. Документ уточнял тактику, которую предполагалось использовать при реализации этого требования: «подписание Пакта Лиги Наций Британской империей будет обусловлено заключением такого соглашения». Эта тактика затем подразумевалась при составлении последующих проектов меморандума Фонтенбло. Меморандум в том виде, каком его получили Клемансо и Вильсон 26 марта, подчеркивал важность создания Лиги Наций в качестве эффективного гаранта международного права и альтернативы большевизму. Но меморандум обуславливал успех любой такой Лиги – и даже само ее создание – предварительным межсоюзническим соглашением о военно-морских и военных ограничениях: «первое условие успеха для Лиги Наций, следовательно, твердое понимание между Британской империей, Соединенными Штатами Америки, Францией и Италией, что не будет соперничества по увеличению флотов или армий между ними. До тех пор, пока этого не будет достигнуто перед подписанием пакта, Лига Наций будет обманом и издевательством. Это

[1] Riddell G.A. Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and After: 1918–1923. L. : Victor Gollancz, 1933. P. 36.

[2] Hankey M. The Supreme Control at the Paris Peace Conference, 1919: A Commentary. L. : George Allen & Unwin, 1963. P. 99–103.

[3] Baker R.S. Woodrow Wilson and World Settlement. N. Y. : Doubleday, Page & Co., 1922. Vol. 1. Garden City. P. 455.

[4] Egerton G.W. Great Britain and the Creation of the League of Nations. Strategy, Politics, and International Organization, 1914–1919. The University of North Carolina Press, 1978. P. 158.

будет рассматриваться, и по праву, как доказательство того, что ее основные создатели и покровители не испытывают уверенности в ее эффективности» [5]. Часть II «Плана условий мира», прилагаемых к «Меморандуму Фонтенбло», содержали еще более зловещее предупреждение Вильсону. Пакт должен был быть «подписан в виде отдельного договора со стороны тех держав, которые к нему допущены», и допущение должно быть объектом целого ряда условий, первым из которых должно стать «соглашение между главными членами Лиги Наций в отношении вооружений, которое положит конец соперничеству между ними» [6].

Принятие этой тактики иллюстрирует общие настроения в отношении проекта Лиги, которые царили в ближайшем окружении Ллойд Джорджа. Действительно, отчеты совещания в Фонтенбло содержат важные откровения о том, как премьер-министр и некоторые его ближайшие советники отзывались о Лиге в частном порядке. Сэр Генри Уилсон, например, говорил, что не имеет никакой уверенности в проекте Лиги. Он утверждал без обиняков, что «строить [международные отношения] на Лиге Наций значит строить на зыбучих песках». В то время как существовала иллюзия, что Лига сможет интернационализировать мир, сэр Генри утверждал, что «в действительности [это] станет механизмом для вмешательства в чужие дела, причем вмешиваться станут третье- или четырехразрядные деятели и десятиразрядные державы» [7]. Генри Уилсон представлял собой крайнюю позицию враждебных Лиге политиков и, вероятно, был единственным, кто дал волю своему сарказму в Фонтенбло. Другие признали важность создания Лиги, но демонстрировали мало уверенности в ее непосредственном вкладе в британскую безопасность. Один из вариантов документа, продиктованный самим Ллойд Джорджем, утверждал, что Лига Наций, несомненно, поможет разрешить послевоенные трудности, но предупреждал, что пройдут «поколения, прежде чем будет создана организация, обладающая необходимыми полномочиями, чтобы диктовать действия независимым нациям, подверженным гневным эмоциям и движимым интересами, а также патриотизмом». Документ предсказал, что Лига вполне может «расколоться на две большие части, так же, как имеют тенденцию к делению все великие парламенты, на враждующие стороны, в первую очередь воюющих на словах, но вам остается добавить только одну букву, чтобы «слова» превратились в «мечи» (you have only to add one letter to make “words” “swords”) [8]. Меморандум Керра и Хэнки имел в набросках условий мира десятый пункт: «должна быть создана Лига Наций для урегулирования международных споров, особенно на начальных стадиях и в целом, чтобы держать малые государства в порядке» [9]. Таким образом, надежды Вильсона, что мирное урегулирование и будущая мировая безопасность будут основаны непосредственно на Лиге Наций, не нашли сторонников в Фонтенбло. Мы видим, что предложение Смэтса от декабря 1918 года о том, что проект Лиги должен служить мостом в разработке англо-американской мировой стратегии к этому времени был вытеснен тактикой Ллойд Джорджа, также сформулированной в декабре, и сводившейся к тому, что Лига должна использоваться в качестве заложника в попытке управлять Вильсоном.

[5] Lloyd George D. The Truth about the Peace Treaties. L. : Victor Gollancz, 1938. Vol. 1. P. 410.
[6] Lloyd George D. Op. cit. P. 412.
[7] Callwell C.E. Field-Marshal Sir Henry Wilson. L. : Cassell & Co., 1927. Vol. 2. P. 176.
[8] Egerton G.W. Op. cit. P. 159.
[9] Ibid. P. 160.

«Меморандум Фонтенбло» предлагал стратегию для мира, основанного на либерализме, стратегию, имеющую цель сдерживания французской реакции, а также российского большевизма. Меморандум также включал стратегию безопасности на основе традиционной британской морской гегемонии и защите империи. Стратегия сохранения военно-морской гегемонии и защиты империи была для Хэнки предпочтительнее атлантизма, Лиги Наций или континентальных обязательств. Содержащий призывы к беспристрастности и справедливости, использующий либеральные принципы самоопределения и разоружения против Франции и Америки соответственно и грозящий погубить проект Лиги ради сохранения военно-морских позиций Великобритании, «Меморандум Фонтенбло» был достоин тактического волшебства Ллойд Джорджа. При этом меморандум произвел обратный ожидаемому эффект и на Клемансо, и на Вильсона.

Список литературы

1. Baker, R.S. Woodrow Wilson and World Settlement [Text]. – N. Y. : Doubleday, Page & Co., 1922. – Vol. 1 : Garden City.

2. Cab. I/28/I5. Final Treaty of Peace.

3. Callwell, C.E. Field-Marshal Sir Henry Wilson [Text]. – L. : Cassell & Co., 1927. – Vol. 2.

4. Egerton, G.W. Great Britain and the Creation of the League of Nations. Strategy, Politics, and International Organization, 1914–1919 [Text]. – The University of North Carolina Press, 1978.

5. Hankey, M. The Supreme Control at the Paris Peace Conference, 1919: A Commentary [Text]. – L. : George Allen & Unwin, 1963.

6. Lloyd George, D. The Truth about the Peace Treaties [Text]. – L. : Victor Gollancz, 1938. – Vol. 1.

7. Riddell, G.A. Lord Riddell's Intimate Diary of the Peace Conference and After: 1918–1923 [Text]. – L. : Victor Gollancz, 1933.

М.Н. Алексеева

АНГЛИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО: ПОПЫТКА СЕПАРАТНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ С ИСПАНИЕЙ (1746 ГОД)

Исследование войны за австрийское наследство является составной частью проблематики международных отношений периода трансформации Вестфальской системы. Представленная статья посвящена одному из многочисленных эпизодов дипломатических переговоров, получившим возможность осуществления в связи с переходом власти в Испании. Английское министерство пытается провести сепаратные переговоры с мадридским двором через посредников, направленных в дружественный Лондону Лиссабон. Однако несогласованность предоставленных посланникам инструкций, нежелание Испании отказываться от территориальных гарантий и отсутствие консенсуса в стане британских союзников, не позволили достичь успеха.

война за австрийское наследство, XVIII век, дипломатия, английское министерство, Бенджамин Кин, переговоры.

ENGLISH DIPLOMACY AT THE WAR OF THE AUSTRIAN SUCCESSION: ATTEMPT OF SEPARETE NEGOTIATIONS WITH SPAIN (1746)

Study War of the Austrian Succession is part of the perspective international relations during the transformation of the Westphalian system. Presented article is devoted to one of the many episodes of diplomatic negotiations, received the opportunity to implement in connection with the transfer of power in Spain. The British Ministry trying to lead separate negotiations with Madrid court through an intermediary aimed in the friendly for London Lisbon. However, the inconsistency of the instructions for the envoys, Spain reluctance to abandon the territorial guarantees and lack of consensus in the camp of the British allies, was not allowed to succeed.

the war of the Austrian succession, XVIII century, diplomacy, English Ministry, Benjamin Keene, negotiation.

К лету 1746 года переговорный процесс при голландском посредничестве между главными сторонами войны за австрийское наследство зашел в тупик. Однако смерть Филиппа V и переход власти к лояльному Великобритании Фердинанду VI давали шанс вывести из войны Испанию. В Европе все ожидали, что это положит конец влиянию Елизаветы Фарнезе, главной защитницы претензий Дона Филиппа в Италии, и испанская политика полностью изменится – будет расторгнуто Семейное соглашение. До настоящего времени все попытки заключения сепаратного мира с Испанией натыкались на трудность, связанную с получением княжества Доном Филиппом. Новый король, как предполагалось, не любил ни мачеху, ни сводного брата, а его жена, португальская принцесса, была воспитана в традиции дружественных отношений с Англией и Австрией.

В Лондоне очередной министерский кризис привел к изменению английской дипломатической тактики. Благодаря вмешательству герцога Ньюкасла было решено отстаивать государственные интересы в переговорном процессе без голландского посредничества. С этой целью в Бреду и Лиссабон были отправлены полномочные представители. Ньюкасл пришел к заключению, что с португальской помощью будет легко разобщить Испанию и Францию, а это сразу заставит Версаль занять более умеренные позиции по вопросу мирного урегулирования. Ньюкасл видел две возможности претворения этого плана в жизнь. Маркиз Табернуга, высланный из Испании как противник Елизаветы Фарнезе, в течение последних восьми лет жил в Англии, где сумел установить близкие отношения сначала с Картеретом, а позже с Ньюкаслом. Он с готовностью согласился поехать в Лиссабон, чтобы завязать диалог с мадридским двором, куда он надеялся вернуться. В то же время Ньюкасл рассчитывал на своего другого друга, Бенджамина Кина, который до войны был английским посланником в Мадриде. Герцог аккредитовал его ко двору Лиссабона с инструкциями использовать Португалию в качестве средства связи с Испанией. Пока результаты этих предприятий не были ясны, Ньюкасл считал, что переговоры в Голландии необходимо продолжать, но при этом избежать любого заключительного урегулирования.

На театре военных действий в Нидерландах особых изменений в 1746 году не произошло. Французские войска еще не вторглись на голландскую территорию, но стояли на зимних квартирах около границы и легко могли ее пересечь.

По-другому складывалась ситуация в Италии. После сражения при Пьяченце в июне и сдачи крепости в августе в итальянской войне произошел перелом. В результате Бурбоны потеряли надежду на получение княжества для Дона Филиппа путем военного захвата. И если бы Австрия обладала большей свободой действий, то у его брата возникли бы серьезные трудности в сохранении короны Неаполя. В Мадриде сложилось мнение, что политика нового двора будет отвечать только испанским интересам, а не французским. В первые месяцы правления Фердинанда VI из испанской столицы поступала скудная и противоречивая информация. Европа ожидала от нового короля полного изменения политики, но Мадрид еще не был готов порвать с Версалем.

В это время начались переговоры в Лиссабоне. В августе 1746 года в Португалию прибыл маркиз Табернуга и убедил испанского посла передать письмо главе правительства в Мадриде Виллариасу, в котором он предлагал свои услуги в качестве посредника на англо-испанских переговорах. Испанцы ответили, что с удовольствием достигли бы соглашения с Англией при условии предоставления княжества Дону Филиппу. Табернуга счел это требование разумным, тем более что Великобритания в обмен на австрийские уступки могла бы восстановить утраченные коммерческие концессии и сохранить Кейп-Бретон.

Прибыв на место в конце сентября, Кин обнаружил, что Ньюкасл поручил ему почти безнадежную миссию. Новости об эвакуации Италии и падении Генуи полностью изменили ситуацию. Ньюкасл отправил дополнительные инструкции в Португалию, где говорилось, что в связи с новыми обстоятельствами никакого владения не может быть предоставлено Дону Филиппу, и Испания должна пойти на мир с союзниками для того, чтобы сохранить корону Неаполя для Дона Карлоса.

Английский дипломат надеялся использовать португальское правительство для связи с Мадридом, но ему помешала предыдущая деятельность Табернуги. Поэтому Кин был вынужден, ознакомив маркиза с новыми инструкциями Лондона, заставить его послать письмо испанскому министру с разъяснением причин отказа во владении для Дона Филиппа и условий обеспечения безопасности Дона Карлоса. Ответ на это письмо мог быть только один – испанская честь задета, и Мадрид не пойдет на сепаратное соглашение с Англией. Вина за столь очевидный провал легла на Табернугу, и Ньюкасл решил впредь не пользоваться его услугами.

Кин был бы в полном тупике, если бы новый испанский посол в Лиссабоне, герцог Сотомайор, не завязал с ним секретную переписку. Но ничего не изменилось, потому что испанцы не могли исключить решение проблемы Дона Филиппа, а англичанин был связан инструкциями не давать никаких обещаний инфанту. Единственное, что Сотомайор мог предложить в этой ситуации – не рассматривать итальянские дела и урегулировать коммерческие споры, из-за которых началась англо-испанская война в 1739 году. Это не устраивало Англию, потому что такое соглашение не разрушило бы союза Испании и Франции. Тем временем в Лиссабон прибыл австрийский посол Розенберг. Его присутствие только усугубило ситуацию. Он был настроен сотрудничать с Кином в отказе от уступки Дону Филиппу, но не соглашался дать гарантии безопасности Неаполя. Такая позиция сделала заключение отдельного соглашения с Испанией абсолютно невозможным.

Переговоры в Лиссабоне обнажили противоречия в подходе к решению итальянских проблем в лагере Вормских союзников. Первоначально разделенные вопросы о княжестве для Дона Филиппа и компенсации территориальных

потерь Австрией оказались связаны воедино. Мария Терезия считала, что Вормское соглашение дает ей право требовать помощи союзников для завоевания Неаполя после освобождения Италии от франко-испанских войск. А если в помощи было отказано, и к тому же австрийские силы были направлены на достижение другой цели, она имела право потребовать от Сардинии вернуть переданные ей территории.

Территориальная проблема Дона Филиппа стала камнем преткновения и на пути отдельного соглашения с Испанией, и для достижения общего мира. Идея Ван дер Хейма об уступке Тосканы провалилась, так как Англия не дала официального одобрения этому предложению, а Австрия решительно отклонила его. В Лондоне решили, что компромиссным вариантом может стать передача инфанту Пармы и Пьяченцы, поскольку так уравнивались территориальные уступки от Австрии и Сардинии. Мария Терезия соглашалась на такой вариант при условии возврата территорий в Ломбардии. Но Карл Эммануил апеллировал к Вормскому соглашению и не собирался приносить жертвы. Из Мадрида и Лиссабона поступило предложение, сохранить за Доном Филиппом Савойю, которая фактически была в его руках. Но союзники гарантировали ее реституцию сардинскому королю. Виллариас указал на Корсику как вариант решения проблемы без жертв со стороны Австрии и со стороны Сардинии, но эта, казалось бы, заманчивая альтернатива, тоже никого не устроила.

Таким образом, дальнейшее сотрудничество между Кином и Розенбергом в Лиссабоне было невозможно. И все же в Европе было широко распространено мнение, что между Испанией и союзниками возможно отдельное соглашение. К концу года стало известно, что Мадрид решил отправить на конференцию в Бреду полномочного представителя Маканаза. Кроме того, в Испании, наконец, произошла смена правительства, и его главой стал известный противник Елизаветы Фарнезе, Карваял. Это укрепило Ньюкасла в надежде, что Испания начнет прямые переговоры с союзниками. Но все было в будущем, а 1746 год не принес ожидаемых герцогом результатов.

Е.В. Алтабаев, С.В. Демидов

ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1922 ГОДУ И ЕЕ ПРОВАЛ

Статья рассматривает итоги всеобщих выборов в Великобритании 1922 г. Анализируя причины неудач либералов на выборах, авторы называют неспособность Г. Асквита и Д. Ллойд Джорджа преодолеть разобщенность, подъем лейборизма и активизацию Консервативной партии.

Великобритания, всеобщие выборы 1922 года, Либеральная партия, Д. Ллойд Джордж.

ATTEMPTED REVIVAL OF BRITISH LIBERAL PARTY IN 1922, AND ITS FAILURE

The article considers the results of the General elections in the UK 1922, Analyzing the causes of failures of the liberals at the election, the authors referred to the

inability of G. Asquith and D. Lloyd George to overcome alienation, the rise of the labor and the intensification of the Conservative party.

United Kingdom General elections 1922, the Liberal party, D. Lloyd George

Единственной интригой всеобщих выборов в Великобритании 1922 года было поведение либералов. Будут ли они выступать единым фронтом после отказа консерваторов от коалиции? Положительный ответ на этот вопрос подразумевал восстановление единства партии, нарушенного борьбой двух лидеров – Д. Ллойд Джорджа и Г. Асквита. Как показали события, вражда оказалась непримиримой. Не дожидаясь предложений независимых либералов, сторонники Ллойд Джорджа ответили отрицательно, объявив в январе о создании Национал-либеральной партии. В феврале Ллойд Джордж сообщил лидеру консерваторов О. Чемберлену, что поддержит консервативное правительство. После исторического собрания консервативной фракции палаты Общин в Карлтон клубе 19 октября, на котором консерваторы решили выступать на выборах отдельно от национал-либералов, группа либеральных министров все же решила поддержать консерваторов, которые выступали за коалицию. Они хотели снова получить их поддержку и были готовы для этого, как и их лидер, предложить им полную поддержку. Только А.М. Монд не согласился с ними и предложил, что либералы должны отделиться от «союзников-тори», которых он считал «обузой».

Но в некоторых округах даже проявление лояльности не могло заставить консерваторов не выставлять своих кандидатов против коалиционных либералов. Казалось, что Ллойд Джорджу придется объявить им войну. К этому в своем письме его призывал и Монд. Он просил его стать «безоговорочным лидером либералов». После составленных списков кандидатов 4 ноября стало очевидно, что Ллойд Джордж не собирался вставать во главе объединенных либералов. Движимый своим инстинктом власти, он считал, что становилось все меньше смысла провоцировать конфликты с консерваторами, используя тактику «око за око». В сложившейся ситуации Ллойд Джордж вынужден был неоднократно держать удар, тщетно пытаясь поддержать своих сторонников в крайне затруднительном положении. В одном округе он критиковал консерваторов за препятствование его кандидатам и тем самым увеличивал шансы лейбористов. В другом округе он критиковал независимых либералов, поддерживая положение консерваторов. В третьем округе он поддерживал не только своего кандидата, но и консерватора. Таким образом, он отказывался воспринимать действительность и определиться с тем тяжелым положением, в котором оказался он и партия. Один из наблюдателей отметил, что «Ллойд Джордж все еще за коалицию, независимо примут его консерваторы или нет».

Единственное, что было ясно из поведения коалиционных либералов и их лидера это то, что ни о каком объединении либералов речи не шло. Пока Ллойд Джордж намеревался ходить за консерваторами с протянутой рукой, независимые либералы не хотели иметь с ним никаких дел. Тем временем их собственное положение также стало совсем шатким. Они затратили столько сил и средств на осуждение режима Ллойд Джорджа и его самого, что теперь было не ясно, как им относиться к консерваторам. Помимо этого им приходилось искать пути решения длительной проблемы с лейбористами. Лейбористская партия была угрозой для любого либерального кандидата, под ударом оказалось переизбрание ос-

новных лидеров независимых, таких как Г. Асквит и Д. Маклин. Тем не менее, они решили не атаковать лейбористов открыто, не совершая тех же ошибок, что и Ллойд Джордж.

Либеральная партия оказалась сильно зажата между основными конкурентами за места в правительстве и не могла предложить оригинальную программу. Основой стала ортодоксальная политика У. Гладстона. Либералы в очередной раз приняли программу, лишенную волнующих и реформистских черт, как у лейбористов, программу, крайне схожую с консервативной. Либералы оказались в положении, когда они изначально не могли обеспечить себе большинство, и Асквит в очередной раз признал поражение, не дожидаясь голосования. Он выразил надежду, что в будущем парламенте все увидят «правительство под контролем сильной оппозиции, которая поможет уберечь страну от опасностей и ошибок».

После выборов 1922 года независимые либералы становились забытой партией на задворках политической жизни страны. Ллойд Джордж решил не играть важной роли из-за положения своих сторонников, а у Асквита не было и выбора. Гарольд Ласки, политический теоретик и влиятельный член Лейбористской партии, предсказывая результаты выборов, писал, что ожидает победы консерваторов, роста лейбористов и исчезновения коалиционных либералов. О положении Асквита и его сторонников он даже не стал упоминать.

Цели на выборах у двух частей партии были разные. Коалиционные либералы хотели удержать за собой места, полученные на выборах 1918 года. Независимые либералы надеялись восстановить хотя бы часть утраченных мест. Ни тот, ни другой план не увенчался успехом. Тактика коалиционных либералов в 1922 году была оборонительной. Они боролись за 163 места, 139 из которых принадлежали «кандидатам с купонами» или тем либералам, кто поддерживал коалицию. Они выставили своих кандидатов против консерваторов только в 9 округах из оставшихся 24. Эта линия поведения оказалась успешной лишь наполовину. Было избрано 53 коалиционных либерала. Самые тяжелые потери были понесены в схватках с лейбористами. Округа, которые раньше были центрами рабочего либерализма и в 1918 году поддержали партию из-за патриотических лозунгов, в 1922 году отдали свое предпочтение лейбористам, даже несмотря на поддержку либералов консерваторами, а может быть, именно поэтому.

Пятьдесят три места для коалиционных либералов можно было считать неплохим результатом. Это было лучше, чем полное исчезновение партии, как предсказывал Г. Ласки, но минусом оставалось то, каким образом были добыты эти места. Они сохранились как анахронизм: коалиционная партия в посткоалиционном мире. Они могли самостоятельно постоять за себя только в Уэльсе, на родине Ллойд Джорджа. Четыре из 8 мест достались либералам в борьбе против консерваторов, а еще на 4 места консерваторы даже не пытались выставить своего кандидата из-за отсутствия шансов. Но практически во всех других округах они шли нога в ногу с консерваторами. Они сохранились, где смогли, в качестве «клиентов» консерваторов.

Судьба независимых либералов, получившим 62 места, была схожей, хотя причины были другие. Несмотря на то, что они не претендовали на места в будущем правительстве, они прилагали серьезные усилия, чтобы восстановить партию как политическую силу. Руководство партии выделило 127 000 фунтов на поддержку своих кандидатов. Тем не менее, даже либеральные газеты сдер-

жанно радовались по поводу результатов выборов и писали о «небольшом оживлении партии», которое ставило ее «на грань восстановления».

Независимые либералы практически удвоили количество мест по сравнению с 1918 годом. Результаты выборов были очевидны. На всех направлениях их шансы на восстановление подрывала лейбористская партия. Они хорошо себя проявили в борьбе один на один с консерваторами или коалиционными либералами, но если вмешивались лейбористы, их шансы резко падали. Если они победили в борьбе за некоторые места при участии трех сторон, то с минимальным отрывом. Хуже всего было то, что их успехи на выборах не обеспечивали партию сильной поддержкой или крепкой избирательной базой в будущем. Они одержали ряд случайных побед в округах, где либеральные традиции совсем отсутствовали. В большинстве их удача была обусловлена крайним отвращением избирателей к прошлому коалиционному правительству, избиратели голосовали не за них, а против сторонников Ллойд Джорджа.

Консерваторы обеспечили себе 344 места и сохранили право на формирование кабинета. Лейбористам досталось 142 места, и они стали главной оппозиционной партией. Они были настроены окончательно вытеснить либералов из традиционной двухпартийной системы.

Н.В. Аронина

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ АФРИКАНИСТИКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье обозначены основные тенденции развития отечественной африканистики на современном этапе.

отечественная историография, современный этап, основные тенденции.

AFRICAN STUDIES IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

The article deals with the main trends of the advancement of African studies in Russia at the present stage.

african studies, the present stage, the main trends.

Последние годы развития отечественной африканистики отмечены довольно существенными переменами. Традиционно важные проблемы не утрачивают своей актуальности, но изучаются в несколько иных ракурсах. Появляются и совершенно новые темы для исследования в свете последних событий, так или иначе сказавшихся на развитии африканских стран.

Большим событием в отечественной африканистике последних лет стало появление коллективного труда под руководством академика А.Б. Давидсона «История Африки в биографиях» [1]. В работе представлены 164 биографии политических и общественных деятелей, поэтов, писателей, философов Тропической

[1] История Африки в биографиях. М., 2012.

и Южной Африки, формировавших историю континента с начала XIX веке до наших дней. В 2014 году вышел в свет сборник «Африка: история и историки», в котором делается попытка объяснить феномен рождения африканской исторической мысли и ее национальных ветвей в их конфликте и взаимодействии с западной исторической традицией [2].

Продолжается исследование процесса колонизации и деколонизации Африки [3]. Значительное место в связи с данной проблемой занимают вопросы самоидентификации независимых народов Африки [4].

Появляются новые статьи в рамках традиционного направления Центра африканских исследований – источниковедения африканской истории [5].

Продолжается изучение актуальных проблем новой и новейшей истории отдельных регионов африканского континента, развития отношений стран Африки с СССР/Россией [6]. Раскрываются отдельные сюжеты истории русской эмиграции в странах Африки в XX веке [7], а также особенности межэтнических браков [8] и проблемы взаимного восприятия африканцев и русских [9].

Активно изучаются в настоящее время на страницах периодических изданий особенности современной политической культуры стран Африки, проблемы формирования гражданского общества, особенности социально-демографического развития стран региона сегодня, современные этнополитические проблемы Африки и их истоки, актуальные вопросы экономического развития Африки. Отдельное внимание уделяется выявлению роли религии в общественно-политической жизни африканских государств. При этом большинство работ посвящено крайне острой на сегодняшней день проблеме исламизации восточных стран и современного мира в целом.

Как отмечает И.Г. Дерягина, ведущая роль сегодня принадлежит прогрессивному взгляду на будущее Африки: авторы размышляют о путях включения

[2] Африка: история и историки. М., 2014.

[3] Винокуров Ю.Н. Африка на пути независимости (1930–1960) // Восток. 2009. № 3 ; Никитин М.Д. Чёрная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005 ; Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. 2015. № 2.

[4] Высоцкая Н.И. Африка в поисках идентичности // Восток. 2005. № 3; она же. Африканская культурная самобытность: преодоление кризиса и развитие межафриканской интеграции // Африка: поиск идентичности. М., 2001.

[5] Иванова Л.В. История Сомали в его блокнотах // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010 ; Курбак М.С. История в романах Дж. М. Кутзее // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010.

[6] Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и Южная Африка: три века связей. М., 2010 ; Макеев Д.А. Россия – Африка: из истории дипломатических и торгово-экономических отношений (первая половина XX века). Владимир, 2011; Малыгина (Аронина) Н.В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX – начале XX века. Владимир, 2005.

[7] Аронина Н.В. «Русский след» в культуре стран Северной Африки: художники и архитекторы в эмиграции (XX век) // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы Круглого стола. Владимир, 2013 ; Аронина Н.В. Российская творческая интеллигенция в эмиграции: художники и архитекторы в Тунисе в XX веке // Интеллигенция и мир. 2013. № 4 ; Горелик Б.М. Российские эмигранты в Южной Африке: 1950–2003 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2004 ; Горячкин Г.В. Русская Александрия: судьбы русских эмигрантов в Египте. М., 2010; и др.

[8] Искандарова И.А. Русские женщины в Тунисе // Африка. Гендерное измерение. М., 2010 ; Крылова Н.Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. М., 2006.

[9] Евсеенко В.И. Об изучении культурно-исторических традиций в поиске взаимопонимания народов России и Чёрной Африки // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010 ; Смилянская И.М., Романова Н.Г. Арабский мир и Россия: изменяющиеся парадигмы взаимного восприятия // Восток. 2009. № 5.

в глобальные процессы на основе сохранения культурной самоидентификации [10]. Появляются работы, посвященные особенностям модернизации стран Востока и Африки в частности, а также перспективам ближайшего развития африканского континента [11]. Одной из острых тем являются события «арабской политической весны», тесно связанные с процессами глобализации [12].

Таковы основные тенденции развития отечественной африканистики на настоящем этапе. Как видно уже из этого краткого обзора, для современной исторической науки характерно обращение к новым проблемам или же исследование прежних, но в несколько иных ракурсах. В целом следует признать, что произошел отход от политико-экономической направленности научных исследований в социально-культурологическую сторону.

Список литературы

1. Аксенёнок, А. Революция: отлив. Куда движется «арабское пробуждение»? [Текст] // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – № 4.

2. Аронина, Н.В. «Русский след» в культуре стран Северной Африки: художники и архитекторы в эмиграции (XX век) [Текст] // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы Круглого стола. – Владимир, 2013.

3. Аронина, Н.В. Российская творческая интеллигенция в эмиграции: художники и архитекторы в Тунисе в XX веке [Текст] // Интеллигенция и мир. – 2013. – № 4.

4. Африка: история и историки [Текст]. – М., 2014.

5. Бирюков, С.В. Патримониализм VS султанизм: «арабская весна» и судьбы «традиционного господства» [Текст] // Восток. – 2013. – № 6.

6. Винокуров, Ю.Н. Африка на пути независимости (1930–1960) [Текст] // Восток. – 2009. – № 3.

7. Высоцкая, Н.И. Африка в поисках идентичности [Текст] // Восток. – 2005. – № 3.

8. Высоцкая, Н.И. Африканская культурная самобытность: преодоление кризиса и развитие межафриканской интеграции [Текст] // Африка: поиск идентичности. – М., 2001.

9. Горелик, Б.М. Российские эмигранты в Южной Африке: 1950–2003 гг. [Текст] : дис. канд. ист. наук. – М., 2004.

10. Горячкин, Г.В. Русская Александрия: судьбы русских эмигрантов в Египте [Текст]. – М., 2010.

11. Гуревич Е.Л. Будущее Африки: борьба новых и старых факторов [Текст] // Восток. – 2012. – № 5.

12. Давидсон, А.Б. Россия и Южная Африка: три века связей [Текст] / А.Б. Давидсон, И.И. Филатов. – М., 2010.

13. Дерягина, И.Г. Особенности отечественной африканистики XXI века: научные подходы и исследовательские новации [Текст] // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. – М., 2010.

---

[10] Дерягина И.Г. Особенности отечественной африканистики XXI века: научные подходы и исследовательские новации // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. М., 2010 ; Саватеев А.Д. Развитие Африки: возможности и перспективы // Восток. 2009. № 1.

[11] Гуревич Е.Л. Будущее Африки: борьба новых и старых факторов // Восток. 2012. № 5 ; Жерлицына Н.А. Страны Африки в глобальной политике XXI в. // Восток. 2015. № 2 ; Саватеев А.Д. Развитие Африки: возможности и перспективы // Восток. 2009. № 1.

[12] Аксенёнок А. Революция: отлив. Куда движется «арабское пробуждение»? // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 4 ; Бирюков С.В. Патримониализм vs султанизм: «арабская весна» и судьбы «традиционного господства» // Восток. 2013. № 6 ; Ланда Р.Г. Арабский мир: конец «эпохи Насера» // Восток. 2012. № 6; он же. Исламизм и арабская «политическая весна» // Восток. 2014. № 1.

14. Евсеенко, В.И. Об изучении культурно-исторических традиций в поиске взаимопонимания народов России и Чёрной Африки [Текст] // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. – М., 2010.
15. Жерлицына, Н.А. Страны Африки в глобальной политике XXI в. [Текст] // Восток. – 2015. – № 2.
16. Иванова, Л.В. История Сомали в его блокнотах [Текст] // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. – М., 2010.
17. Искандарова, И.А. Русские женщины в Тунисе [Текст] // Африка. Гендерное измерение. – М., 2010.
18. История Африки в биографиях[Текст]. – М., 2012.
19. Крылова, Н.Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба [Текст]. – М., 2006.
20. Крылова, Н.Л. Россияне в Африке: пути вхождения в новый культурный мир [Текст] // Африка. Гендерное измерение. – М., 2010.
21. Курбак, М.С. История в романах Дж. М. Кутзее [Текст] // Африка и мир: взаимопонимание, изучение, преподавание. – М., 2010.
22. Ланда, Р.Г. Арабский мир: конец «эпохи Насера» [Текст] // Восток. – 2012. – № 6.
23. Ланда Р.Г. Исламизм и арабская «политическая весна» [Текст] // Восток. – 2014. – № 1.
24. Макеев, Д.А. Россия – Африка: из истории дипломатических и торгово-экономических отношений (первая половина XX века) [Текст]. – Владимир, 2011.
25. Малыгина (Аронина), Н.В. Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX – начале XX века [Текст]. – Владимир, 2005.
26. Никитин, М.Д. Чёрная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций [Текст]. – Саратов, 2005.
27. Панова, М. Русские в Тунисе. Судьба эмиграции «первой волны» [Текст]. – М., 2008.
28. Ронин, В. «Русское Конго»: 1870–1970: книга-мемориал [Текст] : в 2 т. – М., 2009.
29. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. – М., 2005.
30. Русская Африка [Текст] / Авт.-сост. Н.Н. Николаев. – М., 2009.
31. Русская колония в Тунисе. 1920–2000 [Текст] : сб. / сост. К.В. Махров. – М., 2009.
32. Саватеев, А.Д. Развитие Африки: возможности и перспективы [Текст] // Восток. – 2009. – № 1.
33. Смилянская, И.М. Арабский мир и Россия: изменяющиеся парадигмы взаимного восприятия [Текст] / И.М. Смилянская, Н.Г. Романова // Восток. – 2009. – № 5.
34. Фурсов, К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели [Текст] // Восток. – 2015. – № 2.

М.Н. Артеменков

ДИСКУССИИ О ССЫЛКЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ ПЕНИТЕНЦИРНЫХ КОНГРЕССАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье анализируются результаты Пенитенциарных конгрессов в Стокгольме (1878) и Париже (1895). Автор делает вывод о том, что в течение второй половины XIX века юридическая наука постепенно приходила к пониманию неэффективности ссылки как вида наказания.

история пенитенциарной системы, XIX век, Пенитенциарные конгрессы, ссылка.

DISCUSSION ON THE DEPORTATION
AT INTERNATIONAL CONGRESSES OF PENITENCIRNYH
AT THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

This article analyzes the results of Penitentiary congresses in Stockholm (1878) and Paris (1895). The author concludes that during the second half of the 19th century legal science gradually came to understand the inefficiency of deportation as a form of punishment.

history of the penitentiary system, the 19th century, the Prison congresses, deportation.

Юридическая наука и практика в XIX веке достаточно противоречиво формировали свое отношение к такому виду уголовной и административной репрессии, как ссылка. Этот вид наказания применялся со времен Древнего Рима и в XIX веке продолжал широко использоваться как в Российской империи, так и в европейских странах. Во второй половине XIX столетия в связи с пенитенциарными реформами в европейских странах отношение к ссылке начало изменяться. Это получило отражение как в практике карательных органов, так и в юридической литературе, посвященной данному вопросу.

Формирование представлений в отечественной юридической мысли о месте ссылки в системе наказаний происходило под влиянием европейской дискуссии о необходимости сохранения такого вида наказаний. Указанный вопрос рассматривался на двух международных Пенитенциарных конгрессах, проходивших в Стокгольме (1878) и Париже (1895). Они представляли собой съезды ученых и практических деятелей, посвятивших себя изучению тюремного дела. Компаративный анализ результатов двух конгрессов представляет интерес по двум причинам. Во-первых, это позволяет проследить динамику взглядов европейской юридической науки на использование ссылки в качестве уголовного наказания. Во-вторых, мы можем изучить изменение представлений отечественных юристов, которые принимали самое активное участие в дискуссиях, развернувшихся по изучаемому нами вопросу. Информацию о ходе конгрессов и развернувшихся прениях мы можем получить из отчетов Н. Таганцева [1] и И. Закревского [2], принимавших непосредственное участие в описываемых событиях.

Необходимо отметить, что Пенитенциарный конгресс был весьма влиятельным международным органом, оказывавшим значительное влияние на формирование национальных уголовных правовых систем всех ведущих государств второй половины XIX – первой половины XX века, трансформировавшимся в 1950 году в Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Важность этих международных форумов подчеркивалась составом и количеством лиц, принимавших участие в их деятельности. Причем значение международных конгрессов постоянно возрастало. Если в Стокгольмском конгрессе приняло участие 297 человек, причем собрание было «не особенно богато именами,

[1] Таганцев Н. Стокгольмский Тюремный конгресс // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1880. Кн. 2.

[2] Закревский И.П. Пятый международный Пенитенциарный конгресс // Журнал министерства юстиции. 1895. № 10.

известными в тюремной литературе» [3], то в Париже собралось уже 808 участников [4], среди которых были не только юристы, но и крупные политические деятели.

Представления юристов XIX века о ссылке как наказании нашли отражение в трудах отечественного правоведа И. Фойницкого. Он отмечал, что изначально ссылка не воспринималась как исключительно уголовное наказание [5]. Данный вид репрессии был направлен на то, чтобы, избежав прямого физического страдания наказуемого, повлиять на его общественное состояние, связанное с гражданскими свободами и имуществом. При этом правительства, использовавшие ссылку, применяли ее с различными целями, среди которых можно выделить:

– стремление удалить криминальный элемент из метрополии (что часто было связано с отсутствием экономических возможностей содержать большое количество преступников на родине в заключении);

– возможность использовать относительно дешевую рабочую силу для колонизации отдаленных территорий;

– обеспечение административного надзора за неблаговидными (по разным причинам) членами общества.

Однако во второй половине XIX века ссылка стала предметом острых дискуссий среди юридической общественности, что отразилось в общественных и научных дискуссиях. Решения международных Пенитенциарных конгрессов показали противоречия в позициях юристов не только в России, но и в Европе.

На прошедшем в 1878 году в Стокгольме Пенитенциарном конгрессе профессором Ф. Гольцендорфом была представлена классическая точка зрения на ссылку как средство, которое помогает предупредить будущие преступления и содействует исправлению преступника. Однако он отметил, что несмотря на очевидные положительные стороны, ссылка имеет массу недостатков, среди которых выделил: большое количество побегов, вредное влияние на заключенных пересылки, сложности в правильном устройстве ссыльной администрации. В целом его вывод сводился к тому, что в современных для него условиях следовало рассматривать ссылку как наказание исключительное и переходное, которое не имело перспектив в будущем.

В качестве подтверждения несостоятельности ссылки как меры наказания участники конгресса привели в пример провал колонизации французской Гвианы, ужасное положение заключенных в Сибири, постепенное сворачивание использования этого института в английской судебной практике. К тому же было отмечено, что с развитием колоний, их администрация с большой неохотой соглашалась принимать к себе ссыльных, которые ухудшали криминогенную обстановку на данных территориях.

На состоявшемся в июле 1895 года в Париже пятом международном Пенитенциарном конгрессе настроение собравшихся было уже иным. Прежде всего, главенствовало мнение, что нельзя подходить к оценке карательных систем как безусловно полезных или вредных. Большинство юристов считали, что успешность реализации пенитенциарной политики во многом зависит от административных порядков, нравов и привычек населения в конкретном государстве.

---

[3] Закревский И.П. Пятый международный Пенитенциарный конгресс // Журнал министерства юстиции. 1895. № 10.

[4] Таганцев Н. Стокгольмский Тюремный конгресс // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1880. Кн. 2.

[5] Фойницкий И. Я. Ссылка на запад в ее историческом развитии и современном состоянии. СПб., 1881.

Исходя из этого, французскими юристами была высказана идея о том, что ссылка может быть использована как средство наказания для тех преступников, которые осуждены к длительным срокам и которых не может исправить обыкновенная тюрьма. Подобные мысли были высказаны и частью российской делегации, хотя большая часть отечественных участников, вслед за профессором Таганцевым, была настроена против ссылки, указывая на крайнее неудовлетворительное ее состояние в России.

Однако решение конгресса было прямо противоположным Стокгольмскому собранию. Ссылка была признана полезной при долгосрочных наказаниях, назначаемых тяжким преступникам, а также как мера пресечения против обыкновенных преступников и рецидивистов.

Изменение взглядов на ссылку у многих правоведов было связано с ухудшением социально-политической обстановки в европейских странах, что приводило к увеличению преступности. В этих условиях ссылка заключенных рассматривалась как эффективное и быстрое решение, в отличие от их тюремного содержания.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в течение второй половины XIX века юридическая наука постепенно приходила к пониманию неэффективности ссылки как вида наказания, поскольку она не реализовывала ни карательной, ни колонизаторской функции. Однако отношение к ее использованию в конкретный момент зачастую определялось социально-политическими факторами, действовавшими в европейских странах.

Список литературы

1. Закревский, И.П. Пятый международный Пенитенциарный конгресс [Текст] // Журнал министерства юстиции. – 1895. – № 10. – С. 121–149.
2. Таганцев, Н. Стокгольмский Тюремный конгресс [Текст] // Журнал гражданского и уголовного права. – 1880. – Кн. 2. – С. 28–90.
3. Фойницкий, И.Я. Ссылка на запад в ее историческом развитии и современном состоянии [Текст]. – СПб., 1881.
4. Фойницкий, И.Я. Исторический очерк и современное состояние ссылки и тюремного заключения [Текст]. – СПб., 1878.

А.И. Артемова

М. ТЭТЧЕР И ВЫРАБОТКА «ОСОБОГО ЯЗЫКА» АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье анализируется роль Р. Рейгана и М. Тэтчер в процессе складывания «особых» англо-американских отношений в 1980-е годы. Автор подчеркивает, что при декларировании атлантической солидарности и лидерства США, М. Тэтчер не готова была поступиться национальными интересами Великобритании при возникновении разногласий в отношениях с Рейганом.

англо-американские отношения, атлантическая солидарность, М. Тэтчер, Р. Рейган, Великобритания, США.

M. THATCHER AND ELABORATION “A PARTICULAR LANGUAGE” OF ANGLO-AMERICAN RELATIONS

The article analyzes the role of Ronald Reagan and Margaret Thatcher in the process of folding the “special” Anglo-American relations in the 1980s. Author stresses that admitting of Atlantic solidarity and leadership of the USA Margaret Thatcher was not ready to sacrifice national interests of Great Britain in the event of disagreement in relations with Reagan.

Anglo-American relations, the Atlantic solidarity, Margaret Thatcher, Ronald Reagan, UK, USA.

Основная структура англо-американского союза оставалась без изменений со времен его становления в период Второй мировой войны. Историки выделяют три основных принципа сотрудничества Великобритании и США с 1940-х годов: консультация, разведка и ядерное оружие. Чиновники в каждом правительстве легко и естественно консультировались со своими коллегами, чтобы получить оценку их взглядов. Как правило, это были неофициальные, даже неформальные встречи. Создавалось ощущение политической вариативности и объяснения принимаемых решений, что, в свою очередь, позволило каждому влиять на принятие решения другого. Это было особенно важно в Вашингтоне, где принятия политических решений имело беспорядочный характер.

Успех М. Тэтчер в сохранении англо-американских отношений был институциональным, а не личным, и служил доказательством силы Атлантического альянса. Тэтчер полагала, что политика – результат противоборства идей. Для нее власть никогда не была просто вопросом управления. Министр труда Питер Шор отметил, что Тэтчер «ощущала некий вид морали в политике, которая лежит в основе политического и экономического отношения между людьми…, и я думаю, что она яснее всех других политиков сформулировала правильные моральные убеждения в послевоенной Великобритании» [1]. Ее способность ясно и убедительно формулировать новый образ мыслей оказала большое влияние на общество Великобритании, а также Соединенных Штатов. Когда Тэтчер, будучи недавно избранным премьер-министром, выступала на собрании Конгресса США в декабре 1979 года, она поразила аудиторию своими острыми ответами.

У Великобритании и США были общая культура, история и планы совместной борьбы в глобальной войне. Сам Черчилль употреблял такие термины, как «особые отношения», описывая англо-американское сотрудничество. «Это мое самое глубокое убеждение», – написал он в 1944 году, – «что, пока Великобритания и Соединенные Штаты находятся в особых отношениях, другой разрушительной войны не будет» [2]. Черчилль утверждал, что сотрудничество между Великобританией и Америкой было основано на двух уникальных фактах: дружбе между двумя странами «англоговорящего народа» и близкой личной ассоциации с президентом Франклином Д. Рузвельтом. Во время последнего визита М. Тэтчер к Рейгану в Белый дом в 1988 году, Тэтчер гордо объявила, что «вместе мы были в состоянии продемонстрировать правду слов Уинстона Чер-

---

[1] Young H., Sloman A. Thatcher Phenomenon. L.: BBC Books, 1986. P. 64.
[2] Danchev A. On Specialness: Essays in Anglo-American relations. L., 1998. P. 2.

чилля о наших двух народах, когда он сказал: “Пока наши люди руководствуются верой и уважают друг друга и все другие страны, они не должны бояться никого и ничего!” Президент Рейган был больше, чем верный союзник и мудрый консультант. Вы также были замечательным другом для меня и моей страны» [3].

В течение 1980-х годов Тэтчер и Рейган хотели повторить проповедующий христианство язык «особых отношений» Черчилля. Они так и сделали, в то время как особенности сотрудничества Черчилля и Рузвельта подвергались фундаментальному пересмотру в сторону «чего-то совершенно функционального» [4]. Для М. Тэтчер Атлантический альянс всегда был приоритетным направлением внешней политики. «Есть союз ума и цели между нашими народами, что является замечательным фактом и делает наши отношения действительно поразительными Они особенные. Это просто так и есть», – объявила она на Вашингтонском банкете в 1985 году во время празднования двухсотлетия дипломатических отношений между Великобританией и США [5]. Пока Тэтчер была премьер-министром, этот союз процветал во многих традиционных направлениях. Ядерное сотрудничество было возобновлено посредством соглашения о «Трайдент», таким образом, подтверждая статус Великобритании как единственного союзника, имеющего доступ к американским ядерным технологиям. Глобальное разделение труда в сборе информации, установленное в 1946–1947 годах, продолжило свою эффективную работу. Устойчивое сотрудничество между двумя военно-морскими флотами показало себя в действии во время кризиса Фолклендских островов. Это было сотрудничество, которое отражало прочность установленного союза.

И тем не менее, в то время как англо-американская защита и дипломатические связи продолжали демонстрировать взлеты и падения конкурентоспособного сотрудничества, Тэтчер снова и снова за следующие восемь лет оказывалась в конфликте с президентом Рейганом, которого, несмотря на ее убеждения в обратном, она часто считала препятствием для активной британской внешней политики. Р. Рейган пересмотрел приоритеты внешней политики своего непосредственного предшественника, особенно необычным явился тот факт, что он не прилагал особых усилий, чтобы скрыть свое презрение к политике холодной войны более ранних республиканских президентов – Никсона и Форда. Неожиданным стало и то, что Рейган, часто представлявшийся СМИ как хороший лидер, мало думающий о политике, в конце концов оказался сам себе ближайшим советником. Он нанял «тяжеловесов» в свою администрацию, таких как Хэйг и Вайнбергер, но не было ни одного советника, который осуществлял бы такое же влияние, которое, например, Джон Фостер Даллес оказывал на Эйзенхауэра, Киссинджер – на Никсона или Бжезинский – на Картера. Самостоятельность Рейгана продемонстрирована тем фактом, что он сменил шесть советников по вопросам национальной безопасности за восемь лет: Ричард Аллен, Уильям Кларк, Роберт Макфарлэйн, Джон Пойндекстер, Франк Карлуччи и Колин Пауэлл [6].

Рейган начал свое президентство с надеждами «продать» свое международное политическое лидерство союзникам. Он знал, что реакция во всем мире на его избрание в 1980 году была «пропитана нервозностью» [7]. В такой сложной обста-

---

[3] Speeches at the White House, 16 Nov. 1988: MTF, docid= 107384 (accessed 13 Oct. 2010).
[4] Danchev A. Op.cit. P. 2-3.
[5] Thatcher M. The Downing Street Years. L., 1993. P. 106.
[6] Gaddis J.L. Strategies of Containment, rev. edn. Oxford, 2005. P. 354.
[7] Carter J. White House Diary. N.-Y. : Farrar, Straus & Giroux Inc, 2010.

новке для президента М. Тэтчер была удачным союзником, и она знала это. Внешнеполитические позиции М. Тэтчер нередко оказывались «более американскими», чем у самих американцев. Первым из принципов консервативной внешней политики она считала «сильную оборону» [8]. Важной задачей этой политики должно было быть, по ее мнению, «продвижение свободы, демократии и прав человека во всем мире» [9]. Чтобы в мире была обеспечена коллективная безопасность, полагала Тэтчер, «Америка должна оставаться единственной сверхдержавой» [10].

«Мы всегда признавали лидерство США жизненно необходимым» [11], – утверждала она, говоря о принципах «тэтчеризма». Однако это не означает, что Тэтчер была готова поступиться национальными интересами Великобритании, когда возникали коллизии в отношениях с Рейганом. Свидетельством тому может послужить, в частности, ее твердая позиция во время Фолклендского конфликта. Были и другие эпизоды, которые дали повод некоторым авторам подвергнуть сомнению доверительность отношений двух лидеров.

Список литературы

1. Carter, J. White House Diary [Text]. – N. Y. : Farrar, Straus & Giroux Inc, 2010.
2. Danchev, A. On Specialness: Essays in Anglo-American relations [Text]. – L., 1998.
3. Gaddis, J.L. Strategies of Containment, rev. edn [Text]. – Oxford, 2005.
4. Speeches at the White House [Text]. – 1988. – 16 Nov.
5. Thatcher, M. The Downing Street Years [Text]. – L., 1993.
6. Thatcher, M. Statecraft. Strategies for a Changing World [Text]. – L., 2002.
7. Young, H. Thatcher Phenomenon [Text] / H. Young, A. Sloman. – L. : BBC Books, 1986.

А.С. Архипов

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1940–1950-х ГОДАХ

В статье рассматриваются особенности развития европейской интеграции в 40–50-х годы XX века. Автор подчеркивает тот факт, что современная ситуация в Европейском союзе не соотвентствует идеалам основоположников европейской интеграии 1940–1950-х годов.

Европа, европейская интеграция, 1940–1950-е годы, Европейский союз.

THE PROBLEMS OF EUROPEAN INTEGRATION IN 1940–1950

This article discusses the features of the development of European integration in the 1940–1950s. The author emphasizes the fact that the current situation in the European Union does not conform to the ideals of the founders of European integration.

---

[8] Thatcher M. Op. cit. P. 354.
[9] Ibid. P. 527.
[10] Ibid. P. 518.
[11] Thatcher M. Statecraft. Strategies for a Changing World. L., 2002.

Europe, European integration, 1940-1950s, the European Union.

Идея создания единой Европы занимала мысли европейских политиков продолжительное время и только во второй половине XX века. Она нашла свое практическое воплощение в реальности. Интеграция как процесс не может быть порождением одной политической воли, для ее развития необходимы определенные предпосылки: цивилизационные (общность духовных ценностей и социально-политических традиций и идеалов), экономические (равенство экономического и научно-технического развития), исторические (стремление к единству в историческом аспекте), военные (урегулирование территориальных споров, заключение союзов, совместное решение международных проблем), геополитические (экономическое, транспортное, комуникационное развитие).

Европейская интеграция безусловно является примером вертикальной интеграции, которая включает в себя несколько аспектов: экономический, политический, военный. Она активно развивается с начала 1950-х годов. Ее начало положила реализация плана Маршалла (программа помощи Европе после Второй мировой войны, выдвинута в 1947 году американским государственным секретарем Джорджем К. Маршаллом и вступила в действие в апреле 1948 года; в осуществлении участвовали 17 европейских стран, включая Западную Германию). В апреле 1948 года происходит создание Организации европейского экономического сотрудничества (OEEC), которая в сентябре 1950 года была дополнена Европейским платежным союзом (ЕПС), который в 1961 году заменила Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Переход от простого международного европейского сотрудничества к настоящему наднациональному сообществу начался 9 мая 1950 года, когда Роберт Шуман выступил с инициативой, обнародовав план разработаный Жаном Монне по созданию отраслевого объединения шести стран (Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса), Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). Отличительной чертой и главной особенностью этого объединения было создание европейского органа управления независимого от правительств стран.

Следующим шагом стало создание 25 марта 1957 года Европейского Экономического Сообщества («Совместный рынок») и Европейского сообщества по атомной энергетике (ЕСАЕ) или «Евроатом».

Римский договор 1957 года стал документом, заложившим основу для Европейского экономического сообщества. Кроме того, 25 марта 1957 года теми же государствами был подписан еще один Римский договор, заложивший основу функционирования Европейского сообщества по атомной энергии. В современном виде Римский договор состоит из 6 частей (314 статей). В первой части установлены принципы функционирования Европейского сообщества; вторая часть регулирует вопросы гражданства; третья – определяет основные направления политики сообщества (например, Европейский парламент, Совет министров Европейского союза, Европейская комиссия, Европейская счетная палата, Европейский социально-экономический комитет, Комитет регионов, Европейский инвестиционный банк); четвертая часть регулирует вопросы ассоциации с другими странами и территориями; пятая часть определяет институты сообщества; шестая часть включает общие и заключительные положения. В последствии изменения в Римский договор были внесены Лиссабонским договором.

Одна из целей ЕЭС – способствовать развитию национальных экономик и защите Европы от засилья американского капитала. Условиями вступления в ЕЭС является ликвидация убыточных предприятий и государственных дотаций. Страны-участницы совместно разрабатывают экономическую политику, межгосударственные проекты, таможенные тарифы, регулирующие финансовую систему, налаживают систему международной специализации с целью обеспечения рентабельности производства, создают единый рынок труда.

Во второй половине 60-х годов происходит объединение структур ЕОУС, ЕЭС, Евроатома с целью создания единых органов (Совета, Комиссий, Суда и др.). В 1968 году формируется Единый Таможенный Союз.

Дальнейшее развитие ЕЭС идет путем углубления экономической и политической интеграции (Маастрихтские соглашения о создании Европейского Сообщества, 1992 год).

Процесс становления ЕЭС был длительными и сопровождался кризисными явлениями, вызванными структурными изменениями в экономиках стран, процессом наработки системы интеграции.

Несмотря на то, что процесс интергации Европы имел долгий период развития и становлення, проводился насильственным путем в периоды А. Гитлера и Наполеона, нельзя однозначно говорить, что он не был независим и положителен. Нынешняя политико-экономическая и иммиграционная ситуация, сложившаяся в Европе, является следствием интеграции и объединения Европейского сообщесва. Прогнозируя ситуацию, можно однозначно утверждать ухудшение, дестабилизацию и стремление к национал-сепаратизму в открытых формах. Благородная идея Жана Монне оказалась не дееспособна в условиях изменения идеологии и отсутствия самостоятельных взглядов у политиков Европы, отсутствия четких позиций в вопросах экономики и национальных идей, а также размытия гендерных законов и этнической сущности народов. Ситуация показывает нам невозможность существования Европы как единого целого, в отличии от предыдущего периода в истории человечества.

Р.И. Ахметшин

ГОСУДАРСТВО И ЧЕРНЫЙ РАДИКАЛИЗМ В США

Статья посвящена взаимоотношениям государства и гражданского общества в США во второй половине XX века. Автор описывает события, благодаря которым были преданы огласке документы по деятельности программы контрразведки КОИНТЕЛПРО, направленной на уничтожение политической оппозиции и осуществляемой ФБР в период с 1956 по 1971 год. В этот период были ликвидированы видные лидеры различных течений Движения за гражданские права чернокожих, к которым впоследствии стали применять термин «террористы» и «радикалы».

гражданские права, политические движения США, черный радикализм, КОИНТЕЛПРО, партия «Черные пантеры», «Нация Ислама», Движение за гражданские права чернокожих.

THE STATE AND BLACK RADICALISM IN THE UNITED STATES

This article is dedicated to relations between government and civil society in the second half of 20th century. Author describes the events, which caused publicity of documents, containing COINTELPRO working. This working was concentrated on liquidation of political opposition, and this activity was carried out since 1956 to 1971. This period is marked by liquidation of leaders from different political movements. Movements, which main goal was to achieve civil rights for Afroamericans, were marked as "terrorists" and "radicals"

the civil rights, the US political movements, Black radicalism, COINTELPRO, «Black Panther Party», «Nation of Islam», The civil rights movement of blacks.

В марте 1971 года в истории США произошло интересное событие. Группа гражданских активистов проникла в офис ФБР в штате Пенсильвания и похитила из него несколько досье, состоящих из тысяч оперативных документов, копии которых были разосланы агентствам новостей, членам Конгресса и общественным организациям под грифом «Комиссия граждан по расследованию деятельности ФБР». Это были копии документов, касающиеся программы ФБР «КОИНТЕЛПРО – “Новые левые”». Интересен и тот факт, что документы были похищены в то время, когда большая часть страны наблюдал бой Мухаммеда Али и Джо Фрейзера.

Этот случай стал началом раскрытия секретной кампании ФБР – программы контрразведки КОИНТЕЛПРО (COINTELPRO) – направленной на уничтожение «политически неудобных» организаций и осуществляемой ФБР в период с 1956 по 1971 год. Директор ФБР Эдгар Гувер был вынужден объявить о прекращении действия программы. Против ФБР было возбуждено несколько исков, в результате которых ведомству пришлось рассекретить еще часть документов.

Даты данной периодизации являются условными, так как существует ряд подозрений, что действие программы было прекращено условно. Критики утверждают, что действия ФБР показывают продолжение программы по-прежнему, но в других обличиях.

В 1976 году комиссия американского сената под председательством Фрэнка Чёрча признала операции ФБР в рамках программы незаконными. В результате деятельности комиссии отложилась серьезная база источников, которая позволяет более детально изучить программу [1].

Рассекреченные данные программы КОИНТЕЛПРО показывают, что Федеральное бюро расследований США очень активно применяло тактики террора по отношению к своим собственным гражданам при подавлении оппозиционных политических движений [2]. Особо важное значение уделялось противодействию Движению за гражданские права чернокожих (во главе с М.Л. Кингом, убийство М.Л. Кинга), организации «Нация ислама» (раздор между Э. Мухаммадом и М. Иксом, убийство М. Икса), партии «Черные пантеры» (раскол партии, заполнение негритянских районов наркотиками, убийства) [3].

---

[1] Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans. Book III. Wash., 1976.

[2] Одергон А. Отель «Война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов. М. 2008. 512 с. ; То же. URL : http://psyfactor.org/psyops/cointelpro.htm (дата обращения : 07.02.2016).

[3]Jump up “Guide to the Microfilm Edition of FBI Surveillance Files: Black Extremist Organizations, Part 1” Lexis-Nexis URL : http://cisupa.proquest.com/ksc_assets/catalog/101095_FBIBlackExtrOrgsPt1COINTELPRO.pdf (дата обращения : 10.02.2016).

Адвокат Брайан Глик в своей книге «Война на дому» [4], описал четыре основных метода, использовавшихся в программе COINTELPRO:

1. Агенты и информаторы должны были не просто шпионить за политическими активистами. Их главная цель заключалась в дискредитации и подбросе компрометирующих материалов. Само их присутствие приводило к подрыву доверия и отпугиванию потенциальных сторонников.

2. Несмотря на то, что многие из лидеров Движения за гражданские права считали Мартина Лютера Кинга марионеткой правительства (например, Малкольм Икс), ФБР стремилась найти ему замену – кого-то, кто был бы менее авторитетным и более зависимым от правительства.

Авторитет М.Л. Кинга действительно рос, и примерно за месяц (34 дня) до вручения ему почетной Нобелевской премии мира в его адрес была направлена смонтированная запись с материалом сексуального характера, якобы полученная в результате прослушивания его гостиничного номера. К ней была приложена записка с текстом: «Американская общественность, церковные организации, которые вас поддерживали – протестанты, католики и евреи, – узнают вас таким, какой вы есть на самом деле: жестоким ненормальным чудовищем. Вам конец, Кинг, вам остается только одно... Вы знаете, о чем идет речь. У вас только 34 дня и только один выход. И вам лучше им воспользоваться, пока публика не узнала о вашем ненормальном, мерзком, жульническом "я"» [5]. Однако спецслужбы оказались неспособны повредить его репутации, и через два дня после того, как стало известно, что Кингу присудили Нобелевскую премию мира, на свет появилась смонтированная запись.

ФБР применяла огромное количество «грязных уловок» для подрыва деятельности движений. Они подделывали переписку, посылали анонимные письма и совершали анонимные звонки, распространяли дезинформацию о встречах и мероприятиях, создавали псевдодвижения, возглавляемые правительственными агентами, применяли силу к родителям, работодателям, арендодателям, администрациям школ и другим, чтобы причинить неприятности активистам.

Например, весьма специфичный и жестокий метод был использован против белой актрисы Джин Сиберг, которая оказывала финансовую поддержку партии «Черные пантеры». Обнародованы документы психологической травли актрисы: заявление с просьбой разрешить передать новостным агентствам сфабрикованную скандальную историю о Д. Сиберг, а также приказ, позволяющий это сделать [6]. История заключалась в том, что актриса якобы была беременна от лидера «Черных пантер», а не от своего мужа, известного писателя Ромена Гари. Это привело к тому, что Сиберг впала в депрессию, а ребенок, отцом которого действительно был муж актрисы, родился мертвым. По результатам родов ей пришлось устроить пресс-конференцию для опровержения дезинформации. Но случившаяся трагедия и психологическая травля отрицательно отразились на психике Д. Сиберг, в результате она покончила жизнь самоубийством 8 сентября 1979 года, 2 декабря 1980 года кончил жизнь самоубийством Ромен Гари.

Другим методом психологического воздействия была тактика bad-jacketing (компрометация лидеров движения), с целью вызова подозрения к выбранным активистам, иногда приводящая к смертельным исходам [7].

---

[4] Glick B. War at Home: Covert action against U.S. activists and what we can do about it . Wash., 1999.

[5] Supplementary Detailed Staff Reports…

[6] Supplementary Detailed Staff Reports…

[7] Churchill W. Agents of Repression: The FBI's Secret Wars Against the Black Panther Party and the American Indian Movement. Wash., 2002.

Например, этот метод был использован против Стокли Кармайкла в 1968 – 1970 годах, для того чтобы подорвать его авторитет среди соратников. В деле был использован подброс фальшивых документов и психологическое воздействие на его родителей [8], чтобы заставить С. Кармайкла боятся своих товарищей. Это привело к обострению во взаимоотношениях С. Кармайкла и Х.П. Ньютона.

ФБР и полиция злоупотребляли правовой системой для того, чтобы преследовать диссидентов и представить их как преступников. Должностные лица давали ложные показания и представляли сфабрикованные доказательства в качестве предлога для незаконных арестов и заключений [9].

Такая практика велась, например, в отношении лидера партии «Черные пантеры» Хьюи Ньютона. В 1967 году он был обвинен в убийстве полицейского и приговорен к лишению свободы. В деле было много загадочных обстоятельств. Через 22 месяца после заключения, в результате появления новых обстоятельств в деле (полицейский, по-видимому, был убит «дружественным» огнем своих коллег), обвинения с Х. Ньютона были сняты. В 1971 году после поездки в Китай на Ньютона в очередной раз заводят судебное разбирательство по старому делу об убийстве полицейского. Так же судебное дело поднималось и в 1977 году по возвращению Ньютона из Кубы [10]. В 1982 году Ньютон был обвинен в хищении $ 600,000 государственной помощи, направленной на поддержку Оклендской общинной школы. В результате обвинений в хищении он распустил партию «Черные пантеры». В марте 1989 года обвинения в хищении денежных средств были сняты с Ньютона [11].

ФБР вступала в сговор с местными отделениями полиции для обыска домов диссидентов, совершения вандализма, нападений, избиения и убийств. Целью было напугать или устранить диссидентов, прекратить работу их движений.

Например, к 1970 году многие офисы партии «Черные пантеры» были разгромлены в ходе полицейских рейдов, а многие активисты партии были убиты или арестованы.

Сразу после закрытия «КОИНТЕЛПРО» к членам партии «Черные пантеры» стали применять термин «террористы», хотя еще несколько месяцев назад их называли «агитаторами». Несмотря на то, что американцам не нравилось вмешательство ФБР в политическое многообразие, они готовы были согласиться с необходимостью того, чтобы ФБР защищало их от «террора». Таким образом, институты власти США вели успешную информационную войну по отношению к гражданскому обществу. Это при том, что активисты Движения за гражданские права чернокожих поднимали один из самых важных аспектов функционирования гражданского общества.

Список литературы

1. Одергон, А. Отель «Война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов [Текст]. – М. : 2008. – 512 с. ; то же. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://psyfactor.org/psyops/cointelpro.htm (дата обращения: 07.02.2016).

---

[8] Supplementary Detailed Staff Reports…

[9] The FBI's Covert Action Program to Destroy the Black Panther Party // Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans. P. 185–223. Book III. URL : https://sites.google.com/site/cointelprodocs/the-fbi-s-covert-action-program-to-destroy-the-black-panther-party (дата обращения : 10.02.2016).

[10] Jeffries J.L. Huey P. Newton: The Radical Theorist. Wash., 2006. P. 41–44.

[11] Newton N.P. To Die for the People. N. Y., 2009. P. 154.

2. Churchill, W. Agents of Repression: The FBI's Secret Wars Against the Black Panther Party and the American Indian Movement [Text]. – Wash., 2002.
3. Glick, B. War at Home: Covert action against U.S. activists and what we can do about it [Text]. – Wash., 1999.
4. Jeffries, J.L. Huey P. Newton: The Radical Theorist [Text]. – Wash., 2006.
5. Jump up "Guide to the Microfilm Edition of FBI Surveillance Files: Black Extremist Organizations, Part 1" Lexis-Nexis [Electronic resource]. – Access mode : http://cisupa.proquest.com/ksc_assets/catalog/101095_FBIBlackExtrOrgsPt1COINTELPRO.pdf (date of access: 10.02.2016).
6. Newton, N.P. To Die for the People [Text]. – N. Y., 2009.
7. Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans [Text]. – Washington, 1976. – Book III.
8. The FBI's Covert Action Program to Destroy the Black Panther Party // Supplementary Detailed Staff Reports on Intelligence Activities and the Rights of Americans. – P. 185–223. – Book III. – [Electronic resource]. – Access mode : https://sites.google.com/site/cointelprodocs/the-fbi-s-covert-action-program-to-destroy-the-black-panther-party (date of access: 10.02.2016).

О.А. Базин

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА ДЕВЯТОЙ СТАТЬИ КОНСТИТУЦИИ ЯПОНИИ 1947 ГОДА

В статье анализируются попытки пересмотра Девятой статьи Конституции Японии 1947 года. Автор делает вывод о том, что большинство современных политиков Японии рассматривают Девятую статью как препятствие для усиления международной роли Японии и угрозу ее национальной безопасности.

Япония, Конституция 1947 года, Силы самообороны Японии, пацифизм.

The ISSUE OF REVISION OF THE NINTH ARTICLE OF THE CONSTITUTION of JAPAN, 1947

The article examines attempts to revise the 1947 Constitution of Japan's Ninth article. The author concludes that the majority of modern politicians in Japan are considering the Ninth article as an obstacle to strengthening the international role of Japan and the threat to its national security.

Japan, 1947 Constitution, Japan's self-defense forces, pacifism.

Во многих государствах мира существуют конституционные нормы, являющиеся предметом ожесточенных дискуссий в обществе. Для современной Японии подобным камнем преткновения стала Девятая статья конституции 1947 года. В ней зафиксировано, что «не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признается» [1].

[1] Современная Япония. М., 1973. С. 738.

Дискуссионность этой нормы во многом объясняется обстоятельствами ее принятия. Конституция 1947 года составлялась под очень сильным влиянием американских оккупационных властей и не учитывала настроения большинства японского общества. Дух милитаризма крепко укоренился в различных сферах жизни японского общества и активно поддерживался государством и синтоизмом. Поэтому переход от воинственной государственной концепции «кокутай» к конституционной норме о пацифистском государстве стал слишком резким поворотом для Японии и вовсе не означал национального покаяния за темные страницы прошлого.

Поверхностный характер соблюдения Девятой статьи проявился уже в период окончания режима оккупации. Уже в 1954 год в Японии были созданы Силы самообороны, т. е. фактически полноценная армия, включающая в себя морской флот и авиацию. В условиях «холодной войны» США были заинтересованы в усилении реальной военной мощи Японии, поэтому с попустительством отнеслись к постепенному отходу Японии от пацифистской статьи. На всем протяжении второй половины XX века регулярно проводилось перевооружение Сил самообороны, а в конце 1980-х годов Япония впервые в послевоенной истории превысила традиционный для нее 1 % от ВВП на военные расходы. Тем не менее, до 1990-х годов XX века Япония в целом соблюдала конституционный запрет, сосредоточилась на экономической дипломатии.

Ситуация сильно изменилась с начала 1990-х годов, и отправной точкой для переоценки Девятой статьи следует считать войну в Персидском заливе 1991 года. Япония, следуя соответствующей резолюции ООН, оказывала финансовое содействие военным действиям против Ирака. После продолжительной борьбы японский парламент одобрил предложение правительства и впервые с 1945 года отправил японские морские соединения за пределы собственных вод для очистки Персидского залива от мин. Ряд немецких историков проводят параллели с Германией и рассматривают эту помощь как проявление комплекса вины за события Второй мировой войны: «Агрессия Саддама Хусейна ассоциировалась у двух народов с темной главой собственного прошлого» [2].

Но все финансовые усилия японского руководства в урегулировании конфликта в Кувейте остались незамеченными. Самым незабываемым для многих японцев эпизодом, связанным с войной в Персидском заливе, следует считать отсутствие Японии в списке стран, которым правительство Кувейта выразило благодарность. Этот провал попытки Японии утвердиться в числе стран, влиявших на поддержание безопасности в мире, вызвал к жизни широкую дискуссию вокруг фундаментальной проблемы интерпретации Девятой статьи. Другим последствием игнорирования финансового вклада Японии в разрешение конфликта в Персидском заливе стало изменение общественных настроений. Если до войны в Персидском заливе 33,3 % японцев были сторонниками пересмотра конституции, то к марту 1993 года их количество увеличилось до 50,4 % [3].

Более того, Девятая статья стала восприниматься как препятствие для проведения курса, направленного на предоставление Японии постоянного места в Совете Безопасности ООН [4]. Даже США – главный союзник Японии отказали

---

[2] Japan und Europa: Getrennte Welten? Frankfurt a. M., 1993. P. 502.

[3] Молодяков В. Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М., 2011. С. 230.

[4] Базин О.А. Изменение политики Японии в ООН в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23). Часть 1. С. 33–36.

ей в поддержке. В январе 1994 года сенат США принял резолюцию, призывающую президента Б. Клинтона не поддерживать стремление Японии добиваться места постоянного члена Совета Безопасности ООН до тех пор, пока она не будет активно участвовать в операциях ООН.

Требование американской администрации не соответствовало позиции Японии, где, помимо конституционного запрета на участие в военных операциях, большим влиянием в 1990-е годы пользовались так называемые «реалисты» – сторонники превращения Японии в «глобальную гражданскую державу». Представители этой политической группировки выступали за активность Японии в вопросах защиты окружающей среды, макроэкономическом регулировании экономики, помощи развивающимся странам, но против увеличения военной роли Японии в мире [5].

Им противостояли крупные консервативные политики, которые активно пропагандировали необходимость превращения Японии в мировую политическую державу и укрепление ее влияния и авторитета как активного участника создания нового мирового порядка, что предаст забвению прежний отрицательный образ страны. По мнения их лидера Ясухиро Накасонэ, «конституция страны была составлена американской оккупационной армией и принята практически без учета волеизъявления японского народа» [6], поэтому необходимо пересмотреть и Девятую статью.

В начале XXI века катализатором критики Девятой статьи стало обострение отношений Японии с соседними государствами, каждое из которых обладало большим военным потенциалом. Наиболее острой проблемой в отношениях с КНР стал территориальный спор по поводу принадлежности островов Сенкаку. Другим непримиримым противником Японии в регионе является КНДР, которая заявляет о претензиях на ядерный статус и неизменно придерживается воинственной риторики в адрес японского государства. Эти конфликты теоретически чреваты военным столкновением, что неоднократно используется как аргумент отмены Девятой статьи.

Динамика обсуждения проблемы Девятой статьи во многом определяется расстановкой политических сил. В 90-х годах пересмотр спорной статьи сдерживался усилением роли левых партий, которые были противниками пересмотра конституции. Но в начале XXI века вернувшая себе лидерство Либерально-демократическая партия стала последовательно проводить политику пересмотра пацифисткой нормы конституции. Это нашло отражение в принятии ряда законов и резолюций, создавших юридические основания для использования Сил самообороны не только в случае нападения на Японию, но и при угрозе нападения, а также для участия в военных действиях за рубежом.

Таким образом, пацифистский характер японской конституции 1947 года определялся реалиями окончания Второй мировой войны, а не запросом японского общества. Для большинства современных политиков Японии Девятая статья рассматривается как препятствие для усиления международной роли Японии и угроза ее национальной безопасности.

---

[5] Funabashi Y. Japan and New World Order // Foreign Affairs. 1991/1992. Winter. P. 58–74.
[6] Накасонэ Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М., 2001. С. 22.

Список литературы

1. Базин, О.А. Изменение политики Японии в ООН в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века [Текст] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 9 (23). – 2012. – Ч. 1.
2. Молодяков, В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж [Текст]. – М., 2011.
3. Накасонэ, Я. Государственная стратегия Японии в XXI веке [Текст]. – М., 2001.
4. Современная Япония [Текст]. – М., 1973.
5. Funabashi, Y. Japan and New World Order [Text] // Foreign Affairs. – 1991/1992. Winter.
6. Japan und Europa: Getrennte Welten? [Text]. – Frankfurt a. M., 1993.

А.И. Басова

БОРЬБА ОРГАНИЗАЦИИ «ВРАЧИ БЕЗ ГРАНИЦ» ЗА НАКАЗАНИЕ ВИНОВНЫХ В НАПАДЕНИИ НА СВОИХ СОТРУДНИКОВ

Статья представляет собой небольшое исследование в отношении бомбардировки госпиталя организации «Врачи без границ» в г. Кундуз, Афганистан. Большое внимание уделяется возможностям и способам международных НПО воздействовать на государственные акторы, повинные в гибели сотрудников миссий, на современном этапе развития мировой политики.

«Врачи без границ», Кундуз, авиаудар по госпиталю, США.

DOCTORS WITHOUT BORDERS FIGHTING TO PUNISH THOSE RESPONSIBLE FOR AGRESSION AGAINST ITS STAFF

This article is devoted to the airstrike of the 3rd of October 2015 into MSF’s hospital in Kunduz, Afghanistan. Much attention is given to the question of possibilities and methods of international NGOs to influence the state actors, culpable for mission workers’ deaths, at the present phase of world politics.

Doctors without borders, Kunduz, airstrike into MSF’s hospital, the USA.

Работа персонала гуманитарной организации «Врачи без границ» (Medecins Sans Frontieres (MSF)) является одной из наиболее опасных. Миссии MSF направляются не только в страны с чудовищной антисанитарией, но и в зоны конфликтов. Однако несмотря на то, что вопросами защиты персонала подобных гуманитарных организаций мировое сообщество активно занимается с момента принятия Женевской конвенции в 1949 году, должный уровень не обеспечен и сегодня. Это обстоятельство заставляет MSF искать пути самостоятельной защиты своего персонала от покушений со стороны боевиков, террористов и даже государств. Наглядный пример работы организации в этом направлении – кампания по привлечению к ответственности виновных за бомбардировку госпиталя MSF в афганском городе

Кундуз в октябре 2015 года. Тогда, как известно, ВВС США, пытаясь помочь афганским войскам в борьбе с талибами, нанесли удар по больнице, патронируемой «Врачами без границ», что привело к гибели 42 человек (14 сотрудников организации, 24 пациентов и 4 помощников врачей).

Сразу после трагедии руководство и рядовой персонал MSF смогли организовать свои действия таким образом, что средства массовой информации по всему миру в течение месяца пристально следили за развитием событий и доводили до общественности информацию не только о позиции представителей США и Афганистана, которые пытались оправдаться, но также свидетельства сотрудников «Врачей без границ» и пациентов госпиталя, переживших бомбардировку. Сама кампания по привлечению к ответственности виновных в авиаударе включила в себя как традиционные приемы привлечения общественного внимания к нарушению Женевской конвенции в отношении гуманитарной организации, так и новации. Среди традиционных приемов – отмеченное выше сотрудничество со СМИ, официальные заявления руководства «Врачей без границ», обращения в международные структуры (прежде всего, по линии ООН), публикации докладов и показаний свидетелей, а также составление петиций в адрес глав государств. Из новых форм отметим обращения MSF к своим многочисленным подписчикам в социальных сетях Интернета.

В целом, реакция «Врачей без границ» на события в Кундузе показывает, что гуманитарные организации в XXI веке обладают широким набором инструментов влияния на общественное мнение. В итоге компании в масс-медиа и пространстве Интернета, а также по линии международных организаций бомбардировку госпиталя MSF осудили в ООН, президент США Б. Обама принес извинения пострадавшим и их семьями, была создана комиссия для расследования трагедии. Однако до каких-то более значимых результатов так и не дошло. Пока расследование ограничилось лишь отчетом командующего международными силами содействия безопасности в Афганистане генерала Дж. Кэмпбелла, который в конце ноября 2015 года заявил, что трагедия произошла в результате «человеческой ошибки». Итак, даже Кундуз не стал прецедентом в деле привлечения к ответственности государства за нарушение международных соглашений по гуманитарному праву. Данное обстоятельство позволяет с известной долей сожаления констатировать: гуманитарные НПО в лице даже такой авторитетной организации как «Врачи без границ», заручившейся поддержкой широких слоев мировой общественности и влиятельных международных структур, в деле привлечения к суду государств (прежде всего, стран-лидеров) как нарушителей гуманитарного права и убийц своих сотрудников пока остаются бессильны.

Т.А. Батурина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНТАКТЫ РОССИИ И ГЕРМАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В статье рассматриваются основные направления развития художественных контактов между Россией и Германией в 1890–1918 годы. Автор подчеркивает тот факт, что в этот период межкультурный диалог двух стран достиг большого успеха.

Россия, Германия, межкультурный диалог, 1890–1918 годы.

ARTISTIC CONTACTS OF RUSSIA AND GERMANY AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

This article discusses the basic directions of development of artistic contacts between Russia and Germany in 1890–1918. The author emphasizes the fact that intercultural dialogue of the two countries during this period achieved great success.

Russia, Germany, intercultural dialogue, 1890–1918.

Период 1890–1918 годов отмечен в культурной жизни Германии оживленными спорами о традициях натуралистической живописи и отступлении от академизма. Основание многочисленных колоний художников в сельской местности, организация новых творческих объединений или, напротив, раскол старых организаций художников, основание журналов – все это было выражением поисков новых ценностей в искусстве и культуре рубежа веков, стремления к новому видению действительности [1].

А. Тихомиров выделяет в тексте Мюнхена, «практично приспособленный быт» города и характеризует его как «крупный международный художественный рынок с довольно широкими выставочными возможностями» [2]. Потому в «немецких Афинах» (так тогда называли Мюнхен) устраивались международные выставки в королевском Стеклянном дворце.

Для реализации креативной функции в Мюнхене имелись частные художественные школы, Королевская Академия художеств, переживавшая в то время начало нового подъема. Этот подъем был связан с изменением принципов обучения, с учебной реформой, проводимой К. Пилоти в начале 1870-х годов, по которой главным и единственным источником творчества была натура (т.е. постижение Genius loci), а не постижение только классических произведений искусства, как это было раньше. Об академической школе Пилоти художники говорили, что «она влила новые свежие силы в умиравшую академию» [3]. Л. Пастернак писал: «Пилоти… поставил Академию на небывалую ни до, ни после него высоту, так что учиться – особенно рисунку – многие предпочитали не в Париже, а в Мюнхене» [4].

Мюнхен обладал притягательной атмосферой для художников многих стран, которые искали новых форм в искусстве, стремясь обрести органику там, где ею все было пропитано.

Русские, югославские, польские, чешские, немецкие художники выходили из немецких художественных школ, сохраняя индивидуальные и национальные особенности своего творчества. Среди русских учеников Ашбе, например, были И. Грабарь, Д. Кардовский, М. Добужинский, И. Билибин, М. Шемякин, Д. Богословский, А. Мурашко, В. Кандинский, А. Явленский, М. Веревкина.

Ш. Холлоши, у которого было много русских учеников, «страстно верил в огромную роль, которую русскому народу предстоит выполнить в развитии

[1] Молева Н., Белютин Э. Школа Антона Ашбе. М. : Искусство, 1958. С. 13.

[2] Тихомиров А.Н. Искусство Венгрии IX–XX вв. М. : Изд-во Ак. худ. СССР, 1961. С. 35.

[3] Молева Н., Белютин Э. Указ. соч. С. 16.

[4] Лапшин В.П. Из истории художественных связей России и Германии в к. XIX–нач. XX века // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М. : Наука, 1980. С. 195.

человечества», аргументируя это «неисчерпаемыми природными богатствами» и «обилием одаренных людей» [5].

Тысяча восемьсот девяносто шестой год ознаменовался выпуском новых журналов: «Simplicissimus» и «Jugend». Вокруг журнала «Jugend» сгруппировались художники, выступавшие против авторитетов старшего поколения. Это движение привело к формированию стиля модерн (Jugendstil – Jugend – с нем. «молодость», «юность», «молодежь») в Германии. Название стиля определяло его суть как проведение «реформы жизни», когда «молодостью движет идеализм, природное благословление» [6]. Как принято, молодость избегает застывших догм, стремится к обновлению. Новые явления в искусстве с точки зрения старых считаются неправильными, незакономерными. Но они закономерны в ходе динамики культуры, для которой важен синтез креативных идей старого и нового, поскольку информация культурной памяти должна преобразовываться. Выпущенные журналы распространяли новые мысли и взгляды, «задавали специфический мюнхенский тон» [7].

Как уже отмечалось, начиная с 70-х годов XIX века в «художественную мастерскую Германии» стали приезжать русские художники, чтобы познакомиться с новейшими достижениями зарубежного искусства, повысить свой профессиональный уровень, для участия в выставках.

Немецкие художественные круги в свою очередь, проявляли интерес к русским мастерам, приглашая их к сотрудничеству. В 1909 году в Мюнхене было основано «Новое художественное объединение», в которое вошли Эрбслен, Явленский, Кандинский, Кубин, Мюнтер и Веревкина. «Новое объединение художников Мюнхена» стремилось «к художественному синтезу» и поиску «освобожденных» форм. «Новое объединение» было основано на интернационализме. Его движущими силами были русские, которые на себе испытали влияние развития французского изобразительного искусства и к которым примкнули близкие им по духу немецкие мастера. Но, как пишут критики, «объединенные силы не представляли собой однородного коллектива, что предопределяло их поляризацию», которая к тому же сопровождалась борьбой между «патриотами» и «космополитами». На этом уровне не произошел синтез культур.

В 1911 году после разногласий с жюри «Мюнхенского Сецессиона» художники Кандинский, Марк, Верёвкина, Арп, Кампендонк и Мюнтер организовали творческую группу «Синий всадник».

Свои принципы и цели они изложили в 1912 году в одноименном альманахе. Редакция альманаха устраивает ряд выставок, в основе которых «разнообразие художественных манер», синтез только что народившегося абстракционизма и утвердившегося реализма. И для альманаха, и для выставок было характерно многоголосье «всех великих в духовном отношении стран», непосредственность общения деятелей культуры этих стран, не знающей преград.

Многие искусствоведы отводят «Синему всаднику» роль родоначальника «сравнительной истории искусств». Для сопоставления использовались немецкая подстекольная живопись, русский лубок, французская народная графика, африканская скульптура.

Русские и немецкие художники (Василий Кандинский, Франц Марк, Габриэла Мюнтер, Алексей Явленский, Марианна Веревкина, Пауль Клее, Август

---

[5] Тихомиров А.Н. Указ. соч. С. 195.

[6] Sembach K.-J. Jugendstil. Köln : TASCHEN GmbH, 2007. S. 21.

[7] Ibid. S. 89.

Маке, Альфред Кубин) объединились под экспрессионистской концепцией. Их связывали как общая любовь к средневековому искусству и примитивизму, так и большой интерес к современному французскому искусству.

Решающее значение имели народные традиции, русский и немецкий фольклор. Деятельность «Синего всадника» была основана на межкультурном диалоге. Общего стиля не получилось, каждый художник сохранил свои творческие особенности. Но «Синий всадник» вписал значительную страницу в историю мировой художественной культуры. Ведь именно «на границах с другими культурами и эпохами», «находящихся в диалоге и взаимодействии друг с другом», возникает, по мнению М. Бахтина, настоящая культура.

Список литературы

1. Лапшин, В.П. Из истории художественных связей России и Германии в к. XIX – нач. XX века [Текст] // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. – М. : Наука, 1980. С. 193–235.
2. Молева, Н. Школа Антона Ашбе [Текст] / Н. Молева, Э. Белютин. – М. : Искусство, 1958.
3. Тихомиров, А.Н. Искусство Венгрии IX–XX вв [Текст]. – М. : Изд-во Ак. худ. СССР, 1961. – 188 с.
4. Sembach, K.-J. Jugendstil [Text]. – GmbH ; Köln : TASCHEN, 2007. – S. 21.

М.П. Беляев

БРАНДЕНБУРГ И ПРАЖСКИЙ МИР 1635 ГОДА

В статье рассматривается политика Бранденбурга по отношению к Пражскому миру 1635 года. Курфюрст Бранденбурга был поставлен перед сложным выбором: какого союзника выбрать. Император предлагал курфюрсту Померанию, чего не смогла сделать Швеция. Георг Вильгельм выбрал союз с императором, что повлекло в дальнейшем пагубные последствия.

Бранденбург, Саксония, Померания, Швеция, Георг Вильгельм, курфюрст, Пражский мир.

BRANDENBURG AND PEACE OF PRAGUE 1635

The article discusses the politics of Brandenburg towards the Peace of Prague in 1635 Elector of Brandenburg was faced with a difficult choice: what to choose an ally. The emperor offered to the Elector Pomerania, which failed to make Sweden. George William chose an alliance with the Emperor, which resulted in further harmful consequences.

Brandenburg, Saxony, Pomerania, Sweden, George William, Elector, Peace of Prague.

Длительные переговоры саксонского курфюрста Иоганна Георга с императором привели к заключению сепаратного мира 26 мая 1635 года. Протестантская Саксония стала союзницей императора-католика.

Пражский мир завершил религиозную фазу войны. Католики – Фердинанд II и Максимилиан Баварский перешли от воинственного конфессионализма к умеренной политике. Договор устраивал умеренных католиков, опасавшихся вступления Франции в войну на стороне противников императора. Целью Пражского мира для Габсбургов было объединение германских княжеств и затем вытеснение иностранных войск из Империи.

Устанавливался 1627 «нормальный год» по состоянию территорий и конфессий. Не в 1612 или 1618 году, к чему Саксония первоначально стремилась, а 22 ноября 1627 года была установлена соответствующая дата для определения права владения в духовных княжествах. Северо-западные немецкие епископства Бремен, Ферден, Минден, Хальберштадт должны были передаваться католическим владельцам. Саксония уступала право голоса протестантских правителей в секуляризованных епархиях и соглашалась, по сути, на отмену «духовной оговорки», а также на исключение из общей амнистии наследников курфюрста Пфальца (ум. в 1632), ландграфа Гессена и других протестантских князей. Это сделало возможным захват их земель католиками, особенно в Вюртемберге. Саксония признала католицизм единственной религией во владениях императора, за исключением Силезии, и согласилась на получение Максимилианом Баварским титула курфюрста и земель на правом берегу Рейна. Наконец, в Пражском мирном договоре 1635 года признавалось только Аугсбургское и родственные ему вероисповедания. Кальвинизм был безоговорочно запрещен на землях Империи.

Все созданные союзы в Империи, за исключением союзов курфюрстов, распускались. Князьям и другим имперским чинам запрещалось иметь войск больше, чем было необходимо для содержания их крепостей. Участники договора были обязаны помогать императору и католикам изгнать иностранные войска с территории Империи. Император получал неограниченную верховную военную власть и единоличное право представлять Империю за рубежом.

Действие Реституционного эдикта 1629 года приостанавливалось на 40 лет. Это означало восстановление земельных владений католической церкви на юге и западе, а также в Нижней Саксонии, некоторые из которых были ранее захвачены протестантами, за исключением Магдебурга, который был гарантирован как пожизненное владение герцогу Августу Саксонскому. Саксония получала также ранее находившиеся в залоге Лаузиц и ряд небольших епископств.

Курфюрст Бранденбурга должен был выбирать между двумя коалициями. Нельзя было надеяться, что Голландия отдаст Георгу Вильгельму Юлих, а Швеция – Померанию. От Франции тоже нельзя было ожидать успешного влияния на эти обе страны. Авторитет императора и империи укоренился слишком глубоко. Курфюрста пугали, что Швеция могла бы опустошить страну. Шварценберг как сторонник проимператорской ориентации получал преимущество перед другими членами Тайного совета, которые оставались верными протестантской коалиции. Самое важное содержалось в той статье Пражского мира, где говорилось, что если бы курфюрст Бранденбурга присоединился к договору, то императором допускалось наделение его леном в виде Померании.

Тогда Бранденбург должен будет поддержать избрание сына императора римским королем. На этих основах Георг Вильгельм объединялся с императором. Все усердие бранденбургского курфюрста было направлено на приобретение Померании в союзе с императором и Империей. В то время как Шварценбергу удалось перетянуть курфюрста на сторону императора, шведы сохраняли симпатии жителей марки.

Протестантские публицисты поносили Пражский мир как новое иудино произведение альбертинского дома. В Берлине также был повод жаловаться на несоблюдение бранденбургских интересов этим договором. Лаузиц, отошедший Саксонии, когда-то принадлежал Бранденбургу. То же касалось и Магдебурга. Оставался неурегулированным Пражский мирным договором спор о юлихском наследстве, который все еще стоял между Бранденбургом и Саксонией. Та же ситуация была и с герцогством Пруссия. Саксонский курфюрст, супруга которого была дочерью последнего прусского герцога, мог выдвинуть претензию на это бранденбургское владение.

Когда мирные переговоры между императором и Саксонией приближались к цели, шведский канцлер Оксеншерна сделал замечательный поворот в отношении Бранденбурга. В начале мая 1635 года в Майнце Оксеншерна предложил своему бранденбургскому коллеге Гетцу заключить договор, согласно которому Швеция предоставляла Бранденбургу Померанию после окончания войны взамен епископств Магдебург, Хальберштадт и Оснабрюк, а также одной из померанских гаваней для связи с Магдебургом.

Устно шведский канцлер давал бранденбургскому понять, что Франция согласна с этим проектом. Кроме того, Франция и Швеция были склонны передать Бранденбургу не только Лигниц и Егерндорф, но и всю Силезию. Представленный Оксеншерной проект предлагал основу соглашения, которое, если бы оно осуществилось, содержало бы для Бранденбурга самое лучшее решение. То, что здесь не обман, говорил сделанный в течение короткого времени следующий шаг шведов: они больше не требовали территориальных приобретений, а только лишь денежную компенсацию. Но курфюрст Бранденбурга не использовал этот шанс. В то время как Гетц вел переговоры в Майнце, проимператорски настроенный министр курфюрста граф Шварценберг делал это в Дрездене с противоположной силой.

Присоединение Бранденбурга к императору было исключительным событием. Шварценберг заручился поддержкой советников, сословий, придворных проповедников, чтобы оказать влияние на курфюрста для принятия соответствующего решения.

Сословия были готовы принять мир. Присутствующие в Берлине советники Кнезебек, Балтазар фон Брунн и Штрипе принципиально не выступали против, но рекомендовали не торопиться с окончательным решением. Кальвинистский придворный проповедник и его лютеранские коллеги высказались единогласно по представленному им вопросу, мог ли бы курфюрст заключать мир, исходя из интересов своей религии.

Когда в июне в Берлин прибыло официальное сообщение о заключении Пражского мира с ультиматумом императора всем имперским чинам присоединиться к договору в течение 10 дней, Георг Вильгельм попросил еще раз совет сословий. Они отвечали: плохой мир лучше, чем непрерывное беспокойство. Но сословия делали оговорку, что общий мир должен быть также распространен на Швецию. Они просили курфюрста, чтобы в этом смысле он повлиял на Саксонию и Швецию.

Георг Вильгельм направил на переговоры с Оксеншерной приверженца Шварценберга, военного советника фон Блументаля. Шведский канцлер уклонялся, однако, от нужного категоричного заявления по Померании и предлагал проведение общих мирных переговоров.

Через 3 недели после возвращения Блументаля в Дрезден был направлен Шварценберг, чтобы добиваться признаний от Иоганна Георга в отношении прав Бранденбурга на Юлих и Пруссию. По поводу Юлиха и Померании Оксеншерна уклонился от прямого ответа, но не исключал возможность, что Швеция могла бы довольствоваться денежной компенсацией.

Пока шли переговоры, императорские и саксонские войска из Силезии или Лаузица могли напасть на марки. Шведы были также готовы к вторжению. Бранденбург оказывался между двух огней. Георг Вильгельм пока выбирал, рассчитывая, что Шварценберг добьется лучших условий: восстановление курфюрста Пфальца, общей амнистии и отказа Саксонии от прав на Юлих. Но все же граф и без удовлетворения этих условий пошел на присоединение Бранденбурга к Пражскому миру. Вместо того, чтобы оказывать влияние со своей стороны на ход переговоров, курфюрст дал приказ Шварценбергу в Дрезден объявить о присоединении Бранденбурга к мирному договору. Нельзя упрекать за это Шварценберга. Он должен был выполнить приказ Георга Вильгельма. В то же время граф содействовал принятию курфюрстом такого решения, которое противоречило позиции большинства членов Тайного совета и общественному мнению. Впоследствии все ошибки возложили на Шварценберга не только его противники, но и сподвижники.

В сентябре 1635 года между курфюрстом Саксонии как единственным уполномоченным императора и шведским канцлером начались мирные переговоры. Оксеншерна отказывался от территориальных претензий в Германии и требовал лишь возмещения военных расходов в размере 8 млн гульд., до уплаты которых город Магдебург должен был оставаться шведам в залог. Иоганн Георг соглашался на выплату только 1 млн гульд. Напрасно Георг Вильгельм писал своему соседу (18 сентября), насколько выгоден отказ Швеция от территориальных претензий. Бранденбургский курфюрст более всего был заинтересован в принятии шведских предложений (Померания оставалась бы ему). Но, вероятно, саксонцы завидовали значительному территориальному приросту своего бранденбургского соседа. Отклонение шведских предложений саксонским двором стало одним из самых роковых событий в истории Тридцатилетней войны.

Пражский мир стал пагубным для Бранденбурга. Но нельзя сваливать всю вину на Георга Вильгельма, который принял решение о присоединении к миру, предварительно посоветовавшись с представителями сословий и духовенством.

А.М. Бирюков

РОЛЬ МИРОВЫХ ЦЕН НА НЕФТЬ В ПРОТИВОСТОЯНИИ США И СССР 1970–1980-Х ГОДОВ

В статье рассмотрены усилия США по контролю за формированием мировых цен на нефть в 1970–1980-х годах. Автор делает вывод, что эта деятельность использовалась правительством США в качестве геополитического оружия в борьбе против СССР.

Советский Союз, США, цены на нефть, 1970–1980-е годы.

WORLD OIL PRICES AND SOVIET-AMERICAN RELATIONS
IN 1970–1980

The article discusses the efforts of the United States to control the formation of world oil prices in the 1970–1980s. The author concludes that this was used by the Government of the United States as a geopolitical weapon in the fight against the Soviet Union.

The Soviet Union, the United States, oil prices, 1980–1970.

Внешняя политика государства реализуется в виде его взаимоотношений с другими странами исходя из своих интересов. В этом плане наиболее показательны отношения США и СССР периода «холодной войны», когда именно эти сверхдержавы (т.е. страны, имеющие ядерное оружие и обладающие мировым влиянием) в своем противостоянии старались по-своему определить судьбу мира.

Это противостояние имело не только политические и военные формы. Не столь явно, но не менее основательно на характер отношений этих сверхдержав влиял и нефтяной фактор как феномен мировой политики и мировой экономики. Существенная разница США и СССР в нефтяном вопросе заключалась в том, что если СССР той эпохи был страной нефтепроизводящей, то США – нефтепотребляющей. С экономической точки зрения Москва и Вашингтон участвовали в «холодной войне» с разных позиций, и если Москва могла помимо прочего поставлять своим союзникам энергоресурсы, то США делали упор на экспорт товаров массового потребления, экспорт «американского образа жизни».

Серьезной проблемой советской внешней политики был процесс колебания мировых цен на нефть, и влияние этого на внешнюю политику СССР имело многофакторный характер. Так, с точки зрения интересов внутренней политики советское руководство было заинтересовано в сохранении высоких мировых цен на углеводороды (помимо нефти это и газ, и уголь), что позволяло реализовать широкие социальные и экономические проекты – от решения проблем в сфере образования и здравоохранения до финансирования перспективных разработок по линии ВПК.

Эта зависимость внутренней политики от масштабов продажи нефти за рубеж установилась на рубеже 1960–1970-х годов, когда практически одновременно в СССР начали осваиваться нефтяные месторождения Западной Сибири (Самотлор, Нефтеюганск, Нижневартовск), а страны Запада начали испытывать жесткий дефицит нефтяного импорта из стран Персидского залива, решивших наказать Запад за поддержку Израиля быстрым ростом цен на нефть. Результатом действия этих факторов стало то, что многообещающие проекты так называемых «косыгинских реформ» в СССР были свернуты, тем более что партийная элита видела в росте экономической самостоятельности предприятий угрозу ведущей роли правящей партии. Появление в советской казне массы «нефтедолларов» позволило не идти на болезненные и пугающие экономические эксперименты (способные еще тогда повести СССР по «китайскому пути»), а приобрести все необходимое для решения промышленных и социальных задач за рубежом.

Это слабое место экономики СССР было вполне очевидным, и не удивительно, что «главным противником» Москвы было решено использовать воз-

можность применить «нефтяное оружие» против советского государства. Если президент-республиканец Р. Никсон мерами «разрядки» содействовал росту советского нефтеэкспорта (в интересах европейских членов НАТО, пострадавших от роста мировых цен на нефть) и установлению зависимости экономики СССР от него, то другой президент-республиканец – Р. Рейган – использовал это для нанесения удара по советской экономике в 1985 году путем обвала мировых цен на нефть. Это должно было сократить военную поддержку Москвой своих союзников по всему миру и ослабить экономические способности руководства СССР для решения многих внутренних проблем.

Интересно отметить, что в отношении стран Персидского залива возможности Вашингтона применить «нефтяное оружие» были ограничены, и не только тем, что те не претендовали на политическое или идейное лидерство в мире – эти государства постепенно начали вкладывать избыточные массы «нефтедолларов» в экономику самих США, осуществляя таком образом реинвестирование американской валюты в акции американских предприятий. Это, в свою очередь, привязало страны региона к США, в том числе политически. И если власти Саудовской Аравии согласились (по предложению США) увеличить нефтедобычу с тем, чтобы соответствующим падением мировых цен ударить по СССР, то США в ответ охотно предоставили Эр-Рияду военно-политические гарантии (к ним саудиты прибегли уже в 1990 году, опасаясь иракского вторжения).

Опыт мирового топливно-энергетического кризиса 1973 года показал Вашингтону, что стабильность США в вопросе нефтеимпорта может постоянно находиться под угрозой из-за действий основного поставщика нефти, и безопасность может быть достигнута только проведением политики диверсификации – пусть нефть, получаемая из нескольких стран, будет дороже нефти монопольного поставщика, но это станет гарантией постоянного насыщения американской экономики «черным золотом». И хотя сами США не закупали советскую нефть (помимо нефти Персидского залива, Вашингтон активно покупал нефть Венесуэлы и имел внутреннее нефтепроизводство в Техасе), но вот союзники США в Европе имели к советской нефти марки «юралс» прямой и явные интерес. Советская экономика, покрывая внутреннее потребление, могла направлять и саму нефть, и продукты ее переработки и значительные денежные средства, полученные от ее продажи, на реализацию своей внешней политики, в том числе на поддержку своих союзников. Именно поэтому СССР, уступая США в 3–4 раза по основным экономическим показателям (по оценке А.Н. Косыгина), мог во многом на равных соперничать с США в борьбе за мировое лидерство.

Следует помнить и то, что эта «большая игра» с мировыми ценами на нефть шла в разгар ирано-иракской войны 1980–1988 годов. Москве в первой половине 1980-х годов нестабильность в Заливе была выгодна, ибо военные риски автоматически повышали мировые цены на «черное золото». Однако с приходом к власти М.С. Горбачева, в условиях крайне невыгодного для СССР нефтяного демарша Саудовской Аравии (осень 1985 года) СССР начал выступать за мир в Заливе (без такого поворота политики Москвы, поддерживавшей оружием Ирак, завершение войны было бы нереально). Итог весьма показателен – если в первой половине 1980-х годов цена за баррель советской нефти определялась в 31–32 доллара, то на 1985–1986 годы (саудовсий демарш) – только в 13,2 доллара, а в 1988–1989 годах (завершение ирано-иракской войны) – 13,9 доллара. Эти спады эконо-

мически и предопределили как начало перестройки в СССР, так и ее экономически провальный характер. Небольшой подъем цены (до 22 долларов за баррель «юралс»), пришедшийся на «Войну в Персидском заливе» 1990–1991 годов, уже не смог сыграть положительной роли на фоне рассыпающегося и экономически, и политически Советского Союза.

Наследие той «нефтяной войны» между США и СССР не осталось в прошлом. Так, сейчас власти России вынуждены принимать кардинальные меры по минимизации убытков от очередного падения мировых цен на нефть, и это воспринимается как результат едва ли не антироссийского заговора. Однако одновременно с указанным падением цен на нефть, которое было спровоцировано Саудовской Аравией, Россия поддерживает выход на мировой рынок дешевой нефти Ирана, что, казалось бы, должно стать для Москвы дополнительным источником беспокойства, однако этого не происходит. Можно предположить, что именно такие меры могут заставить США отказаться от дорогостоящих проектов освоения нефти Мексиканского залива и Арктики, а также сделают нерентабельной добычу в США сланцевой нефти. Если Вашингтону придется вернуться к закупкам углеводородного сырья у стран Персидского залива, то и российская нефть начнет быстро расти в цене.

Политическая карта мира за последние десятилетия изменилась, но законы мировой экономики неизменны. Как и раньше, человечество нуждается в нефти и продуктах ее переработки, и это в XXI веке будет определять ведущее значение этого энергоресурса. Можно не сомневаться в том, что – хотя и в новых условиях – «мировая нефтяная война» будет продолжаться.

А.В. Борзов

АМЕРИКАНСКИЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОТЕСТАНТЫ О «РЕЛИГИОЗНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ» В США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья рассматривает феномен религиозного возрождения в американском обществе после Второй мировой войны. В 1940–1950-х годах усиливалась роль церквей в социуме, жизнь религиозных общин процветала с точки зрения внешних параметров. В то же время данное явление неоднозначно воспринималось видными представителями протестантских конфессий. Автор уделяет особое внимание тому, что в феномене религиозного возрождения 1940–1950-х годов вызывало критику со стороны американских и европейских христиан.

США, 1940–1950-е годы, религия, протестантизм, «Христианство и кризис».

AMERICAN AND EUROPEAN PROTESTANTS' VIEW ON THE POST-WW2 RELIGIOUS REVIVAL IN THE USA

The paper analyzes the phenomenon of the religious revival in the American Society after World War Two. The period of the 1940–50s witnessed growth of churches' role in the society, and religious communities were thriving from the point of view of external characteristics. At the same time, this phenomenon was viewed in

the ambivalent way by some prominent representatives of Protestant groups. The author pays special attention to those elements of the 1940–50s religious revival which were criticized by American and European Christians.

the USA, the 1940–50s, religion, Protestantism, "Christianity and Crisis".

После Второй мировой войны в американском обществе происходило усиление роли религии. На это указывали такие факторы, как рост числа прихожан, активное строительство культовых зданий, активизация евангелического движения, заметное присутствие религии в общественно-политическом дискурсе, начало использования церквями современных средств массовой коммуникации. Кульминация данной тенденции приходится на середину 1950-х годов. Активизация церковной жизни имела место во всех религиозных группах – среди протестантов, католиков и иудеев. Однако феномен «религиозного возрождения» чаше всего становился объектом рефлексии и саморефлексии в среде мейнстримного протестантизма. Многие протестанты в США и их собратья из Европы делились своими критическими размышлениями по поводу послевоенного всплеска религиозности в Америке на страницах издания «Христианство и кризис».

Те иерархи и религиозные интеллектуалы, которые стремились к объективности в оценке религиозной жизни США, были склонны считать, что послевоенное религиозное возрождение Америки проявлялось, прежде всего, во внешних параметрах в ущерб подлинному евангельскому духу и внутреннему содержанию христианской жизни. Известный британский священник и богослов Алек Видлер (Англиканская церковь), посетивший Америку в 1947 году, отмечал, чтов США церковная жизнь непревзойденна по таким характеристикам, как «богатство, комфорт», «эффективность организации религиозный услуг и [различных видов церковной] деятельности» [1]. Епископ Лютеранской церкви Швеции Эйвинд БерггрLав, побывавший с длительным визитом в США в 1955 году, был впечатлен количеством прихожан и особой братской атмосферой церковных общин в этой стране. Бергграв отмечал, что американцы ходят в церковь семьями, при этом и родители, и дети вместе образуют как бы «коллективное членство» в религиозной организации. Все это контрастировало с индивидуалистическим духом церковной жизни европейских протестантов, по мнению шведского епископа [2]. Однако уже само благолепие и привлекательность церковной жизни имели и негативную сторону. По мнению А. Видлера и Э. Бергграва, внешнее процветание религии в США заменяло Христа, вытесняло живую религиозность и общение с Богом, становясь суррогатом подлинно христианской жизни.

Феномен американского пригорода, который возник именно в 1950-е годы, совпал по времени с «религиозным возрождением» и был неразрывно с ним связан. Протестантские интеллектуалы отмечали негативное воздействие мещанской среды пригородов на религиозную жизнь. По их мнению, в «suburbia» христианство утрачивало фундаментальный мессидж вселенскости, универсальности во Христе, приобретало партикуляризм и социально-классовую ограниченность. В период расцвета пригородов христиане оказались разделенными между собой по критериям «расы, экономического положения, места житель-

[1] Christianity and Crisis. 1947. 8 July. P. 4.
[2] Ibid. 1955. 10 Jan. P. 13.

ства», а церкви мейнстримного протестантизма стали клубами «высокопробных» христиан, наслаждающихся обществом друг друга» [3]. Европейские протестанты, как их собратья из США, тоже отмечали «клубный» характер многих конгрегаций Америки [4]. Акцент на респектабельность и привлекательность, по мнению религиозных интеллектуалов, сковывал самостоятельность священника как проповедника евангельских истин и обличителя пороков и грехов общества и индивида [5]. В 1947 году Алек Видлер говорил о законническо-морализаторском характере проповедей в американских церквях, однако он отмечал, что проповедуемый закон проникнут «романтизмом», мало связан со Священным Писанием и лишен евангельского духа [6]. Один из авторов издания «Христианство и кризис» высказывал мнение, что «слова Иисуса Христа о том, что Он “пришел принести не мир, но меч”», были категорически противопоказаны социокультурной среде американского пригорода, и что в этой среде понятия «покаяния, страдания, жертвы», потеряли актуальность, стали «неудобными отклонениями, … были низведены до положения… слов, упоминаемых на богослужении» [7].

В конце 1940–1950-х годов, в связи с холодной войной, христианство использовалось на службе американской идее настойчивее, чем до этого. Многие протестанты в США критиковали пропаганду христианства и Евангелия в качестве средства консолидации американского общества, полагая, что это ведет к искажению евангельских идеалов и национальному самодовольству. В 1952 году богослов Дэвид Робертс писал, что «если принимать Новый Завет всерьез, то он не позволяет людям быть безоглядно преданными современным представлениям об американском образе жизни» и призывал сограждан и единоверцев по вере покаяться в том, «что они пытались влить новое вино Евангелия в какие-то специфические американские мехи» [8].

В 1950-х годах протестантские церкви США стали активно использовать радио и телевидение для трансляции религиозного влияния на массовое общество. Однако пастор Конгрегационалистской церкви Листон Поуп отмечал, что соответствующая теле- и радиопродукция нередко фальсифицировала или игнорировала Евангелие, приспосабливала религию к американскому образу жизни. Неприятие Поупа вызывало то, что в теле- и радиоевангелизме христианские ценности «предлагались в качестве панацеи для поддержания силы Америки». Кроме того, пастор критиковал религиозные программы, претендовавшие на пропаганду семейных ценностей. По словам Поупа, многие из такого рода фильмов упрощали «трудное искусство христианской семейной жизни» и становились «лучшим аргументом в пользу безбрачия» [9].

Таким образом, по мнению части протестантских интеллектуалов конца 1940–1950-х годов, многие стороны «религиозного возрождения» при внимательном рассмотрении оказывались едва ли не потенциальными проявлениями деградации церковной жизни и религиозного сознания американцев. Претензии вызывал тот факт, что религия, влияние которой действительно усиливалось,

---

[3] Christianity and Crisis. 1956. 2 Apr. P. 33–34.
[4] Ibid. 1952. 3 Mar. P. 13.
[5] Ibid. 1956. 2 Apr. P. 33.
[6] Ibid. 1947. 8 Jul. P. 5.
[7] Ibid. 1956. 2 Apr. P. 33.
[8] Ibid. 1952. 3 Mar. P. 19–20.
[9] Ibid. 1955. 24 Jan. P. 147.

слишком тесно встраивалась в доминировавший тогда в США политический, экономический и социально-культурный порядок, что вело к выхолащиванию подлинно религиозного, евангельского содержания из американского христианства. Можно согласиться с американским социологом Норманном Бирнбаумом, который в 1959 году писал, что «новая американская религиозность» – это противоречивое явление, иллюстрирующее одновременно и «секулярную коррозию религии, и возрождение американских церквей» [10].

Список литературы

1. Christianity and Crisis [Text]. – 1947–1959.

А.Н. Бурлаков

ВИШИСТСКАЯ ФРАНЦИЯ И США: ФРАНКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Долгое время отношения между правительством Виши и администрацией Франклина Д. Рузвельта носили особый и привилегированный характер. Целью США было не допустить перехода французской колониальной империи и флота под контроль немцев. Франко-американское сотрудничество нашло свое выражение в подписании соглашения Вейгана-Мэрфи, согласно которому 12 американских вице-консулов направлялись во французскую Северную Африку для контроля за поставкой грузов невоенного назначения гражданскому населению.

Вторая мировая война, франко-американские отношения, Северная Африка, маршал Петэн, Франклин Д. Рузвельт, соглашение Вейган-Мэрфи, союзные державы, нацистская Германия.

VICHY FRANCE AND THE UNITED STATES: FRANCO-AMERICAN RELATIONS DURING THE SECOND WORLD WAR

For a long time the relations between the Vichy government and the administration of Franklin D. Roosevelt had a special and privileged character. America's interest lay in preventing the French Fleet and the Empire from falling into German hands. Franco-American cooperation has found the expression in signing of the Murphy-Weygand Agreement, which provided for the sending of twelve American vice consuls to the North Africa to supervise the delivery of nonmilitary goods to the civilian population.

the Second World War, French-American Relations, the North Africa, the Vichy government, marshal Petain, Franklin D. Roosevelt, the Murphy-Weygand Agreement, Allies, Nazi Germany.

После того как последний французский парламент Третьей Республики передал всю полноту власти маршалу Петэну, США сразу признали новый ре-

[10] Christianity and Crisis. 1959. 21 July. P. 21.

жим, получивший свое название по курортному городку Виши, где разместилось правительство. Готовность обеих сторон к сотрудничеству имела не только политическое, но и личностное объяснение.

Маршал Петэн, ставший во главе режима Виши, был известен своими симпатиями к США. Эти симпатии сформировались еще в годы Первой мировой войны. В то время как другие французские военачальники и их британские коллеги отводили заокеанским партнерам второстепенную роль, Петэн предугадал, что именно американская мощь станет той силой, которая склонит чашу весов в сторону Антанты [1]. Петэн и командующий американскими войсками в Европе генерал Першинг были не только единомышленниками, но и друзьями. «Я жду танки и американцев», – так отвечал Петэн своим критикам, подталкивавшим его к неподготовленному наступлению [2]. В межвоенный период дружеские отношения маршала Франции и американских властей сохранялись. В октябре 1931 года Петэн был приглашен в США в качестве официального французского представителя на празднование 150-й годовщины победы над англичанами при Йорктауне. В августе 1932 года уже генерал Першинг оказался рядом с маршалом Петэном при открытии французского военного мемориала в Дуомоне. И в годы Второй мировой войны главные свои надежды Петэн возлагал на американцев, невзирая на немецкий контроль и диктат. Шестнадцатого июня 1940 года, через два дня после вступления немцев в Париж, Петэн сказал министру образования Альберу Риво: «Это уже было. Американцы выиграют, как в 1918 году. Надо продержаться до этого времени» [3].

Администрация Ф.Д. Рузвельта также проявляла интерес к налаживанию диалога с маршалом. Посла в Виши американцы подбирали из числа военных с расчетом на то, чтобы установить с главой Французского государства доверительные отношения. Сначала выбор пал на старого друга маршала, генерала Першинга, но из-за его болезни от кандидатуры последнего пришлось отказаться. Вместо него в качестве посла США в Виши был направлен адмирал Уильям Леги, бывший губернатор Пуэрто-Рико. Одновременно с ним во Французскую Северную Африку прибыл американский дипломат Роберт Мэрфи, много лет проработавший во Франции.

Франко-американское сотрудничество удивительно быстро наладилось. Десятого марта 1941 года вступило в силу соглашение, получившее название «соглашение Вейгана-Мэрфи». Согласно ему США обязались поставлять товары и горючее в Алжир, Тунис и Марокко за счет французских средств в американских банках. В меморандуме генерала Вейгана была зафиксирована позиция Виши в отношении Америки: «С политической точки зрения это соглашение обеспечило важные преимущества. Франция, благодаря своей империи, осталась единственной европейской державой, сохраняющей экономические отношения с США. До тех пор, пока французы будут контролировать эти территории, уважение англосаксов к нам обеспечено. Соглашение расширит возможности для тесных экономических и политических контактов с державой, которая в любом случае будет одним из арбитров в конце этой войны» [4].

---

[1] Ferro M. Pétain. P. : Fayard, 1993. P. 300.

[2] Painlevé P. Comment j’ai nommé Foch et Pétain. La Politique de guerre de 1917. P. : Librairie Félix Alcan, 1923. P. 211.

[3] Dreyfus F.-G. Histoire de Vichy. P. : Perrin, 1990. P. 169.

[4] Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны 1939–1945 : Из истории взаимоотношений. М. : Наука, 1974. С. 115–118.

Для американцев же самое главное в этом соглашении заключалось в возможности держать в Северной Африке дюжину вице-консулов. Формально их задача состояла в наблюдении за поставками американских товаров во французские колонии. На деле они занимались сбором разведданных. Вот как об этом рассказывал после войны адмирал Леги: «Все знали, что речь идет о шпионаже. Петэн и Дарлан были в курсе. С разрешения Вейгана американские агенты могли использовать дипломатическое прикрытие. Собранных разведданных со временем становилось все больше и больше. Что бы ни происходило в Северной Африке, мы об этом знали и всегда были во всеоружии» [5].

Двенадцатого декабря 1941 года, после нападения японцев на Перл-Харбор и вступления во Вторую мировую войну США, Петэн пригласил к себе американского посла Леги. Ему было заявлено, что Виши будет придерживаться нейтралитета. В канун нового 1942 года Рузвельт направил Петэну дружеское письмо, в котором подчеркнул желательность сохранения дипломатических контактов между двумя странами [6].

Высадка союзников в Северной Африке (операция «Факел») и полная оккупация немцами Франции положили конец сотрудничеству между Виши и США. Дипломатические отношения были разорваны, однако неформальные связи сохранялись. Примечательно, что черновик письма маршалу с объявлением о высадке союзников Рузвельт начал со слов «Дорогой старый друг» [7]. Хотя Петэн официально выразил сожаление по поводу действий США, есть свидетельства тому, что маршал был обрадован известием о высадке американцев [8]. В своем радиообращении 24 декабря 1942 года Петэн в завуалированной форме намекнул, что связывает скорое освобождение Франции с американской военной мощью [9].

После разрыва с Виши и превращения Петэна в немецкого пленника американцы стали искать альтернативную фигуру, способную объединить вокруг себя силы Сопротивления во Франции. Первоначально США наотрез отказались поддерживать британскую креатуру в лице де Голля, видевшего в Петэне чуть ли не большего врага, чем немцы. Примечательно, что США делали ставку на адмирала Дарлана, занимавшего в правительстве Виши пост премьер-министра (1941–1942) и оказавшегося в Северной Африке. Если бы не убийство Дарлана, очевидно, организованное британскими и голлистскими спецслужбами, франко-американские отношения после войны, да и судьба самого Петэна могли бы сложиться иначе.

Даже тогда, когда все отвернулись от Петэна, США оказывали ему помощь по мере возможностей. На процессе Петэна было зачитано письмо бывшего американского посла Леги в поддержку маршала [10].

Возможно, в отношении американцев Петэн был старомоден и отстал от жизни. Сентиментальность свойственна старости. Он жил воспоминаниями о боевом братстве времен Первой мировой войны. Уповая на США, Петэн не подозревал, как президент-демократ Ф.Д. Рузвельт собирается «отблагодарить»

[5] Le Figaro. 1950. 17 mars.

[6] Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. США и Франция в годы войны 1939–1945 : из истории взаимоотношений. М. : Наука, 1974. С. 153.

[7] Woodward E.L. British Foreign Policy in the Second World War. L. : HMSO, 1971. Vol. II. P. 357–358.

[8] Tournoux J. R. Pétain et la France. P. : Plon , 1980. P. 411.

[9] Pétain Ph. Messages d’outre-tombe du maréchal Pétain. P. : Nouvelles éditions latines, 1984. P. 62.

[10] Leahy W. J’étais là. P. : Plon., 1950. P. 243.

Францию за помощь в Северной Африке. Во время своей встречи с У. Черчиллем в Каире в 1943 году Рузвельт заявил, что Индокитай и Марокко не будут возвращены Франции, а Дакар перейдет под опеку США[11]. План Рузвельта также предусматривал военную оккупацию Франции и ее расчленение – создание буферного государства под названием «Валлония», которое должно было вобрать в себя северо-восточные районы страны. Этот план Рузвельт представил в ноябре 1943 года перед Объединенным комитетом начальников штабов [12]. Америка не изменилась, но у нее появились новые возможности.

Список литературы

1. Севостьянов Г.Н., США и Франция в годы войны 1939–1945: из истории взаимоотношений [Текст] / Г.Н. Севостьянов, А.И. Уткин. – М. : Наука, 1974.
2. Уткин, А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта [Текст]. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990.
3. Dreyfus, F.-G. Histoire de Vichy [Text]. – P. : Perrin, 1990.
4. Ferro, M. Pétain. [Text]. – P. : Fayard, 1993.
5. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers: Europe 1942 [Text]. – Washington, 1960. – Vol. II.
6. Leahy, W. J'étais là [Text]. – P : Plon., 1950.
7. Le Figaro [Text]. – 1950. – 17 mars.
8. Painlevé, P. Comment j'ai nommé Foch et Pétain. La Politique de guerre de 1917 [Text]. – P. : Librairie Félix Alcan, 1923.
9. Pétain, Ph. Messages d'outre-tombe du maréchal Pétain [Text]. – P. : Nouvelles éditions latines, 1984.
10. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers : The Conference at Cairo and Teheran [Text]. – Wash. : Government Printing Office, 1961.
11. Tournoux, J. R. Pétain et la France [Text]. – P. : Plon , 1980.
12. Woodward, E.L. British Foreign Policy in the Second World War [Text]. – L. : HMSO, 1971. – Vol. II.

С.А. Васильева

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ТЮРЕМНЫХ КАПЕЛЛАНОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается вопрос об организации церковного тюремного служения в пенитенциарных учреждениях европейских стран в середине XIX столетия. Автор анализирует исторический источник – материалы I Международного тюремного конгресса, ранее не переводившиеся на русский язык. Понятие службы тюремных капелланов только формировалось, вследствие чего делегаты конгресса попытались сформулировать основные задачи и принципы церковного тюремного служения.

---

[11] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers. : The Conference at Cairo and Teheran. Washington : Government Printing Office, 1961. P. 310.

[12] Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1990. С. 378.

тюремные капелланы, нравственное воздействие на заключенных, духовное окормление арестантов, I Международный пенитенциарный конгресс, религиозное обучение в тюрьмах.

ORGANIZATION OF THE PRISON CHAPLAINCY
IN EUROPEAN COUNTRIES
IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

The article discusses the organization of the prison chaplaincy in European countries in the middle of the XIX century. The author analyzes the historical source – the materials of the I International Penitentiary Congress, had not translated into Russian language. At the relevant time the concept of service prison chaplains just formed, so that the delegates tried to formulate the basic objectives and principles of the prison chaplaincy.

prison chaplains, moral impact on prisoners, pastoral care of the prisoners, I International Penitentiary Congress, religious education in prisons.

В июле 1872 года в Лондоне состоялось событие мирового масштаба – I Международный пенитенциарный конгресс. Инициатива созыва конгресса, где единственным предметом обсуждения стал тюремный вопрос, исходила от правительства США. Лондонский конгресс поддержали правительства 22 государств: в столицу Великобритании были официально направлены представители высшей тюремной администрации разных стран: судьи, профессора уголовного права, члены парламентов, которые по линии служебной деятельности занимались тюремным вопросом, делегаты тюремных обществ, директора исправительных домов и пр.

Лондонская встреча на международном уровне задала общий фон и характер преобразований в тюремной сфере в странах Европы и Америки. Резолюции I Международного пенитенциарного конгресса зафиксировали смену парадигмы общественного отношения к основной цели наказания тюремным заключением. Виктор Гюго в предисловии к нашумевшей повести «Последний день приговоренного к смерти» в 1832 году выразил взгляд просвещенной европейской общественности на грядущие реформы уголовного правосудия: «И вам предстоит быть свидетелями преобразования уголовного кодекса, который проникнется Христовым законом и озарится его благостным светом. Преступление будет впредь рассматриваться как болезнь, и против этой болезни найдутся свои врачи, которые заменят ваших судей, найдутся больницы, которые заменят вашу каторгу. Свобода уподобится здоровью. Маслом и бальзамом будут врачевать раны, которые прижигали железом и огнем. То зло, на которое ополчались гневом, начнут лечить милосердием. Это будет просто и величаво. Вместо виселицы – крест. Вот и все» [1]. Российский публицист М. Анненков на страницах литературно-политического журнала «Вестник Европы» выразил родственные размышления: «В последнее время, частию вследствие более верного понимания христианского учения, частию вследствие распространения человеколюбивых чувств, лучшие люди

[1] Гюго В.М. Последний день приговоренного к смерти // Собр. соч. : в 6 т. М. : Правда, 1988. С. 77. Т. 1.

общества на западе и у нас, путем высокого своего развития, путем науки дошли до того же, что всегда чувствовал наш народ, называющий арестантов и каторжников "несчастными" и "несчастненькими". Лучшие люди признают в преступниках своих ближних, своих братьев, впавших в несчастие или в болезнь, называемые преступлением, и, примиряясь с мыслью о наказании, настойчиво требуют такого, которое в то же время служило бы к исправлению» [2].

Известный российский юрист-криминолог Н.С. Таганцев, оценивая практическую значимость и конкретные результаты первого международного конгресса, резюмировал: «Работа, воспитание, религия – вот три главные силы, на которые должна рассчитывать тюремная администрация». На первом этапе пенитенциарных реформ практически любая национальная пенитенциарная система: европейская, американская, российская – по-своему решала вопрос о привлечении священнослужителей к исправлению и перевоспитанию преступников внутри тюремных стен. Стратегии и выбор формы взаимодействия тюрьмы с церковью зависели от множества факторов: многоконфессиональности страны, степени государственного участия в пенитенциарных реформах, степени вовлечения общественности в этот процесс, финансового сопровождения модернизации тюрем и пр. Нарицательный образ священнослужителя, который занимался духовным окормлением арестантов в XIX веке, закрепленный в международных резолюциях конгресса, выразился в должности тюремного капеллана. Именно так со второй половины XIX века стали называть священнослужителей преимущественно христианского вероисповедания, которые совмещали служение с административной должностью в тюремном учреждении. Однако исследования показывают, что статус и круг полномочий тюремного капеллана сильно разнились в зависимости от страны и этапа пенитенциарного реформирования.

В германской и романской лингвистической традиции слово «chaplain» – «капеллан» употребляется в значении «священник, совмещающий сан с какой-либо дополнительной (как правило, светской) должностью». Тюремные священники-капелланы, введенные в штат сотрудников пенитенциарного учреждения, впервые появились в тюрьмах Великобритании и США в конце XVIII века. Во второй половине XIX века в американских тюрьмах должность тюремного капеллана в структуре администрации пенитенциарного учреждения была приравнена к должности офицера и врача. Обращение к материалам I Международного пенитенциарного конгресса позволяют сделать вывод, что в середине XIX столетия служба капелланов была налажена почти во всех тюрьмах Великобритании, Дании, США и Швейцарии [3]. В таких странах, как Австрия, Франция, Италия, а также в ряде немецких государств штатные должности капелланов были учреждены только в крупных и центральных тюрьмах. Во Франции, Баварии, Норвегии и некоторых других странах религиозные обряды, как правило, проводили местные клирики, объединяя арестантов с паствой своего прихода. В Нидерландах должность тюремного капеллана также отсутствовала, религиозные обряды для арестантов совершали приходские священники по прямому назначению министра юстиции. Проблему многонациональности и многоконфессиональности

[2] Анненков М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы // Вестник Европы. 1873. Т. II. С. 706.

[3] Report on the International Penitentiary Congress of London, Held July 3-13, 1872. Washington : U.S. Government Printing Office. 1873.

тюремного населения затронули делегаты от Австро-Венгерской империи, России, Франции, Вюртемберга, Бадена, Швейцарии и Ирландии. Особым предметом обсуждения стал вопрос о необходимость специальной подготовки тюремных священнослужителей.

В итоге в ходе прений и работы над резолюцией конгресса делегаты стран-участниц сошлись во мнении о необходимости введения специальной должности тюремного капеллана (там, где это еще не было предусмотрено) с определенным кругом обязанностей: проведение богослужений, религиозных обрядов и таинств; посещение заключенных в камерах для бесед и утешения; побуждение к нравственному поведению; занятие духовным воспитанием и образованием осужденных, обеспечение их Библией и религиозной литературой; посещение тюремного лазарета; организация похорон и траурных церемоний умерших. Некоторые страны поднимают проблему о возможности передачи части этих полномочий мирянам. В некоторых европейских странах капелланы входили в комиссии по определению режима содержания и выступали в качестве экспертов-консультантов на заседаниях комиссий по досрочному освобождению, что была также зафиксировано в прениях по вопросу в качестве положительной рекомендации.

Резолюция I Международного тюремного конгресса в части, относящейся к нравственному исправлению заключенного, представила тюремное пребывание, как процесс, состоящий их двух стадий: стадия наказания и стадия реформирования. Первая ориентирована на прошлое заключенного, вторая – на его будущее. Исправления не может быть без истинного покаяния, «как невозможен рост человека без рождения», как рана должна быть очищена, прежде чем она может быть должным образом исцелена, так в моральном исправлении преступника, наказание и покаяние должно предшествовать перевоспитанию. Задача тюремного капеллана на первой стадии – добиться истинного покаяния: «Истинная вера – единственная сила, которая может противостоять озлоблению, что подтачивает моральные силы этих людей, ведь пренебрежение к учению своей религии часто становиться причиной преступлений». На второй стадии задача капеллана – побудить к образованию и труду – «новые знания дают пищу для размышлений, возбуждают самоуважение и здоровые амбиции, раскрывают пользу физических нагрузок и высокое нравственное значение труда, тем самым дают возможность начать честную жизнь».

Эти простые принципы организации тюремной дисциплины, основанные на христианских добродетелях, стали основополагающими для дальнейших тюремных реформ. Во многих странах Европы и Америки службы тюремных капелланов, основанные в XIX веке, существуют и сегодня, добиваясь известных успехов в процессе ресоциализации осужденных.

Список литературы

1. Анненков, М.Н. Международный тюремный конгресс и английские тюрьмы [Текст] // Вестник Европы. – 1873. – Т. II.

2. Гюго, В.М. Последний день приговоренного к смерти [Текст] // Собр. соч. : в 6 т. – М. : Правда, 1988. – Т. 1.

3. Report on the International Penitentiary Congress of London, Held July 3–13, 1872 [Text]. – Wash. : U.S. Government Printing Office, 1873.

В.А. Веретельникова

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РОССИИ И ЗАПАДНЫХ СТРАН ПРИ ОСВЕЩЕНИИ КРИЗИСА НА УКРАИНЕ (2013–2014 ГОДЫ)

Статья посвящена исследованию несоответствий в материалах российских и западных СМИ относительно украинского кризиса с ноября 2013 года до мая 2014 года. Показаны результаты анализа содержания статей, опубликованных в ведущих российских, немецких и американских газет. Сделаны выводы о значении проведения информационной кампании в целях защиты интересов государства.

кризис на Украине, масс-медиа, контент-анализ, информационное противостояние, методы влияния, информационная кампания, заголовки.

RUSSIAN AND WESTERN MEDIA COVERAGE OF THE UKRAINIAN CRISIS (2013–2014)

The article deals with investigating inconsistencies of Russian and Western media coverage of the Ukrainian crisis from November, 2013 till May, 2014. The results of the content analysis of the articles published in six leading Russian, German and the US newspapers during this period are shown. The conclusions are drawn about the significance of conducting information campaign.

the Ukrainian crisis, media, content analysis, information confrontation, methods of influence, information campaign, headings.

Современная мировая политика характеризуется тем, что соотношение средств информационного противостояния нередко принимает большее значение, чем баланс экономических или военных возможностей. Ни один конфликт XXI века не обходится без применения информационного давления противоборствующих сторон на общественность и друг на друга, при этом его роль становится все более значимой. Политический кризис на Украине 2013–2014 годов не является исключением.

В данном исследовании информационных кампаний национальных СМИ России, США и Германии во время политического кризиса на Украине с 21 ноября 2013 года по 5 мая 2014 года в сферу нашего внимания входили методы, при помощи которых издания формировали у собственной читательской аудитории определенное видение реальности. Одной из составных частей предмета нашего анализа стали используемые типы заголовков. Семантика заголовков публикаций является важным элементом контент-анализа, так как автор текста, учитывая возможность беглого, ознакомительного чтения адресатом, концентрирует в нем общий смысл, эмоциональный заряд.

Так, заголовки лишь малой части из проанализированных нами статей (25 %) могут быть отнесены к категории нейтральных: например, «Дмитрий Песков объяснил позицию РФ по ситуации на Украине», «Сравнение Крымского кризиса с русско-грузинским конфликтом 2008 года», «Россия и G8». Остальные заголовки призваны не просто информировать о каком-либо факте, а воздействовать

на сознание читателя с определенной целью – прежде всего формирования того или иного отношения к описываемому событию. Вместе с тем имеет место и очевидное различие в характере применяемых для этого средств. Отметим, что в СМИ всех трех государств превалируют так называемые «заголовки-оценки»: они употреблены в 92 из 246 материалах (37 %). «Заголовки-вопросы» чаще всего используются в американской печати, о чем свидетельствуют названия 10 из 84 проанализированных источников (например, «Крым: следующий Афганистан России?», «Крым, пиррова победа?», «На самом ли деле Путин – современный Гитлер» и т.д.), а «заголовки-констатации» – в немецкой, что находит свое подтверждение в 21 статье из 76 рассмотренных (например, «Украинский кризис особенно угрожает Германии», «Путин втягивает Запад в конфронтацию», «Путин борется на тонком льду» и т.д.).

Схожее деление на виды можно применить и к концовкам статей. В части проанализированных нами публикаций просто подводятся итоги и делаются выводы по поднятой проблеме, т.е. используются «концовки-констатации». Особенно широко данный способ завершения статей распространен в российской и немецкой печати – встречается в каждой четвертой публикации. Подавляющее большинство статей «The Washington Post» и «The New York Times» заканчиваются выражением надежд или советами / призывами к подразумеваемому адресату или правительству, например: «Будем надеяться, что США сделает все возможное, чтобы помочь современному поколению узнать всю ту информацию, которую Путин держит в тайне».

В целом анализ информационных кампаний национальных СМИ России, США и Германии во время политического кризиса на Украине показал широкое применение ими информационно-коммуникационных технологий и методов влияния на аудиторию. В информационных сообщениях нами были выявлены следующие способы воздействия: отбор для материала событий реальности (контроль СМИ с целью подачи единой информации) [1]; фабрикация фактов (отклонения, используемые при подаче материала) [2]; ссылка на авторитеты (приведении высказываний личностей, пользующихся уважением или, напротив, вызывающих отрицательную реакцию людей) [3]; метод «семантического манипулирования» (тщательный отбор слов, вызывающих либо позитивные, либо негативные ассоциации) [4]; метод исторических аналогий (подбор фактов истории, которые подтверждают мнение) [5]; «односторонний позитивный вентиль» и «негативный вентиль» (распространение информации с позитивной или негативной интерпретацией) [6] и пр.

Нами было выявлено, что информация о конфликте сообщалась в контексте официальной политики каждого из государств и с учетом национальной политической культуры. Из многочисленных методов воздействия масс-медиа на общественность представляется необходимым описать *эмоционально-оценочную лексику* как наиболее активное речевое средство влияния. Журналисты исполь-

---

[1] Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2009. С. 302.

[2] Там же. С. 367.

[3] Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М. : ИФ РАН, 1999. С. 97.

[4] Политические коммуникации / под ред. А.И. Соловьева. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 16.

[5] Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в СМИ : учеб.-метод. пособие для студентов факультета журналистики. М., 2006.

[6] Там же. С. 45.

зовали эвфемизмы, метафоры, наклеивали «ярлыки», тщательно отбирали и компоновали понятия в соответствие с коммуникативной политикой издания.

В целом, контент-анализ публикаций на украинскую тематику в масс-медиа России, США и Германии свидетельствует о том, что информационное противоборство на Украине – это яркий пример активного применения СМИ трех стран разных видов политического воздействия, а также различных методов и приемов пропаганды с целью повлиять на общественное мнение. Сравнительный анализ образов В. Путина и Б. Обамы в СМИ показал схожую стратегию к освещению характеристик политических лидеров российскими и американскими изданиями. В обоих случаях описание основано на дискредитации оппонента и некоторых приемах управления информационной средой. В частности, в информационное поле рассматриваемых нами изданий при описании лидера соперничающей страны впускались только факты с негативной интерпретацией, нередко создавались препятствия появлению информации об определенных темах, представляющие оппонента в положительном свете; при создании же образа лидера своего государства включался в основном «односторонний позитивный вентиль», т.е. данные получали позитивную коннотацию. Критические ремарки при описании журналистами лидера своего государства довольно редки, представлены чаще всего ссылками на экспертов и направлены, вероятно, на создание ощущения беспристрастности повествования, реализуя принцип, что исключения лишь подтверждают правила.

Список литературы

1. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием [Текст]. – М. : Эксмо, 2009.

2. Грачев, Г.В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Текст] / Г.В. Грачев, И.К. Мельник. – М. : ИФ РАН, 1999.

3. Политические коммуникации [Текст] / под ред. А.И. Соловьева. – М. : Аспект Пресс, 2004.

4. Дзялошинский, И.М. Манипулятивные технологии в СМИ [Текст] : учеб.-метод. пособие для студентов факультета журналистики. – М., 2006.

М.П. Виноградова

РАСОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ «ЧИСТКИ» В НЕМЕЦКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ (1933–1945 годы)

В статье отражены преобразования национал-социалистов в отношении кадрового состава университетов, характеризуются последствия нацистской кадровой политики.

национал-социализм, закон о восстановлении профессионального чиновничества, «неарийцы», расизм, университеты.

THE RACIAL AND POLITICAL “CLEANSING” IN GERMAN UNIVERSITIES (1933–1945)

The article reflects the transformation of the National Socialists in relation to the staff of the university, characterized the consequences of Nazi personnel policy.

national socialism, the law on the restoration of the professional civil service, «non-Aryans», racism, universities.

Национал-социалисты рассматривали высшие учебные заведения не только как учреждения, занятые подготовкой квалифицированных специалистов, но и как организации, где формируется новый слой интеллигенции, безоговорочно поддерживающий гитлеровскую партию и нацистское государство. Университеты и высшие школы, внедряя национал-социалистическую идеологию в самой образованной части общества, были призваны обеспечивать массовую поддержку нацистскому режиму. Ради достижения этой цели национал-социалисты вскоре после прихода к власти внесли существенные изменения в университетскую кадровую политику. В первую очередь они постарались избавиться от тех преподавателей, которые не отвечали критериям «расовой чистоты» или были известны своими антифашистскими убеждениями.

Юридическую основу расовых и политических чисток в немецких университетах заложил закон о восстановлении профессионального чиновничества от 7 апреля 1933 года. Согласно этому закону, увольнению с государственной службы подлежали политические противники нацизма, чиновники, которые вступили на службу после 9 ноября 1918 года, не обладая предписанной для их профессии обычной предварительной подготовкой или другими требуемыми характеристиками, должностные лица «неарийского» происхождения, под которыми подразумевались евреи. Предписывалось увольнять чиновников, не доказавших своими действиями готовность непоколебимо в любой момент встать на защиту интересов государства.

Массовые увольнения, начавшиеся в университетах в 1933 году с приходом национал-социалистов к власти, а затем последовавшая волна эмиграции университетских профессоров стали драматическими событиями в истории немецких университетов. В эмиграции оказались философ и культуролог Эрнст Кассирер, физики-теоретики Макс Борн и Эрвин Шрёдингер, физик Джеймс Франк. Неслучайно немецкий социолог Хельга Прозе назвала эмиграцию ученых «духовной декапитацией Германии» [1]. Немецкий политолог и историк Карл Дитрих Брахер отождествлял эмиграцию с демонтажем немецкой науки [2], а немецкий историк Хорст Мёллер говорил об «огромном кровопускании немецкой науки» [3].

Согласно данным американского социолога Кристиана Фербера, волной отставок и увольнений в 1933–1945 годах было затронуто около 80 % преподавательского состава. Такие университеты, как Берлинский и Франкфуртский, известные своей либеральной направленностью, потеряли до одной трети преподавательского состава. Вузы консервативной ориентации, например, Тюбингенский университет, почти не были затронуты гонениями. Одни ученые и преподаватели вузов поддерживали своих коллег, которым угрожала отставка, другие, напротив, проявляли готовность к сотрудничеству с нацистским режимом и одобряли его кадровую политику. Технические университеты, в соответствии со сведениями Кристиана Фербера, понесли низкие кадровые потери – 10–11 %.

---

[1] Pross H. Die geistige Enthauptung Deutschlands: Verluste durch Emigration // Universitätstage. Nationalsozialismus und die deutsche Universität. B., 1966. S. 143–155.

[2] Bracher K.D. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln, 1980.

[3] Möller H. Nationalsozialistische Wissenschaftsideologie. Frankfurt am Main ; N. Y., 1984.

В научной литературе о политике гитлеровцев в высшей школе проводится различие между увольнениями, случаями, похожими на увольнения, и добровольным уходом с политическими предпосылками. К первой группе уволенных относились те, кто был отстранен от преподавания официальным решением администрации. Ко второй категории относились те, кто был уволен неофициально. Кадровый состав подвергался принуждению, давлению, жесткой публичной критике со стороны национал-социалистов. Например, историк и публицист Герман Онкен вынужден был отказаться от преподавательской деятельности в Берлинском университете в 1935 году после жесткой критики со стороны историка-антисемита Вальтера Франка. К случаям, похожим на увольнения, относятся и события, связанные со смертью или самоубийством. Суицид опальных университетских преподавателей во время национал-социалистической диктатуры был довольно распространенным явлением. Третья группа охватывала преподавателей высшей школы, добровольно ушедших в отставку.

Кроме того, были известны случаи увольнения за нарушения дисциплины и этических норм. Так, музыкант Ханс Йоахим Марсель потерял пост почетного профессора в Берлинском университете вследствие многочисленных романов со студентками.

Рассматривая группы уволенных, следует обратить внимание, что гораздо бóльшую часть – 71 % – составляли евреи и другие «неарийцы». Вторую, весьма маленькую группу – 8 %, образовывали те, кто находился в браке с лицами «неарийского» происхождения. В целом 79 % уволенных преподавателей были жертвами национал-социалистической расовой идеологии. Во вторую группу, составлявшую 21 %, входили члены ненацистских партий – социал-демократы, правые и левые либералы, консерваторы. В эту же группу входили гомосексуалисты, которых в Третьем рейхе преследовали в уголовном порядке, а также преподаватели, известные своими католическими убеждениями. Германист Герман Якобсон был лишен своего поста и профессорского звания в Геттингенском университете и покончил жизнь самоубийством. Некоторые члены СДПГ выдержали национал-социалистическую чистку и смогли продолжить преподавательскую деятельность. Так, ректору Гамбургского университета юристу Рудольфу Лауну удалось сохранить свое место, поскольку в специальном письменном заявлении он объяснил свое членство в СДПГ намерением побудить социал-демократов к сотрудничеству с гитлеровцами.

Таким образом, национал-социалистическая кадровая политика увольнения имела деструктивные последствия. Крупнейших ученых, профессоров изгоняли из университетов. Многие из них решались на самоубийство, другие покидали страну. Крупнейшие университеты Германии – Берлинский, Франкфуртский, Геттингенский – потеряли большую часть своего преподавательского состава.

Список литературы

1. Pross, H. Die geistige Enthauptung Deutschlands: Verluste durch Emigration [Text] // Universitätstage. Nationalsozialismus und die deutsche Universität. – B., 1966. – S. 143–155.

2. Bracher, K.D. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus [Text]. – Köln, 1980.

3. Möller, H. Nationalsozialistische Wissenschaftsideologie [Text]. – Frankfurt am Main ; N. Y., 1984.

Д. Вульф

ВЕНСКИЙ КОНГРЕС 1815 ГОДА И РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XIX ВЕКЕ

В статье рассматривается значение решений Венского конгресса 1815 года для развития русско-германских отношений в XIX века. Автор подчеркивает тот факт, что стремление обеих сторон придерживаться положений Конгресса стабилизировало общую ситуацию в Европе.

Россия, Германия, Венский конгресс 1815 года, XIX век, международные отношения.

THE VIENNA CONGRESS OF 1815 AND RUSSO-GERMAN RELATIONS IN THE XIX CENTURY

The article discusses the importance of the decisions of the Congress of Vienna in 1815 for the development of Russo-German relations in the 19th century. The author emphasizes the fact that the desire of both countries to abide by the provisions Congress stabilized the overall situation in Europe.

Russia, Germany, the Congress of Vienna, 1815, XIX century, international relations.

Венский конгресс стал поворотным пунктом в истории международных отношений. Он создал фундамент для формирования в Европе системы, которая была в целом свободна от влияния каких-либо идеологий и направлена на поддержание баланса сил и на обеспечение мира. После раздоров в ходе Наполеоновских войн Конгресс восстановил в международных отношениях пентархию, то есть «концерт» пяти великих держав: Великобритании, России, Франции, Австрии и Пруссии, и привел в действие относительно простые, но хорошо отлаженные механизмы, которые должны были впредь предотвращать войны в Европе. Так, среди прочего, по инициативе российского императора Александра I Россия, Пруссия и Австрия образовали Священный союз, который оказался весьма эффективным в практике международных отношений.

Венский конгресс 1814–1815 годов стал также ключевым событием в отношениях между Российской империей и ее западными соседями. Если в первой половине 1812 года все германские княжества примкнули в качестве сателлитов или вассалов к империи Наполеона Бонапарта, то после сокрушительного поражения наполеоновской армии в результате похода против России картина коренным образом изменилась. Уже в феврале 1813 года фельдмаршал М.И. Кутузов и глава прусского правительства Барон Карл Август фон Гарденберг заключили в польском городе Калиш союзный договор. Вскоре после этого к антинаполеоновской коалиции присоединились и другие княжества, некогда входившие в состав Священной Римской Империи, прекратившей свое существование в 1806 году. Во время дипломатической подготовки послевоенного устройства и в ходе Венского конгресса 1814–1815 годов под верховенством России и Пруссии были достигнуты все те стратегические договоренности, которые впоследствии как

минимум до середины XIX века, а может быть и до начала Первой мировой войны оказывали решающее влияние на международные отношения в Европе. К числу этих договоренностей относились отказ от гегемонии, региональное равновесие, снисхождение по отношению к побежденным, долгосрочное обеспечение мира. Логическим последствием такого подхода являлись пренебрежение к любым стремлениям к национальной независимости и волеизъявлениям свободы, которые имели место в том числе и в странах-победителях антинаполеоновской коалиции. В частности, они касались устремлений к политическому единству германской нации.

Ярким выражением такого отрицательного отношения великих держав во главе с Россией и Пруссией к единству Германии на Венском конгрессе стало создание Германского союза. Поэтому это решение Венского конгресса в официальной историографии германского национального государства получило однозначную отрицательную оценку. Слишком слабая и неэффективная государственная структура, недостойная стремлений немцев к государственному единству, – таковы самые сдержанные из тех вердиктов, которые историки, публицисты и поэты вынесли Германскому союзу. Либеральные историки подчеркивали реакционный характер союза, который, в конечном счете, обусловил реакционный характер объединения Германии сверху в 1860–1870-х годах. На самом деле данное решение Венского конгресса заслуживает более положительную оценку. Создание в политическом отношении слабого Германского союза являлось составной частью европейской системы безопасности в XIX веке и содействовало обеспечению мира в течении продолжительного периода времени. К тому же незаслуженно недооценивался весьма положительный вклад Германского союза в строительство германской нации.

Россия и Пруссия во время Венского конгресса при решении территориальных вопросов действовали согласовано, как союзники. Однако несмотря на совпадение интересов, оба партнера в борьбе за решение спорных проблем вокруг польского, саксонского и других вопросов имели разный политический вес – с одной стороны – Россия во главе с императором Александром I, бесспорным победителем Наполеона, лидером коалиции, с другой стороны – прусский король Вильгельм, тоже победитель, но победитель, который прошел через глубочайшее унижение военных поражении в Йене и Ауэрштедте, и политическое возрождение которого состоялось исключительно благодаря поддержке России. Такое соотношение сил между союзниками осознавали все участники Венского конгресса, оно наложило свой отпечаток на его решения по территориальным, в частности по польскому и саксонскому, вопросам. В результате королевство Саксония, несмотря на решительное сопротивление Пруссии, осталось на политической карте Европы, хотя оно должно было отдать Пруссии значительную часть своей территории. К тому же к Пруссии были присоединены княжества и провинции на западе Германии, которые географически никакого отношения к ней не имели. Россия сумела отодвинуть свои границы дальше на запад и закруглить свои польские владения. Герцогство Варшава, созданное еще Наполеоном, превратилось в Конгрессовую Польшу или Царство Польское в составе Российской империи. Эти территориальные решения имели далеко идущие последствия для российско-прусских и российско-германских отношений. Новые

территориальные приобретения на Западе заставили правительство в Берлине больше внимания уделить западному направлению в своей внешней политике, ослабив тем самым фокус на Россию. Россия в свою очередь в силу своей территориальной экспансии на юге и юго-востоке была вынуждена отвлечься от Европы в целом и Германии в частности. С другой стороны, решения Венского конгресса по польскому вопросу укрепили совместную «отрицательную» польскую политику России и Пруссии (Клаус Цернак), которая, начиная с начала XVIII века, являлась элементом преемственности в отношениях между Россией и Германией. Вплоть до начала Первой мировой войны совместная борьба против любых устремлений польского освободительного движения образовывала важное связующее звено между Берлином и Санкт-Петербургом.

В целом российско-германские отношения развивались в условиях гарантированной Венским конгрессом международной системы. Несмотря на все попытки легитимировать существующие в Европе режимы, ее исходная точка заключалась в том, что для обеспечения мира, стабильности и безопасности нельзя было допустить гегемонию одной из великих держав. Великие державы, не в последнюю очередь Пруссия и Германия, создали многополярную систему равновесия и приспособленное к ней международное право. Все пять великих держав, своего рода совет безопасности Европы, были гарантами «венского порядка». Они обеспечивали контроль за очагами конфликтов и прилагали, когда это было нужно, усилия по разрядке. В этом отношении результаты Венского конгресса оказались гораздо более эффективными, нежели это отразилось в исторической памяти народов Европы. Нельзя также забывать, что международная система, созданная в 1814–1815 годах, «сопровождала» те трансформационные процессы, которые совершались в России и в Пруссии / Германии в XIX веке, так как только в условиях относительно прочного мира и стабильности могли быть реализованы те реформы, которые стояли на повестке дня. Поэтому решения Венского конгресса являлись не только и не столько символом реставрации, консерватизма и реакции, а были прежде всего исходной точкой такой системы международных отношений, под ширмой которой завершалась промышленная революция, динамично развивалась международная торговля, и произошел переход от общества подданных к обществу граждан.

А.С. Гаврикова

ВЗГЛЯДЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX СТОЛЕТИЯ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье представлены взгляды представителей общественной мысли России на внутриполитические процессы в Великобритании XIX века. Автор указывает на тот факт, что британский опыт широко обсуждался деятелями различных идейных направлений России.

Великобритания, внутренняя политика Великобритании, общественно-политическая мысль России, XIX век.

THE RUSSIAN THINKERS OF THE NINETEENTH CENTURY
AND THE INTERNAL POLICY OF GREAT BRITAIN

The article presents the views of the representatives of the Russian public opinion on the domestic processes in the UK of XIX century. The author reveals the fact that the British experience extensively discussed by officials of various ideological directions of Russia.

United Kingdom, British domestic policy, social and political thought of Russia, XIX century.

На протяжении своей истории британская двухпартийная система была неотъемлемой и составной частью политического организма Великобритании. Партийные перегруппировки меняли соотношение сил на политической арене страны и временно создавали определенные возможности для смягчения социально-политических конфликтов в рамках конституционно-правовой системы английского государства. Они были связаны с особенностями развития британского общества. Выдвигая новые идейно-политические концепции, партии способствовали задаче сохранения стабильности и предотвращения серьезных социальных потрясений в Великобритании. Любая партийно-политическая трансформация являлась не простой сменой названий партий, а отражением качественных преобразований английского государства. Развитие английского парламентаризма – это универсальный опыт сохранения традиций и новшеств, противостояний и компромиссов, поиска оптимальных форм организации государственной власти путем эволюции, постепенного реформирования, а не коренных переворотов, смен идеологий и крушений старых порядков.

На протяжении всего XIX века вокруг идеи свободы формировались духовно-нравственные основы жизни российской интеллигенции. В общественном движении второй половины XIX столетия отчетливо определилось размежевание трех идейных направлений: радикального, либерального и консервативного.

Российские либералы считали возможным реформирование политической системы власти в России как в рамках действующего самодержавия, способного осуществлять процесс либеральных реформ, так и на основе коренного обновления властных структур путем создания представительных органов. Для них характерно сопоставление исторического опыта России с западноевропейским образцом, в том числе и английским. Либеральная мысль во второй половине XIX столетия придерживалась критического анализа европейского либерализма, что позволило им сформировать российскую версию его истории. В ее основу был положен тезис о закономерном характере эпохи либеральной цивилизации в истории человечества. В работах Б.Н. Чичерина прослеживается вывод о всеобщности проявления либеральных идей и о том, что либерализм представляет собой новый строй сравнительно с абсолютизмом, но базируется при этом, как и его предшественник, на единой основе и почве доминирования в обществе государственного начала порядка и власти. В рамках данного тезиса Б.Н. Чичерин рассматривает проблему соотношения свободы и власти, когда стремление к свободе не разрушает существующий порядок и дееспособность власти. Вывод его состоит в признании необходимости соглашений и компромисса между либерализмом и легитимизмом. Формой такого компромисса становится конститу-

ционная монархия, в которой свобода не является уже исключительным началом, а власть допускает начало свободы. Однако Б.Н. Чичерин был убежден, что русское общество к политической свободе еще не готово, пока «у нас общественная сфера хуже официальной», а если и «делается что-нибудь порядочное, так это единственно благодаря правительству».

Несколько по-иному трактует необходимость политических преобразований А.Д. Градовский. Он критикует Б.Н. Чичерина за то, что тот видит в представительстве некое право граждан, отличное от прав государства. А.Д. Градовский считал, что представительное правление есть участие общества в правительственной деятельности, а те или иные классы общества получают это право тогда, когда они становятся «действительными по отношению к правительству силами». Чтобы они не превратились «во вредную и оппозиционную массу», вызывающую общественные потрясения, нужно «ввести их в правительственные сферы, где они сделаются живою связью между верховной властью и народом, обильным источником правительственных сил». Корень вопроса лежит именно в том, чтобы «ни один элемент общества не оставался вне правительственной организации и участия в политической жизни страны».

Для консерваторов в России были характерными обращение не столько к сугубо рационалистическим, сколько к глубинным духовно-нравственным оценкам происходящей модернизации, опора на традиционные государственные институты, обращение к религиозной догматике. Консерваторы прекрасно осознавали, что модернизационный процесс невозможно остановить, но его можно и необходимо сделать контролируемым. Среди идеологов данного направления следует выделить: Н.Я. Данилевского, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова, М.Н. Каткова и др. Н.Я. Данилевский оставался верен старым догмам и принципам относительно политического устройства, однако выдвинутая им теория привела к определенной корректировке взгляда на монархическую власть в России. Согласно теории культурно-исторических типов, каждому из них присущи специфические формы политического устройства. В книге «Россия и Европа» Данилевский неоднократно подчеркивал, что главное состоит не в том, какое политическое устройство самое идеальное, а в том, какой политический строй наиболее приемлем данному конкретному народу. Одной из главных его идей было создание всеславянского союза, и только самодержавие, по его мнению, могло претворить эту идею в жизнь. Отталкиваясь от соответствия культурно–исторических типов определенным формам правления, Данилевский писал о невозможности перенесения формы правления одного типа на другой и распространения одной формы правления в качестве эталона на все государства мира. Западноевропейскому культурно-историческому типу наиболее подходит конституционный строй, который и был «выбран» в процессе ряда революций. России же «подошла» монархия. В случае, если политическая система не оправдывает себя, нужно не заниматься копированием чужой, неприемлемой системы, а развивать и совершенствовать свою собственную. Аналогичных взглядов придерживались и другие консервативные мыслители, в том числе Л.А. Тихомиров.

Только монархическая система могла, по мнению консерваторов, может помочь обществу сохранить равновесие, избавив его от крайностей диктатуры и анархии и, проведя через период модернизации, укрепить традиционные компоненты российской государственности. Эта система с религиозным идеалом

должна была служить залогом грядущего величия российской государственности, знаменуя собой особый путь развития России.

Анализируя особенности развития радикальных идейно-политических течений в дореволюционной России, следует отметить, что российский радикализм этого периода воплощался в основном в леворадикальных политико-правовых идеях и концепциях революционного демократизма, «русского социализма» и анархизма. Радикальная общественно-политическая формировалась под влиянием революционно-демократических идей А.Н. Радищева и декабристов, испытывала значительное идейное воздействие взглядов М.В. Петрашевского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и др. С 1870–1880-х годов подобные идеи становятся центральными в идейно-политической борьбе, а с начала XX века превращаются в ведущий компонент общественного развития. Это стало следствием разочарования российской общественности в буржуазных реформах. Главным встал вопрос о дальнейших путях развития России, о средствах достижения государственно-политического переустройства российского общества.

Таким образом, все основные идеологии: консерватизм, либерализм, радикализм имели важное значение для дальнейшего реформирования России, внесли огромный вклад в представление о государственном устройстве. Исследование российской общественной мыслью XIX века британского образца трансформации властных и общественных институтов было связано с поиском возможностей использования накопленных знаний в модернизационных процессах в самой России.

О.И. Галкина

ПРОБЛЕМА АЛКОГОЛИЗМА В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ И ПОПЫТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Автор статьи показывает обеспокоенность общественности викторианской Англии проблемой алкоголизма. Деятельность большого числа общественных организаций и инициированная ими антиалкогольная пропаганда обусловила принятие ряда законов. Они предусматривали создание специализированных учреждений по оказанию помощи и реабилитации хронических алкоголиков. Внимание британских парламентариев к запросам общества свидетельствовало о формировании сбалансированного государственного подхода и способствовало складыванию комплексной системы мер по борьбе с распространением алкоголизма.

викторианская Англия, общественные движения против пьянства, парламентские акты о «запойных пьяницах», реформатории.

THE PROBLEM OF ALCOHOLISM IN VICTORIAN ENGLAND AND THE ATTEMPTS TO FIND LEGAL SOLUTIONS

The author shows the anxiety of the general public of Victorian England towards the problem of alcoholism. The activity of vast numbers of public organizations and resulting anti-alcohol propaganda has led to the adoption of several laws. They provided for the establishment of specialized institutions on assistance and rehabi-

litation for habitual drunkards. The attention of the British Parliament to the demands of society demonstrated the formation of a balanced state approach and favoured the forming of a comprehensive system of measures to overcome the spread of alcoholism

Victorian England, public movements against inebriety, Parliamentary acts about habitual drunkards, reformatories.

Распространение алкоголизма в любой стране сопровождается огромным материальным и духовным ущербом, причиняемым членам общества. Универсального пути решения этой проблемы, несмотря на предпринимаемые попытки, до сих пор не выработано. В этой связи обращение к опыту Великобритании, в которой впервые на законодательном уровне во второй половине XIX века были предприняты комплексные меры, нацеленные на реабилитацию людей, страдающих хроническим алкоголизмом, представляется актуальным.

Увеличение числа людей, злоупотребляющих алкоголем, в середине XIX века, стало рассматриваться обществом в качестве серьезного препятствия для дальнейшего экономического роста страны. Обозначившаяся тенденция противоречила популяризировавшимся моральным и семейным ценностям, сопровождалась подъемом детской смертности и увеличением числа женщин, вовлеченных в занятие проституцией. Так, по данным авторитетной газеты «Таймс», в лондонском мегаполисе в 1831 году «за пьянство» было задержано 11 605 женщин [1]. В 1876 году к тюремному заключению за пьянство было приговорено не менее 5 588 девушек и женщин. При этом многие были приговорены к тюремному заключению «за пьянство» уже в 100-й раз [2]. Однако при возрастающей нагрузке на пенитенциарную систему ситуация в стране не менялась к лучшему.

В это же время на страницах газет и журналов все чаще стали появляться публикации, авторы которых рассматривали женский алкоголизм не только как социальное зло, но и как болезнь, требующую лечения [3]. Алкогольный анамнез был описан английскими и шотландскими докторами еще в конце XVIII века, но общество и возникшие в 1830-х годах движения трезвости по-прежнему рассматривали эту проблему не с медицинской, а с моральной точки зрения.

В конце 1860-х годов наметился перелом в подходах к решению вопроса о пьянстве. В 1870 году депутат палаты общин Д. Далраймпл (Dalrymple) стал инициатором проекта закона о создании реформаториев, в которых и мужчины, и женщины могли бы поправить свое здоровье под влиянием «морального, умственного, медицинского и гигиенического воздействия» [4]. Законопроект не нашел поддержки в нижней палате парламента, но предложение депутата не осталось без внимания, и в 1872 году под его председательством был создан парламентский комитет по изучению вопроса о «запойном пьянстве». Члены комитета пришли к выводу, что одной из причин распространения алкоголизма является неэффективная, слишком мягкая (короткие сроки заключения) система наказаний для тех, кто злоупотребляет спиртными напитками. В этой связи пар-

[1] Times. 1853. 23 Feb. P. 2.
[2] Times. 1877. 30 Oct. P. 8.
[3] Parrish J. Inebriety and homes for inebriates in England // The Quarterly Journal of Inebriety. Jan. 1886. Vol. 8. N 1. P. 6.
[4] Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series. Vol. 207. Col.1503.

ламентарии вернулись к идее создания специальных домов, в которых процесс реабилитации занимал бы продолжительное время. Предлагалось создание реформаториев двух видов: во-первых, для тех, кто добровольно хотел избавиться от алкоголизма и располагал средствами для оплаты пребывания в таком заведении; во-вторых, для малоимущих, которые должны были излечиваться от алкоголизма по приговору суда. К этому времени в Великобритании было открыто уже три специализированных дома для лиц, страдающих хроническим алкоголизмом: в Бейквелле (Дербишир), Ширнессе (Кент) и в Эдинбурге. В первых двух реформаториях находились женщины и мужчины, а в Эдинбургском – только женщины. Лица в этих домах содержались за свой счет на протяжении трех месяцев. Им оказывалась медицинская (применялись горчичные пластыри, чтобы «вытянуть яды») и духовная (проповеди) помощь. Учреждения были постоянно переполнены, что свидетельствовало о насущной потребности общества.

В 1873 году Д. Далраймпл скоропостижно скончался, и движение за создание реформаториев возглавила Британская медицинская Ассоциация. Итогом ее деятельности стало внесение в парламент Акта о запойных пьяницах, который был одобрен после длительного обсуждения в 1879 году. В документе впервые проводилось разграничение между душевнобольными людьми и «запойными пьяницами». Последние определялись как лица, наносящие вред себе и другим, «не способные справляться со своими делами» по причине устойчивого злоупотребления спиртными напитками, анестетиками или наркотиками [5]. Человек, признанный хроническим алкоголиком, мог в добровольном порядке обратиться с просьбой к двум судьям об определении его в «лицензированный приют» на срок до года или больше, если семья могла позволить себе соответствующие расходы на содержание. Акт имел временный характер. Срок его действия устанавливался на срок не более 10 лет с возможностью продления.

Данный закон разочаровал участников компании, агитировавших в пользу его принятия. Большинство из них настаивали не на добровольном, а на обязательном направлении в такие приюты людей, страдающих хронических алкоголизмом. Расходы на содержание неимущих алкоголиков в таких приютах должны были взять на себя местные власти или государство. Принятие же Акта в такой редакции означало, что надежду на излечение от алкоголизма и реабилитацию за пределами тюрьмы получали только те лица, у которых были на это финансовые средства. Остальные по-прежнему приговаривались судами к кратковременному тюремному заключению (если не было криминальной составляющей). В 1888 году этот Акт получил бессрочный характер.

Однако рост недовольства законом со стороны различных ассоциаций трезвости и медицинских организаций, настаивавших на расширении круга лиц, которые могли бы получать необходимую помощь в лечении хронического алкоголизма, привел к тому, что через 10 лет был принят новый Акт о пьяницах. Документ предусматривал создание двух типов реформаториев: государственных и «лицензированных». Последние могли создаваться местными властями и финансироваться за счет средств прихода и различных пожертвований. В эти дома по приговору суда помещались «запойные пьяницы» на срок от года до 3 лет,

---

[5] Ernest M. Pollock, Latter A.M. Recent Legislation on Inebriates in England and the Colonies // Journal of the Society of Comparative Legislation. Vol. 2. N. 2 (1900). P. 289.

если на протяжении года они четыре раза приговаривались судом к тюремному заключению. Заведения создавались в сельской местности вдали от крупных городов, а процесс «исправления» включал в себя чтение Библии, выполнение определенного объема работы, которая, по замыслу авторов идеи, не должна была быть тяжелой и рутинной. После трехмесячного пребывания в таком заведении человек мог быть отпущен на неделю «под подписку какого-либо респектабельного джентльмена, пожелавшего взять на себя заботу о нем». Персонал реформатория не имел права употреблять алкоголь. По мнению авторов закона, хорошая еда, здоровое окружение и внимательный контроль за находящимися в реформаториях на протяжении длительного времени были достаточны для того, чтобы они отказались от вредной привычки и получили «новый старт в жизни» [6].

В период с 1899 по 1914 год в Великобритании было создано 14 «реформаториев», через которые прошли 4 590 человек. Однако этого количества заведений даже по официальным данным было недостаточно. Пребывание в реформатории давало положительные результаты почти в половине случаев.

Таким образом, внимание британских парламентариев к запросам общества, нашедшее отражение в принятых актах, свидетельствовало о формировании сбалансированного государственного подхода и способствовало складыванию комплексной системы мер по борьбе с распространением алкоголизма.

Список литературы

1. Dundee Evening Telegraph [Text]. – 1899.
2. Ernest, M. Recent Legislation on Inebriates in England and the Colonies // Journal of the Society of Comparative Legislation [Text] / M. Ernest, Pollock, A.M. Latter. – Vol. 2. – N. 2 (1900).
3. Hansard's Parliamentary Debates [Text]. – 3rd series. – Vol. 207.
4. Parrish, J. Inebriety and homes for inebriates in England [Text] // The Quarterly Journal of Inebriety. – 1886. – Vol. VIII. – Jan. – N. 1.
5. Times [Text]. – 1853.
6. Times [Text] – 1877.

Т.Н. Гелла

ВОПРОСЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Статья посвящена анализу геополитических интересов и внешнеполитических приоритетов Великобритании в конце XIX – начале XX века, которые рассматриваются сквозь призму отношения к ним ведущих политических партий – консервативной и либеральной.

политика «блестящей изоляции», Британская империя, внешнеполитические приоритеты, система союзов, консерваторы, либералы, либерал-империалисты.

---

[6] Dundee Evening Telegraph. 1899. 16 Feb. P. 4.

BRITISH FOREIGN POLICY IN DISCOURSE
OF ENGLISH POLITICAL PARTIES
AT THE TURN OF XIX–XX CENTURIES

The articule is devoted to the analysis of geopolitical interest and foreign priorities of Great Britain in the end of XIX – beginning of XX, which are looked at through the prism of the leading political parties – conservative and liberal – attitude towards them.

«shining insulation» policy, foreign priorities, system of allies, conservatives, liberals, liberal-imperialists.

В изменившихся к концу XIX века международных условиях, вызванных усилением экономических и военно-политических позиций Германии и США в мире, формированием военно-политических блоков в английских политических кругах широко дебатировался вопрос о целесообразности сохранения политики «блестящей изоляции».

Среди членов консервативного правительства (1895–1905) не было единства по этому вопросу. Дж. Чемберлен, министр колоний в кабинете маркиза Солсбери, в начале правления консерваторов выступил за отказ от этой политики, призывая заключить союз с теми державами, интересы которых ближе всего английским [1]. Однако против политики союзов был сам премьер маркиз Солсбери, который заявлял, что Британия может защищать свои интересы в любом конце земного шара без помощи союзников. За сохранение политики «блестящей изоляции» активно выступали и либералы. Среди внешнеполитических принципов, которые были сформулированы У. Гладстоном и которым либералы следовали в конце XIX века, необходимо выделить два наиболее важных: значение для Англии «Европейского концерта» и избежание заключения обязательств, которые не принесут стране выгод. Поэтому в 1896 году видный либерал У. Харкорт категорически выступал против присоединения как к Тройственному, так и Двойственному союзам, призывая Англию сохранять «свободу рук» в решении международных проблем [2].

Либералы, несмотря на свои внутрипартийные разногласия, в вопросе пересмотра внешнеполитических принципов выступили в целом единым лагерем. В том же 1896 году Розбери, лидер правых либералов, высказался против вступления в «систему союзов», считая это невозможным и нежелательным для англичан, хотя он и не отрицал возможности сотрудничества с другими европейскими странами по вопросам, представляющих взаимный интерес [3]. Его поддерживал Г. Асквит.

Стремление Англии отойти от политики «блестящей изоляции» особенно усилилась в годы англо-бурской войны (1899–1902). Число сторонников переговоров с Германией увеличивалось. Главным их инициатором выступил Дж. Чемберлен. Он заявлял, что ни один политический деятель не сможет удовлетвориться постоянным изолированным положением Англии на европейском континенте» [4]. Глава консервативного кабинета маркиз Солсбери не возражал

---

[1] Documents of English History. 1832–1950. L., 1954. P. 85–86.
[2] Liberal Magazine. 1897. Vol. 5. P. 207.
[3] Times. 1902.
[4] Lee S. Ring Edward VII. F Biography. L., 1927. Vol. 2. P. 117.

против проведения переговоров с правительством Германии, но относился к ним без особого энтузиазма [5].

Либералы несколько сдержанно отнеслись к возможности переговоров с Германией. В частности, Э. Грей считал призыв Дж. Чембелена заключить союз с Германией гибельным для Англии.

Переговоры Дж. Чемберлена с правительством Германии о возможном сближении двух стран не увенчались успехом. Но в начале XX столетия потребность в союзниках для Англии становилась все более очевидной. Англия стремится укрепиться на Дальнем Востоке и в связи с этим обращает свои взоры на Японию. Подписание с ней договора в 1902 году ознаменовало начавшийся реальный поворот во внешней политике Великобритании.

Англо-японский договор 1902 года вызвал много споров в английском обществе, поскольку он поставил вопрос о дальнейших отношениях с Россией. Некоторые английские политические деятели, понимания это, считали, что для Англии лучше заключить договор именно с Россией, а не против нее. В частности, либеральная оппозиция в парламенте не поддержала договор 1902 года. У. Харкорт заявлял, что заключая его, англичане тем самым ставят на карту будущность Индийской империи [6]. Г. Кемпбелл-Баннерман, лидер либеральной партии в начале XX века, находил, что Япония по условиям договора получила больше, чем Англия, поскольку интересы первой были связаны только с Дальним Востоком, тогда как интересы второй – с обширными владениями во всем мире. Если вспыхнет война между Японией и Россией, считал он, то тяжесть войны для англичан и японцев не будет одинаковой [7].

В целом все возражения либералов сводились к следующему: а) в случае войны на Дальнем Востоке Англия окажет очень существенную помощь Японии, а в случае войны в Европе Япония бессильна оказать аналогичную помощь Англии; б) англо-японский союз исключал возможность европейских союзов, особенно, англо-франко-русского; в) Англия взяла на себя обязательства воевать. Соответственно, если Япония окажется в состоянии войны с другими державами, то исключительно от «варварской Японии» зависел мир Англии с цивилизованными странами.

Правда, не все либералы столь скептически относились к заключенному англо-японскому договору. Например, правые либералы, хотя и без особого энтузиазма, приняли его. Примечательны в этом отношении выступления правых либералов Дж. Уолтон, Г. Нормана и самого лорда Розбери.

Не менее интересной была занятая по этому вопросу позиция Э. Грея, который полагал, что для Англии будет более выгодным устранить Россию из числа наиболее активных врагов, попытавшись договориться с русским правительством по спорным вопросам в Азии. Но при этом он, хотя и не открыто, но признал англо-японский договор, мотивируя это тем, что как бы благоприятно для Англии не было урегулирование отношений с Россией на Дальнем Востоке, договор с Японией сулил английским правящим кругам больше выгод.

В 1905 году англо-японский договор был возобновлен. Он получил одобрение уже всех английских политических кругов. Всеми политиками подчеркивалась взаимная выгода этого договора для двух стран [8].

---

[5] Kennedy A.L. The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914. L., 1980. P. 331.

[6] Times. 1902.

[7] Hansard’s Parliament Debates. 1902. 4 Ser.

[8] National Review. 1905. Oct. ; Standard. 1905.

Анализируя позиции представителей политических кругов Англии на – рубеже XIX–XX веков внешней политики Великобритании, можно отметить определенную их трансформацию. Так, если во время англо-германских переговоров большинство консерваторов и либералов, прикрываясь лозунгами сохранения принципов «блестящей изоляции», выступало категорически против договора с Германием, то в случае с англо-японским договором с их стороны уже не было резких выступлений. Это объяснялось, во-первых, тем, что многие английские политические деятели стали осознавать, что Англия может остаться в изоляции, может быть, уже не в «блестящей», в то время как другие великие державы объединяются в союзы; во-вторых, англо-японский договор сулил определенные выгоды Англии в деле укрепления британских позиций на Дальнем Востоке; в-третьих, все критические выступления политиков касались не самой идеи союза с Японией, а конкретных условиях англо-японского договора. Таким образом, намечался отход, хотя подчас и скрытый, части английской политической элиты от политики «блестящей изоляции». Полностью он проявился во время обсуждения англо-французского соглашения 1904 года.

Список лтературы

1. Documents of English History. 1832–1950 [Text]. – L., 1954.
2. Grey, E. Twenty-Fife Years 1892–1916 [Text]. – L., 1926. – Vol. 1.
3. Lee, S. Ring Edward VII. F Biography [Text]. – L., 1927. – Vol. 2.
4. Liberal Magazine [Text]. – 1897. – Vol. 5.
5. Kennedy A.L. The Rise of the Anglo-German Antagonism. 1860–1914 [Text]. – L., 1980.
6. Hansard's Parliament Debates [Text]. – 1902. – 4 Ser.
7. National Review [Text]. – 1905. – Oct.
8. Review of Reviews [Text]. – 1898.
9. Standard [Text]. – 1905.
10. Times [Text]. – 1902.

Ю.В. Гераськин

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И АФОН (ГРЕЦИЯ): ИЗ ИСТОРИИ КОНТАКТОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В статье расмотрены особенности развитя отношений между Русской Православной Церковью и Афоном в 50–70-е годы XX века. Автор подчеркивает активный и позитивный характер этих отношений.

СССР, Афон, Русская Православная Церковь.

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND ATHOS (GREECE): HISTORY OF CONTACTS IN THE SOVIET PERIOD

The article examined the peculiarities of development of relations between the Russian Orthodox Church and the Athos at 1950–1970s. The author emphasizes the active and positive nature of these relations.

USSR, Athos, The Russian Orthodox Church.

После 1917 года число русских монахов на Афоне сократилось: в 1920–1945 годах число насельников Пантелеимонова монастыря уменьшилось с 800 до 215 человек, в Андреевском скиту – со 150 до 45, в Ильинском скиту – со 160 до 52, в русских келлиях – с 1000 до 200 человек. В 1945 году настоятель Пантелеимонова монастыря архим. Иустин направил на имя Патриарха Московского и всея Руси Алексия I послание с просьбой принять русских святогорцев под свое духовное покровительство. С этого времени началась борьба за сохранение русского присутствия на Афоне. Руководство страны и церкви всегда отводило монастырю важную роль в сохранении российского политического и культурного влияния в Средиземноморье.

Совещание Глав и представителей автокефальных православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии РПЦ (5–18 июля 1948, Москва) призвало «всех православных Предстоятелей обратиться к своим правительствам за содействием об улучшении положения афонских монахов негреческой национальности путем переговоров с правительством Греции» [1].

Москва неоднократно обращалась к Константинопольским Патриархам, Афинским Архиепископам и греческому правительству в связи с бедственным положением русских на Афоне. Двенадцатого марта 1957 года Московский Патриархат обратился в МИД Греции и к Патриарху Афинагору с просьбой дать санкцию на приезд и вступление в братство Пантелеимонова монастыря 10 человек. В письме от 20 ноября 1958 года Патриарх Афинагор дал перечень документов, которые должны представить в греческие инстанции все прибывающие на Афон.

В середине 50-х годов в 20 монастырях, скитах и келлиях Афона проживал 1 491 монах, в 5 раз меньше, чем в 1903 году. В 1958 году, после кончины архимандрита Иустина, управление Пантелеимоновым монастырем принял схиархимандрит Илиан (Сорокин). Из его письма от 11 ноября 1959 года на имя председателя ОВЦС МП выяснились, что монастырь пришел в полный упадок, в нем осталось всего 50 человек, самому молодому из которых 54 года, большинство – 70 и 80-летние старцы [2].

В 1959 году в Пантелеимоновом монастыре случился пожар. Оказать обители материальную помощь удалось лишь благодаря тому, что в том же году представителям Московского Патриархата разрешили совершить паломничество на Афон в связи с проведением в Фессалонике юбилейных торжеств, посвященных 600-летию со дня кончины свт. Григория Паламы. Однако уже в 1961 году греческое правительство не разрешило въезд на Св. Гору делегации РПЦ, принимавшей участие в работе Всеправославного совещания на о. Родос и желавшей поклониться святыням Афона. В связи с пожарами в Пантелеимоновом монастыре и Андреевском скиту 13 ноября 1962 года через посольство СССР в Греции в обе обители были посланы денежные переводы по 75 тыс. греческих драхм, а в Пантелеимонов монастырь был направлен грузовой автомобиль.

Новые шаги к восстановлению связей Русской Церкви со Св. Горой были предприняты в связи с празднованием 1000-летия Великой Лавры. В послании Вселенскому Патриарху от 20 мая 1963 года Патриарх Московский и всея Руси

[1] Деяния Совещание Глав и представителей автокефальных православных Церквей (5–18 июля 1948, Москва). Т. 2.

[2] Архив ОВЦС МП. 1959. Ф. № 9. Д. 37.

Алексий I призвал Предстоятеля Константинопольской Церкви употребить свой авторитет, для того чтобы вернуть Св. Горе ее общеправославное значение. Вопрос о положении святогорского монашества с особой серьезностью был поднят на совещании в Лавре Св. Афанасия 24 июня 1963 года, в котором участвовали Патриархи Константинопольский Афинагор, Сербский Герман, Румынский Юстиниан, Болгарский Кирилл и представитель Московской Патриархии архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов), а также представители от других православных Церквей. Главным результатом совещания стало заявление Константинопольского Патриарха о приеме в святогорские обители монахов всех православных поместных Церквей.

Уже 14 октября 1963 года Московская Патриархия послала Патриарху Афинагору список из 18 лиц, ожидавших разрешения на поселение в Пантелеимоновом монастыре. Их «личные дела» были также представлены в МИД Греции.

В июле 1964 года, после повторного обращения, разрешение на въезд в Пантелеимонов монастырь получили 5 человек. В июле 1966 года 4 из них выехали на Афон, но в 1967 году один по болезни вернулся на родину. Остались псково-печерские монахи Ипполит, Досифей, Сергий.

В 1967 году в Греции прорвалась к власти хунта «черных полковников». 14 февраля 1969 года греческое правительство издало в законодательном порядке постановление № 124, согласно которому прерогативы высшей власти на Афоне были возложены на греческий МИД, осуществлять которую должен был губернатор Афона, получивший право управлять внутренней жизнью и имуществом святогорских монастырей. Новая система управления была подкреплена принятием решений об унизительных мерах наказания для иноков Афона в случае нарушения ими упомянутого декрета.

Это вызвало глубокую озабоченность всего православного мира. Священный Синод РПЦ на заседании 25 апреля 1969 года постановил осудить принятое правительством Греции постановление как нарушающее права и древние традиции жизни монастырей Св. Горы. Патриарх Алексий в письме от 30 апреля 1969 года предложил Патриарху Афинагору созвать Всеправославное совещание, чтобы обсудить положение на Св. Горе. Этому же вопросу было посвящено совместное заявление Патриарха Болгарского Кирилла и Местоблюстителя Патриаршего Престола РПЦ митр. Пимена (Извекова) от 8 июня 1970 года, в котором вновь говорилось об озабоченности Болгарской и Русской Церквей ситуацией, а также высказывалась тревога по поводу сообщений в греческой печати о намерении правительства Греции превратить Афонский полуостров в центр международного туризма. Решительно осуждалось и вмешательство властей Греции в вопрос въезда на Афон монахов и паломников [3].

Двадцать седьмого февраля 1970 года в Грецию для служения в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре направляются 2 инока из СССР, в том числе архимандрит Авель (Македонов). О. Авель прибыл на Афон в феврале 1970 года и стал наместником игумена Илиана.

В 1971 году Илиан скончался. Преемником стал монах из советской России. Игуменом архимандрита Авеля избрали жребием из трех кандидатов. Но интронизация состоялась не сразу. По афонскому уставу правящий игумен должен жить на Афоне не меньше трех лет, а архимандрит Авель к моменту избрания прожил меньше. Из противоречия традиции и факта пытались найти выход:

[3] Труды игуменские и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014.

при «малолетнем» игумене назначили «регентом» о. Гавриила из старых афонских монахов. Однако Священный Кинот Афона не утвердил это избрание, поскольку о. Авель подвизался на Афоне еще недостаточно времени. Поэтому вторично игуменом обители был избран выходец из Закарпатья о. Гавриил (Легач). Его интронизация состоялась 26 апреля 1971 года.

Двадцать шестого августа 1974 года Греческий Патриарх Димитрий сообщил, что еще 2 кандидатам из 6 предложенных РПЦ дано разрешение поселиться на Св. Горе, но только один из них – нынешний настоятель Пантелеимонова монастыря архимандрит Иеремия (Алёхин) – на следующий год прибыл на Афон. Позже было получено разрешение на поселение в Пантелеимоновом монастыре еще 10 монахов из России. Летом 1976 года на Афон прибыли сначала 4 монаха из Псково-Печерского монастыря, затем еще 9 иноков. К тому времени в Пантелеимоновом монастыре оставалось только 13 насельников.

Четвертого июля 1975 года схиархимандрит Гавриил подал прошение об уходе на покой по болезни, а новым настоятелем Русского монастыря вновь был избран Авель. Одиннадцатого июля 1975 года состоялась его интронизация как игумена русской обители [4].

Список литературы

1. Архив ОВЦС МП. 1959. Ф. № 9. Д. 37.
2. Архимандрит Авель. Афонские письма [Текст] / сост. Б. Кузык. – Иваново, 2014.
3. Деяния Совещание Глав и представителей автокефальных православных Церквей (5–18 июля 1948, Москва) [Текст]. – Т. 2.
4. Евсин И.В. Было много чудес [Текст]. – Рязань, 2009.
5. Труды игуменские и другие рассказы [Текст]. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014.

Л.В. Гришакова, М. Болычевская

АББАТ СИЙЕС – ИДЕЙНЫЙ ВДОХНОВИТЕЛЬ ИНТЕРЕСОВ ТРЕТЬЕГО СОСЛОВИЯ ВО ФРАНЦИИ

В статье дан анализ брошюры аббата Сийеса «Что такое третье сословие?». Автор выступил с резкой критикой существующего порядка с точки зрения просветительских идей и сформулировал главные требования буржуазии – предоставить ей политические и экономические права.

Сийес, идеи просвещения, третье сословие, экономические и политические права.

ABBÉ SIEYÈS IS THE IDEOLOGICAL INSPIRER OF INTERESTS OF THE THIRD ESTATE IN FRANCE

The pamphlet of abbé Sieyès «What is the Third estate?». The author has sharply criticized the existing order from the point of view of educational ideas and has

[4] Архимандрит Авель. Афонские письма / сост. Б. Кузык. Иваново, 2014.

formulated the main requirements of the bourgeoisie – to grant its the political and economic rights.

Sieyes, ideas of education, third estate, economic and political rights.

Восемнадцатый век называют «веком Просвещения». Его роль в разрушении устоев «старого порядка» и обосновании необходимости перехода к гражданскому обществу трудно переоценить. Зародившись в Англии, идеи просвещения распространились по всей Европе, в том числе и во Франции. Век Просвещения дал мировой цивилизации целую плеяду блестящих мыслителей – Гоббс, Локк, Вольтер, Монтескьё. Именно просветители подготовили почву для начала Французской революции конца XVIII века. Многие из идей – концепция разделения властей, идея общественного договора, когда в основе отношений между государством, обществом и личностью должны лежать исключительно нормы права, призванные гарантировать каждому человеку набор неотчуждаемых или естественных прав, были реализованы на практике в ходе революции.

Идейным вдохновителем многих революционных процессов, вдумчивым аналитиком, внимательно следившим за ходом революции и пытавшимся осмыслить порожденные ею проблемы социального и политического развития Франции был аббат Эмманюэль-Жозеф Сийес (1748–1836).

Эмманюэль-Жозеф Сийес родился 5 мая 1748 года в Провансе, в небольшом городке Фрежюс. Род Сиейесов занимал место в обществе третьего сословия. Отец его был начальником почтового ведомства, а мать была родом из семьи местного нотариуса. Третье сословие, включавшее в свои ряды буржуа, служащих, городской плебс (санкюлотов), крестьянство, было самым многочисленным (около 95–97 % населения страны) и бесправным.

Происхождение Сийеса наложило отпечаток на его политические взгляды. В ходе революции он стал выразителем интересов именно третьего сословия, добивавшегося расширения экономических и политических прав французского народа.

Глубокую характеристику аббату Сийесу дал лично знавший его дипломат и политик Ш.-М. Талейран: «У Сийеса в высшей степени сильный рассудок, сердце его холодно и душа робка; непоколебима лишь его голова… Нельзя сказать, чтобы он годился для осуществления власти, так как он не мог бы чувствовать себя хорошо во главе ни одного правительства. Но он желал бы одухотворять его мысли и притом обязательно один… Сийес может возглавлять мнение, но не может быть главой партий» [5].

Накануне созыва Генеральных штатов Франция бурлила. Все сословия направляли наказы в этот сословно-представительный орган страны с предложениями о переменах. Судя по наказам, все сословия французского общества в той или иной степени разделяли идеи французских просветителей, отстаивали (в годы революции – с оружием в руках) права и свободы. В январе 1789 года во Франции была опубликована написанная Сийесом брошюра «Что такое третье сословие?». Он выступил с резкой критикой существующего порядка с точки зрения просветительской мысли, особенно отметив привилегии высших сословий, которые не были ими заслужены. Сийес в доступной форме ясно и кратко сформулировал главные требования буржуазии.

[5] Талейран Ш.-М. Мемуары. URL: http://e-libra.ru/read/132070-memuary.html

«План настоящей брошюры очень прост: поставить три вопроса и ответить на них

1) Что такое третье сословие? – Все.

2) Чем оно было до сих пор в политическом отношении? – Ничем.

3) Чем оно желает быть? – Чем-нибудь» [6].

«… Третьему сословию нечего бояться идти вглубь веков. Оно найдет себя во времена еще дозавоевательные и, имея сегодня достаточно сил, чтобы дать отпор, окажет ныне куда более мощное сопротивление. Почему не низвергнет оно в леса Франконии все эти семейства, лелеющие безумную претензию на происхождение расы завоевателей и на их права? Очистившаяся таким образом нация вполне будет вправе, как я полагаю, называть среди своих предков лишь галлов и римлян» [7]. Таким образом, Сийес нацию ассоциирует с третьим сословием, которое говорит от имени всего населения, за исключением только 200 000 человек, принадлежащих к привилегированным слоям. Третье сословие – источник всех богатств в государстве, находится под гнетом и в оковах. Он предлагает устранить привилегированное сословие, и нация от этого не только ничего не потеряет, но и выиграет, став свободной и цветущей.

Третьему сословию необходимо предоставить политические и экономические права, так как свобода заключается не в привилегиях, а в равных правах, принадлежащих всем. Представители третьего сословия должны быть избраны из граждан, действительно принадлежащих к этому сословию. Число его депутатов должно быть равно числу депутатов обоих привилегированных сословий. Депутаты Генеральных штатов должны голосовать все вместе, а не по сословиям. Эти меры следует принять, чтобы третье сословие стало «чем-нибудь».

Через народный представительный орган страны (Национальное собрание) третье сословие должно реализовать свои политические права, но заседать в нем отдельно от привилегированных слоев, так как «пока высшие сословия пользуются преимуществами, их интересы враждебны общим интересам, и потому они должны быть лишены права отстаивать свои интересы в национальном собрании. Их добрая воля входить или не входить в число равноправных граждан: они всегда могут отказаться от своих привилегий» [8]. В ходе революции по предложению Сийеса собрание представителей третьего сословия провозгласило себя 17 июня 1789 года Национальным собранием – высшим представительным и законодательным органом страны.

Брошюра «Что же такое Третье сословие?» получила общенациональный резонанс и принесла генеральному викарию из Шартра место в Генеральных штатах от Третьего сословия Парижа. Благодаря своей оппозиционности и толкованиям происхождения нации Сийес приобрел широкую популярность. Он подвел теоретическую базу под чужеродный характер аристократии по отношению к воле нации, предал остракизму все это сословие в целом и зачислил его в ряды врагов общего дела. Одновременно он возвещал зарю социальной науки и счастья людей: «Истинные отношения людей могли быть уничтожены в ночи

---

[6] Сийес Э.-Ж. «Что такое третье сословие» // Практикум по Новой истории (1640–1870) / сост. Ю.Ф. Иванов, Ю.П. Муравьев. М. : Просвещение, 1981. С. 104–105.

[7] Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. С. 12.

[8] Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / состав., пер., вступ. ст. М.Б. Певзнера. СПб. : Алетейя, 2003. 224 с.; илл. (Серия «Миф, религия, культура») ; То же. URL: http://www.zlev.ru/99_21.htm#_ftn

варварства и феодализма, все нации были потрясены, в судах царила продажность; но с восходом Просвещения сии готические несуразности исчезают, а остатки древней свирепости низвергаются и уничтожаются. Все это не подлежит никакому сомнению» [9].

Таким образом, идеи просвещения были реализованы в ходе Французской революции конца XVIII века, которая разрушила «старый порядок» и привела к власти новые слои общества. Идейным вдохновителем интересов третьего сословия был аббат Сийес.

Список литературы

1. Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту [Текст] / Сост., пер., вступ. ст. М.Б. Певзнера. – СПб. : Алетейя, 2003. – 224 с. ; илл. – (Серия «Миф, религия, культура») ; то же. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.zlev.ru/99_21.htm#_ftn

2. Сийес «Что такое третье сословие» [Текст] // Практикум по Новой истории (1640–1870) / сост. Ю.Ф. Иванов, Ю.П. Муравьев. – М. : Просвещение, 1981.

3. Талейран? Ш.-М. Мемуары [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://e-libra.ru/read/132070-memuary.html

4. Фюре, Ф. Постижение Французской революции [Текст]. – СПб. : ИНАПРЕСС, 1998.

А.Д. Гронский

1812 ГОД В ШКОЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ

В статье рассматриваются особенности изложения истории Отечественной войны 1812 года в школьных учебниках Белоруссии. Автор подчеркивает, что белорусский школьник получает информацию о событиях 1812 года в контексте того, что русская армия являлась чужой для западной части собственной страны.

Отечественная война 1812 года, школьный учебник истории, Белоруссия.

1812 IN HISTORY SCHOOL TEXTBOOK OF BELARUS

This article discusses the peculiarities of the Patriotic War of 1812 history in school textbooks. The author emphasizes that the Belarusian schoolchild receives information about the events of 1812, in the context of what the Russian army was alien to the western part of their country.

The Patriotic War of 1812, a school history textbook, Belarus.

После распада СССР ставшие суверенными бывшие союзные республики начали формировать свое национальное видение когда-то общей истории. Логика национальной модели истории подталкивала к созданию собственной системы исторических ценностей, отличной от аналогичных систем соседей, особенно

[9] Там же.

от исторических представлений в России, так как именно Россия была назначена ответственной за отсутствие ранее государственности в бывших союзных республиках. Это отразилось и на школьном образовании. В частности, авторы белорусских учебников вынуждены как-то определиться с оценкой нахождения Белоруссии в составе России в прошлом.

История белорусских территорий в составе Российской империи изучается в белорусской школе в 9 классе в учебнике «Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.» (авторы С.В. Морозова, В.А. Сосна, С.В. Панов), изданном в 2011 году. Одним из самых ярких событий этого периода (т.е. конца XVIII – начала XIX в.) для Российской империи, пожалуй, была Отечественная война 1812 года. В белорусском учебнике на этом событии не могли не остановиться, тем более, что война прошла и по белорусским землям.

Параграф белорусского учебника, посвященный этим событиям, называется «Белоруссия в период войны 1812 года». Понятие Отечественная война 1812 года отсутствует как в названии параграфа, так и в его тексте. Термин «Отечественная война 1812 года» ныне в Белоруссии официально не используется. Сейчас эта война представляется как борьба этнических великороссов с наполеоновским нашествием. Странно описывается русская армия. Собственно русские оцениваются отрицательно. В частности, упоминается, что российская армия применяла на своей территорию тактику «выжженной земли». Но когда речь заходит о конкретных личностях или событиях, тон меняется. Например, гибель генерала Кульнева описывается с некоторым пафосом. Имя Кульнева иногда используется в белорусской патриотической пропаганде, поскольку его имение находилось на территории современной Белоруссии, а отсюда и попытка придать генералу некоторые белорусские черты. Также пафосно говорится и о сражении под Салтановкой. Действия Раевского авторы учебника оценили как легендарный подвиг. Кроме того, упомянуто мужество российских воинов при Бородино. Особо следует отметить одну деталь очень важную в белорусской идеологической риторике. Белоруссию называют республикой-партизанкой, имея в виду Великую Отечественную войну. Партизаны являются символом народного сопротивления, это понятие позитивно воспринимается большинством населения. Каждый советский школьник, изучая историю, читал о партизанском движении периода Отечественной войны 1812 года. Но по современным белорусским взглядам оказалось, что партизанских отрядов на белорусских землях в 1812 году не существовало. Вместо них появились всего лишь отряды самообороны, да и те организовывались только «с целью защиты своего имущества». В конце параграфа присутствует следующее задание: «Определите причины противодействия белорусских крестьян французским войскам». Текст параграфа и цитата из единственного источника подталкивают школьников именно к отрицанию иных мотивов в деятельности белорусских крестьянских отрядов самообороны. Таким образом, белорусским крестьянам полностью отказано в каких-то иных причинах сопротивления нашествию, кроме заботы о сохранении собственного имущества. Естественно, что жители территорий, недавно вошедших в состав Российской империи, были настроены менее патриотично, так как у них общегосударственный патриотизм еще только начинал формироваться. Но вряд действия абсолютно всех отрядов самообороны стоит списывать на стремление защитить свое имущество. Вплоть до начала XX века партизанами называли

участников армейских подразделений, действовавших в тылу противника, а не ушедшее в леса мирное население. В этом смысле учебник прав, когда определяет крестьянские вооруженные группы как отряды самообороны. Но летучие отряды русской армии называются исключительно «небольшими войсковыми отрядами», их тоже не определяют как партизанские подразделения, хотя представители таких отрядов и назывались в XIX веке партизанами. Получается, что в Белоруссии не было никаких партизанских действий. Термин «партизан» в белорусском дискурсе воспринимается положительно. Это связано с представлениями о партизанах периода Великой Отечественной войны. Видимо, поэтому в белорусском учебнике стараются не называть тех, кто защищал Россию, партизанами. Это очень хорошо укладывается в современную риторику на государственном уровне о том, что в 2012 году в Белоруссии отмечалось двухсотлетие не Отечественной, а всего лишь французско-русской войны. Растаскивание общей истории по национальным квартирам подталкивает современных идеологов от истории привносить новые смыслы в прошедшие события с целью поменять отношение современного населения к восприятию истории. И еще один вопрос, который стоит поднять. Если тогдашние белорусские крестьяне были подданными Российской империи, а в Российской империи война стала Отечественной, почему это не должно касаться жителей Белорусско-Литовских губерний? Они же ведь тоже были частью империи. Тем более, что авторы учебника заявляют, что «в победу России в войне 1812 года внесли вклад и солдаты-рекруты из белорусских губерний», причем подчеркнуто, что большинство из этих рекрутов были как раз в тех частях русской армии, которые прославились в Бородинском сражении. А ведь эти солдаты сражались и умирали за свое Отечество – Российскую империю. Современное стремление белорусских интеллектуалов сократить границы страны, в которой жили предки в XIX веке, до очертания нынешней территории суверенной Белоруссии автоматически подталкивает нынешних белорусов к противопоставлению своих предков с остальным населением единого государства – Российской империи. Таким образом, борцы с наполеоновской армией на белорусских землях выводятся из перечня борцов за Россию. Ведь белорусские крестьяне, по мысли части белорусских исследователей, только и думали, как бы обезопасить свое имущество.

В этом же параграфе упоминается о предвоенных проектах автономии для бывших польских территорий. В учебнике приведен ряд цитат из проектов, которые лишь подчеркивают отношение бывшей элиты Речи Посполитой к потерянной стране. Так, в записке М.К. Огиньского, поданной Александру I, говорится: «Часть Польши, присоединенная к Российской империи, составляла когда-то отдельное самостоятельное владение – Литву <…>». Далее Огиньский продолжает: «<…> если бы со времени присоединения к России забранных польских земель была создана одна провинция, сохранено имя Литва <…>». Таким образом, Огиньский утверждает, что к России в конце XVIII века была присоединена часть Польши, а не Белоруссия. То есть для бывшей элиты Речи Посполитой белорусские земли были Польшей. Хотя в настоящее время в белорусском сознании насаждается представление о том, что местная «белорусская» шляхта все равно помнила свои «литвинские» корни и противопоставляла себя собственно Польше. А Первую Речь Посполитую современные белорусские учебники предлагают рассматривать как белорусское государство.

Интересно, что из всего параграфа «Белоруссия в период войны 1812 года» школьнику нужно запомнить всего два понятия: автономия и «план Огиньского» (план по приданию автономии присоединенным к России землям Речи Посполитой – А.Г.). Выходит, что весь смысл параграфа – это подчеркивание стремления к автономии, как будто именно это было самым важным в 1812 году.

Таким образом, белорусский школьник получает информацию о событиях 1812 года в контексте того, что русская армия являлась чужой для западной части собственной страны; война, которую вела не только армия, но и представители всех российских сословий, не является Отечественной для белорусов, потому что часть польской шляхты, находящаяся в российском подданстве, изменила присяге, данной Александру I; а стремление проживающих в Российской империи нескольких польских магнатов получить от российского монарха автономию на площади «забранных польских земель» подается как самое важное событие 1812 года.

И.С. Демидов

У. ЧЕРЧИЛЛЬ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОЛИТИКИ УМИРОТВОРЕНИЯ

Статья анализирует причины политического соперничества Н. Чемберлена и У. Черчилля в 1930-е годы и факторы, влиявшие на внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. Автор приходит к выводу, что У. Черчилль оказался не в состоянии предложить адекватную альтернативу политике умиротворения.

Великобритания, политика умиротворения, Н. Чемберлен, У. Черчилль.

WINSTON CHURCHILL AND APPEASEMENT POLICY ALTERNATIVES

The article analyzes the causes of political rivalry Neville Chamberlain and Winston Churchill in the 1930s and the factors influenced domestic and foreign policy of Great Britain. The author comes to the conclusion that Winston Churchill was unable to suggest an adequate alternative to a policy of appeasement.

Great Britain, appeasement, Neville Chamberlain, Winston Churchill.

Политики при планировании наступления на своих оппонентов нередко сталкиваются с тем, что превосходящие силы противников в рядах собственной партии оказываются не меньшей угрозой. Министры могут обнаружить себя принужденными к защите собственных позиций под влиянием тактики, совершенно отличной от той, что привычно применяется рядовыми членами парламента втайне от лидера партии. Карьеры Невилла Чемберлена и Уинстона Черчилля в 30-е годы XX столетия демонстрируют, как два политика противоположных краев одного политического полюса отвечали на этот вызов в исключительно важный исторический момент.

Спустя почти 80 лет после конфронтации Черчилля с Чемберленом историки все еще не уверены в оценке обоих политиков. Репутация – это вопрос ин-

терпретации. Оба были увековечены в трудах прекрасных биографов, «агиографов» и «иконоборцев». При этом необходимо помнить, что биография передает лишь некоторые из аспектов жизни и работы политика. Из-за этого может сложиться ощущение того, что связь между разными ситуациями объясняется легче, чем то есть на самом деле. Понять Черчилля и Чемберлена можно лучше, исходя из их политического окружения. По мнению М. Каулинга, «необходимо понимать детали политических маневров, чтобы отразить связь между ситуационной необходимостью и намерениями политиков. В этом отношении нужно передать вовлеченность в принуждения и неопределенность системы, что являлось характеристикой всей публичной жизни политиков». Это была круговая система отношений: сдвиг одного элемента менял положения всех остальных относительно друг друга. Реакция политиков вырабатывалась исходя из полной уверенности в этих отношениях, в осознании того, что они продвигаются именно так, как и задумано. Без понимания беспрестанной природы этих отношений нельзя передать ни беспомощности, ни влияния определенных политиков, как нельзя понять степень притяжения, с которой они «двигались по направлению к своим противникам, ведомые своим отвращением к ним».

Иными словами, пытаться понять политические карьеры исключительно посредством биографий – это все равно, что следить за действиями одного конкретного футболиста, не обращая внимание на передвижения остальных 21 игроков по полю. Конечно, игроки перемещаются, учитывая не только позиции друг друга на поле, но также и участок, где находится мяч. Сторонники «теории хаоса» стремились выдать показатели, присущие видимым объектам, как следствие серии линейных связей. Изучаем ли мы международные денежные рынки, погоду или ежедневные превратности жизни, частотность, с которой непредвиденные обстоятельства отметают наши ожидания, проявляется достаточно отчетливо. В этом отношении политика не исключение. Механизм правительства предназначен для того, чтобы удостовериться в том, что политическая инициатива остается у кабинета министров. Однако обстоятельства все же могут продиктовать свои условия. Реакция на определенное событие заключается не только в соблюдении генеральных принципов. Всего лишь один неприятный инцидент может повлечь за собой глобальные изменения во всей стратегии. Правительства подчас лучше выдерживают длительную критику (которая разворачивается у них на глазах и против которой можно найти средства защиты), чем внезапные события, которые застают их врасплох. Кабинет министров в 1930-е годы столкнулся со сложностями, вытекавшими из финансового коллапса и отмены золотого стандарта в 1931 года, противоречиями по поводу создания Совета помощи по безработице и соглашения Хора-Лаваля в 1935 году, укрепления национальной обороны в 1937 году и, что наиболее важно, действиями Гитлера, начиная с 1938 года. Реакция фюрера, не соответствовавшая ожиданиям Чемберлена, заставила многих депутатов, до того высказывавшихся в пользу политики умиротворения и не выказывавших желания «умереть за Данциг», продемонстрировать неодобрение своему лидеру, призывая его уважать гарантии, предоставленные Польше.

Такое непредсказуемое поведение подрывает принципы исторического детерминизма, из-за которого пострадало наше понимание того периода. В 1930-е годы в Великобритании у власти находилось коалиционное правительство, главенствующую роль в котором занимала партия консерваторов. Для сохранения коалиции необходимо было учитывать мнение не только правящих тори, но и мень-

шинства партнеров. Имеющиеся в виду компромиссы устраивали Р. Макдональда и С. Болдуина, которые, будучи умеренными политиками, не привыкли сталкиваться с многочисленными разногласиями внутри их собственных партий. Болдуин вынужден был вести свою политическую жизнь, постоянно балансируя на грани, дабы защитить свой межпартийный пакт от тех, кто считал, что партия консерваторов старается захватить контроль над коалицией в свои руки, зная, что та не сможет существовать без нее.

К тому моменту как Невилл Чемберлен стал премьер-министром в мае 1937 года, успешное руководство начинало давать трещину. Постоянно растущая пропасть между тори и меньшинством внутри «национального» коалиционного правительства обернулась полной гегемонией консерваторов. Это, вкупе с вопросами о разоружении и ведении политики «умиротворения», сместило внимание Чемберлена с поддержания гармонии между группами внутри правительства в сторону отражения нападок групп, в это правительство не входивших. Когда в 1939 году события разбили вдребезги допущения, согласно которым он действовал, его собственные позиции оказались под угрозой. За последовавший год парламентское меньшинство (по обе стороны палаты Общин), настроенное оппозиционно по отношению к Чемберлену, настолько возросло, что стало невозможным претендовать на политическую легитимность под гнтом консолидированного национального гнева. Ирония заключалась в том, что наибольшую выгоду из сложившейся ситуации извлек главный скептик «национального правительства» Уинстон Черчилль.

В чем же состояло различие в подходах двух совершенно разных кандидатов на пост премьер-министра? Конечно же, личность Черчилля ослепительна, и на ее фоне персона Чемберлена меркнет. На протяжении большей части 1930-х годов оба они стремились реализовать свои амбиции, не вступая непосредственно в личную конфронтацию. Черчилль не подвергал жесткой критике политику Чемберлена до 1938 года. Хотя Чемберлен высказывался о восстании в Индии 1929–1935 годов в негативном ключе, Черчилль играл сравнительно небольшую роль в той кампании. Черчиллевская же кампания по разоружению выставила главным виновником именно канцлера казначейства Невилла Чемберлена, несмотря на все попытки того увеличить расходы на оборонную промышленность. В дальнейшем, воспринимая заявления Черчилля как «паникерство», Чемберлен проявлял благосклонность к нуждам британских военно-воздушных сил, пренебрегая вопросами разоружения.

Перипетии внутренней политики Великобритании, связанные прежде всего с финансовым кризисом, а также факторы, под влиянием которых отвергались последовательные предложения Черчилля по преобразованиям в Индии, довольно многообразны и сложны. Можно сказать, что только на пути от безмятежного мира к кровопролитной войне Черчилль и Чемберлен становятся непримиримыми соперниками в вопросах проведения политики умиротворения. Это известная история, однако ее сложность соблазняет исследователей на все новые исследования и интерпретации. Пока же представляется справедливым заметить, что Черчилль, будучи постоянным критиком политики умиротворения, не предлагал и не мог сформулировать в силу перечисленных факторов зависимости от обстоятельств и настроений в партии и стране в целом сколько-нибудь законченной альтернативы линии Чемберлена, особенно если принять во внимание усилия последнего по перевооружению Великобритании.

Ю.Е. Денисова

СМИ И ИНТЕРНЕТ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена отслеживанию влияния глобальных средств массовой информации и Интернет-ресурсов как одного из субъектов мировой политики и международных отношений, а также их особенностей взаимодействия с государствами. Показано, что в наши дни средства массовой информации (СМИ) активно вовлекаются в формирование международной повестки дня, делая иногда решающий вклад в формировании имиджа того или иного международного игрока. Формулируется необходимость общения дипломатов с медиа. Отдельно ставится вопрос о СМИ как о новом средстве противостояния на международной арене, о роли информационных войн в XXI веке.

СМИ, использование, влияние, дипломатия, информация, сила, политика, Интернет.

MASS MEDIA AND INTERNET IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

The article deals with monitoring of the impact of the global media and Internet resources as one of the subjects of world politics and international relations, as well as their interaction with the states. It is shown that in nowadays media are actively involved in shaping the international agenda, sometimes making a decisive contribution to shaping the image of an international player. It is formulated the necessity of communicating with the media diplomats. It is specially noted the question of the media as a new means of confrontation in the international arena and the role of information wars in XXI century.

Mass media, influence, diplomacy, information, power, policy, Internet.

Современные средства массовой информации (СМИ) представляют собой один из мощнейших инструментов формирования общественного сознания. Этому их состоянию предшествовал долгий путь эволюции и развития. На протяжении веков, если не тысячелетий, СМИ и их разнообразные вариации выполняли функцию информирования. Однако помимо чисто информативной задачи, СМИ также использовались и в других целях. Теперь варианты использования медиа широки как никогда. Новейшие технологии, современные способы распространения информации серьезно влияют на функционирование всех видов СМИ.

Государства стараются регулировать распространение информации. Свобода слова, закрепленная во многих международных документах, в настоящее время подвергается проверке на прочность в силу неоднозначного характера информации. Механизмы ее регуляции варьируются от страны к стране, от их практического отсутствия в одних государствах до полного контроля над национальным Интернетом в других, но не имеют единых законодательных актов.

Деятельность СМИ затрагивает многие аспекты жизни людей, заставляя их не только собирать полученную информацию, но и выражать свои взгляды.

Все чаще новостные агентства и медиаконцерны активно вовлекаются в формирование международной повестки дня, делая иногда решающий вклад в формировании имиджа того или иного международного игрока. В последнее время медиа перестают ограничиваться ролью пассивного зрителя и комментатора. СМИ как никогда раньше теперь обладают огромным влиянием не только в рамках своей страны, но и на мировой арене. Даже в тех странах, в которых медиа традиционно были зависимы от властных структур, продвижение Интернета, присоединение к Всемирной паутине, тренды глобализации меняют устаревшие модели информационного обмена и потребления. Соответственно СМИ как мирового, так и регионального уровня, можно назвать одним из важнейших локомотивов глобализации. Их эволюция одновременно и сопровождает технический прогресс, и подстегивает его. Все эти особенности дают возможность сказать: влияние СМИ на государственную политику в наше время необычайно высоко и будет еще расти.

СМИ играют одну из важнейших ролей в формировании мировой повестки дня. Причем влияние приобретают не только крупные издательства, но и независимые источники, такие, как популярные блоггеры или онлайн-издания. Поэтому важно принимать во внимание влияние всех источников различных сведений, формирующих в настоящее время мировое информационное поле. Интернет, например, по многим классификациям не считается СМИ, однако именно всемирная сеть в последнее время все больше и больше участвует в распределении и передаче данных разного вида, и этот факт невозможно игнорировать, особенно в свете последних международных скандалов, связанных с ресурсом WikiLeaks.

Общение с медиа исключительно важно для дипломатической деятельности. Причем это может быть и взаимовыгодное сотрудничество, поэтому всегда необходимо налаживать связи со средствами массовой информации самого широкого профиля. В процессе оттачиваются дипломатические навыки общения, а дипломатические инициативы получают информационную поддержку.

Создание глобального единого информационного пространства неизбежно, этого требуют реалии современного мира, в котором информация и способы ее обработки, передачи, получения приобретают первостепенное значение. Проблема регулирования виртуального пространства входит в повестку дня всех международных организаций и становится объектом исследования национальных правительств.

История уже знает случаи, когда та или иная информация оказывалась действенным видом вооружения и оружием наказания в отношениях между государствами. Причем эти моменты показывают очевидную эффективность подобных методов. Это означает, что возможности использования информационных потоков будут расширяться и все интенсивнее применяться как внутри государственных границ, так и в мировой политической среде, что несомненно повлияет на дальнейшее развитие международного процесса.

В современном мире информационная война стала одним из опаснейших явлений, эффект от которых может держаться долго и быть совершенно непредсказуемым. Огромное количество культурных и социальных явлений, которые могут быть использованы как оружие в такой войне, виртуальные сети в качестве вездесущего посредника, непосредственное воздействие на сознание человека, а не на его физическую оболочку – все это наделяет информационную вой-

ну разрушительной силой, способной мгновенно изолировать и даже уничтожать целые государства. Для дипломатов нового времени умение распознавать признаки информационной войны и успешно действовать в ее рамках становится главным требованием профессии. Международные отношения как никогда раньше зависят теперь от способностей мировых политиков управлять медиаресурсами.

Современное состояние взаимоотношений СМИ и дипломатов можно назвать неоднозначным – они характеризуются как напряженные и в то же время исключительно продуктивные. Это объясняется двоякостью вероятных результатов их общения. Существующие на нынешний день проблемы с правовым регулированием новых медиа осложняют дипломатический процесс, тогда как неограниченные возможности СМИ в плане информационной поддержки приносят явную пользу международной коммуникации.

Стоит сказать, что дальнейшее развитие данного взаимодействия совершенно непредсказуемо, так как все больше негосударственных организаций получают доступ к информационным инструментам воздействия на человеческое сознание, что в свою очередь создает новые правила игры в мировом медиапространстве. Тем не менее, несмотря на участившиеся призывы к полному контролю над СМИ, многие эксперты убеждены в их способности к саморегулированию. Вопрос о том, насколько сильно будут влиять СМИ на международные отношения в будущем, остается открытым.

Т.Е. Дигол

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ МОЛДО-ПРИДНЕСТРОВСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме необходимости поиска взаимоприемлемых, компромиссных путей и форм молдо-приднестровского урегулирования в долгосрочных интересах народов Молдовы и Приднестровья.

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), непризнанное государство, приднестровская независимость, перспективы приднестровского урегулирования.

THE POLITICAL PROSPECTS
OF THE MOLDOVAN-TRANSNISTRIANCONFLICT SETTLEMENT

This article addresses the possible solutions required to reach a mutually acceptable agreement in order to find ways to achieve a long term Moldovan – Transnistrian settlement that serves the mutual interests of the people of Moldova and Transnistria.

Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR), unrecognized state, Transnistrian independence, the prospects for the Transnistrian settlement.

Уже двадцать пять лет Приднестровская Молдавская Республика живет и функционирует как независимое, признанное ее народом, вполне достаточное государство, пытаясь встроиться в международную систему государств в качестве признанного субъекта международного права.

Однако в связи с тем, что на международном уровне до сих пор не существует общепризнанных норм, критериев и процедур принятия вновь образованных государств, ПМР так и не может в полном объеме реализовать свое право на образование и функционирование в качестве полноценного, независимого, самостоятельного государства.

Данный вопрос в основном решается в зависимости от политической конъюнктуры, политических пристрастий и политической силы того или иного государства или их блоков.

Так, например, произошло признание таких государств, как Косово, Абхазия и Южная Осетия.

Руководство Косово 17 февраля 2008 года в одностороннем порядке заявило о своей независимости. Страны, признавшие Косово, дают лишь два обоснования своего решения: 1) признание Косово ввиду своих национальных интересов; 2) признание Косово ввиду уникальности данного случая.

Если первый аргумент имеет достаточный вес со стороны суверенного государства, то случай с уникальностью Косово образовал вокруг себя множество споров. Вот что по этому поводу сказал Хавьер Солана, представитель Евросоюза по внешней и оборонной политике: «Резолюция СБ ООН № 1244 учредила Временную администрацию ООН в Косово. Насколько мне известно, ни по одному другому конфликту СБ ООН не принимал подобного решения. Эту ситуацию следует рассматривать как часть исторически особенного распада Югославии. Оба этих аспекта делают Косово sui generis – уникальным случаем, который не создает прецедента для других конфликтов».

С 26 августа 2008 года Абхазия и Южная Осетия также повысили свой статус. Они перешли в ряд частично признанных государств.

Нельзя считать объективным мнение о том, что Россия своими действиями подорвала сложившийся баланс сил, который был установлен после распада СССР. Первым шагом на этом пути стало признание независимости Косово. И вряд ли стоит говорить о том, что признание независимости Абхазии и Южной Осетии является ответным шагом России на действие европейских партнеров. Если у российского руководства и была неопределенность по поводу признания Абхазии и Южной Осетии, то война, развязанная Грузией, полностью развеяла все сомнения.

Любое политическое решение, однажды реализованное, всегда имеет перспективу стать базовой посылкой для его повторения. Поэтому, чтобы Запад не говорил о непрецедентности «решения Косово», политическое решение косовской проблемы, конечно же, послужило аргументом для соответствующего решения России в отношении Южной Осетии и Абхазии, т. е. фактически реально стало прецедентом. В силу чего юридическое признание Россией Абхазии и Южной Осетии вне всякого сомнения послужит прецедентом для политического решения других цивилизационных конфликтов, коим и являются молдо-придне-стровский и нагорно-карабахский.

Необходимо на самом высоком международном уровне провести представительную международную конференцию под эгидой ООН, на которой следует поставить вопрос о выработке правил реализации народом своего права на самоопределение и оформление этого права в соответственных процедурах признания новых государств международным сообществом. Без решительных и действенных методов решение таких вопросов растянется еще на многие года.

Разумеется, в мировой практике существуют различные модели сосуществования разных государственных образований и народностей.

Например, Дейтонское мирное соглашение создало уникальную модель государственного устройства Боснии и Герцеговины – демократическое государство Босния и Герцеговина состоит из двух образований – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской. Таким образом, все три главных боснийских этноса были объявлены государствообразующими в рамках мягкой конфедерации.

Гонконг же является особым Административным регионом Народной Республики Китай. Согласно совместной китайско-британской декларации и Основному закону Гонконга, территории предоставлена широкая автономия как минимум до 2047 года, то есть в течение 50 лет после передачи суверенитета. Такой же статус Китай предложил и Тайваню.

Следующая рассмотренная нами модель – Пуэрто-Рико. Это государство является зависимой от США территорией и имеет статус Unincorporated organized territory, что означает, что данная территория является интегральной частью США, верховная власть принадлежит Конгрессу США, но действие на ней Конституции США ограничено. Связь с США заключается в наличии общего гражданства, валюты и обороны.

Все эти варианты, модели можно обсуждать в ходе молдо-приднестровского переговорного процесса, но только на условиях безусловного равенства сторон. Как упоминалось ранее, одним из основных внешнеполитических приоритетов Приднестровья является полная, окончательная и справедливая нормализация отношений с Республикой Молдова, основанная на взаимном уважении, неприменении силы или угрозы силой, равноправии и невмешательстве во внутренние дела друг друга.

Население Молдовы в своем большинстве готово отказаться от Приднестровья ради объединения с Европейским Союзом (даже путем объединения с Румынией).

Анализируя политическую ситуацию в Европе и ЕС, в частности, исторические взаимоотношения РМ и Румынии и политическую ситуацию в самой Молдове, можно сделать вывод, что реальная перспектива состоит в объединении двух румынских государств, которого добивается Румыния, и которому способствует политическая элита Молдовы.

И тогда ПМР могла бы получить международное признание. Однако этот вариант не устраивает США и ЕС, которые не хотят у себя в политическом тылу оставлять пророссийское Приднестровье, и поэтому они настаивают на том, что вхождение Молдовы в Европейский Союз можно будет осуществить только вместе с Приднестровьем как составной частью Республики Молдова.

Приднестровское политическое сообщество видит окончание урегулирования молдо-приднестровского конфликта, как процесс взаимного признания государствами друг друга.

Завершая, хотелось бы обратить внимание на то, что в политическом плане, действительно, шансов на возобновление полноценного диалога, направленного на урегулирование молдо-приднестровских отношений, пока нет, и во многом это связано с внешним фактором, с тем, что, по сути, никто из внешних участников на этом этапе, как и внутренних, не заинтересован в сильной государственности Республики Молдова. Это факт. По оценкам приднестровских

экспертов – это объективная данность, потому что сильная государственность Республики Молдова не может быть обеспечена внутренними факторами, внутренней стабильностью. Государственность Республики Молдова может обеспечиваться и поддерживаться прежде всего за счет внешних ресурсов. Пока внешние ресурсы не пришли к консенсусу, видимо, придется сосредоточиться на других темах, к примеру, социально-экономическом сотрудничестве.

Список литературы

1. Галинский, И.Н. Прецедент – он всегда есть прецедент. 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pmr21.info/

2. История Гонконга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gokon.ru/hist.php/

3. Косово. История многострадального края [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.newsru.com/backggound/30mar2006/kosmet.html/

А.Н. Долгих

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВЗГЛЯДАХ Н.С. МОРДВИНОВА

В статье анализируются взгляды одного из крупнейших государственных деятелей России первой трети XIX века Н.С. Мордвинова по крестьянскому вопросу. Автор подчеркивает противоречивый характер позиции Н.С. Мордвинова по крестьянскому вопросу.

Н.С. Мордвинов, общественная мысль России, XIX век, крестьянский вопрос.

N.S. MORDVINOV VIEWS ON THE PEASANT QUESTION

This article analyzes the views on the Peasant question of one of the greatest statesmen in Russia of the first third of the XIX century N. Mordvinov. The author underlines Mordvinov’s controversial positions on the Peasant question.

N. Mordvinov, public opinion in Russia, XIX century, Peasant question.

Одной из наиболее противоречивых, по-своему величественных и одновременно спорных фигур в общественной мысли России первой трети XIX века являлся Н.С. Мордвинов (1754–1845), чья популярность в ту пору может быть до некоторой степени уподоблена даже известности некоторых советских «диссидентов». Действительно, как писал в свое время А.С. Пушкин, он некоторым образом воплощал то явление, которого в России тогда не было – представлял в своем лице оппозицию системе. Другое дело, что эта оппозиция не носила радикального характера, но его многочисленные мнения, высказываемые им в Государственном совете, твердая позиция в Верховном уголовном суде (выступление против смертной казни декабристов), оригинальные идеи экономических преобразований в стране тогда все же выходили за рамки общепринятого. Тем не менее, послужной список Н.С. Мордвинова впечатляет. Воспитываясь вместе с цесаревичем Павлом Петровичем с 10-летнего возраста, он, сын адмирала С.И. Мордви-

нова, пошел сначала по линии отца, закончив привилегированный Морской корпус, довольно быстро продвигался по чинам и, уже в 1787 году став контр-адмиралом, фактически руководил Черноморским флотом. Уволен со службы в 1790 году из-за разногласий со светлейшим князем Г.А. Потемкиным, но уже в 1792 году он получил чин вице-адмирала, а при Павле I в 1797 году – и адмирала. Тем не менее, в 1799 году он вновь был уволен от службы, но уже после воцарения императора Александра I назначен в 1801 году вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, членом Непременного совета, Комитета для образования Новороссийского края, принимал участие в деятельности Негласного комитета, краткое время в 1802 году был министром морских сил, в 1802–1807 годах состоял предводителем народного ополчения Московской губернии, с 1810 года – членом Государственного совета, в котором руководил Департаментом государственной экономии (1810–1812), а после увольнения уже в 1816 году вновь находился на той же должности (до 1818), в 1821 году назначен председателем Департамента гражданских и духовных дел Совета (до 1838 года), был в 1826 году членом Верховного уголовного суда по делу декабристов, а в 1834 г. пожалован в графское достоинство. В этой связи язвительным и нетипичным для отечественной историографии выглядят мнение С.А. Экштута о его заслугах и наградах: «Достоинство полученных Мордвиновым наград многократно превосходило его достаточно спорные заслуги перед российским флотом…». Говоря о щедрых наградах и пожалованиях Мордвинову, историк отмечает отсутствие в них «логики. Их нельзя объяснить и монаршей милостью… Трудно однозначно ответить, в чем же конкретно заключалась служба адмирала Левиафану российской государственности или же в расшатывании устоев…»

Нас всегда удивляло, что, несмотря на его ершистость и достаточно независимое поведение даже по отношению к монархам (в особенности к Николаю I на фоне раболепия перед ним даже высших чинов), власти так и не решились убрать его с политической арены (как, например, генерала А.П. Ермолова) даже после того, как он был опорочен на следствии по делу декабристов в связях с некоторыми из них. Как-то никто из историков не задавался таким вопросом, а жаль. Неужели так нужны были самодержавию его таланты, его блестящее перо (если и уступавшее в красноречии, то лишь М.М. Сперанскому)? Но, в отличие от последнего, находившегося под покровительством то самого монарха, то В.П. Кочубея, то А.А. Аракчеева, Мордвинов выступал независимо, не создавая вокруг себя друзей, а скорее сея врагов. Может быть, дело в том, что он долгие годы возглавлял департаменты Совета, будучи одним из самых высших чиновников и обладая одним из довольно крупных состояний (по нашим прикидкам, до 3 тысяч душ мужского пола крестьян (или даже больше) и до 100 тысяч десятин земли). Но показательно при этом, что в очередной раз демонстративно уходя с той или иной должности (например, после отставки М.М. Сперанского), Мордвинов вскоре вновь призывался властью к исполнению важных государственных функций, пусть и на другом месте. Без него не обходились.

При достаточной изученности его творчества по-прежнему имеет место дискуссия даже о том, к какому политическому лагерю его относить – к либералам или консерваторам (при всей условности выделения этих направлений для дореформенной России). Известно, что Мордвинов был широко образованным деятелем, теоретиком в экономике, сторонником протекционизма, поборником

развития промышленности, торговли и земледелия, банковского дела, транспорта, активно выступал и по вопросам споров о собственности, отстаивал частные права и принцип невмешательства государства в экономические вопросы. Но, будучи весьма богатым землевладельцем, он близко принимал к сердцу интересы дворянства, не допуская и мысли об отдаче им части земли отпускаемым на волю крепостным, хотя саму возможность постепенного отпуска на свободу за фиксированную сумму выкупа (на довольно высоком уровне) он не отрицал (и именно это было сутью его крестьянских проектов 1816–1818 годов, да и более позднего времени, например, 1833 года).

Признавая, что человек «не может быть собственностью другого человека», Мордвинов одновременно указывал на то, что тот же человек «может быть зависимым, подвластным другому, и в сем закон гражданский согласуется с естественным… Род правления может увеличить сию зависимость, ибо самодержавное, общее над всеми, необходимо требует прав начальства и между частными людьми в высшей степени, нежели они существуют при других родах правления». Признавая необходимость подобных отношений, он от лица дворянства говорил, что «над подвластными же нам человеками мы имеем ограниченную власть. Пред законами нашими крестьяне в отношении помещиков их суть домочадцы. Никакого уязвления, никакого нравственного оскорбления делать им недозволительно. Жалобам их открыты суды; чиновники гражданские поставлены им покровителями, и за поступки, противные благонравию, за нерадение о их благосостоянии, помещик лишается права власти над подчиненными ему крестьянами, и с лишением этой власти лишается даже права владения той земли, на коей оскорбленные им крестьяне жительство имеют». Налицо чистая неправда, но в уютной упаковке, позиция, сохранившаяся и в самых его последних выступлениях (в частности, при обсуждении вопроса о запрещении продажи людей без земли в Совете в 1833 года), повторяющая буквально идеи махровых консерваторов – от Щербатова до Шишкова, прямо-таки недостойная либерала, за которого принимали его декабристы.

Вместе с тем, он даже не пытался использовать свои ресурсы государственного мужа для улучшения положения владельческих крестьян. Так, скажем, в 1820 году он выступил против предложения Комиссии составления законов (фактически – братьев Тургеневых) о запрещении продажи людей без земли, а общий закон на эту тему, предложенный Комиссией, по его мнению, не мог «признан быть совершенным и в полной мере благотворительным». Более того, он оправдывал случаи продажи людей без земли, «в коих самое предусматриваемое благосостояние продаваемых требует продажи их другому помещику, имеющему более способов к содержанию их», т.е. соглашался на фактическую продажу людей без земли, да еще и с раздроблением семейств. В 1830 году Мордвинов пытался торпедировать проект Дополнительного закона о состояниях (выдвигая ряд поправок к нему), хотя именно по его инициативе в 1801 году был издан известный указ, разрешивший недворянам (мещанам, купцам, казенным крестьянам) покупать ненаселенные земли и владеть ими на началах частной собственности. Его отношение к государственным крестьянам контрастировало с его позицией относительно помещичьей деревни. В отношении первых он выступал за широкие возможности их занятий торгами и промыслами, переходе в городские сословия и др., хотя, по данным авторов «Истории русской эконо-

мической мысли», и лелеял мысль о возвращении их с землями под власть помещиков. Речь ведь здесь шла не только о его помещичьих интересах (абстрагироваться от них он не мог, как, например, близкий к нему по взглядам А.С. Шишков) и интересах коллег-дворян, но и об историческом пути России, который он не видел иначе, как построенном на крепостном праве (в сочетании с европеизацией по другим линиям). Выступая с этих позиций, Мордвинов выглядел здесь заурядным консерватором, чьи взгляды были близки политическим программам лидеров этого направления в России.

Е.А. Долгова

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В ИНСТИТУТЕ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ (1921–1938)

В статье исследуются особенности преподавания истории в Институте красной профессуры в 1921–1938 годах. Автор указывает на тот факт, что попытки жестко идеологизировать процесс преподавания истории в марксистском духе окончились неудачей.

СССР, Институт красной профессуры, история высшей школы, методология преподования истории.

HISTORY TEACHINNG IN THE “RED PROFESSORATE” INSTITUTE (1921–1938)

This article takes a look at the features of teaching history at the Institute of Red professorate in 1921–1938. The author underlines the fact that attempts to rigidly ideologize the teaching of history in Marxist spirit failed.

USSR, Institute of Red professorate, high school history, methodology of teaching of history.

В 1920-е годы была поставлена задача перестройки системы науки и образования на качественно новых организационных и методических основаниях [1]. Ее реализация, помимо перестройки существующих институций, виделась в том числе в создании новых научно-организационных форм. Одним из таких учреждений «нового типа» должен был стать Институт красной профессуры (ИКП) (1921–1938) – специальное высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки высших идеологических кадров партии и преподавателей общественных наук в вузах. В историографии он традиционно оценивается как одно из первых крупномасштабных научно-учебных заведений, создавших модель советской науки и высшей школы, своего рода «кузница кадров». Для подтверждения этой точки зрения приводятся анализ учебных планов и программ ИКП, данные кадрового состава (как профессорско-преподавательского, так и слушателей), имена его талантливых выпускников, определявших до 1960-х годов лицо советской науки и т.д.

[1] Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии. СПб. : ДБ, 1999.

Попробуем проанализировать устоявшиеся суждение о качественной новизне ИКП на примере работы самого многочисленного и тенденциозного его отделения – исторического. Историческое отделение с 1922 года было разделено на секции русской и западной истории (к концу 1920-х годов они стали называться: секция истории народов СССР и секция истории Запада). В 1928 году в его составе была открыта секция истории Востока, вскоре превратившееся в Восточное отделение ИКП [2].

Первые учебные планы отделения имели непоследовательный характер. На I курсе предполагалась разработка вопросов теоретической экономии, а также изучение всеобщей истории: Древней Греции и Рима, истории культуры периода феодализма. На II и III курсах велась работа в семинарах по историческому материализму и специальности. Для секции западной истории действовали семинары А.Н. Савина и Е.А. Косминского, посвященные Английской революции. Большое внимание уделялось изучению Великой французской революции под руководством известного историка-марксиста Н.М. Лукина (в 1922–1923 годах он вел в Институте семинар по истории Конвента, в 1923–1925 годах – по якобинской диктатуре). С 1926/27 учебного года в программу исторического отделения были внесены некоторые изменения. Первый курс был посвящен изучению социально-экономической истории России XVI – XIX веков у русских историков и того же периода европейской истории у историков Запада. На II курсе велись занятия по истории XIX века (или историографические семинары), на III – по истории XX века [3]. В 1935 году проверка знаний слушателей и анализ программ показали, что система учебы в Институте не обеспечивает серьезного изучения исторических дисциплин (как отмечалось в периодике того времени, наиболее полно была представлена история революций, рабочего движения, и совершенно неудовлетворительно давалась гражданская история, в итоге «весь курс строился слишком методологически, пренебрегая хронологией и знанием фактов» [4]. В связи с этим ранняя специализация была заменена на получение систематического общеисторического образования. Первый курс посвящен целиком изучению древней и средней истории, II – новой и новейшей истории. С III курса слушатели специализировались по соответствующим разделам истории (древней, средней, новой) на отделениях истории народов Запада и Востока; кроме того, специализация прослеживалась по линии отдельных стран. Анализ учебных планов и программ показывает, как корректировалась педагогическая задача ИКП – от научения слушателей методологическому подходу к получению ими систематического исторического образования.

На первый взгляд, программа 3-летнего изучения истории действительно отличалась ярко выраженной методологической и тематической тенденциозностью. Однако ее воплощение на практике оказалось затруднено. По воспоминаниям выпускников, «вся литература <…> была из программы русских дореволюционных университетов, и сами наши профессора тоже были беспартийные ученые, которые учили русских студентов этим же наукам еще в старых университетах» [5]. Действительно, анализ кадрового состава профессорско-преподава-

[2] ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 135. Л. 8–18.

[3] Сборник положений, программ и литературы институтов красной профессуры на 1930/31 учебный год. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931.

[4] Дубыня Т. Институт Красной профессуры истории // Борьба классов. 1935. № 4.

[5] Авторханов А. Мемуары. Frankfurt n. Main : Possev-Verlag, 1983 ; То же. URL: http://moreandr.narod.ru/lib_ru/awtorhanov/awtorhan_memuar.html#a10 (Дата обращения : 31.01.2016).

тельского состава ИКП демонстрирует, что хотя в 1920-е годы в Институте преподавали многие ученые-марксисты и большевики с дореволюционным стажем (М.Н. Покровский, Ш.М. Дволайцкий, В.П. Волгин, Н.М. Лукин, В.И. Невский, Ф.А. Ротштейн, Ю.М. Стеклов, Д.Б. Рязанов и другие [6], помимо них работали и представители «старой школы» – историки П.И. Лященко, А.И. Савин, Е.А. Косминский, П.Ф. Преображенский, А.Е. Пресняков, Н.А. Рожков, В.С. Сергеев. Изначальная идея о привлечении к преподаванию ответственных партийных работников не оправдалась: ввиду их перегруженности основной работой заявленные в учебных планах курсы на практике так и не начинали работать. «Приходится констатировать, – с тревогой писал М.Н. Покровский в отчетной статье к первой годовщине института, – что половина работы по подготовке будущих борцов за коммунизм в нашей высшей школе производится некоммунистами» [7]. Со второй половины 1920-х годов проблема кадров решалась за счет своих выпускников, наскоро обученных «старой профессурой»: в 1928 году в ИКП преподавали 24 молодых «красных профессора». Из них в разное время занятия по истории вели Н.Н. Ванаг, С.М. Дубровский, Д.Я. Кин, И.И. Минц, С.М. Моносов, А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров и др.

О том, насколько требовалось от беспартийных «буржуазных специалистов» знание и следование основам марксистского учения, свидетельствуют воспоминания слушателей: «[Косминский] читал лекции на тургеневском языке и в оксфордском стиле бывшим комсомольцам, которые еще вчера кричали “дадим лордам по мордам”! В его лекциях, разумеется, марксизм и не ночевал, но <…> он был доподлинный плюралист англосаксонской школы: у него все научные гипотезы имели право на гражданство, в том числе и марксизм, но едва ли он когда-нибудь заглядывал в «Капитал» Маркса или «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса, совсем уже не говоря о Ленине». И такой подход был характерен не только для семинаров Е.А. Косминского и других «буржуазных специалистов», а для атмосферы ИКП в целом. Так, в одно время в институте был специальный семинар по изучению немарксистской исторической концепции А. Допша и его школы. Ситуация несколько корректировалась при переходе к преподаванию новой и новейшей истории – эти курсы реализовывали «верные научные силы» историков-партийцев. Однако и здесь было сложно «преодолеть» привычный для дореволюционной науки плюралистический подход. Так, в историографическом семинаре безусловно преданного партии Н.М. Лукина «Историки Французской революции» разбирались труды А. Тьера, О. Минье, А.Токвиля, А. Олара, Ж. Жореса, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, Н.И. Кареева и других немарксистских авторов [8].

Таким образом, несмотря на попытки в 1920-е годы руководства ИКП выполнить поставленную задачу методологической подготовки «красных профессоров», на практике она оказалась трудно реализуема. В первую очередь причины заключались в специфике кадрового состава профессорско-преподавательского состава, отсутствии четкого учебного плана и выверенных учебных программ, хаотичном и формированном характере обучения слушателей. Эти фак-

---

[6] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5284. Оп. 1. Д. 2. Л. 32, 50, 62, 85 ; Там же. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 336. Л. 42–43 ; там же. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 438. Л. 44–45 ; Там же. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 499. Л. 18.

[7] Дубыня Т., Панкратова А. 10 лет Института Красной профессуры // Борьба классов. 1931. № 8–9.

[8] Дубыня Т., Панкратова А. Указ соч.

торы способствовали лишь формальному воплощению поставленной задачи – на уровне названий курсов и семинаров, тематики выхваченных из исторического процесса, близких марксизму, сюжетов и тем занятий. С 1935 года учебный процесс оказался еще более «рутинизирован»: на смену методологической подготовке по отдельным, важным для идеологического фронта, сюжетам пришла программа систематического исторического образования слушателей. В этом отношении эксперимент Института истории ИКП только внешне отличался от истории развития других научных институций в 1920–1930-е годы.

Список литературы

1. Авторханов, А. Мемуары [Текст]. Frankfurt n. Main : Possev-Verlag, 1983 ; то же. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://moreandr.narod.ru/lib_ru/awtorhanov/awtorhan_memuar.html#a10 (дата обращения 31.01.2016).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5284. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 135.
4. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 336.
5. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 438.
6. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 499.
7. Институт красной профессуры истории. Программы и планы на 1935/36 учебный год [Текст]. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1935.
8. Дубыня, Т. 10 лет Института Красной профессуры [Текст] / Т. Дубыня, А. Панкратова // Борьба классов. – 1931. – № 8–9.
9. Дубыня, Т. Институт Красной профессуры истории [Текст] // Борьба классов. – 1935. – № 4.
10. Козлова, Л.А. Институт красной профессуры 1921-1938: историографический очерк [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://knowledge.isras.ru/sj/sj/94-1-7.html (дата обращения 31.01.2016).
11. Колчинский, Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии [Текст]. – СПб. : ДБ, 1999.
12. Никуленкова, Е.А. Историческое отделение Института красной профессуры [Текст] // Новейшая история России. – 2014. – № 1.
13. Сборник положений, программ и литературы институтов красной профессуры на 1930/31 учебный год [Текст]. – М. ; Л. : ОГИЗ, 1931.

В.И. Дуров

МЕТОДИКА БАЛЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ К ОБУЧЕНИЮ (НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ»)

В статье говорится о результатах педагогического эксперимента в Военно-воздушной академии (г. Воронеж). Основное внимание уделяется качеству учебной деятельности курсантов (на примере дисциплины «Военная история»). Эксперимент показал, что балльно-рейтинговая система является одним из ключевых факторов мотивации познавательной деятельности курсантов.

качество образования, балльно-рейтинговая система, военные вузы, военная история, мотивация.

MARK-RATING SYSTEM AS A FACTOR
OF MILITARY CADETS' INCREASE OF INTEREST TO STUDIES

The article deals with the results of the pedagogical experiment in the Air Force Academy (Voronezh). Main attention is paid to the quality of military cadets learning activities (on the example of the discipline "Military history"). The experiment is showed that rating system is one of the key motivation factors of learning activity of students.

quality of education, rating-system, military higher school, military history, motivation.

В 2012–2015 годах в ВУНЦ ВВС «ВВА» (г. Воронеж) в качестве педагогического эксперимента при прохождении дисциплины «Военная история» была введена балльно-рейтинговая система. Традиционно в педагогике под балльно-рейтинговой системой понимается система количественной оценки качества освоения образовательной программы.

Целями балльно-рейтинговой системы являются:

– стимулирование повседневной систематической работы курсантов;

– повышение мотивации курсантов к освоению дисциплины;

– определение реального места, которое занимает курсант среди сокурсников в соответствии со своими успехами в учебе;

– снижение роли случайных факторов при сдаче экзамена или зачета по дисциплине «Военная история».

Принципы балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости курсантов: 1) единство требований; 2) регулярность и объективность оценки результатов работы курсантов; 3) открытость и гласность.

Все результаты, достигнутые курсантом на каждом этапе обучения, оцениваются в баллах. Цель курсанта – накопить максимальное число баллов.

Преподаватель разрабатывает шкалу оценок качества выполненных курсантом заданий в процессе изучения предмета. Величина оценки выбирается самим преподавателем, он описывает, при каком качестве выполнения данного задания какая курсанту положена оценка.

При обучении «Военной истории» в ВУНЦ ВВС «ВВА» предлагаемая система основывается на четырех основных модулях: аудиторные занятия (лекции и семинары); глубокое изучение отдельной проблемы (защита статьи на военно-историческую тематику из предложенного преподавателем перечня); письменная работа (эссе) и экзамен / зачет (итоговый контроль). Каждый модуль позволяет набрать определенное количество баллов: от 15 до 60. В ходе текущего контроля на аудиторных занятиях курсанты получают оценки, которые переводятся в баллы. При этом оцениванию подлежит ведение конспектов лекций и подготовки к семинарским занятиям.

По прошествии трех семинаров (так называемая контрольная точка) командиры групп получают таблицу с накопленными баллами, что, как предполагается, должно стимулировать обучаемых на интенсификацию и планирование своей работы на занятиях. Именно аудиторные занятия дают большую часть объективной информации об успеваемости того или иного курсанта. Однако текущий контроль составляет половину общей суммы баллов. Такая практика позволяет снизить зависимость итоговой оценки от посещений курсантами занятий,

учитывая их возможную занятость при прохождении службы. Кроме того, курсант при выступлении с докладом на семинаре может получить до пяти дополнительных баллов, но не более двух за семестр.

Накопленный рейтинг позволяет объективно оценить работу курсанта и выставить оценку. Для выставления оценки по принятой в России традиционной шкале рекомендуется переводить баллы следующим образом (в % от максимального балла за дисциплину): 85–100 % – «отлично»; 65–75 % – «хорошо»; 50–65 % «удовлетворительно»; ниже 50 % – «неудовлетворительно».

Шкала рейтинговых оценок есть «правила игры» как для курсанта, так и для преподавателя. Последнему остается только сопоставлять качество выполнения курсантами заданий и выставлять рейтинговые оценки. Таким образом, исчезает фактор предвзятости преподавателя, а у курсанта возникает желание готовить себя к работе творчески, с большей интеллектуальной самоотдачей.

Положительные качества балльно-рейтинговой системы:

Во-первых, повышается объективность оценки курсантских достижений в учебе. Объективность – главное требование, предъявляемое к оценке, – в традиционной системе реализуется не очень хорошо. В балльно-рейтинговой системе экзамен перестает быть «последним приговором», потому что он только добавит баллы к тем, которые набраны за семестр.

Во-вторых, балльно-рейтинговая система позволяет более точно оценивать качество учебы и снизить случайные факторы. Может так случиться, что на всех занятиях курсант получил высокие баллы, а за экзамен (например, перенервничал) – средний. В этом случае по общей сумме баллов все равно может получиться балл, позволяющий поставить в зачетную книжку заслуженную пятерку (по традиционной шкале оценок).

В-третьих, снимается проблема «сессионного стресса», так как если по завершении курса курсант получает значительную сумму баллов (у нас 78 из 97 возможных до экзамена), он может быть освобожден от сдачи экзамена или зачета.

В-четвертых, рейтинговая система предоставляет возможность проявить себя, выделиться. Такая система оценки усиливает элемент конкуренции, что позволяет курсанту быть более активным в учебной деятельности. Кроме того, одним из основных принципов подобного оценивания является открытость, которая помогает курсанту в определенный период скорректировать свою деятельность и получить хорошую отметку.

И последнее, одним из весомых достоинств данной системы является создание ситуации выбора, что позволяет каждому обучающемуся проявить себя в соответствии со своими возможностями и интересами, а преподавателю – осуществлять дифференцированный подход и повышать качество образования. Другая значимая особенность заключается в оценивании дополнительной самостоятельной работы обучающегося, что формирует у него определенные качества (самостоятельность, самоорганизация, самодисциплинированность и т.д.), необходимые при подготовке к итоговой аттестации и в дальнейшем обучении. Помимо дополнительных баллов, преподаватель может ввести штрафные баллы (например, в качестве дисциплинарных взысканий) или дополнительные баллы за творческие задания. В своей работе мы штрафуем за оценку «неудовлетворительно», выставляя за нее «минус 2 балла». При этом неудовлетворительные оценки или пропуски занятий курсант может отработать. Поощряется пересдача курсантами семинаров для повышения по ним оценок. Правда, такая возмож-

ность ограничивается по сроку. Применяли и дополнительные творческие задания для близких к «автомату» курсантов.

Практика показала, что курсанты на первом этапе относятся к системе с осторожностью, но затем, когда они видят накопленные результаты, их интерес и мотивация повышается.

Анкетирование и опрос среди курсантов (145 респондентов) показали их неоднозначное отношение к балльной системе. Если в первом потоке, на котором апробировалась методика, около 40 % говорили о необходимости отмены балльной системы, то в 2015 году многие высказалось о ее перспективности. Интересны и другие результаты анкетирования. Форму письменной работы эссе назвали полезной и помогающей научиться анализу и емкому изложению проблемы 53 % опрошенных. Наибольший успех, как показывают результаты анкетирования, среди курсантов имел модуль «статья». Так 77 % не согласились с утверждением, что чтение отняло у них личное время, 61 % прочел еще одну или более статьей, а 55 % обсуждали статью с друзьями.

Опыт балльно-рейтинговой системы продемонстрировал, что наибольший успех методика имеет в группа с средним или высоким уровнем успеваемости, в то время как слабые курсанты ее воспринимают более флегматично (хотя и среди них есть исключения).

На наш взгляд, все большее количество материалов в Рунете по балльно-рейтинговой системе подтверждают ее востребованность, популярность среди педагогов и перспективность. Рейтинговая система позволяет крайне эффективно выразить стимулирующую и мотивирующую функцию оценивания. Стимулирование познавательной деятельности и формирование положительных личностных и профессиональных качеств крайне важны при изучении «Военной истории». Ведь, как говорил отечественный военный теоретик А. Свечин, «военная история – это та почва, на которой рождаются опорные точки нашего военного мышления».

А.М. Ермаков

ЛИЛИ БРАУН И РОССИЯ: СУДЬБА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматривается влияние творчества известной немецкой писательницы-феминистки Лили Браун на развитие женского движения в России в начале XX в. Автор делает вывод о том, чтоо обращение российских специалистов к литературному наследию писательницы сможет внести вклад в современную историографию феминистского движения и феминистской мысли.

Лили Браун, Россия, немецкая литература, женский вопрос, феминизм.

LILY BRAUN AND RUSSIA: FATE OF THEORETICAL AND LITERARY HERITAGE

The article describes the impact of creativity famous German writer-feminist Lily Brown on the development of women's movement in Russia in the early 20th cen-

tury. The author concludesthat the treatment of Russian specialists to the literary heritage of the writer will be able to contribute to the modern historiography of the feminist movement and feminist thought.

Lily Braun, Russia, German literature, women's issue, feminism.

Взгляды, издательская деятельность и политическая активность Лили Браун (1865–1916) – немецкой писательницы, социалистки и феминистки – оказывали значительное влияние на женскую политику германских социал-демократов, а также на радикальное крыло буржуазного женского движения в Германии. В конце 1890-х – начале 1920-х годов произведения и идеи Браун были хорошо известны в России и повлияли на становление в нашей стране социалистического феминизма. Немецкая социалистка теоретически обосновывала невозможность гендерного равенства без победы социализма, при котором будут сделаны конкретные шаги: открыты детские сады, общественные прачечные и кухни.

Ранние работы Браун, небольшие по объему, были опубликованы в России в 1896–1897 годах в литературном и научно-популярном журнале для самообразования «Мир божий», издававшемся в Петербурге Л. Давыдовой. Это были произведения «Об оценке женского движения в Германии и Англии», «Новая женщина в литературе» и «Женское избирательное право в Англии». В 1901 году Лили Браун написала свое главное теоретическое сочинение – книгу «Женский вопрос. Его историческое развитие и экономическая сторона». Оно было важно для пролетарских феминисток в Германии, поскольку их лидер Клара Цеткин не обладала достаточным уровнем образования для подготовки подобного труда. До появления книги Браун теоретизирование по женскому вопросу в СДПГ перестало быть исключительной прерогативой мужчин: Августа Бебеля (1879), Карла Каутского (1882) и Фридриха Энгельса (1884). В труде Браун был дан марксистский анализ исторической эволюции положения женщины с древнейших времен до конца XIX века, рассмотрены женский труд, положение работниц, женское движение и социальное законодательство, Книга сразу получила высокую оценку и была переведена на иностранные языки. В нашей стране «Женский вопрос» выходил в двух разных переводах в 1902, 1903 и 1906 годах.

Настоящий всплеск интереса к творчеству Браун произошел в годы первой российской революции, когда в общественную жизнь вступили феминистские организации. В это время по два издания выдержали брошюры «Женский труд и домашнее хозяйство», «Женщины и политика», три издания – брошюра «Положение женщины в настоящем».

После поражения революции издание произведений Браун в России почти прекратилось как в связи с изменением обстановки в стране, так и по причине постепенного отхода Браун от политической деятельности. В 1909 году увидела свет ее брошюра «Страхование материнства», а в 1910 году в московском литературно-политическом журнале «Русская мысль» была опубликована книга «Мемуары социалистки. Годы учения». Перевод этой книги, вызвавшей резкую критику немецких социал-демократов и одновременно большой интерес читателей, выполнила З.Н. Журавская. По-видимому, второй том «Годы борьбы» (1911) в России опубликован не был ввиду критики царизма и нескрываемого сочувствия русским революционерам. В 1913 году российские читатели смогли познакомиться со свежим романом Браун о кануне Великой Французской рево-

люции «Любовные письма маркизы», напечатанном в журнале истории и истории литературы «Голос минувшего».

Свидетельствами того, что произведения немецкой феминистки пользовались в России начала XX века популярностью, являются не только их быстрая публикация после появления немецких оригиналов, переиздания и разные варианты переводов, но и многочисленные ссылки в книге А.М. Коллонтай «Социальные основы женского вопроса», а также дневниковые записи будущего академика АН СССР историка Н.М. Дружинина. Следовательно, к началу Первой мировой войны, когда в русском обществе стали стремительно нарастать германофобские настроения, на русский язык были переведены все основные теоретические работы Браун, том ее воспоминаний и, по меньшей мере, один из романов. В военные годы Браун безоговорочно встала на националистические позиции, порвала с социал-демократической партией и феминизмом. Об этом красноречиво свидетельствуют брошюра «Женщины и война» и роман «Искатели жизни», написанные в 1915 году.

Свержение самодержавия вызвало активизацию женского движения в России и рост потребности в литературе по женскому вопросу. В 1917–1922 годы были переизданы «Положение женщины в настоящем», «Любовные письма маркизы», «Женский вопрос»; два издания выдержали «Мемуары социалистки», теперь опубликованные полностью, в двух томах. Однако теперь теоретическому наследию Лили Браун и ей лично давались противоречивые оценки. Ее идеи воплощались в виде детских садов, прачечных и домовых кухонь, а читателям сообщалось, что Браун – «генеральская дочь», «кающаяся дворянка», дочь прусского генерала фон Кречмана. Признавая ее смелость, ораторский талант и литературный дар, критики не забывали, что для социалистического движения Браун – только «попутчица». Со своими «типично интеллигентскими настроениями», психикой «органически чуждой и в существе враждебной живому, "всамделишному" рабочему классу и его движению», Браун была всегда отчуждена от пролетариата, разглядывала его со стороны или сверху, «соприкосновение с рабочей средой вызывало в ней гримасы пренебрежения и недоверия». То, что произведения немецкой социалистки еще находили в России своего читателя, подтверждает запись в дневнике историка, будущего академика М. В. Нечкиной от 6 февраля 1923 года: «Весь день лежала. Прочла весь том 1-й Лили Браун "Роман моей жизни. Мемуары социалистки", Госиздат, Пгр., 1919».

К концу 1920-х годов в СССР прекратились эксперименты в области брака и семьи, стала сказываться унификация духовной жизни, руководство страны заявляло, что женский вопрос в нашей стране решен. В 1929 году была издана на русском языке книга Клары Цеткин «История пролетарского женского движения в Германии», в которой Браун, в свое время выступавшая в роли соперницы Цеткин, даже не была упомянута. Отрицательные оценки личности и взглядам немецкой феминистки были даны в первом томе «Литературной энциклопедии» (1929), изданной секцией литературы, искусства и языка Коммунистической академии. Браун упрекали в том, что она была женой «социал-оппортуниста Генриха Брауна» и примыкала «к самому правому крылу» СДПГ. В упрек ей ставилось и то, что социал-демократическая партия «была для нее не политической организацией, а культурнической, ставящей своей целью не классовую борьбу, а культурное обновление Германии». О «Мемуарах социалистки» было сказано, что они «насквозь проникнуты духом ревизионизма» и что в них Браун

«пытается "дополнить" Маркса ревизионистскими идеями Бернштейна и моральной проповедью Ницше; выпады ее здесь же против политических противников производят впечатление глубокой идеологической и политической беспомощности». После этого об изучении наследия Браун или использования ее идей в СССР не могло быть и речи.

В 1983 году сотрудники Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС включили в сборник «Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе» фрагмент из «Воспоминаний социалистки», где речь шла о торжественном собрании берлинских социал-демократов 22 сентября 1893 года в честь приезда Энгельса в Берлин. Составители неверно датировали первую немецкую и первую русскоязычную публикации источника и, предположительно, воспользовались переводом З.Н. Журавской, хотя и не сослались на него.

В современной России имя Лили Браун встречается в некоторых переводах зарубежной научной литературы по истории женского движения и феминистской мысли, ее брошюра «Женщины и политика» иногда украшает библиографические списки диссертаций, хотя едва ли действительно использовалась авторами. Роман «Любовные письма маркизы» был переиздан в 1994 году московским издательством «Вече» с грубейшими ошибками в аннотации и искаженной фамилией переводчицы. Обращение российских специалистов к политической биографии, идейной эволюции и творчеству Лили Браун сможет внести вклад в историографию феминистского движения и феминистской мысли, социалистического движения и социалистических учений, а также взаимодействия России и Германии.

В.Н. Ерохин

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются проблемы в функционировании властных институтов Европейского Союза на современном этапе его развития. Автор приходит к выводу, что сложный состав и характер властных институтов Европейского Союза, значительные культурные различия между государствами – членами Европейского Союза, несмотря на формирование единого правового пространства в этом межгосударственном объединении, создают большие трудности в функционировании Европейского Союза.

Европейский Союз, право Европейского Союза, кризис, управление, формирование единой политики.

SIGNS OF CRISIS AT CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT OF EUROPEAN UNION: PROBLEMS OF MANAGEMENT AND FORMATION OF COORDINATED POLITICS

The article deals with problems of functioning of institutions of power of European Union at current stage of its development. The author concludes that complex

composition and complicated character of power institutions in European Union, considerable cultural differences between states – members of European Union generate serious difficulties in the process of functioning of European Union despite the ongoing process of formation of unified law space in this interstate association.

European Union, Law of European Union, crisis, management, formation of coordinated politics.

В современном мире активно развиваются процессы глобализации и региональной интеграции. Создание региональных экономических и политических объединений в составе государств, которые близки друг другу по уровню экономического развития и характеру культуры, является способом отстаивания своих интересов и повышения конкурентоспособности. Эффект соотношения части и целого при создании таких организаций наглядно виден, в частности, на примере Европейского Союза: если по отдельности большинство входящих в него государств не представляют собой серьезной силы в международных отношениях, этого уже не скажешь о Европейском Союзе в целом. После вступления в действие с 1 января 1993 года Маастрихтского договора Европейский Союз превратился во влиятельное и привлекательное межгосударственное объединение, на долю которого к настоящему времени приходится примерно четверть мирового ВВП.

Европейский Союз – международное образование, сочетающее признаки международной организации и государства. Организация управления в Европейском Союзе довольно сложна. Важнейшими институтами Европейского Союза являются Европейская комиссия во главе с Председателем (выполняет функции правительства), Совет Европейского Союза (под которым имеется в виду Совет министров) и Европейский Совет (высший политический орган Европейского Союза, состоящий из глав государств и правительств стран-членов ЕС). Членами Европейского Совета являются также его Председатель, избираемый на 2,5 года, и Председатель Европейской комиссии. Функционируют также Европейский парламент, Европейский Центральный банк, Суд Европейского Союза, Европейская счетная палата.

Европейская Комиссия (правительство Евросоюза) формируется как кабинет министров из 28 членов, официально называемых комиссарами. Каждой из 28 стран, входящих к настоящему времени в Европейский Союз, предоставляется право путем назначения выдвинуть одного представителя в состав Европейской Комиссии. Вместе с тем при этом предполагается, что лица, занимающие должности европейских комиссаров, при исполнении своих служебных обязанностей должны выражать интересы Евросоюза в целом, а не той страны, которую они представляют в Европейской Комиссии. Один из 28 комиссаров – Председатель комиссии, предлагаемый Европейским Советом и избираемый Европейским парламентом. Европейский Совет затем назначает 27 остальных комиссаров с согласия Председателя комиссии, а затем этот состав Еврокомиссии проходит процедуру одобрения в Европейском парламенте.

Деятельность такого количества властных институтов в Европейском Союзе требует формирования соответствующего механизма правового регулирования. К настоящему времени продолжает формироваться Право Европейского Союза как система правовых норм, регулирующая процесс европейской интеграции, порядок создания и функционирования европейских властных институ-

тов и связанные с этим общественные отношения. Складывается мнение, что Право Европейского Союза следует считать самостоятельной правовой системой, находящейся на стыке национального права государств-членов ЕС и международного права. Право Европейского Союза выстраивается как иерархическая по характеру система правовых норм, что является характерным для романо-германской правовой семьи. Основополагающую роль в системе правовых норм Европейского Союза играют нормы-принципы, содержащиеся в учредительных договорах Европейского Союза, в судебной практике Суда Европейского Союза и в толковании решений этого суда. Принципы права ЕС подразделяются на функциональные и общие. К функциональным принципам относятся принцип верховенства права и принцип прямого действия. Принцип верховенства права ЕС означает приоритет норм права ЕС перед нормами национального законодательства. Правовые нормы в национальном праве государств-членов ЕС не должны противоречить нормам права ЕС. Гарантом соблюдения данного принципа является Европейский Суд. Принцип прямого действия права ЕС означает непосредственное применение права ЕС на территории государств-членов. Для вступления в силу норм европейского права нет необходимости в их трансформации в национальный правопорядок в виде общей имплементации, в результате чего нормы европейского права рассматриваются как составная, непосредственно действующая и приоритетная часть национального права. Нормы права ЕС внутри государств-членов Евросоюза непосредственно регулируют правоотношения с участием юридических и физических лиц с момента утверждения этих норм европейского права. К числу общих принципов права ЕС относятся принцип охраны прав и свобод личности, принцип правовой определенности, принцип пропорциональности, принцип недискриминации, принцип субсидиарности (политические решения должны приниматься на уровне, как можно более близком к населению). Обладают спецификой также источники (формы) права ЕС. Среди них выделяют акты первичного права (все учредительные договоры Европейского Союза, обладающие высшей юридической силой по отношению ко всем другим правовым нормам ЕС), акты вторичного права (издаваемые властными институтами ЕС на основе актов первичного права), акты третичного права (международные договоры, которые были заключены между странами, вошедшими впоследствии в ЕС; правовые нормы, содержащиеся в этих договорах, облегчая формирование ЕС, в дальнейшем стали заменяться актами вторичного права, издаваемыми на этой предварительно взаимно согласованной основе властными институтами ЕС).

Несмотря на процесс формирования Права Европейского Союза, в рамках ЕС еще не выработаны единое налоговое и общее социальное законодательство, нет единого трудового законодательства. Затруднено в рамках ЕС также и проведение согласованной финансовой политики: в еврозону, где действует единая валюта евро, вошли лишь 19 из 28 государств.

Под впечатлением от такого обилия властных инстанций, сложного характера правовых норм, сложившихся в Европейском Союзе, представляется не случайным, что в дипломатической среде в отношениях между США и Евросоюзом в начале XXI века появилась шутка в виде вопроса, авторство которого приписывают известному североамериканскому государственному деятелю и политику Генри Киссинджеру: «Кому мне звонить, если я хочу поговорить с Евро-

пой?». Западноевропейские политики, должностные лица в Евросоюзе, обсуждая ответ этот вопрос, заявляют, что говорить при звонке в данном случае следует с тем, кто занимает пост Европейского комиссара по международным делам, должность которого сравнима с должностью министра иностранных дел ЕС. Но все же этот вопрос не так прост, поскольку Евросоюз не является единым государством, и Европейская Комиссия, хотя и призвана выполнять функции правительства, имеет специфический статус. Вопрос об упразднении должности министров иностранных дел в государствах, входящих в ЕС, даже не ставится. К тому же, например, канцлер ФРГ Ангела Меркель неоднократно заявляла, что не видит необходимости в выдвижении на руководящие должности в Европейском Союзе заметных политических деятелей. При таком подходе сложно обеспечить повышение политического авторитета и действенности решений, принимаемых властными институтами Европейского Союза.

Еще в 1960-е годы в ходе дискуссий о том, какую позицию следует занять Великобритании в отношении к европейской интеграции, известный британский консервативный политический деятель И. Пауэлл заявлял, что он сомневается в возможностях развития общеевропейской демократии по той причине, что не видит «европейского демоса». Действительно, немаловажно то, что существование Европейского Союза не основывается на едином языковом и культурном пространстве, что затрудняет не только принятие и пропаганду принимаемых политических решений, которую легче выстроить в пространстве единого национального государства. Вдобавок к этому культурное разнообразие стран Европейского Союза после увеличения численности входящих в него государств до 28 и особенно после вступления в ЕС стран Центральной и Юго-Восточной Европы создало дополнительные трудности в выработке и особенно в реализации согласованных политических решений. Историки, социологи, политики давно обратили внимание на то, что в общественной жизни, в функционировании международных организаций, наряду с той ролью и значением, которые исполняют официальные властные институты и утвержденные правовые нормы, не следует сбрасывать со счета влияние национальных традиций и обычаев, особенностей правосознания и правовой культуры, социальных условностей. В этом отношении даже в Западной Европе имеются заметные различия между Северной и Южной Европой, романскими и германскими народами, а расширение ЕС на восток и юго-восток принесло еще большее разнообразие в этом отношении, которое усиливается различиями в уровне социально-экономического развития между Западом и Востоком Европы.

Есть основания утверждать, что к существованию и деятельности ЕС весьма сдержанно и прохладно относятся США. Евроскептицизм силен также в Великобритании, что заметно в последние годы и в публичных выступлениях британских политиков, и в работах британских социологов, политологов, экономистов. Некоторые из британских исследователей при этом подходят к анализу проблем функционирования ЕС взвешенно и всесторонне. Вместе с тем в Великобритании появляются работы, в которых заметны откровенно пропагандистские евроскептические оценки перспектив ЕС. События 2014–2016 годов, как думается, показывают также, что Европейскому Союзу не удастся уклониться от решения проблемы обеспечения собственной безопасности, не полагаясь лишь на вооруженные силы США. Похоже, в рамках ЕС придется встать на путь со-

здания собственных вооруженных сил – единой армии. Нарастают и проблемы в миграционной политике ЕС. Эти вопросы, видимо, и будут в ближайшей повестке дня в ЕС.

Список литературы

1. Бутл, Р. Почему Евросоюз не работает, как его реформировать и чем его заменить [Текст]. – М., 2015.
2. Гидденс, Э. Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? [Текст]. – М., 2015.

В.Ф. Ершов, В.П. Нагорнов

КИРИЦКИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС – ВАЖНЫЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Показывается история развития промышленного производства иностранными предпринимателями-англичанами в районе Кириц Рязанской губернии. Успеху способствовало комплексное ведение промышленного производства – под единым юридическим и хозяйственным ведением находились Кирицкий металлургический завод, Кирицкая зеркальная фабрика, Карловский стекловаренный завод и Старостеклянный завод

Рязанская губерния, Кирицы, история металлургического и зеркального производства, заводовладельцы-иностранные предприниматели: Беловы, Боленсы, Генике, Смольяниновы.

KIRITSKY INDUSTRIAL COMPLEX – IMPORTANT CULTURAL AND HISTORICAL OBJECT OF RYAZAN REGION

It shows the history of the development of industrial production by the British foreign entrepreneurs in the area of Kyritz Ryazan province. Success promoted integrated management of industrial production – under a single legal and economic management were Kiritsky Metallurgical Plant, Kiritskaya mirror factory, Karlovski glassmaking plant and Starosteklyanny plant.

Ryazan Province, Kyritzy, history of metallurgy and mirror pro-duction, factory owners-foreign entrepreneurs: Belov, Bolens, Genike, Smolyaninov.

Интересным и весьма успешным примером иностранного предпринимательства на Рязанской земле является Кирицкий производственный комплекс, состоящий в разное время из Кирицкого металлургического завода (1740–1865), Старостеклянного стекольного завода (1750–1780), Кирицкой зеркальной фабрики (1780–1892) и Карловского стекловаренного завода (д. Карловка Сапожковского уезда). Заводчики, английские купцы («иноземцы») Богдан и Григорий (Георгий) Яковлевичи Беловы, приписанные к московскому купечеству, по дан-

ной им из Берг-коллегии привилегии в 1740 году на р. Кирицы построили Кирицкий чугуноплавильный и железоделаемый завод, который пущен в действие в 1741 году. После пуска завода в купеческое товарищество был принят третий компаньон – английский купец Иван Яковлевич Маев. После смерти братьев Беловых две трети наследства перешли к «иноземке» Марье Богдановне Беловой. Двадцать пятого мая 1764 года купец Маев умирает, в наследство вступает его дочь, которая 9 февраля 1767 года продает свою долю обер-церемониймейстеру Матвею Фёдоровичу Кашталинскому. По купчей в 1773 году эта часть переходит к Ивану Боленсу. Марья Богдановна выходит замуж за Ивана Боленса и все производство сосредотачивается в одних руках Боленса. После смерти Ивана и Марьи Боленсов в 1797 году по наследственному праву Кирицкий комплекс переходит в руки их сына титулярного советника Ивана Ивановича Боленса.

После смерти И.И. Боленса в 1822 году наследство перешло к его двоюродным сестрам – Д.А. Генике и В.А. Эверц. В том же году Д.А. Генике умерла, передав свою часть своим детям: сыновьям – Карлу Ивановичу Генике (аптекарю), Денису Ивановичу Генике (доктору медицины) и замужней дочери Бригетте. Бригетта от наследства отказалась в пользу братьев, а долю Эверц приобрел покупкою в 1824 году Карл Иванович Генике. Он становится полновластным владельцем владельцем всего имения, выплачивая своему брату Денису ежегодно оговоренную сумму.

Металлургическое производство в комплексе носило вспомогательный характер и служило основанием для получения от государства льгот – покупки земель, лесных угодий, крепостных крестьян. Основной упор переносился на зеркальное производство, которое успешно развивалось благодаря существовавшей монополии (заградительные пошлины на поставку в Россию иностранных зеркал).

К.И. Генике умер 12 февраля 1854 года. По духовному завещанию имущество его перешло к жене Амалии Ивановне Генике и брату Денису Ивановичу Генике. Через год оно все было продано в заранее подготовленные руки – мужу любимой племянницы Елены Николаевны Любиевской – Константину Николаевичу Смольянинову, прежде служившему в канцелярии Одесского генерал-губернатора. С К.Н. Смольяниновым у К.И. Генике заранее была достигнута договоренность.

В 1865 году Кирицкий металлургический завод был окончательно закрыт К.Н. Смольяниновым.

Восьмого июля 1872 года К.Н. Смольянинов умирает, и все его наследство по духовному завещанию переходит к его сыну Владимиру и детям последнего – Александру и Дмитрию. Третий из его сыновей – Николай, самый любимый, всегда в его отсутствие управлявший делами, был лишен наследства за нарушение сословных дворянских традиций, выразившихся в женитьбе на дочери простого мастера его фабрики, Брунс, вопреки воле родителей.

Однако через год умирает Дмитрий и брат Александр отдает в пользу Николая доставшееся ему наследство от брата. К Николаю вскоре переходит и все управление комплексом. С тех пор зеркальная фабрика значится под фирмою «Братьев Смольяниновых». Но дела фабрики уже находились в видимом упадке. Организованная на дешевом крепостном труде и защищаемая до определенного времени от заграничной конкуренции охранительными пошлинами, Кирицкая зеркальная фабрика не могла подняться на современный технический и организационный уровень и лишь поддерживала свое существование. Снижение в 1882 году таможенно-

го тарифа на зеркальные изделия поставило фирму братьев Смольяниновых в критическое положение. Н.В. Смольянинов пытается найти выход: в 1891 году составляет проект устава «Первого товарищества по производству зеркал и зеркальных стекол». Но эта попытка кончилась неудачей, охотников вступить в члены Товарищества не нашлось, и проект остался на бумаге. В 1892 году Кирицкая зеркальная фабрика, просуществовав более 100 лет, вынуждена была закрыться.

Имение с фабричными постройками было продано С.П. фон Дервизу, а оставшихся без дела свыше 600 рабочих правительство переселило в Белебеевский уезд Уфимской губернии, где наделило их землей. Сам Н.В. Смольянинов поселяется в небольшом именьице при д. Милованово блих Кириц.

Новый владелец Кириц С.П. фон Дервиз вместо восстановления фабрики ломает ее и полученным кирпичем вымащивает дорогу в парке, ведущую к железнодорожная станции Проня. Смольяниновский дом новый владелец перестраивает по проекту Ф.О. Шехтеля в роскошный дворец. Перед дворцом разбиваются цветники и устраиваютсмя фонтаны, а через овраг в парке перекидываются декоративные мосты: один из дикого камня, другой – подвесной на железо-оцинкованных канатах. При въезде в имение выстраивается роскошный каменный манеж.

В истории Кирицкого производственного комплекса есть немало славных культурно-исторических страниц. По представлению Министерства внутренних дел Александр I в сентябре 1821 года поручил академику И.Х. Гамелю составить описание промышленных предприятий Рязанской, Орловской, Тамбовской и Тульской губерний. В 1822 году он посещает Кирицкий завод. Здесь он знакомится с работником завода – замечательным крепостным художником-самоучкой – Ларионом (Илларином) Фёдоровым и привлекает его к изготовлению иллюстраций к знаменитой своей книге «Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении» (1826). В передаче фигур рабочих на рисунках Лариона Фёдорова находит отзвуки присущий стилю эпохи сентиментализм. Его рабочие напоминают тех чисто одетых и гладко причесанных героев пасторалей конца XVIII – начала XIX века, которые выступают и в литературе, и в изобразительном искусстве того времени.

За эту работу по ходатайству академика И.Х. Гамеля император Николай I в награду освобождает Л. Фёдорова от крепостной зависимости.

В истории заводовладельцев прослеживается родственная цепочка иностранных (по происхождению) фамилий Беловы-Боленсы-Генике-Смольяниновы (из рода Рюриковичей). Причем начинается она с купеческого сословия, но с Ивана Ивановича Боленса возникает дворянская линия, продолженная получением дворянства Денисом Ивановичем Генике и его потомства. О дворянстве И.А. Боленса можно судить по следующим документам, имеющимся в ГАРО: (Ф. 98. Оп. 27. Д. 15). «Дело по доношению коллежского секретаря Ивана Ивановича Боленса о увольнении его от взноса с полученных им на 1812 год доходов процентных денег». Известно, что через три года выслуги коллежский секретарь мог претендовать на гражданский чин титулярного советника. В нашем случае в дальнейшем И.И. Боленс становится титулярным советником.

Суть рассматриваемого дела состоит в том, что И.И. Боленс объявил в Рязанское депутатское дворянское собрание (РДДС) доход на 1812 год в 30 тыс. руб. Отсюда следовал в Рязанскую казенную палату (РКП) взнос в 3 тыс. руб. Пытаясь избежать этого платежа, И.И. Боленс 24 ноября 1812 г. подает доношение в РДДС, где сообщает, что: 1) «в его Московском зеркальном магазине было товаров на

170 тыс. руб., который достался неприятелю и весь там от пожару погиб»; 2) «отправлено было с бывшей в сем году Макарьевской ярмарки обратно в Кирицкий мой завод на барках товару зеркал в рамах и прочих стекол на 63 тыс. руб. которая барка на второе число сентября Муромской округи села Панфилове сгорела и со всем товаром, о чем Муромским земским судом учинено следствие».

В результате он пишет: «…почему на нынешний год я доходов с заведеньев моих получить уже не могу. По каковым обстоятельствам и следующий с показанного мною на сей год дохода процент в Рязанскую казенную палату внести не в состоянии». В своем доношении И.И. Боленс ссылается на высочайший манифест императора Александра I от 11 февраля 1812 года, где в § 23 говорится, что «если владелец в течение года потерпит уменьшение доходу, то о сокращении его оклада он представляет РДДС».

Рассмотрев доношение Боленса, 18 декабря РДДС определила: «о сокращении оклада с дохода Боленса с изъяснением сего в Рязанскую казенную палату сообщить. Доношение Боленса приобщить к поданному от него на 1812 год о доходах объявлению».

В своем ответе от 11 сентября 1813 года в РДДС РКП сообщает, что, по сведениям от здешнего уездного казначея, 3 тыс. руб. от И. И. Боленса не поступало. Казенная палата определила: «…хотя здешнее дворянское собрание и сообщает в палату о сокращении оклада с доходов заводчика Боленса по изъясненным в просьбе ево обстоятельствам, однако сия палата к таковому сокращению за силою имянного высочайшего указа, состоявшегося в 11 день февраля 1812 года, приступить не может, потому что оным высочайшим указом позволено о потерпенных уменьшениях доходов представлять к сокращению окладов дворянскому собранию, не казенной палате». Казенная палата просит «по прозбе Боленса о сокращении оклада зделать свое положение. И тогда уже уведомить палату для выключки из оклада определенного собранием количества».

Тридцатого сентября 1812 года РДДС рассматривает ответ казенной палаты и высит свое решение: «…так как от просителя Боленса о потерпенном им в 1812 году уменьшении его дохода никаких доказательств не представлено, без чего в просьбе его удовлетворения сделать не можно».

Введение в научный оборот данного документа позволяет судить о ряде важных фактов в истории Кирицкого комплекса. Во-первых, подача сведений по доходу в РДДС от И.И. Боленса несомненно свидетельствует о его дворянском достоинстве и гражданском чине коллежского секретаря на тот период времени (1812), во-вторых, подтверждает наличие собственного зеркального магазина в г. Москве с годовым оборотом в 170 тыс. руб., в-третьих, участие в торговле на Макарьевском ярмарке и доставке товара туда на барках водным путем по Оке.

М.В. Жолудов

ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА 1832 ГОДА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматривается влияние парламентской реформы 1832 года на процесс формирования Либеральной партии Великобритании. Автор утвержда-

ет, что принятие этой реформы значительно продвинуло процесс образования Либеральной партии.

Великобритания, парламентская реформа 1832 года, Либеральная партия Великобритании, виги.

PARLIAMENTARY REFORM (1832) AND THE FORMATION OF THE BRITISH LIBERAL PARTY

The article examines the impact of parliamentary reform of 1832 on the process of the formation of the British Liberal Party. The author argues that the adoption of this reform has significantly advanced the process of formation of the Liberal Party.

United Kingdom, parliamentary reform of 1832, the British Liberal Party, the Whigs.

Одним из главных направлений современных историко-политических исследований в России является изучение тех сил и партий, которые заинтересованы в преобразовании политической системы возможно более мирным путем. Поэтому весьма актуальным кажется обращение к опыту либерально-реформаторских преобразований в Великобритании в XIX веке. Именно в этот период эта страна становится экспериментальной площадкой для практического применения идей, разработанных британскими теоретиками либерализма Д. Локком, А. Смитом, Д. Рикардо, И. Бентамом, Д.С. Миллем.

К началу XIX века парламентская система Великобритании была весьма запутанна и хаотична. Она во многом зависела от традиций и прецедентов. Порядок выборов в высший представительный орган страны существовал в почти неизменном виде с начала XVII века. Правящие круги Великобритании не были заинтересованы даже в незначительном его изменении. Земельная и финансовая аристократия с помощью устаревшей избирательной системы успешно осуществляла свою власть.

Наиболее одиозной была система так называемых «карманных» или «гнилых местечек». Почти половина депутатов палаты общин избиралась от таких местечек, которые давно уже потеряли свое былое значение, но продолжали обладать правом посылать в парламент одного или даже двух депутатов. В то же время такие крупные промышленные города, как Манчестер, Бирмингем, Лидс, Шеффилд не имели в парламенте ни одного представителя. Подобное состояние избирательной системы соответствовало интересам крупной землевладельческой аристократии, продолжавшей удерживать в своих руках всю полноту государственного управления, но явно не удовлетворяло политических устремлений средних буржуазных классов.

Поэтому политическая борьба буржуазии против аристократии сконцентрировалась в движении за принятие новой парламентской реформы. Во главе движения встала партия вигов. Ранее они уже пытались выдвинуть лозунг о парламентской реформе в качестве политического оружия в своей борьбе за власть против торийской аристократии. Будучи очень популярным среди широких слоев британской общественности, этот лозунг был впервые использован ими в середине XVIII века.

В годы Великой французской революции и наполеоновских войн вопрос о реформе отошел на второй план. Страх перед якобинством, перед неизбежным вовлечением в политическую борьбу широких народных масс Великобритании, а также войны против революционной, а затем наполеоновской Франции заставили вигов на время отвернуться от этого лозунга. Виги отказались от своих старых обязательств и перестали поддерживать даже самые умеренные проекты парламентской реформы. Интерес вигов к проведению парламентской реформы усилился на рубеже 20–30-х годов XIX века. Главными причинами такого поворота были начало экономического кризиса, усиление в связи с этим общественного недовольства и активизация демократического движения в стране.

В первой половине XIX века шел постепенный процесс трансформации «традиционной» политической программы вигов, менялся сам характер партии. В прошлое уходил образ «старого вигизма» – образованного и богатого клана аристократов. Усиливалось радикальное крыло партии за счет менее родовитых, но блестящих политиков вроде Г. Брума и С. Ромилли. В среде этих «новых» вигов было много верных сторонников проведения парламентской реформы, концепция которой была к тому времени разработана И. Бентамом.

Почему же вскоре виги поддержали идею проведения либеральной парламентской реформы? Виги были довольно тесно связаны с промышленной буржуазией. Многие из них сами были вовлечены в предпринимательскую деятельность (Дарем, Фицуильям и др.) По существу, виги становились политическими представителями буржуазных слоев Великобритании, пока последние не приобрели достаточного парламентского опыта. Виги учитывали возрастающее могущество буржуазии и понимали, что политические изменения неизбежны. Они проявляли способности в политике компромисса и уступок, справедливо полагая, что их собственная безопасность и сохранение их собственности, а также политическая стабильность зависят от немедленного проведения реформ. К тому же, находясь в оппозиции, виги хотели использовать движение за парламентскую реформу для возвращения к власти. Подъем массового народного движения за реформу и активная деятельность радикальных политических союзов заставили лидеров вигов включить вопрос о реформе в свою программу. Они считали, что лучше возглавить борьбу за парламентскую реформу, нежели ждать, пока движение «снизу» принесет непредвиденные результаты.

Серьезную помощь вигам в борьбе за парламентскую реформу оказали радикалы (У. Коббет, Т. Аттвуд, Д. Юм и др.). Они не были сильны в парламенте, но обладали большим влиянием на народные массы и на формирование общественного мнения. Радикалы активно выступали за демократизацию избирательной системы Великобритании, неоднократно внося в парламент предложения по реформе избирательного права. Радикалы и виги составили оппозицию «непреклонным и несгибаемым» тори. Вигам особенно импонировало то, что умеренные радикалы постоянно напоминали о своей решимости защищать право собственности и существующий социальный строй. Таким образом, в начале 1830-х годов сложился компромиссный союз вигов и радикалов в борьбе за парламентскую реформу. Этот союз, по существу, положил начало успешному распространению политических принципов либерализма в Великобритании (главным из которых было признание необходимости реформирования избирательной системы) и привел к принятию Великого акта о реформе 1832 года.

В дальнейшем, в 1830–1840-е годы, на этой идейной реформистской основе бурными темпами пошел процесс политического оформления Либеральной партии Великобритании.

Список литературы

1. Айзенштат, М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг [Текст]. – М., 2009.
2. Жолудов, М.В. Идеология и политика либеральной партии Великобритании в 30-е годы XIX века [Текст]. – Рязань, 1997.
3. Jenkins, T.A. The Liberal Ascendancy, 1830–1886 [Text]. – N. Y., 1994.
4. Mandler, P. Aristocratic Government in the Age of Reform: Whigs and Liberals, 1830–1852 [Text]. – Oxford, 1990.
5. Victorian Liberalism: Nineteenth-century Political Thought and Practice [Text] / ed. by R. Bellamy. – L., 1990.

О.В. Захарова

ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПЕРИИ В БРИТАНСКОЙ И КАНАДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной публикации представлены основные направления в дискуссии по проблеме трансформации Британской империи. История создания, развития и трансформации Британской империи является наиболее обсуждаемой в зарубежной историографии. Характерной особенностью является отрицание факта распада империи. В британской и канадской исторической литературе проблема эволюции отношений метрополии и доминионов занимает особое место.

Британская империя, доминионы, проблема трансформации, распад империи, историография.

THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF THE EMPIRE IN BRITISH AND CANADIAN HISTORIOGRAPHY.

This publication presents the main trends in the debate on the transformation of the British Empire. The history of the creation, development and transformation of the British Empire is the most talked about in foreign historiography. A characteristic feature is the denial of the collapse of the Empire. In British and canadian historical literature, the problem of the evolution of relations between the mother country and the dominions occupies a special place.

British Empire, the dominions, the problem of transformation, the collapse of the Empire, historiography.

История создания, развития и трансформации Британской империи является наиболее обсуждаемой в зарубежной историографии. Характерной особенностью является отрицание факта распада империи. В 60-е годы XX века видный

историк К. Каррингтон писал, что в действительности происходит лишь процесс децентрализации империи, в результате которого ее внутренние связи отнюдь не слабеют [1].

Свое убеждение в том, что империя продолжает существовать, многие британские историки подкрепляли ссылкой на прошлое: нынешние изменения, говорили они, представляют собой не что иное, как продолжение начавшегося в XIX веке процесса «обновления» империи.

Представители лейбористской историографии и публицистики говорили о «добровольности» уступок, которые привели к распаду старых имперских уз, стремились доказать тесную преемственность между реформами в управлении империей и переменами, которые произошли за последние два столетия (имеются в виду XIX и XX века).

В работах лейбористских теоретиков до Первой мировой войны история Британской империи рассматривалась в основном с позиции поддержки английского колониализма. В послевоенные годы, когда вопрос о распаде империи еще не стоял, праволейбористские историки, такие, как К. Джонс и Р. Хинден, выдвигали теорию «империи без империализма». Отметим в этой связи, что еще в разгар войны один из виднейших лейбористских лидеров Г. Моррисон заявлял о благоприятном влиянии английского управления на колонии.

После Второй мировой войны праволейбористские теоретики перешли к изложению в различных вариантах «теории трансформации» колониальной империи в Содружество. Д. Стрэчи в исследовании «Конец империи» наиболее полно обосновал концепцию о добровольном роспуске Англией Британской империи.

Теория трансформации империи ведет свое начало еще со времен Первой мировой войны, и ее возникновение было связано с начавшимся кризисом Британской колониальной империи. Основные ее положения были изложены в работах Э. Грига и Л. Кэртиса. После Второй мировой войны эта концепция стала преобладающей в лейбористской историографии Великобритании. Н. Мэнсерг, Э. Уокер в своих исследованиях подчеркивали, что Великобритания добровольно и с готовностью шла на предоставление независимости колониям и доминионам.

По сравнению с этими взглядами концепция А. Тойнби выглядит несколько иначе. В свете его циклической теории упадок Британской империи является закономерным результатом внутренних причин.

Проблемы колониализма исследовались английскими историками, и нашли отражение в трудах М. Добба, Э. Ротштейна, П. Датта, Т. Джексона.

Для первого периода развития британской марксистской исторической мысли 20–50-х годов XX века характерны исследования, раскрывающие причины распада империи как исторически закономерного результата всего предшествующего процесса развития. В 60–90-е годы XX столетия в условиях обновления методологических подходов британских историков-марксистов, ставших признанными лидерами демократического сегмента британской исторической науки, появились капитальные исследования, создавшие «новую социальную историю», получившую признание на рубеже XX–XXI вв. как в Великобритании, так и за рубежом. В центре внимания оказалась «новая рабочая история» и «история повседневности», а проблемы колониальной политики нашли косвенное

[1] Carrington C.E. The Liquidation of the British Empire. Toronto, 1961. P. 71, 81.

отражение в обобщающих теоретических исследованиях Эрика Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» (1990) и «Век крайностей. Короткое двадцатое столетие, 1914–1991» (1994).

Накануне и в годы Первой мировой войны в исторической науке Канады доминировала имперская конституционная школа истории. По окончании Первой мировой войны в историографии доминиона возникает самостоятельное национальное направление, и одновременно выделяются две ярко выраженные тенденции в исторических исследованиях – антибританская и пробританская. Этот водораздел проходил независимо от принадлежности исследователя к той или иной исторической школе.

Борьба за государственный суверенитет Канады стала предметом специального изучения представителями антибританской ориентации в канадской историографии. Историки этого направления видели в британских узах преграду дальнейшему развитию страны, они открыто выражали свои симпатии политическим лидерам либеральной партии М. Кинга, возглавлявшим борьбу доминиона за государственный суверенитет [2].

Профессор Торонтского университета Р. Даусон во вступительной статье к сборнику документов «Развитие статуса доминионов в 1900–1936 годы» одним из первых среди канадских историков исследовал широкий круг вопросов борьбы доминиона за государственный суверенитет. Он рассматривал преимущественно юридическую сторону вопроса, его работа представляет собой хронику конституционных инцидентов в империи этого периода, постоянных попыток доминионов добиться уступок со стороны Англии по конституционным вопросам.

В монографии Г. Скиллинга «Канадское представительство за границей» раскрывается история канадской дипломатической службы от эмигрантских агентств в европейских странах во второй половине XIX века до создания посольств в Вашингтоне, Париже, Токио в 20-х годах XX века. Открытие посольств Скиллинг рассматривал как «шаг не только необходимый, но в условиях Канады двадцатого столетия даже неизбежный».

Опыт эволюции отношений метрополии и доминионов периода между двумя мировыми войнами оказался более привлекательным, чем национально-освободительные процессы в империи после Второй мировой войны. Как в Великобритании, так и в Канаде либеральные и лейбористские историки от преимущественного исследования противоречий Великобритании и доминиона межвоенного периода перешли к анализу сознания имперской общности интересов метрополии и доминионов, разделяя историческую концепцию трансформации империи в Содружество [3].

Таким образом, в британской и канадской исторической литературе особое место занимает проблема эволюции отношений метрополии и доминионов, она также является наиболее обсуждаемой и в зарубежной историографии в целом.

Список литературы

1. Carrington, C.E. The Liquidation of the British Empire [Text]. – Toronto, 1961.

[2] Creighton D.G. Sir John Macdonald and Canadian Historians // The Canadian Historical Review. 1948. Vol. 29. №. 1.

[3] Strachey J. The End of Empire. L., 1959.

2. Creighton, D.G. Sir John Macdonald and Canadian Historians // The Canadian Historical Review [Text]. – 1948. – Vol. 29. – №. 1.
3. Strachey, J. The End of Empire [Text]. – L., 1959.

О.Ю. Иванова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ: СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

В статье рассматривается страноведческий компонент профессиональной подготовки студентов-историков на примере изучения истории южных и западных славян. Славянские народы и государства имеют ряд специфических черт своего развития, что дает возможность на базе содержания курса «История южных и западных славян» формировать общекультурные и профессиональные компетенции студентов, получающих профессиональную подготовку на уровне бакалавриата.

история южных и западных славян, профессиональная подготовка, страноведческий компонент.

PROFESSIONAL TRAINING OF STUDENTS HISTORIANS: A CROSS-CULTURAL COMPONENT IN THE STUDY OF THE HISTORY OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVS

The article examines the cross-cultural component of professional training of students historians by studying the history of southern and Western Slavs. The Slavic peoples and States have some specific features in its development that enables on the basis of the content of the course “History of southern and Western Slavs” to form common cultural and professional competences of students receiving professional training at the undergraduate level.

history of southern and Western Slavs, professional training, cross-cultural component.

Обязательной составной частью профессиональной подготовки студентов-историков является изучение всеобщей истории, что включает в себя два основных пласта: история стран Европы и Америки и история стран Азии и Африки. Особенность классического университетского исторического образования заключается в том, что помимо ведущих европейских государств студенты изучают историю ряда других стран, объединенных по региональному признаку – государств южных и западных славян. Как правило, преподавание их истории ведется на основе страноведческого принципа: история отдельно взятого государства изучается отдельно по каждому из исторических периодов.

Курс «История южных и западных славян» занимает специфическое место в системе подготовки студентов исторических факультетов. История славянских народов является составной частью всемирной истории, однако в ряде моментов

имеет свои особенности в сравнении с историей развития европейских государств. Это позволяет выделить ее в отдельную учебную дисциплину и способствует более полному ознакомлению студентов со своеобразием исторического развития славянских народов. Курс дает возможность проследить выделение славянского этноса, своеобразие его исторического развития и существования на стыке двух цивилизаций – восточноевропейской и западноевропейской (католической и протестантской). Хронологически он охватывает период от появления славянских народов на исторической арене в середине I тыс. н. э. и до начала XXI века, заканчивая современным развитием данных государств.

Во второй половине XX века западнославянские историки для характеристики региона, включающего польские земли (разделенные в период 1792–1918 годов между Российской империей, Пруссией и Австрией, позже Австро-Венгрией), чешские, словацкие и южнославянские земли, находившиеся под контролем Австро-Венгрии и Турецкой империи, начали употреблять термин «Центрально-Восточная Европа», куда включались также страны Балтии, Украина, Беларусь, Молдова [1]. В настоящее время в современных исторических исследованиях это понятие не является единственным и окончательно устоявшимся в силу того, что ряд исследователей обращают внимание на различия в историческом развитии указанных стран, предлагая как альтернативу термины «Центральная Европа», «Срединная Европа» [2].

Вместе с тем славянские народы и государства имеют ряд специфических черт своего развития, связанных с особенностями формирования государственности, развития феодальных отношений, национальными и конфессиональными вопросами. Все они испытали потерю государственного суверенитета, за возвращение которого боролись в сложных исторических условиях. Важными рубежами их развития стали завершение Первой мировой войны (независимость получают Польша, Чехословакия, КСХС) и Второй мировой войны, а также крушение социалистической системы, так как после разгрома фашизма славянские государства оказались в орбите геополитического влияния СССР и были включены в мировую систему социализма, являясь членами ОВД и СЭВ. Итоги мировых войн показали, что историческая судьба южно- и западнославянских государств определилась на основе глобальных европейских и мировых политических процессов, в которые они были тесным образом вовлечены. Процесс перестройки в СССР способствовал крушению социалистического лагеря. Череда демократических революций в южно- и западнославянских странах вывела их на новый этап развития и обусловила переориентацию их политики с СССР / РФ на ЕС и США.

Содержание курса «История южных и западных славян» основано на принципах единства и многообразия исторического процесса и понимания истории славянских народов как составной части всемирной истории. При этом выделение отдельных этапов становления и развития славянских государств способствует более полному осмыслению студентами своеобразия исторического пути славянских народов, а также практическому усвоению ими теоретических закономерностей истории человечества в целом. Во вводной лекции к курсу характеризуется периодизация истории изучаемого региона, что закладывает основы представлений студентов о связи региональной славянской истории с общеевропейскими историческими процессами.

---

[1] История Центрально-Восточной Европы. СПб. : Евразия, 2009. С. 9.

[2] Там же. С. 15–17.

Первый этап истории южно- и западнославянских государств охватывает эпохи Средних веков и раннего Нового времени (до конца XVIII века). Он делится на два периода: первый период – с начала I тыс. н. э. до конца XIV века (появление славян на исторической арене в ходе «Великого переселения народов», зарождение государственных образований; становление, расцвет и упадок южнославянских государств (I и II Болгарские царства, Сербское и Хорватское государства); развитие западнославянских государств (Великоморавская держава, Чешское и Польское королевства); завоевание южнославянских народов османами; смена династий в Чехии и Польше; чешские земли при Карле I; сближение Польши и Литвы); второй период – XV–XVIII века (южные славяне под иностранным владычеством; гусизм; чешские земли в период установления господства Габсбургов; шляхетская демократия в Польше; образование, расцвет и упадок Речи Посполитой; крушение польской государственности).

Второй этап истории южно- и западнославянских государств охватывает период новой и новейшей истории и делится на три периода: первый период – с конца XVIII века по 1918 год (национальное возрождение, создание первых независимых государств; Первая мировая война и восстановление независимых южно- и западнославянских государств); второй период – 1918 год – начало 1990-х годов (становление славянских государств в межвоенный период; Вторая мировая война и судьба славянских народов; славянский мир в период строительства социализма; крушение социалистической системы и становление новых демократических славянских государств); третий период – конец XX – начало XXI века. (основные тенденции развития славянских государств в современную эпоху).

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 46.03.01 «История» (уровень бакалавриата) подразумевает овладение студентами рядом общекультурных и профессиональных компетенций, в том числе «способностью использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории» (ПК-1) [3].

Богатый конкретно-исторический материал для формирования данной компетенции предоставляет именно история южно- и западнославянских стран. От студентов требуется демонстрировать знания фактов отечественной и всеобщей истории, понимание событий и процессов в регионе в контексте общеевропейских и мировых процессов, понимание механизма исторических и культурных связей южных и западных славян между собой и другими народами Европы и мира, умение дать оценку политики, проводимой Россией / СССР / РФ в отношении южно- и западнославянских государств на различных этапах их развития.

Список использованной литературы и источников

1. История Центрально-Восточной Европы [Текст]. – СПб. : Евразия, 2009.

2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 46.03.01 История (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс] : приказ Минобрнауки России от 07 авг. 2014 г. № 950 // СПС «Гарант».

[3] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 46.03.01 История (уровень бакалавриата) : приказ Минобрнауки России от 07 авг. 2014 г. № 950 // СПС «Гарант».

О.Ю. Иванова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В АНГЛИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА VI (1547–1553)

Статья посвящена английским церковным реформам периода правления Эдуарда VI (1547–1553). С точки зрения концепции конфессионализации рассматривается сотрудничество государства и церкви, в первую очередь реализация «Предписаний» (Injunctions) 1547 г., а также проведение в жизнь государственной церковной политики.

Эдуард VI, англиканская церковь, церковные реформы, концепция конфессионализации.

THE RELATIONSHIP OF CHURCH AND STATE IN ENGLAND IN THE REIGN OF EDWARD VI (1547–1553)

Annotation:The article is devoted to the church reforms in England during the reign of Edward VI (1547–1553). From the point of view of the concept of confessionalization considers the cooperation of the state and the Church, primarily the implementation of Injunctions 1547, and the implementation of the state Church policy.

Edward VI, Anglican Church, Church reform, the concept of confessionalization.

Английский опыт отношений церкви и государства первой половины XVI века показателен как пример сотрудничества государственной власти и церкви. Это сотрудничество оформилось в раннее Новое время, когда на историческое развитие общества определяющее влияние оказывало взаимопроникновение и взаимовлияние политики и религии. Эти процессы могут быть проанализированы с точки зрения концепции конфессионализации, в начале XXI века уже вполне получившей научное признание. Один из ее авторов Х. Шиллинг выдвинул тезис о том, что в политической и социальной жизни Европы в раннее Новое время сменяли друг друга четыре доминирующие парадигмы: династия, конфессия, государственный интерес, традиция [1]. В XVI – первой половине XVII века на историческое развитие общества определяющее влияние оказывало взаимовлияние политики и религии. Конфессиональные церкви раннего Нового времени действовали в союзе с государством. Оно своим авторитетом помогало церквам управлять религиозными делами, а церкви выполняли социально-дисциплинарные функции, полезные государству, принуждая всех подданных исповедовать веру, требуемую властями. Для Англии особенно была характерна тесная связь между государством и церковью. Конфессионализация стала важным фактором западноевропейской истории XVI – первой половины XVII века.

Период 1547–1553 годов в Англии – эпоха регентства при малолетнем Эдуарде VI Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета, и Уорвика, герцога Нортумберленда – характеризуется нахождением у власти сторонников реформ в протестантском духе. В эти годы был отменен ряд статутов предыдущих лет, появив-

[1] Schilling H. Confessional Europe. – Handbook of European History in Late Middle Ages, Renaissance and Reformation 1400–1600. Leiden ; Köln ; N. Y., 1995. Vol. I. P. 232. P. 173.

шихся благодаря половинчатой политике Генриха VIII и имеющих наиболее одиозно-католический характер, а затем был развит курс на дальнейшее переустройство отношений церкви и государства [2].

Сотрудничество государства и церкви (при доминировании государства) являлось эти годы обоюдовыгодным. Основы его были заложены в недалеком прошлом при отце малолетнего монарха Генрихе VIII, когда английская церковь оказалась поставленной под контроль монарха. Одним из важнейших инструментов проведения государственной политики стали королевские «Предписания» (Injunctions) 1536 и 1538 годов «Предписания» августа 1536 года требовали от духовенства «соблюдать все статуты английского королевства, принятые для лишения папы римского власти и юрисдикции на территории Англии и для установления королевской власти и юрисдикции в Англии» [3]. Каждое воскресенье на протяжении последующих трех месяцев и затем два раза в три месяца священник в каждом приходе был обязан упомянуть в проповеди, что в Английском королевстве именно король является высшей властью после Бога [4]. Обозначались и другие темы проповедей: Реформация – это восстановление должного порядка вещей; объяснение королевского титула («верховный глава церкви Англии на земле»); постоянные атаки на папство [5]. «Предписания» запрещали «хвалить иконы, мощи или чудеса, завлекать людей паломничествами к святым местам» [6].

«Предписания» 16 ноября 1538 года требовали от духовенства зачитывать оба «Предписания» своим прихожанам раз в три месяца, еще раз подчеркивали необходимость избежать «идолослужения», разрешали свободное чтение Библии. Духовенству вменялось в обязанность регулярно проповедовать и обучать прихожан молитве «Отче наш», Символу веры и Десяти заповедям на английском языке, предостерегать их от заблуждений, регистрировать рождения, браки и смерти в своем приходе, сообщать властям о любом лице, которое признает папскую власть [7]. В реализации «Предписаний» власть получила поддержку архиепископа Кентерберийского Т. Кранмера: он приказал опубликовать их в своем диоцезе и специально собрал епископов для того, чтобы ознакомить их с содержанием документов [8].

Таким образом, в своем стремлении надзирать за проведением в жизнь супрематии корона опиралась на духовенство, в частности, на приходских священников. Им напоминалось фиксировать акты гражданского состояния, заниматься проповедью, обучением и катехизацией – эти задачи на него возлагались и ранее. Новым было то, что молитвы, Символ веры и Декалог они должны были преподавать на родном для паствы языке: внедрялся в жизнь принцип доступности и понятности Священного Писания для широких масс.

Тридцать первого июля 1547 года Кранмер издал «Предписания», которые требовали от всех духовных лиц «следить, чтобы законы и статуты, принятые… для установления и подтверждения власти, юрисдикции и супрематии его коро-

---

[2] Jordan W. K. Edward VI: the Young King. The Protectorship of the Duke of Somerset. Cambridge, 1968.

[3] Gee H., Hardy W. J. Documents Illustrative of English Church History. L., 1896. P. 269.

[4] Paul Ayris. God's Viceregent & Christ's Vicar: the Relationship between the Crown & the Archbishopric of Canterbury, 1533–1553 // Thomas Cranmer: Churchman & Scholar. Woodbridge, 1993. P. 131.

[5] Elton G. R. Reform and Reformation. England, 1509–1558. Cambridge, 1977. P. 196.

[6] Tudor Constitutional Documents (1485–1603) with an historical commentary by J. R. Tanner. Cambridge, 1951. P. 93.

[7] Gee H., Hardy W. J. Op. cit. P. 281.

[8] Paul Ayris. Op. cit. P. 132–133.

левского величества, неуклонно соблюдались... В каждой церкви не менее раза в три месяца должны говориться проповеди против заблуждений, не соответствующих Писанию, таких, как паломничества, поклонение иконам, молитвы за умерших...» [9]. «Предписания» 1547 года предписывали использования в богослужениях «Книги Гомилий» (Проповедей. – *О. И.*) и «Paraphrases» Эразма Роттердамского (комментарии на Евангелия, опубликованные в английском переводе в 1534 года) как образца для толкования Писания [10]. Прокламация 23 сентября 1548 года предписывала, чтобы «Гомилии» читались во всех церквах [11].

Одиннадцатого февраля 1548 года Тайный совет принял решение об удалении икон из всех церквей и часовен по всему королевству и отдал распоряжение архиепископу Кентерберийскому обязать всех епископов проследить за его выполнением [12].

Задача проведения в жизнь государственной церковной политики легла на плечи приходского духовенства. Оно должно было находиться в тесном контакте со своей паствой, чтобы объяснить ей ее истинность. «Предписания», «Книга Гомилий» с образцами проповедей, имевшими больше практический и назидательный, чем доктринальный характер, и «Paraphrases» Эразма Роттердамского, должны были помочь ему в выполнении этой задачи.

Отражением союза англиканской церкви с государством стали серьезные наказания, предусматривавшиеся за неповиновение второму акту «О единообразии», вводившему в 1552 году в действие исправленную редакцию «Книги Общих молитв», регулирующей богослужение: тюремное заключение вплоть до пожизненного [13], а также весьма обширные полномочия церковных судов и значительные возможности духовенства в сфере контроля церковной дисциплины и наказания за различные нарушения.

Королевская власть, имея в лице церкви и духовенства союзника, проводившего на местах государственную политику, сама одновременно оказывала существенную поддержку епископату, силой государственного принуждения побуждая к лояльности реформированной церкви.

Список литературы

1. Elton, G. R. Reform and Reformation. England, 1509–1558 [Text]. – Cambridge, 1977.
2. Gee, H. Documents Illustrative of English Church History [Text] / H. Gee, W.J. Hardy. – L., 1896.
3. Jordan, W.K. Edward VI: the Young King. The Protectorship of the Duke of Somerset [Text]. – Cambridge, 1968.
4. Paul Ayris. God's Viceregent & Christ's Vicar: the Relationship between the Crown & the Archbishopric of Canterbury, 1533–1553 [Text] // Thomas Cranmer: Churchman & Scholar. – Woodbridge, 1993.
5. Schilling, H. Confessional Europe. – Handbook of European History in Late Middle Ages, Renaissance and Reformation 1400–1600 [Text]. – Leiden ; Köln ; N. Y., 1995. – Vol. I.
6. Tudor Constitutional Documents (1485–1603) with an historical commentary by J.R. Tanner [Text]. – Cambridge, 1951.
7. Tudor Royal Proclamations. The Early Tudors (1485–1553) [Text]. – L., 1964. – Vol 1.

[9] Tudor Royal Proclamations. The Early Tudors (1485–1553). L., 1964. Vol 1. P. 393–403.
[10] Tudor Constitutional Documents, 1951. P. 100–102.
[11] Tudor Royal Proclamations. P. 432–433.
[12] Jordan W.K. Edward VI: the Young King. The Protectorship of the Duke of Somerset. Cambridge, 1968.
[13] Tudor Constitutional Documents, 1951. P. 118.

Л.И. Ивонина

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И МОНОПОЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В ЭПОХУ КЛАССИЧЕСКОЙ ЕВРОПЫ

В статье рассматриваются особенности развития концепции государственного суверенитета в странах Классической Европы после подписания Вестфальского мира 1648 года. Автор утверждает, что Вестфальский мир заложил основы современного международного права и политической картины мира как совокупности суверенных государств.

государственный суверенитет, Европа, раннее Новое время, Вестфальская система международных отношений.

STATE SOVEREIGNTY AND THE MONOPOLIZATION OF POWER IN THE ERA OF CLASSICAL EUROPE

This article discusses the features of the development of the concept of State sovereignty in the Classical European countries after the signing of the peace of Westphalia, 1648. The author claims that the peace of Westphalia laid the foundations of modern international law and political picture of the world as the totality of sovereign States.

State sovereignty, Europe, Early Modern age, the Westphalian system of international relations.

«Классическая Европа» – так П. Шоню точно обозначил период второй половины XVII – первой половины XVIII века, определив его содержание как «возникновение ментальных структур будущей планетарной цивилизации в экономических, социальных и политических рамках, …пронизанных многовековыми традициями». В политическом и обыденном сознании понятие «Европа» тогда постепенно вытесняло понятие «христианский мир». Для большинства стран политико-правовой реальностью стал государственный суверенитет, независимо от того, какую его сторону принимать во внимание – внешнюю или внутреннюю.

Согласно немецкому историку Х.Д. Киттштайнеру, стабилизационный период в Европе генерировался из «хаотического» времени и охватывал 1618–1715 года, когда место конфессиональной борьбы за господство универсальной силы заняла рационально калькулированная борьба суверенных государств в рамках европейского равновесия. В документах Вестфальского мира 1648 года был сделан шаг в сторону признания светских суверенных прав за всеми европейскими государствами, включая чинов Священной Римской империи. Он положил начало становлению современной системы, в которой суверенитет предполагается необходимым атрибутом любого государства.

Новая система покоилась на международном праве и балансе сил, действующих между государствами, а не над ними. Недавно общепризнанной была точка зрения, что предоставленный имперским чинам суверенитет привел к дезинтеграции Империи и трансформации территориальных ленов в государства современного типа. Она легла в основу концепции Вестфальского суверенитета –

системы власти, при которой государство обладает полным верховенством на своей территории, политической независимостью во внутренней и внешней политике и равноправно в отношениях с иными странами. Так, Вестфальский мир заложил основы современного международного права и политической картины мира как совокупности суверенных государств.

Сегодня ряд исследователей, признавая роль Вестфальской системы в создании немецкого территориального государства, утверждают, что территориальный суверенитет, предоставленный имперским сословиям, лишь систематизировал старые права и свободы, которыми они пользовались раньше, но не делал из них суверенных правителей. Между тем, главным итогом войн «конфессионального века» (вторая половина XVI – первая половина XVII века) являлась секуляризация религии и политики. В классической Европе политические перемены переживали как монархии – Англия, Франция, Испания, так и республики – Соединенные Провинции, Венеция. В Германии государство раннего Нового времени формировалось как территориальное: имперская конституция после 1648 года не определяла ее полный суверенитет над княжествами и городами, а давала им свободу отношений друг с другом и другими державами. Кроме того, Империя частично модернизировалась на правовой основе, чтобы войти в мир суверенных государств. А политические структуры, неспособные достичь, по Максу Веберу, «монополии легитимной силы», такие, как Речь Посполитая, становились легкой добычей для соперников, использовавших признаки времени более эффективно. Успешное государство нуждалось в адаптации к экономическим и социальным изменениям. Те, кто преуспели в интеграции своих элит, могли конкурировать. Это можно было достичь через двор (Версаль), через репрезентативную ассамблею (английский Парламент), через службу аристократии (Пруссия и Россия) или через комбинацию всех этих составляющих (Австрия XVIII века).

Теперь о внутренней основе государственного суверенитета. В годы Тридцатилетней войны и после нее государственные структуры европейских стран подверглись серьезной трансформации. Для внутриполитической жизни континента после кризиса середины XVII века был характерным всеохватывающий процесс монополизации, который привел к концентрации в руках носителей высшей государственной власти (иначе – у государства) всех важных политических полномочий. Этот процесс имел место и в государствах, ставших на путь буржуазно-правовой трансформации, и в преобладавших абсолютных монархиях. В первом случае монополизировали власть представительские структуры (Парламент в Англии, Генеральные Штаты в Нидерландах), во втором – монарх и его министры. Монополизация включала в себя бюрократизацию, централизацию и милитаризацию государства.

Новые формы европейского бытия формировались в тесном взаимодействии методов адаптации и конкуренции. Следствием конкуренции и ярким примером адаптации являлась монархизация (или регализация) европейских правителей. По сути, она была частью отмечаемого в литературе другого процесса – подъема средних и малых государств, стремившихся к суверенитету для независимого существования. В конце XVII века полным суверенитетом обладали Франция, Испания, Англия, Португалия и Швеция. В других монархиях («квазимонархиях») сословия или выборщики участвовали в передаче власти (Священная Римская империя, Венгрия, Польша, Дания, Папская область). Монархиза-

ция подразумевала как превращение территориального или регионального княжества в королевство, а их правителей – в королей, так и обретение короны в другом государстве, а также повышение статуса правителя в европейской системе. Монархизация стала одним из методов, которые должны были сломать старую иерархию в рамках Европы понятными способами. В принципе, абсолютные монархии усилили государство раннего Нового времени в политическом, экономическом и культурном отношениях.

В итоге во взаимодействии политической силы и внутри- и межгосударственных конфликтов формировались, во-первых, «представительское» государство, выросшее из автократической монархии в партийную демократию; во-вторых, централизованное «национальное» (этническое) государство и локальные федеративные системы.

М.В. Каиль

ПРЕПОДАВАНИЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: РЕАЛИИ, ПРАКТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются преспективы преподавания новейшей истории православославия в России. Автор призывает к более тщательному знакомству с археографической практикой и практическому изучению явлений новейшей истории Православной церкви в России.

Русская Православная Церковь, новейшая история православия, высшая школа, методология преподавания истории.

MODERN HISTORY OF ORTHODOXY TEACHING IN HIGH SCHOOL: REALITIES, PRACTICES AND PERSPECTIVES

This article discusses the prospect of teaching contemporary history of the Orthodox Church in Russia. The author calls for a more thorough acquaintance with archeographical practice and practical study of the phenomena of the contemporary history of the Orthodox Church in Russia.

The Russian Orthodox Church, history of orthodoxy, graduate school, teaching history.

В последние годы дебатирование вопросов преподавания конфессиональной истории и культуры в средней школе стало «хорошим тоном» в интеллигентской дискуссии о судьбах образования. Спор ведется не по существу и посвящен не качеству и даже не предмету образования, а вокруг самой возможности формировать основы культуры и духовности (прежде всего, в школе) на основе приобщения к конфессиональной истории. Одна часть диспутантов стоит на охранительных позициях, считая, что такое «приобщение» повлияет на светскость образования и независимость образовательных организаций от пользующихся влиянием современных церковных структур. Другая часть напротив выступает апологетически, проводя позицию, в соответствии с которой только на

основе приобщения к истории и духовному опыту православия можно формировать нравственные начала современных подрастающих поколений.

Очевидно, что для высшего образования обе эти позиции не выдерживают критики. Доминирование какой-либо из них не поспособствует объективации в изучении и осмыслении истории православия. Между тем, в силу объективных причин, история православия XX столетия является значимой составляющей национальной истории новейшего времени. Ее изучение в рамках высшего исторического образования, прежде всего по направлениям классической исторической подготовки на уровне бакалавриата и магистратуры представляется закономерной и необходимой составляющей современного исторического образования. Логика этого утверждения проста и механистична: чем влиятельнее тот или иной исторический институт в современной жизни – тем полнее должна быть изучена история его становления и развития.

Вместе с тем, очевидно, что и высшая школа находится под влиянием обозначенной общественной дискуссии. Это обстоятельство выдвигает особые требования к методологии и методике создания и преподавания в вузе учебных курсов, посвященных истории православия.

В этой связи в качестве универсального методологического основания, не испытывающего влияния сиюминутных установок, возможно предложить арсенал средств современной социальной истории, представленный в нашей стране одноименным исследовательским направлением, оформившимся в конце 1990-х годов в ИВИ и ИРИ РАН и продолжившим свое развитие в серии публикаций по советской социальной истории, а также концептуальными работами Б.Н. Миронова [1].

Сегодня рассмотрение в образовательных курсах истории Русской Православной Церкви в качестве исключительной, «господствующей» вызывает наиболь-шие сомнения и возражения. Вместе с тем, современная методология позволяет раскрыть историю этого важнейшего конфессионального института в социально-историческом ключе, продемонстрировав и возможности актуального направления в теории исторического знания.

Курсы, связанные с историей православия и Русской Православной Церкви, реализуются во всех духовных учебных заведениях профессионального образования и большинстве светских вузов, осуществляющих подготовку по направлению «История» в рамках дисциплин вариативного блока профессионального цикла. Обоснованием для включения в учебные планы служит очевидная общественная значимость институтов РПЦ МП, широта общественных дискуссий по проблематике церковной истории и востребованность экспертных заключений по данной теме. В ряде регионов в практическую плоскость поставлен вопрос религиоведческой экспертизы информационного контента печатной продукции и сетевой информации, что также делает необходимым формирование экспертно-аналитических компетенций будущих историков.

Сравнительная широта распространенности практики преподавания курсов по новейшей истории Русской Православной Церкви ставит задачу формулирования подходов к их преподаванию. В современной практике доминирует «институционально одобренная версия» (т.е. разработанная и транслируемая са-

[1] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) : в 2 т. СПб., 1999 ; Он же. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012.

мой церковью, являющейся все же конфессиональным и общественным институтом, но не исследовательским центром), основанная на концепции «гонимой богоборческой властью церкви». В этом ключе в центре рассмотрения оказываются два полюса с заранее расставленными в их отношении оценками и, по сути, в этом случае содержательные оттенки программ определяются лишь широтой набора иллюстрирующих выбранные оценки фактов и исторических примеров. Проблематизация данной ситуации как проблемы качества и научного содержания учебных дисциплин поможет в ее практическом разрешении.

Какие практические пути в этом направлении предлагает современный уровень историописания? Качественный уровень преподавания изучаемой дисциплины может определяться исследовательской составляющей и глубоким критическим анализом существующей историографической ситуации, опыта изучения новейшей истории православия в России и за рубежом. Введение в практикум учебной дисциплины кейс-стади с локальными комплексами историографии позволит студентам самостоятельно (что особенно важно в силу специфики содержания дисциплины) при корректном, не оценочном, но информационно-аналитическом сопровождении преподавателя (вводящего по необходимости указание на необходимые новые историографические источники) развить исследовательские и общетеоретические аналитические компетенции.

Важной составляющей, способной повлиять на объективацию предмета изучения, является работа с комплексами опубликованных источников. Изучение ключевых решений Поместного Собора 1917–1918 годов (включая объективные реалии восстановления института патриаршества), характера репрессий в отношении православных и хода антицерковных кампаний 1920-х годов и тому подобных явлений невозможно без привлечения крупных комплексов опубликованных материалов по этим темам.

При этом в качестве структурообразующей основы курса нам представляется продуктивным применить социально-исторический подход. Он позволяет вывести церковную историю из институционального фокуса и рассмотреть ее в объективном поле как эволюцию религиозной общности в масштабах огромной страны и в условиях травматичных обстоятельств истории XX века. Вместе с тем, в рамках этого теоретизирующего основания события церковной истории обретают логическую связь с процессами в стране. Так, секуляризация сознания россиян рубежа XIX–XX веков предстает объективной предпосылкой революционизации общества. Факты обмирщения сообразуются с логикой массы антицерковных деяний, фиксируемых источниками в период революций 1917 года и последующие годы.

В качестве практической попытки построения курса по описанному регламенту мы можем оценивать опыт преподавания в МПГУ и СмолГУ курса новейшей истории православия [2]. Его содержательный контент интегрирует в единое образовательное поле знакомство с арсеналом средств социально-исторического подхода и результатами исследования макропроцессов в новейшей истории Росси с его помощью (изучение обмирщения сознания в концепции Б.Н. Миронова); достаточно широкий историографический практикум и работу с актуальными историографическими источниками и знаковыми работами, их критиче-

[2] Бабкин М.А. Каиль М.В. Новейшая история православной церкви: программа курса. М. : МПГУ, 2012.

ский анализ; знакомство с археографической практикой и практическое изучение явлений новейшей истории Православной церкви в России.

(Тезисы подготовлены в рамках проекта Гранта Президента РФ для молодых ученых, МК-7090.2015.6)

Список литературы

1. Бабкин, М.А. Новейшая история православной церкви: программа курса [Текст] / М.А. Бабкин, М.В. Каиль. – М. : МПГУ, 2012.

2. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) [Текст] : в 2 т. – СПб., 1999.

3. Миронов, Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века [Текст]. – 2-е изд., испр., доп. – М., 2012.

А.А. Калигин

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЯ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ К СССР В 1920–1930-Е ГГ.

Статья рассматривает подходы и методы исследования роли британской политической элиты в определении внешнеполитического курса в отношении СССР в 1920–1930-е годы.

политическая элита, Великобритания, СССР.

SURVEY ON THE ATTITUDE OF THE BRITISH POLITICAL ELITE TOWARDS THE USSR IN 1920-1930

The article considers approaches and methods of research the role of British political elites in determining foreign policy towards the USSR in the 1920–1930s.

political elite, Great Britain, USSR.

Изучение роли британской политической элиты при формировании и восприятии имиджа СССР, определении основных векторов взаимодействия с советским государством в 1920–1930-е годы, является актуальной темой. В первые десятилетия XX века бурно и противоречиво протекал процесс трансформации традиционной партийной системы Великобритании. Ожесточенная внутрипартийная и межпартийная борьба, столкновение политических авторитетов привело к складыванию коалиционного правительства консерваторов и национал-либералов. Процесс принятия политических решений в течение всего периода между двумя мировыми войнами зависел от сравнительно ограниченного круга лиц, тех, кого принято причислять к политической элите. Несмотря на разногласия по вопросам внутриполитической жизни, представители британской политической элиты проявляли поразительное единодушие в оценках и восприятии СССР.

Говоря о «британской политической элите» мы включаем в это понятие членов кабинета министров, влиятельных парламентариев, партийное руководство консерваторов, либералов и лейбористов, высших чиновников Форин Оф-

фис, глав и сотрудников зарубежных миссий, редакторов некоторых популярных общенациональных газет и виднейших журналистов – всех тех, кто участвовал в механизме формирования внешнеполитического курса в отношении СССР. Ряд факторов влияет на фокус и внимание, которое уделяется отдельным политикам и общественным деятелям. Прежде всего, интересны деятели, явно обозначившие свое отношение к Советскому Союзу, они привлекают внимание в зависимости от их известности и влияния, оказываемого на внешнюю политику Великобритании. Так, например, среди «анти-умиротворителей» целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть политических деятелей, поддерживающих англо-советское сотрудничество во время премьерства Н. Чемберлена. Такой выбор облегчает изучение причин, по которым часть политической элиты поддерживала тесные англо-советские отношения, более того термин «анти-умиротворители» используется часто для обозначения политиков, выражавших поддержку англо-советскому сотрудничеству. При этом надо иметь в виду, что среди «анти-умиротворителей» были и такие деятели, кто выступал против политики умиротворения, но и против сотрудничества с Москвой. Наконец, следует учитывать, что степень, в которой политики и чиновники высказали свои мнения, определяет глубину возможного анализа. Например, Уинстон Черчилль, Невилл Чемберлен и Хью Далтон неоднократно излагали свои убеждения, а иногда и в мельчайших подробностях, в личных документах, в палате Общин, на официальных встречах и в мемуарах.

Со времен большевистской революции советская внешняя политика стимулировалась двумя идеями. С одной стороны, мировая революция, финансированная и направляемая советским режимом через Коммунистический Интернационал, с другой стороны, национальный «эгоизм», практикуемый дипломатическими усилиями Народного Комиссариата иностранных дел. Эта двойственность целей отразилась в западных мнениях. Коммунисты и их соратники, значительная часть профсоюзного движения и значительное число левых и либеральных интеллектуалов расценивали советский режим как первую попытку контролировать страну и управлять ее экономикой в интересах трудящихся. Они считали, что Советский Союз стремится к созданию равного и справедливого общества. Сравнение с достижениями капиталистического Запада, втянутого в депрессию, шок от триумфа фашизма в Испании и опасения в отношении Гитлера делали симпатии левых на тот момент вполне понятными.

У правительства Н. Чемберлена и его коллег было немало сомнений в характере и природе советского режима. С начала 1930-х годов британские дипломаты в СССР предоставляли Лондону всеобъемлющие и информативные доклады. Тайные разведывательные операции Запада на территории СССР имели незначительную важность, так как британские чиновники были хорошо проинформированы о деятельности сталинского режима на многих уровнях. Репрессии и массовый террор негативно влиял на секторы советской экономики и управления. Более полумиллиона партийных функционеров «исчезли» вместе с примерно таким же количеством людей во всех сферах деятельности, начиная с промышленной и сельскохозяйственной и заканчивая культурной и образовательной. Показательные судебные процессы лидеров Красной Армии, арест более чем 40 000 офицеров всех рангов, из которых по крайней мере 15 000 были расстреляны, привели западную военную разведку к выводу, что Советский Союз будет плохим партнером в военном союзе против Гитлера.

Взаимоотношения правительства Н. Чемберлена с нацисткой Германией и Советским Союзом по-разному описываются историками. «Ортодоксальная» школа послевоенного периода критикует Н. Чемберлена за его целенаправленную политику умиротворения Гитлера, помешавшую союзу со Сталиным. «Ревизионистская» школа 1960-х годов утверждает, что военная и экономическая слабость Великобритании не оставила Н. Чемберлену выбора в проведении такой политики по отношению к Советскому Союзу, так что идея союза была нереальной. «Контр-ревизионистская» школа подтверждает аргумент «ортодоксальной», но в своих размышлениях заходит намного дальше. Она полагает, что правительство выбрало такой политический курс, исходя из идеологических причин, а именно из-за существования у политиков и чиновников антикоммунистических и антисоветских предубеждений, мотивировавших их проводить политику умиротворения Гитлера. Но «анти-умиротворители» выступали в пользу союза с СССР не по идеологическим причинам. Первый британский самопровозглашенный враг Советского Союза Уинстон Черчилль, он же главный инициатор союзнической военной интервенции в 1918 году, никак не может быть обвинен в подобном мышлении, потому что рассматривал Гитлера как большую угрозу, чем коммунизм.

В.А. Камынина

ФОРУМ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (АТЭС) – НОВАЯ ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН АТР

Статья посвящена вопросам деятельности организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Также внимание уделяется причинам возникновения этой организации, процессу оформления, выработки принципов деятельности, структуры, а также участию в этой организации стран, играющих главную роль и оказывающих огромное влияние на принятие решений.

глобализация, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, проблемы, принципы, либерализация, экономика, форум, саммит.

THE ASIA-PACIFIC ECONOMIC COOPERATION FORUM (APEC) IS A NEW FORM OF ECONOMIC COOPERATION AMONG THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

This article is devoted to the mission of the Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC. Also the attention is given to the reasons of occurrence, the process of its creation, the main principles, its structure and to the main members of this organization, that affect the decisions increasingly.

globalisation, Asia-Pacific Economic Cooperation, problems, principles, liberalization, economy, forum, summit.

В середине прошлого века в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) усилились тенденции регионализации, глобализации мировой экономики, интегра-

ции, развития новых форм сотрудничества, что явилось основными предпосылками создания форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Возникновение форума АТЭС было обусловлено желанием стран-основателей содействовать экономическому росту, стимулировать и укреплять торговлю и повысить жизненный уровень в азиатско-тихоокеанском регионе. Переплетение противоречий и интересов стран Азиатско-Тихоокеанского региона обусловило возникновение замысла организации, которая могла бы регулировать ситуацию в бассейне Тихого океана. Идея эта вынашивалась долго и трудно: предлагались различные варианты ее осуществления, разнящиеся как по составу участников, так и по целям. США ставили во главу угла военно-политические интересы, предлагали создать азиатско-тихоокеанский вариант НАТО и планировали играть ведущую роль в этой организации; Япония разрабатывала идею организации на экономических основах и выступала как выразитель интересов развивающихся стран и посредник между ними и развитыми государствами. Тихоокеанское объединение, Тихоокеанская зона свободной торговли, Сообщество Тихоокеанского кольца – вот некоторые предполагавшиеся названия организации.

Образование регионального рынка проходило благодаря бурному развитию азиатских стран, которое потребовало изменения организационных форм, взаимоотношений как внутри региона, так и за его пределами.

Процесс взаимодействия этих стран активизировался в 1980-е годы, когда страны АТР стали демонстрировать высокий и стабильный экономический рост. Росла регионализация внешней торговли и потоков инвестиций, углублялось внутрирегиональное разделение труда, интенсифицировались межгосударственные отношения, расширялись экономические и торговые связи, возросли экономические противоречия, возникли потребности координации внешнеэкономической деятельности. Необходимо было объединить силы интеграции: правительство, частный бизнес и научное сообщество.

По мере усиления взаимозависимости стран региона становилась все более очевидной и потребность в созыве нового форума на правительственном уровне. В январе 1989 года тогдашний премьер-министр Австралии Боб Хоук выступил с инициативой созыва встречи министров, представляющих экономику стран региона, с целью создания принципиально новой организации по экономическому сотрудничеству. Предложение Б. Хоука было воспринято в регионе как «идея, время которой настало» [1].

По инициативе Австралии и при поддержке ведущих экономических держав региона на I Конференции министров экономики и иностранных дел 12 стран АТР в ноябре 1989 года в Канберре было принято решение о создании АТЭС. Также было решено, что новая организация будет иметь консультативный статус, а ее участники будут добиваться своевременного завершения Уругвайского раунда ГАТТ.

Спектр проблем, рассматриваемых АТЭС, очень широк. Среди прочего он включает: постепенное устранение тарифных и нетарифных барьеров в 15 секторах торговли товарами; обеспечение общей экономической стабильности в АТР, облегчение условий торговли и инвестиций; процесс глобализации с присущими ей рисками и возможностями ускорения темпов экономического разви-

[1] Гурова И.П. Мировая экономика и международные экономические отношения : учеб. М. : Дело, 2003. С. 20.

тия, освоения новейших информационных и телекоммуникационных технологий; вопросы устойчивого развития использования морских ресурсов, повышения эффективности контроля за использованием морских ресурсов, осуществления контроля за их качеством; проблему выявления основных тенденций рынка рабочей силы в странах АТЭС, регулирование спроса и предложения рабочей силы в этих странах, подготовки и переподготовки специалистов и эффективного использования людских ресурсов во всех сферах занятости (в том числе в сфере науки и технологий); вопросы инфраструктуры и развития электронной торговли, стандартизации средств телекоммуникаций; экономические аспекты развития туризма в регионе, проблемы сохранения окружающей среды и охраны исторического и культурного наследия региона. Также АТЭС рассматривает вопросы содействия развитию региональной торговли, финансирования торговли. Проводится осуществление задач и программ в области борьбы с терроризмом.

Основу работы АТЭС составляют такие принципы, как либерализация торговли и инвестиций, содействие торговле, экономическое и техническое сотрудничество. Все решения в АТЭС (в том числе и по приему новых участников) принимаются на основе консенсуса. Организация была основана как форум для обмена мнениями между государствами региона, имевшими сходные взгляды на то, в каком направлении развивать региональное экономическое сотрудничество, но быстро превратилась в координатора экономической жизни региона.

В связи с этим в первые годы своего существования АТЭС не создавало организационной, институциональной структуры. Вопросы регионального и экономического сотрудничества рассматривались на неформальных встречах министров стран-участниц.

Однако со временем появилась необходимость в образовании различных специальных органов, занимающихся той или иной проблематикой. Так появились форумы АТЭС. Неполитический характер форума подчеркивает и то обстоятельство, что в его рамках участники АТЭС называют себя «экономиками».

Новый этап развития АТЭС начался в 1993 году, когда после прихода к власти в США администрации Б. Клинтона высшим органом АТЭС по предложению Вашингтона стала неформальная встреча глав государств и правительств (саммит) стран АТЭС, а США стали играть главенствующую роль в деятельности АТЭС.

Среди наиболее значимых форумов АТЭС необходимо отметить встречу в городе Богор в ноябре 1994 года. На форуме была определена стратегия и главная стратегическая цель АТЭС: достичь установления свободного и открытого торгово-инвестиционного режима развитых стран к 2010 году (Австралия, Канада, Новая Зеландия, США и Япония), для развивающихся к 2020 году. [2]

Большую роль в организационном укреплении форума сыграли встречи министров иностранных дел АТЭС в Сингапуре (1990), в Сеуле (1991) и в Бангкоке (1992).

Первоначально в АТЭС вошли 12 государств: Австралия, Бруней, Индонезия, Канада, Малайзия, Новая Зеландия, Республика Корея, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Япония. В 1991 году к форуму АТЭС присоединились Китайская Народная Республика, Сянган (Гонконг) (с 1997 года – специальный ад-

[2] Шипилов С.Б. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Становление, развитие, перспективы. 1989–2007. М., 2009. С. 268.

министративный район Китая) и остров Тайвань. Тайвань участвует в организации под названием Китайский Тайбэй (Chinese Taipei). В 1993 году в АТЭС вошли Мексика и Папуа-Новая Гвинея, в 1994 году – Чили.

Вплоть до 1996 года форум АТЭС находился в стадии активного формирования собственной структуры и определения своего места в экономической жизни стран АТР и мира.

Решение о вступление России в АТЭС было принято единогласно на пятой встрече в канадском Ванкувере 25 ноября 1997 года Официальное вступление России в АТЭС состоялось 14 ноября 1998 года в Куала-Лумпуре (Малайзия) на встрече министров иностранных дел и экономики накануне очередного саммита. В 1998 году членами АТЭС вместе с Россией стали также Вьетнам и Перу. В настоящее время участниками АТЭС являются 21 страна.

Экономическая зона АТЭС является самой динамично развивающейся в масштабах планеты, ей предсказывают роль главного лидера мировой экономики в XXI веке. В настоящее время в АТЭС, в частности, входят: самая крупная страна по площади, запасам, добыче и экспорту энергоресурсов – Россия, самая населенная и динамично развивающаяся страна – Китай, самые экономически мощные державы – США, Китай и Япония. Такое количество государств, среди которых есть как главные промышленно развитые страны, так и новые индустриальные страны, само по себе обуславливает экономическую мощь организации, а учитывая высокие темпы развития большинства участников форума и их огромный ресурсный потенциал, выводит АТЭС в число влиятельнейших группировок на международной экономической арене.

В настоящее время форум АТЭС стал восприниматься как организация, устанавливающая «справедливые правила игры» и регулирующая справедливое экономическое сотрудничество. Участники АТЭС взяли на себя выработку новых правил международного экономического взаимодействия и стали говорить о «видении АТЭС» (APEC vision), которое подразумевало некое новое, вне политических рамок, восприятие сложившихся в АТР (да и в мире) реалий [3].

АТЭС, работая в тесном контакте с деловыми кругами стран АТР, определяет главные направления и сферы экономического сотрудничества в регионе в XXI веке и содействует частному капиталу как главной движущей силе регионального экономического развития. В целом можно сказать, что вся деятельность АТЭС направлена на то, чтобы в плотном контакте с деловыми кругами определить возможные препятствия на пути торговых и инвестиционных потоков, а в дальнейшем – ликвидировать эти барьеры. Все это должно способствовать обеспечению минимальных затрат времени, денег и сил при осуществлении экономических операций. В целом форум стал играть большую роль в формировании международных отношений.

АТЭС породило принципиально новые подходы к международному экономическому сотрудничеству. На основании трех взаимодополняющих направлений – либерализации торговли и инвестиций, содействии бизнесу, а также экономического и технического сотрудничества – АТЭС для решения региональных проблем использует возможности на основе комплексного подхода, с тем, чтобы все члены развивали свой потенциал в полной мере и участвовали

---

[3] Семенов К.А. Международная экономическая интеграция. М. : Логос, 2001. С. 189.

в работе с использованием этого сотрудничества. АТЭС помогло строить отношения и распространение знаний для улучшения благосостояния своих граждан. Эти партнерские отношения повышают стремление к процветанию и прогрессу, обогащают жизнь и укрепляют дух сообщества АТЭС.

Странам АТЭС уже за первое десятилетие удалось добиться значительного снижения таможенного обложения, хотя и продолжает сохраняться его региональная дифференциация. Параллельно снижаются и другие, нетарифные протекционистские барьеры (количественные ограничения на экспорт и импорт, трудности в импортном и экспортном лицензировании, экспортные субсидии и др.). В результате ежегодные темпы роста экспорта стран АТЭС составляли около 4,7 %, в то время как в других странах мира – только около 3,0 %.

АТЭС – это не застывшая в своем развитии организация. Она живет, реагируя на события, происходящие в мире. Обновление АТЭС является крайне важным для решения задач по поддержанию восстановления экономики и для преодоления стоящих перед нами в XXI веке экономических вызовов. В этих целях члены АТЭС должны усиливать партнерство, основанное на общности интересов, для обеспечения уверенного, сбалансированного и устойчивого роста в экономиках-участницах.

Таким образом, создание АТЭС было обусловлено, главным образом, экономическими факторами, хотя впоследствии деятельность Форума приобрела ярко выраженный политический характер. Время показало, что опыт создания такой организации является ярким примером новых подходов ко всем проблемам современного мира и показывает путь к решению этих проблем.

Список литературы

1. Гурова, И.П. Мировая экономика и международные экономические отношения [Текст] : учеб. – М. : Дело, 2003.

2. Арин, О.А. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность [Текст]. – М. : Флинта ; Наука, 1997.

3. Шипилов, С.Б. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество. Становление, развитие, перспективы. 1989–2007 [Текст]. – М., 2009.

4. Семено, К.А. Международная экономическая интеграция [Текст]. – М. : Логос, 2001.

5. Харламова, В.Н. Международная экономическая интеграция [Текст] : учеб. пособие. – М. : Анкил, 2002.

Н.Ш. Каркозашвили

БРИТАНСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ США В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье представлены высказывания британских путешественников об отличительных чертах функционировавшей в первой половине XIX века в США системы образования.

система образования, школьная реформа, секуляризация, естественнонаучные дисциплины, социальный статус.

THE BRITISH TRAVELERS ABOUT EDUCATIONAL SYSTEM OF THE USA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The article presents some statements of British travelers regarding the distinctive features of educational system in the USA in the first half of the 19th century.

educational system, school reform, secularization, natural-science disciplines, social status.

О необходимости создания общегосударственной демократической системы образования говорили еще отцы-основатели США, видевшие в просвещении важнейшее средство преобразования общества. Решение этой задачи требовало немало сил и времени. Но уже в первой половине XIX века школьное обучение в Америке отличалось новаторскими, прогрессивными чертами, о чем в своих публикациях сообщали многие посещавшие заокеанскую республику жители бывшей метрополии.

Заметнее всего американская система образования контрастировала с британской в наиболее демократизированных штатах Севера и Северо-востока. Писательница Г. Мартино с воодушевлением говорила о широком распространении в Новой Англии бесплатных школ, содержавшихся на средства местных властей. По ее сведениям, в 1827 году в штате Массачусетс на нужды образования расходовалось порядка 178 тыс. долларов, благодаря чему в общественных школах обучалось 70 549 человек, в то время как в частных – 12 393. В Великобритании тогда существовали либо платные частные школы, либо открывавшиеся за счет благотворительности. Три четверти из них находились под патронатом англиканской церкви. К 1860-м годам 2 млн из 4,2 млн детей вовсе не посещали учебные заведения.

Известный британский политик Р. Кобден весьма положительно отзывался о методах преподавания в американских школах – в форме увлекательных бесед и игр, исключавших «пассивную зубрежку». Он одобрил и новую для того времени практику совместного обучения мальчиков и девочек, благотворно влиявшую на поведение учеников и улучшавшую усвоение ими учебного материала.

Еще одной новацией школьного образования в Америке стало широкое привлечение к преподавательской деятельности женщин. По словам ученого-геолога Ч. Лайелла, «число женщин-учителей… увеличивается, так как жалованье их, ... гораздо меньше, а эффективность не хуже, чем у мужчин-учителей, если не лучше» [1]. Среди наиболее ощутимых преимуществ американских школ в сравнении с английскими путешественник назвал добрые, уважительные отношения между учителями и учениками. Без них было бы невозможно использование ланкастерского метода взаимного обучения, который стал впервые применяться в общественной школе Нью-Йорка, основанной в 1806 году. Англичанин обратил внимание и на отсутствие «чрезмерно» суровых наказаний. Так, в бостонской школе для девочек ученицам за провинности всего лишь объявляли выговор перед классом или оставляли после уроков для выполнения дополнительного задания [2].

---

[1] Lyell Ch. A Second Visit to the United States of North America. L.,1849. Vol. 1. P. 192.
[2] Ibid. P. 190.

Ч. Лайелл отметил высокий социальный статус американских учителей, что подтверждалось размерами их заработка: «В Бостоне преподаватели Латинской школы, где готовят мальчиков для поступления в колледж, и средней школы, в которой обучают французскому языку, математике и другим дисциплинам, необходимым для коммерческой карьеры, получают 2 400 долларов в год, в то время как губернатор штата – 2 500 долларов» [3]. Впрочем, жалованье учителей в начальных общественных школах, особенно в отдаленных регионах, оставалось куда более скромным.

По свидетельству британского ученого, уровень преподавания в поддерживаемых властями школах Бостона был настолько высоким, что многие из тех, кто мог бы обучать своих детей у частных педагогов, определяли их в общественные учебные заведения. В то же время в публикациях путешественников нередко говорилось о «поверхностности» школьного обучения, особенно на Западе, где, по словам писателя Т. Хэмилтона, «...сыновья фермеров рано приобщаются к труду…, а дочери быстро выходят замуж», поэтому хорошее образование было мало востребовано [4]. Более качественную, необходимую для поступления в колледж учебную подготовку предлагали частные школы и академии. По словам писателя Ф. Марриата, посетившего семинарию для девочек в Нью-Йорке, «количество тех знаний, которые запихивают в их головы, не поддается подсчету» [5]. Многие путешественники обратили внимание на отдававшееся в американских школах предпочтение преподаванию естественнонаучных и точных дисциплин, формировавших у учащихся практические навыки и рациональное мышление, – арифметики, физики, химии, астрономии, биологии, в то время как изучение литературы, истории других стран, этики, философии, осуществлялось в гораздо меньшем объеме.

Высшими учебными заведениями в Америке являлись колледжи и университеты. Ч. Лайелл особенно отметил «поразительные успехи» высшего образования в Бостоне: «На лекциях по теологии, геологии, зоологии, на литературных чтениях аудитории были переполнены» [6]. Ч. Диккенс также восторгался находившимся неподалеку от Бостона университетом, профессора которого «украсили бы любое общество в нашем цивилизованном мире» [7]. Однако Бостон в то время являлся одним из немногих выдающихся культурных центров США, и подобные хвалебные оценки далеко не отражали всей полноты картины, складывавшейся в сфере образования.

Программы обучения многих высших учебных заведений отличались преобладанием учебных дисциплин практической направленности. Прикладному характеру содержания учебы соответствовала и элективная система, предусматривавшая специализацию по тем курсам, которые могли быть наиболее полезны в профессиональной деятельности выпускников. В отличие от европейских университетов с их классическим образованием, университеты и колледжи США долгое время напоминали ремесленные и реальные училища. Например, в учрежденном в 1862 году университете штата Канзас изучались следующие

[3] Lyell Ch. A Second Visit to the United States of North America. L.,1849. Vol. 1. P. 193.
[4] Hamilton T. Men and manners in America. L.,1968. Vol.1 P. 156.
[5] Marryatt Fr. Diary in America with remarks on its institutions. L.,1839. P. 38.
[6] Lyell Ch. Op. cit. P. 197.
[7] Диккенс Ч. Американские заметки // Собр. соч. : в 30 т. М.,1962. Т. 9. С. 40.

«предметы» – ферма, уход за детьми, плотницкое дело, поделка мебели и шкатулок, токарное искусство, изготовление повозок, покраска, кузнечное дело, кройка и шитье, работа лобзиком, резьба. Уровень преподавания в высших учебных заведениях Америки в течение всей первой половины XIX века оставлял желать лучшего. Особенно плачевной была ситуация с изучением гуманитарных дисциплин, о чем, к примеру, свидетельствует отрывок из воспоминаний американского писателя Генри Адамса, посещавшего лекции по истории средних веков в Гарвардском университете: «Учебников не существовало, ... лектор знал не больше своих студентов» [8].

Среди прогрессивных тенденций развития высшего образования Америки путешественники прежде всего отметили его секуляризацию. По словам Ч. Диккенса, «каковы бы ни были отрицательные стороны американских университетов, в них не насаждают предрассудков, не взращивают фанатиков и ханжей… никого не исключают за религиозные убеждения…» [9].

Знакомство с системой образования США было немаловажным для жителей Великобритании, где с середины 1850-х годов активизировалось движение за школьную реформу. Его результатом стало принятие в 1870 году парламентского билля о создании общенациональной бесплатной системы начального образования. С этого же времени священники перестали допускаться в государственные школы. Закон 1871 года отменил религиозный экзамен для поступления в университет и открыл доступ в крупнейшие университеты Оксфорда, Кембриджа, Дарема нонконформистам и католикам.

Список литературы

1. Адамс, Г. Воспитание Генри Адамса [Текст]. – М., 1988.
2. Бурстин, Д. Американцы: демократический опыт [Текст]. – М., 1993.
3. Диккенс, Ч. Американские заметки [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1962. – Т. 9.
4. Торопова, С.Ю. Становление и эволюция двухпартийной системы Викторианской Англии [Текст]. – Ярославль,1998.
5. Cobden, R. The Diary in America [Text]. – L., 1952.
6. Hamilton, T. Men and manners in America [Text]. – L., 1968. – Vol. 1.
7. Lyell, Ch. A Second Visit to the United States of North America [Text]. – L., 1849. – Vol. 1.
8. Marryatt, Fr. Diary in America with remarks on its institutions [Text]. – L., 1839.
9. Martineau, H. Society in America [Text]. – N. Y., 1981.
10. Woodward, L. The Age of Reform. England 1815–1870 [Text]. – Oxford, 1992.

А.А. Киреев

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСОВ ВОКРУГ ТАЙВАНЯ НА ОТНОШЕНИЯ США И КНР

В статье исследуется история кризисов вокруг Тайваня в 50-х годах XX века. Автор утверждает, что невмешательство советской дипломатии в разрешение

[8] Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М.,1988. С. 360.
[9] Диккенс Ч. Указ. соч. С. 40.

Тайваньских кризисов подтолкнуло процесс деградации отношений стратегического союзничества КНР и СССР.

США, Китай, Тайвань, СССР, Тайваньские кризисы, международные отношения, Юго-Восточная Азия.

THE IMPACT OF THE CRISES AROUND TAIWAN
IN THE UNITED STATES AND CHINA RELATIONS

The article deals with the history of crises around Taiwan in 1950. The author claims that the non-interference of Soviet diplomacy in resolving the Taiwan crisis has pushed the process of degradation of the strategic alliance of China and USSR.

United States, China, Taiwan, the USSR, the Taiwan crisis, international relations, South-East Asia.

К началу 1950-х годов «холодная война» стала реальностью в международных отношениях. В США в 1948 году была сформулирована концепция «сдерживания». Она исходила из необходимости заставить Советский Союз ограничить зону своего контроля рубежами его государственных границ по состоянию на 1947 год. Это относилось как к Европе, так и к Азии.

Для реализации этой доктрины необходимо было четко определить границы сферы американской стратегической ответственности. Это способствовало закреплению биполярности. В то же время Корейская война показала отсутствие у США четких представлений в этом вопросе.

Приход к власти республиканцев в январе 1953 года повлек за собой пересмотр внешнеполитических приоритетов. Вопрос об усилении роли США стал рассматриваться в масштабах всей Евразии. Ревизия проходила по трем направлениям: 1) отказ от абсолютизации значения событий в Европе; 2) усиление внимание к обеспечению безопасности самих Соединенных Штатов; 3) активизация политики в Азии [1].

Превалирующей стала идея о возможности заставить Советский Союз отступить. Так была сформулирована доктрина «отбрасывания» (roll-back) коммунизма. Мировая периферия становилась источником советско-американских противоречий.

В тоже время США приходилось учитывать фактор наличия у СССР ядерного (с 1953 года – термоядерного) оружия. Возникла угроза перерастания локального конфликта в глобальную ядерную войну. Поэтому в Вашингтоне советская угроза рассматривалась в контексте возможного вмешательства Москвы в американо-китайский конфликт [2].

После войны в Корее США пошли по пути расширения «тихоокеанского оборонительного рубежа». В августе 1954 года в него был включен Тайвань, что прямо должно было отразиться на политике КНР [3].

---

[1] Taft R.A. A Foreign Policy for Americans. N. Y. : Doubleday and Company, 1991. P. 85.

[2] Basic National Security Policy. NSC Documents. NSC 5810/1. 1958. May 5. P. 2–3; National Security Council Review of the United States Policy in the Far East. NSC Documents. NSC 5429/5. 1954. December 22. P. 4.

[3] National Security Council Review of US policy in the Far East. NSC Documents. NSC 5429/5. 1954. December 22. P. 4.

Одновременно предполагалось сплотить союзников США в Азии в рамках какого-либо блока. Весной 1954 года была выдвинута идея «коллективного и эффективного» взаимодействия некоммунистических стран. Предполагалось создание многостороннего союза с целью ограничения влияния Китая, а в отдаленной перспективе и для «отрыва Китая от зоны советского коммунистического контроля» [4].

В результате 8 сентября 1954 года был создан Манильский пакт (с 1955 года называвшийся СЕАТО). К нему присоединились пять развитых стран (Австралия, Британия, Новая Зеландия, США, Франция) и три развивающиеся (Пакистан, Таиланд, Филиппины). Манильский пакт предполагал оказания военной и экономической помощи тем силам, которые вели противоборство с коммунистическими силами в Азии. США получили согласие на свое право вмешиваться в региональную политику.

Китайская Народная Республика рассматривалась не как самостоятельный игрок на международной арене, а марионетка Москвы. Тем самым американские политики ограничили себе свободу маневра в отношении Китая в будущем. Республиканцы пошли еще дальше, посчитав вообще весь азиатский национализм производной от коммунизма и лишенным собственной политической воли.

Конфронтационный потенциал, возникший в американо-китайских отношениях, одновременно являлся защитой для КНР. По мысли китайского руководства, СССР не мог допустить поражения Китая от США, так как это усиливало позиции американцев в Азии. Использовать такое положение вещей китайское руководство собиралось не столько для усиления позиций СССР в регионе, сколько для решения своих национальных задач. В начале 1950-х годов ведущим направлением политики КНР стали попытки присоединения Тайваня.

В 1950 году войска КНР захватили остров Хайнань, который находился под контролем Гоминьдана. Таким же образом Пекин рассчитывал «освободить» и Тайвань. Благоприятная ситуация сложилась, когда президент Эйзенхауэр в 1953 году объявил о прекращении патрулировании зоны Тайваньского пролива американским седьмым флотом [5].

Оба Тайваньских кризиса (первый – 1954–1955 годов; второй 1958 года) протекали по похожим сценариям. Сначала следовала артиллерийский обстрел островов, занятых войсками Гоминьдана. Затем в конфликт вмешивались США, но ограничивались только защитой самого Тайваня и Пескадорских островов, как это прописывалось в Договоре о взаимной обороне между США и Тайванем от 2 декабря 1954 года [6]. Войска Гоминьдана, получив благословление Вашингтона, наносили ответный удар по материку. Такая ситуация получила название «воинственное сосуществование», когда обе стороны не угрожали уничтожением друг другу, но постоянно осуществляли военные провокации.

СССР и США, как ведущие сверхдержавы, пытались ограничить рамки конфликта, не давая ему перейти в глобальный конфликт. Однако поскольку КНР и США более чем СССР участвовали в конфликте, основная дипломатиче-

---

[4] The US Strategy for Developing a Position of Military Strength in the Far East. NSC Documents. NSC 5416. 1954. April 10. P. 9.

[5] Eisenhower D. Annual Message to the Congress on the State of the Union: February 2, 1953 // Public Papers of the Presidents of the United States. 1960. №. 6. P. 3.

[6] Dynamics of World Power. A Documental History of United States Foreign Policy. 1945–1973. N. Y. : Chelsea House, 1973. Vol. IV. The Far East. P. 209.

ская игра велась между ними. Целью КНР было достижения такого положения, при котором Пекин получит признания как самостоятельный участник международных отношений и сможет добиться соответствующих преференций, в частности, признания КНР со стороны США.

Отсюда и соответствующие действия, предпринятые Китаем. Открытое игнорирование угрозы ядерного конфликта. Армейским частям НОАК, задействованным в конфликте в проливе, было запрещено стрелять по американским войскам, чтобы не спровоцировать конфликт. Армия КНР захватила лишь те острова, которые не вошли в зону американских обязательств, обозначенных в Договоре о взаимной обороне между США и Тайванем от 2 декабря 1954 года [7].

США в свою очередь не только ограничили свою ответственность в зоне Тайваньского пролива. Одновременно Вашингтон демонстрировал силу. Президент получил право использовать американские войска для защиты Тайваня, Пескадорских островов и территорий в Тайваньском проливе. Была озвучена угроза применить тактическое ядерное оружие в зоне пролива [8].

Эти кризисы подтолкнули процесс деградации отношений стратегического союзничества КНР и СССР. КНР в результате Тайваньских кризисов добился выравнивания своего статуса в международных делах. Союз с Москвой только тормозил внешнеполитические устремления Пекина. США увидели, что КНР может вести самостоятельную политику, не оглядываясь на решения Москвы. Итог Тайваньских кризисов – обретение КНР права стратегической инициативы в международных делах.

Список литературы

1. Киссинджер, Г. О Китае [Текст]. – М. : АСТ, 2015.
2. Basic National Security Policy. NSC Documents. NSC 5810/1, 1958. – May 5. – P. 2–3 ; National Security Council Review of the United States Policy in the Far East. NSC Documents. NSC 5429/5. – 1954. – December 22.
3. Dwight, D. Eisenhower, “Annual Message to the Congress on the State of the Union: February 2, 1953” [Text]. – 1960. – N 6 : Public Papers of the Presidents of the United States.
4. Dynamics of World Power. A Documental History of United States Foreign Policy. 1945–1973. – N. Y. : Chelsea House, 1973. – Vol. IV. – The Far East.
5. Foreign Relation of the United States [Text]. – 1990. – Vol. 19. – 1955–1997.
6. National Security Council Review of US policy in the Far East. NSC Documents. NSC 5429/5. – 1954. – December 22.
7. Nationalism and Communism in Asia. The American Response [Text] / ed. by N.A. Graebner. – Lexington ; Toronto : D.C. Heath, 1977.
8. Taft, R.A. A Foreign Policy for Americans [Text]. – N. Y. : Doubleday and Company, 1991.
9. Text of Joint Resolution on the Defense of Formosa: February 7, 1955, Department of State Bulletin [Text]. – 1955. – Vol. 32. – N 815.
10. The US Strategy for Developing a Position of Military Strength in the Far East. NSC Documents. NSC 5416. – 1954. – April 10.

[7] Dynamics of World Power. A Documental History of United States Foreign Policy. 1945–1973. N. Y. : Chelsea House, 1973. Vol. IV. The Far East. P. 209.

[8] Foreign Relation of the United States. 1990. Vol. 19. National Security Policy, 1955–1997. P. 61.

И.П. Кондратьева

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье анализируются современные концепции преподавания новой и новейшей истории зарубежных стран в современной общеобразовательной школе. Автор указывает на необходимость полного перехода к системно-деятельностному подходу в обучении.

новая и новейшая история зарубежных стран, учебник истории, методология преподавания истории, общеобразовательная школа.

THE STUDY OF MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY OF FOREIGN COUNTRIES IN MODERN SECONDARY SCHOOLS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

This article analyzes the modern concepts of the teaching of modern and contemporary history of foreign countries in modern secondary school. The author points to the need for a full transition to the system approach to learning.

modern and contemporary history of foreign countries, history textbook, teaching history, secondary school.

На современном этапе развития системы образования государство уделяет большое внимание методическому аспекту обучения в общеобразовательной школе. Преподавание истории проходит через структурные и содержательные изменения.

Предмет история в современной школе рекомендовано изучать последовательными или синхронно-параллельными курсами «История России» и «Всеобщая история». Новая и новейшая история изучаются на уровне основного общего образования в 7–9 классах.

Уровень усвоения материала всеобщей истории обучающимися основной школы, как правило, значительно ниже, чем по истории России, и это можно объяснить рядом факторов. Один из них – большой объем материала, необходимый для изучения при недостаточном количестве часов. На изучение всеобщей истории выделяется 30 % учебного времени, отведенного на изучение истории, что составляет 24 из 68 возможных часов за учебный год. Так, в 7 классе, согласно ФК ГОС 2004 года, всеобщая история охватывает период 1500–1800 года, т.е. с эпохи Великих географических открытий до Великой французской революции, в 8 классе материал XIX – начала XX века. В 9 классе изучают период с 1914 года до современности. В 7 классе обучающиеся должны за отведенное время овладеть материалом по истории Великих географических открытий, эпохам Возрождения и Просвещения, Реформации, революций в Нидерландах, Англии, Франции, войне за независимость Североамериканских колоний, развитию традиционных обществ Востока и началу европейской колонизации. Выполнить

данную задачу представляется сложным, так как обучающиеся должны не только усвоить событийный ряд, но и научиться работать с текстом исторического источника, картой, уметь соотносить общие исторические процессы и отдельные факты, выявлять существенные черты исторических процессов, явлений, событий, группировать исторические события и явления по заданному признаку. И это неполный перечень требований, предъявляемых к уровню подготовки выпускника основной школы. Отчасти проблема нехватки времени на изучение всеобщей истории будет решена в результате перехода на ФГОС ООО и изменений синхронизации курсов всеобщей истории и истории России в основной школе.

Другой фактор – несоразмерное предоставляемому количеству часов число больших по объему параграфов. Так, в наиболее часто используемом в школах учебнике Всеобщей истории нового времени для 7 класса, изданному в издательстве «Просвещение» авторами А.Я. Юдовской, П.А. Барановым и Л.М. Ванюшкиным, общее количество парагафов – тридцать, а количество страниц в параграфе может достигать десяти. Возникает вопрос: как их распределить на 24 занятия и при этом еще и выделить время на уроки обобщения и повторения пройденного материала? Данная проблема пока остается нерешенной. Принят историко-культурный стандарт и созданы новые учебники для основной школы по истории России, а соответствующие изменения по всеобщей истории на данный момент отсутствуют.

Кроме того, обучающимся данного возраста сложно осмыслить материал в силу несоответствия возрастных особенностей уровню и глубине изложения материала в учебниках общеобразовательной школы.

Все это приводит не только к сложностям постижения процессов мировой истории, но и соотнесения ее с событиями российской истории. А это является важным аспектом, так как именно в период Нового и Новейшего времени Россия становится активным субъектом мировой истории.

Необходимость более глубокого изучения всеобщей истории обусловлено и тем, что происходит увеличение доли материала всеобщей истории в содержании ЕГЭ по истории. От обучающихся требуются умения устанавливать хронологическую последовательность, систематизировать историческую информацию, представленную в таблице. Таким образом, у школьников должны быть сформированы целостные представления об историческом пути человечества, разных народов и государств, об основных этапах и закономерностях развития человеческого общества с древности и до наших дней, способность применять исторические знания для осмысления общественных событий прошлого и современности.

Одним из способов преодоления существующих проблем изучения новой и новейшей истории в основной общеобразовательной школе является использование современных методов обучения.

Правильно подобранные методические приемы и технологии позволяют сделать процесс обучения более эффективным, мотивировать обучающихся на получение знаний и овладение умениями и навыками, подобрать материал, методы и формы работы, соответствующие возрастным и познавательным особенностям обучающихся.

Согласно Примерной образовательной программе основного общего образования, одобренной решением федерального учебно-методического объедине-

ния по общему образованию от 8 апреля 2015 года, обучение в общеобразовательной школе должно строиться на основе системно-деятельностного подхода с учетом психолого-педагогических особенностей развития детей 11–15 лет. Современные подходы к организации урока требуют акцентировать внимание учителя на обучении детей самостоятельно получать знания. Приветствуются интерактивные формы проведения занятий, применение метода проектов, групповой и парной работы.

Реализация метода проектов способствует воспитанию самостоятельности, инициативности, ответственности, повышению мотивации и эффективности учебной деятельности. На уроках новой и новейшей истории можно применять информационный, исследовательский, творческий проекты. Каждый проект может разрабатываться в рамках урока, недели или четверти. Интересными для ребят являются проекты «Человек в изменившемся мире» (8 класс), «Европейское общество в раннее новое время» (7 класс). В рамках урока, групповой работы дается сравнительная характеристика социальной структуры общества изучаемого исторического периода. Формой представления проекта является плакат или схема, созданная членами группы.

В рамках урочной учебно-исследовательской деятельности приветствуется проведение уроков-исследований, уроков-рассказов об ученых, уроков-открытых мыслей, уроков-лабораторий. Увлекательно проходят уроки-экскурсии по изучению культуры нового и новейшего времени. Подготовка к такой учебной деятельности позволяет не только усвоить знания на базовом уровне, но и способствует развитию творческих способностей, смещает центр проблем с формирования знаний, умений и навыков на целостное развитие личности, способствует развитию коммуникативных компетенций.

Современному творчески работающему учителю предстоит решить немало задач, связанных с реализацией изменений современной системы образования. Перемены ждут и в преподавании всеобщей истории. Необходимо совершить полный переход к системно-деятельностному подходу в обучении. Учителей ждет введение новых учебников, отвечающих требованиям Примерной образовательной программы основного общего образования, ФГОС ООО и психологическим особенностям школьников. Главное, чтобы результатами этих изменений стали повышение уровня мотивации обучающихся, формирование их самостоятельного мышления, способности продолжать образование и стремиться к новым достижениям.

И.Б. Красильников

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТАЙПИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

В советской историографии тайпинского движения фактически игнорировался вопрос о религиозных христианских предпосылках тайпинской идеологии. Современные авторы подробно рассмотрели эту проблему, придя к выводу о том, что в Китае середины XIX века получила развитие арианская ересь христианства.

историография, крестьянские движения, тайпинская идеологии, христианство, арианство.

THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE TAIPING MOVEMENT: THE RELIGIOUS ASPECT

In Soviet historiography of the Taiping movement virtually ignored the question of religious Christian background Taiping ideology. Modern authors have addressed this problem by having concluded that in China the mid-19th century was arianskaâ heresy of Christianity.

historiography, peasant movements, Taiping ideology, Christianity, Arianism.

Тайпинское движение в Китае всегда привлекало российских исследователей. Если в советский период особое внимание уделялось классовой борьбе и попыткам создания утопических государств, то в настоящее время интерес представляют модернизаторские идеи и национально-освободительное движение. Однако в настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть только один из аспектов этой историографии – религиозные взгляды тайпинов.

Надо отметить, что еще в советский период религиозной сущности тайпинского движения уделялось достаточное внимание. Так, в неоднократно переиздававшемся учебнике А.А. Губера, Г.Ф. Кима, А.Н. Хейфеца. «Новая история стран Азии и Африки», в частности, кратко сообщалось, что некоторые положения своего учения Хун Сюцюань заимствовал у христианских миссионеров. Он составил три религиозных гимна-манифеста: «Гимн об истинном пути к спасению мира», «Поучение об истинном пути к пробуждению мира» и «Поучение об истинном пути к познанию мира», призывавшие народ к борьбе. Проповедь Хун Сюцюаня отличалась от христианства европейских и американских миссионеров. Характерно, что, когда Хун Сюцюань изложил свои взгляды американскому миссионеру Робертсу, последний заявил, что мысли Хун Сюцюаня «еще не очищены от скверны» и он, Робертс, не может совершить над ним обряд крещения [1].

В ставшей классической работе В.П. Илюшечкина, автор, описывая процесс формирования религиозной составляющей тайпинской идеологии, в частности, отмечает особое влияние книги Лянь Яфа «Добрые слова, увещающие мир», под впечатлением которой Хун Сюцюаню стало казаться, что он был призван на небеса к христианскому богу и тот поручил ему избавить Китай от дьяволов и утвердить царство справедливости. Впоследствии Хун стал выдавать эти «видения» за действительность и именовать себя младшим братом Иисуса Христа [2]. Упоминая о религиозной составляющей тайпинской идеологии В.П. Илюшечкин, тем не менее, подробно ее не рассматривает. На наш взгляд это является упущением автора. Традиционная советская отговорка о том, что в этот период нельзя было подробно излагать религиозное учение, кажется не особенно состоятельной. В другой классической работе М.М. Смирина о народном движении «Народная реформация Томаса Мюнцера» очень подробно рассматриваются и учение Иоахима Флорского, и средневековая мистика, и течения в реформации [3].

[1] Губер А.А., Ким Г.Ф., Хейфец А.Н. Новая история стран Азии и Африки. М., 1982. С. 148.
[2] Илюшечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967. С. 46.
[3] Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. ; Л ., 1947.

Тем не менее, именно этот «пробел» в работе В.П. Илюшечкина, очевидно, обратил на себя внимание современных российских исследователей.

В специальной работе, посвященной распространению христианства в Китае с VII по XIX века, А.В. Ломанов достаточно подробно останавливается на влиянии христианства на движение тайпинов, посвящая этому отдельную главу своей работы. Автор, в частности, останавливается и на взглядах Лян Афа, первого китайского христианского проповедника. Подводя итоги своего исследования, А.В. Ломанов делает вывод, что тайпины убирали на задний план непонятного им Христа, оставляя более близкий им монотеизм Бога Израилева, помогающего в боях с врагами. «Арианство» Хун Сюцюаня было настолько последовательным, что учение тайпинов трудно назвать христианством в строгом общепринятом смысле. В связи с этим представляется допустимым говорить о религии тайпинов как о шандиизме, или «религии Шанди», выросшей из протестантской проповеди [4].

Примечательно, что об арианстве тайпинов пишет и Д.Е. Мартынов. Он, очевидно, не знал о работе Ломанова, хотя ко времени написания его статьи прошло уже около двух лет, поэтому приходит к такому выводу самостоятельно, ссылаясь на особенности китайской семьи. Так, он в частности отмечает, что, во-первых, следует вспомнить о различии положения младшего и старшего братьев в европейском и китайском этических кодексах. В китайской семье отец занимает почти божественную нишу. Традиционный титул императора – Сын Неба (Тянь-цзы), следовательно, Иисус Христос – перворожденный сын, а Хун Сюцюань – «Сын Бога». Во-вторых, абсолютной истиной христианства для Тайпин-вана было единобожие, нацеленное против китайского традиционного политеизма. Отрицание Хун Сюцюанем равенства Христа Богу, как ни парадоксально, не приводило его к отрицанию божественной природы Христа. Христос был для него полноправным членом Небесной Семьи и Спасителем мира, чья крестная жертва была абсолютным условием искупления грехов человечества. Тайпины так и не смогли воспринять учения о лицах Пресвятой Троицы. На Небеса был распространен конфуцианский принцип: фу фу – цзы цзы («отец да отцовствует – сын да сыновствует») [5].

Таким образом, если в советской историографии тайпинского движения авторы просто упоминали о религиозной составляющей идеологии тайпинов, использующих христианство как способ борьбы с маньчжурской династией, то современные исследователи более подробно рассмотрели эту составляющую идеологии, и пришли к выводам о ее «арианстве» и сочетании со специфически китайскими конфуцианскими идеалами. Это позволило более подробно изучить не только идеологию тайпинского движения, но и обратить внимание на его отличия от традиционного христанства. Второй вывод, который напрашивается сам собой – в такой стране с многовековой культурой развития философско-этических учений, как Китай, христианство было воспринято именно через призму этих учений и возможно не случайно распространилось в форме одной из раннехристианских ересей, как более понятной. Ведь и в Европе «арианство» продержалось на протяжении нескольких веков, особенно среди варваров.

---

[4] Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 360.

[5] Мартынов Д. Е. Из истории китаизации христианства: «арианство» тайпинов // Православный собеседник. Казань, 2004. С. 186.

Список литературы

1. Смирин, М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война [Текст]. – М. ; Л., 1947.
2. Илюшечкин, В.П. Крестьянская война тайпинов [Текст]. – М., 1967.
3. Губер, А.А. Новая история стран Азии и Африки [Текст] / А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. – М., 1982.
4. Ломанов, А.В. Христианство и китайская культура [Текст]. – М., 2002.
5. Мартынов, Д.Е. Из истории китаизации христианства: «арианство» тайпинов [Текст] // Православный собеседник. – Казань, 2004.

Ю.А. Кудряшова

ОБРАЗ ГОСТИНЫХ ДВОРОВ ВОСТОЧНЫХ КОЛОНИЙ В КУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ Г. АСТРАХАНИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

В статье рассматривается влияние восточной культуры на внешний облик Астрахани XVIII–XIX веков. Автор утверждает, что функционирование Астрахани как форпоста традиционной торговли Российского государства с Востоком определило его внешней облик и быт жителей.

гостиный двор, культура Востока, Астрахань, XVIII–XIX века.

LIVING YARDS IN CULTURAL IMAGE OF ASTRAKHAN IN THE 18-19TH CENTURY

The article discusses the influence of Eastern culture on the appearance of Astrakhan in 18–19 centure's. The author argues that the functioning of the Astrakhan as traditional trade outpost of the Russian State with the East defined his external appearance and way of life of the inhabitants.

living yards, culture of the East, Astrakhan, XIX 18–19 centure's.

Актуальность данной темы обусловлена возросшим в последние годы интересом к проблеме межкультурной интеграции, в рамках которой народы взаимно адаптировались друг к другу путем заимствования отдельных традиционных элементов. В результате этого человек в большей или меньшей степени достигал совместимости с новой культурной средой. Иными словами, происходил процесс аккультурации, важнейшей целью и результатом которой являлась долговременная адаптация к жизни в чужой культуре. Астрахань является ярким примером полиэтничного региона, в котором на протяжении многих столетий взаимодействовали представители разных народов и государств.

С XVII века в городе появляются торговые слободы восточных купцов. Внешний облик Астрахани все больше стали определять армянские, персидские, индийские базары, караван-сараи вместе с храмами, соборами, мечетями. Постепенно возникают и подворья, в которых проявилось яркое влияние восточной культуры. По описанию Астрахани 1783 года можно узнать, что в Белом городе три гостиных двора: русский с 75 лавками, армянский с 74 лавками и индийский с 78 лавками [1].

[1] Краснобаев Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX вв. М. : Изд-во Московского университета, 1983. С. 9.

В конце XVIII столетия восточные гостиные дворы пришли в ветхость и Гражданское ведомство Астрахани решало вопрос об их обновлении, что требовало больших денежных затрат. Восемнадцатого августа 1803 года астраханскому гражданскому губернатору был отдан следующий указ «Об отдаче в Астрахани Индийского гостиного двора в собственность купечествующим в Астрахани индийцам без всякого платежа» [2].

В нем говорилось: «Я повелеваю, согласно предложениям вашим, отдать его в собственность купечествующим в Астрахани индийцам, без всякого платежа, с тем, однако, чтобы они вместо старого выстроили новый гостиный двор по данному плану, к чему назначить им срок трехгодичный». Основные корпуса Индийского гостиного двора в XVIII веке располагались вдоль улиц Екатерининской (ныне Советская) и Индийской (ныне Володарского).

Подданные Великого Шаха Персидского для Астрахани были самыми многочисленными иностранцами. Ведь с родными краями их разделял всего лишь Каспий. Поэтому персидские купцы не поскупились на величественное здание, архитектурно похожее на привычный им восточный караван-сарай. Сначала это было деревянное здание, которое уже позже выкупил и перестроили в камне персидский купец Аджи Усейнов. Для персидского торгового подворья, как и для других зданий XVII–XIX веков, характерно слияние архитектуры Запада и Востока. Прежде всего, это получило отражение в планировке, решениях уличных и дворовых фасадов. В основе планировки астраханских торговых подворий лежит идея средневекового караван-сарая – со всех сторон замкнутого квадратного или прямоугольного сооружения с одними воротами, ведущими во внутренний двор. Внутри, вдоль стен, на первом этаже и в подвалах, располагались складские помещения для товаров, конюшни, хозяйственные помещения, лавки и увеселительные комнаты. Лавки, как правило, были полутемные и прохладные, наполненные восточными товарами, они привлекали астраханцев и гостей города. Персидские купцы старались как можно ярче украсить свои торговые заведения: пирамиды отборных овощей к фруктов, гирлянды спелого разноцветного винограда отражались в лучах солнца, а вечером – в свете фонарей и ламп [3].

Второй этаж здания, как правило, был жилым. Такая планировка позволяла быстро превратить караван-сарай в крепость в случае нападения разбойников или во время общественных беспорядков. Если стены подворья, выходящие на улицы, имеют ритмический ряд оконных проемов и декоративное убранство, типичные для стиля классицизма, то дворовые фасады несут на себе заметный отпечаток восточной архитектуры. Опоясывающие здания двухъярусные галереи украшают аркады – ряды полуциркульных арок. Указом от 1801 года многие персидские лавки были снесены или переведены в другие районы города.

Что касается армянского торгового подворья, то сначала армянские купцы, приезжающие и отъезжающие, арендовали себе помещение в индийском гостином подворье. Были там и такие армяне, которые постоянно жили и имели там свои лавки. В начале XVI века русская администрация приняла решение построить для армянских купцов отдельный Армянский гостиный торговый двор. Голландец Корнилий де Бруин так описывал Армянское подворье: «Это было обширное место, обнесенное каменной стеной с воротами, которые охранялись

---

[2] Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 147.
[3] Штылько А.Н. Астраханская торговля в старину. Астрахань, 1909. С. 63.

особой стражей и на ночь запирались. Внутри двора находились жилые помещения, где жили 40 армянских семейств, а также лавки и склады». В настоящее время Подворье сохранило свои функции: верхние этажи жилые, в нижних расположены магазины.

Таким образом, функционирование Астрахани как форпоста традиционной торговли Российского государства с Востоком определило статус самого города, его внешней облик и быт жителей. Деятельность восточного купечества имела важнейшее значение в становлении и укреплении общероссийского национального рынка, внешнеторговых и культурных связей с Востоком, определяло во многом векторы политического диалога всей страны в целом на протяжении XVI–XVIII веков.

Список литературы

1. Астраханские губернские ведомости [Текст]. – 1858. – № 45, 46, 48.
2. Краснобаев, Б.И. Русская культура второй половины XVII – начала XIX вв [Текст]. – М. : Изд-во Московского университета, 1983.
3. Собственность в России: средневековое и раннее новое время [Текст]. – М. : Наука, 2001.
4. Штылько, А.Н. Астраханская торговля в старину [Текст]. – Астрахань, 1909.
5. Юхт, А.И. Индийская колония в Астрахани [Текст] // Вопросы истории. – 1957. – № 3.

Е.И. Кудюкина

СПЕЦИФИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КИТАЯ И ЕВРОСОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются особенности развития взаимоотношений между Китаем и Европейским Союзом на современном этапе. Автор делает вывод, что мировой кризис способствовал прогрессу в отношениях ЕС и Китая, но сближение двух партнеров идет крайне медленными шагами.

Китай, Европейский Союз, китайско-европейские отношения, XXI век.

THE SPECIFICS OF THE RELATIONSHIP OF CHINA AND THE EU AT THE PRESENT STAGE

This article discusses the features of development of relations between China and the European Union at the present stage. The author concludes that the global crisis had contributed to the progress in relations between the EU and China, but the convergence of the two partners is extremely slow steps.

China, the European Union, the Sino-European relations, 21 century.

Подкрепляемый быстрой активизацией экономических контактов, в последние годы растет взаимный интерес ЕС и Китая. Вместе с тем специфика внешней активности ЕС такова, что Китай даже в среднесрочной перспективе

будет оставаться второстепенным партнером для ЕС. Однако нельзя сказать, что ЕС просто пользуется КНР в условиях мирового кризиса, ведь несмотря на культурные и идейно-политические барьеры, у ЕС может не остаться выбора, если другие стратегические партнеры сами уступят свое место Китаю во внешних связях Евросоюза.

В последние годы заметно усиление торговых и инвестиционных связей ЕС и Китая. При этом речь идет не только о постоянно растущих объемах поставок китайских товаров на европейские рынки. Для многих стран ЕС с конкурентоспособной экономикой наличие емкого рынка Китая в условиях кризиса стало одним из наиболее спасительных направлений переориентации экспорта.

Еще заметнее сдвиги произошли в условиях мирового кризиса в сфере взаимных трансграничных инвестиций, однако пока количественно доминируют инвестиционные потоки из европейских стран. К тому же в обоих направлениях прямые инвестиции обеспечивают трансферт технологий преимущественно лишь из Евросоюза в Китай.

Все это довольно важно для внешней политики Евросоюза, который всегда наиболее успешно действовал на экономическом поле. Однако необходимо учитывать, что ЕС – это интеграционный проект именно европейских стран. Данная интеграционная группировка во многом успешно развивается благодаря близким культурным ценностям всех стран-членов, а не только экономическим выгодам устранения барьеров для движения товаров, услуг, людей, капиталов и т.п.

Китайские эксперты анализируют прогресс во взаимоотношениях с ЕС, отталкиваясь от ранее существовавшего характера взаимодействия двух партнеров, абстрагируясь от того, какое место связи ЕС с Китаем играют на фоне отношений ЕС с другими стратегическими партнерами.

Если анализировать фактические действия ЕС по всем географическим векторам одновременно, то можно выделить три уровня взаимодействия со странами, не входящими в ЕС:

– страны-кандидаты на вступление в ЕС, потенциальные страны-кандидаты, участники Европейской ассоциации свободной торговли;
– традиционные внешние партнеры – крупные державы;
– прочие игроки.

Усиление экономических контактов ЕС и Китая не должно вводить в заблуждение, будто вполне логично оно сопровождается в политической сфере углублением стратегического партнерства ЕС и Китая. На самом деле ЕС и Китай вкладывают разный смысл в содержание такого партнерства. Более того, несмотря на формальный прогресс по развитию стратегического партнерства, между ЕС и Китаем сохраняются существенные политические противоречия (начиная от эмбарго ЕС на поставки оружия и военной техники в КНР и претензий европейцев по соблюдению прав человека в Китае до некоторых разногласий с отдельными членами ЕС, например, по вопросу Тайваня). Довольно сложными подчас оказываются торговые противоречия партнеров.

Дело не в том, что ЕС с опаской относится к идеям сближения с Китаем с целью преодоления негативных последствий тесной привязки к США. По ряду направлений ЕС мог бы использовать возможности, которые открываются перед европейскими странами в результате углубления партнерства с самыми разными растущими центрами силы в мире, в том числе в результате последнего глобаль-

ного кризиса. Однако координация интересов отдельных стран-членов ЕС в области внешней политики по-прежнему крайне сложная.

Претензии ЕС к Китаю в политике сводятся к критике Пекина за нарушения прав человека, в экономике – к угрожающему росту дефицита в торговле.

Ограничения в проведении политики критики Китая в вопросах соблюдения прав человека обусловлены отсутствием консенсуса внутри самого Европейского Союза, что связано как с позицией отдельных членов организации, так и с противоречиями внутри руководящих органов ЕС. Так, например, Европейский парламент акцентирует внимание на проблеме нарушения «прав человека» в Китае, тогда как Европейская комиссия подходит к этому значительно мягче.

Проблемой в отношениях между ЕС и Китаем остается его международный социально-экономический статус. С одной стороны, Китай обладает одной из самых больших экономик в мире и является крупнейшим торговым партнером ЕС. С другой – по уровню доходов на душу населения КНР остается во второй сотне стран, что ставит его в разряд развивающихся государств со всеми вытекающими последствиями.

Еще одна из серьезных проблем в отношениях между ЕС и КНР – вопрос защиты интеллектуальной собственности. Между партнерами подписано Соглашение о сотрудничестве в области таможенной политики, включающее в себя обмен сотрудниками таможен для установления контроля на местах, что в первую очередь относится к улучшению ситуации в китайских провинциях.

Что касается претензий Китая к ЕС, то они в основном носят политический и достаточно общий характер, что свидетельствует об отсутствии глубоких противоречий между ними.

Однако далеко не все сферы партнерства оценивают экспертами пессимистично. Довольно неожиданным, учитывая долгое игнорирование Китаем экологических проблем, стало партнерство ЕС и КНР в сфере охраны окружающей среды. Оно действительно быстро приобрело все черты стратегического партнерства. Во-первых, многие ключевые цели обоих сторон схожие. Во-вторых, очевиден долгосрочный характер наметившегося партнерства ЕС и Китая в экологической сфере. В-третьих, диалог носит комплексный характер, охватывая сферу энергетики, защиту лесов, поддержание биоразнообразия, партнерство по вопросам изменения климата, управление бассейнами рек и другое. В-четвертых, это партнерство безусловно имеет глобальное измерение, побуждая остальные страны мира более ответственно относиться к охране окружающей среды. Наконец, с учетом крайне сложных противоречий между разными ведущими и развивающимися странами в диалоге по экологическим проблемам именно стратегический характер партнерства ЕС и Китая может позволить по мере выхода глобальной и европейской экономики из кризиса достичь реального прогресса в поиске компромисса между экономическими лидерами и странами догоняющего развития.

Подводя итог, можно сказать, что мировой кризис способствовал прогрессу в отношениях ЕС и Китая, но сближение двух партнеров идет крайне медленными шагами. При этом идеологическая и ментальная удаленность Европы и Китая не позволяет быстро интенсифицирующимся экономическим связям выступать мотором для других форм партнерства.

Тем не менее, и европейцев, и китайцев всегда отличал прагматизм во внешних отношениях. Укрепление экономической и политической мощи Китая

будет побуждать ЕС к расширению связей с КНР. При этом речь идет не только об абсолютных темпах роста ВВП в самом Китае и усиления его роли в международных отношениях, но и об относительном характере успехов КНР на фоне других стратегических партнеров ЕС, прежде всего отнесенных к ключевым, а именно США и России.

Список литературы

1. Боков, М. ЕС-Китай: незрелое стратегическое партнерство [Текст] // Вся Европа. – 2009. – №5 (33).

2. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность [Текст] / под общ. ред. А.А. Громыко, М.Г. Носова. – 2015.

И.А. Кукушкина

АВСТРИЯ XX ВЕКА: РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ

Австрийская республика сформировалась как национальное государство в 1918–1920 годы в ходе австрийской революции. Ведущую роль в становление нового государства сыграли политические партии, сформировавшие правительственную коалицию, и земли. В годы Первой республики (1918–1934) были проведены важные политические и социальные реформы, свидетельствующие о начале строительства в Австрии социального государства.

Австрийская республика, история XX века, социал-демократия, социальное государство, социальные реформы.

AUSTRIA IN THE TWENTIETH CENTURY: REVOLUTION AND REFORMS

Austrian republic was established as a nation state in 1918–1920 during the Austrian revolution. The leading role in the formation of a new state played political parties that formed the governing coalition and the states (Bundesländer). During the First Republic (1918–1934) were held important political and social reforms, which indicate the start of the building of the welfare state.

Republic of Austria, history of the 20 century, social democracy, welfare state, social reforms.

Новейшей истории Австрии в курсе всеобщей истории в вузах уделяется, как правило, немного внимания. Вместе с тем, эта страна, на наш взгляд, заслуживает гораздо большего. Именно здесь впервые было построено социальное государство («Красная Вена»), введено всеобщее избирательное право (в том числе, и для женщин), появился Конституционный суд.

Австрийская Республика родилась в 1918–1919 годах в результате распада Австро-Венгрии и революции в Австрии. Главную роль в создании новой республики сыграли политические партии и земли. Двадцать первого октября 1918 года депутаты рейхсрата от Христианско-социальной партии, Немецкого националь-

ного союза и Социал-демократической рабочей партии Австрии объявили о создании Временного Национального собрания Немецкой Австрии. Тридцатого октября был сформирован Государственный совет во главе с тремя президентами – представителями от каждой из трех партий, и избран государственный канцлер, которым стал К. Реннер. Двадцать первого ноября 1918 года Временное Национальное собрание приняло закон об установлении в Австрии республиканской формы правления и объявило ее составной частью Германской республики. Двадцать седьмого ноября был принят новый избирательный закон, в соответствии с которым избирательные права получили также и женщины; 19 декабря – закон о 8-часовом рабочем дне на крупных и средних предприятиях.

Шестнадцатого февраля 1919 года в Австрии состоялись выборы в Конституционное Национальное собрание, которые впервые проводились по пропорциональной системе. Наибольшее количество мандатов – 72 – получили социал-демократы, 69 достались ХСП, 26 – пангерманцам. В соответствии с Сен-Жерменским мирным договором 21 ноября 1919 года был принят закон о форме государства, закреплявший новое официальное название – «Республика Австрия».

По предложению социал-демократов были приняты законы о запрете использования труда женщин и подростков в ночную смену (14 мая 1919 года), о ежегодных оплачиваемых отпусках (30 июля 1919 года). Пятнадцатого мая Конституционное Национальное собрание одобрило закон о производственных советах, внесенный Комиссией по социализации, возглавляемой О. Бауэром. Двадцать девятого июля был принят закон об общественных предприятиях, определивший основные формы и методы социализации. Также были одобрены законопроекты министра социального управления социал-демократа Ф. Хануша о создании арбитражных палат и о коллективных договорах (18 декабря 1919 года), о рабочих палатах (26 февраля 1920 года). Под руководством заместителя министра внутренних дел О. Глёкеля (СДРПА) началось проведение школьной реформы.

Одиннадцатого июня 1919 года правительственная коалиция социал-демократов и ХСП распалась из-за разногласий, главным образом по вопросам проведения социализации (обобществления) различных отраслей промышленности и военной реформы. Однако социал-демократы, получив большинство на выборах в венский муниципалитет, продолжили свои реформы в Вене, благодаря чему Вена в период их правления (1919–1934) получила название «Красной Вены».

Благодаря гибкой финансовой политике министра финансов Г. Брайтнера, введению социально дифференцированных и прогрессивных налогов социал-демократы финансировали грандиозную жилищную программу (всего за 1923–1933 годы муниципалитетом было построено 65 000 квартир, в новые дома переехали 220 000 человек), программу поддержки поселкового кооперативного строительства, широко разветвленную систему социального обеспечения. Последняя включала в себя заботу о матери и ребенке, создание муниципальных дошкольных и школьных учреждений, спортивных сооружений, поддержку молодежи, малоимущих, лиц пожилого возраста. «Социалистический эксперимент» в Вене выдержал годы мирового экономического кризиса, однако был искусство прерван режимом Дольфуса и установлением в Австрии тоталитарного политического режима.

После поражения Германии во Второй мировой войне началось постепенное восстановление австрийской государственности. После подписания Государственного договора 1955 года суверенитет Австрии был полностью восстановлен.

Наибольших успехов в социальной сфере Австрия достигла в 1970–1983 годы, когда у власти находилось однопартийное правительство СПА. Эти годы были названы «эрой Крайского», занимавшего в тот период пост бундесканцлера. Правительством были проведены важные социально-экономические реформы, направленные на создание и развитие в Австрии социального государства: введен бесплатный проезд для школьников (17 марта 1971 года), денежное пособие для молодоженов (2 декабря 1971 года), бесплатные учебники для школ (23 марта 1972 года), приняты законы об охране труда наемных работников (1 января 1973 года), о их участии в делах предприятия (14 декабря 1973 года) Созданы министерства науки и исследований (24 июля 1970 года), а также здравоохранения и охраны окружающей среды (21 января 1972 года). С 1 января 1975 года введена 40-часовая рабочая неделя, с 1 января 1977 года увеличилась продолжительность ежегодных оплачиваемых отпусков. Второго июня 1977 года принят закон о страховании, гарантирующем материальное обеспечение работников в случае банкротства работодателя. Первого октября 1979 года вступил в силу закон о защите прав потребителей, 1 января 1982 года – целый пакет законов, улучшающий положение квартиросъемщиков и семей, имеющих несовершеннолетних детей. Был принят также и ряд общедемократических законов: проведено реформирование избирательной системы (27 ноября 1970 года), сокращены сроки военной службы (15 июля 1971 года), принят закон об альтернативной службе (6 марта 1974 года), введено государственное финансирование партий (2 июля 1975 года). Именно в 1970-е годы маленькая Австрия стала играть одну из ведущих ролей в мировой политике, а Вена стала местом как двусторонних, так и международных встреч на самом высоком уровне.

М.Д. Кухарчук

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ КНР

На сегодняшний день одним из важнейших инструментов внешней политики Китая для усиления его международного влияния является «мягкая сила». В статье рассматриваются основные направления применения данной политики в различных регионах мира, а также анализируются результаты использования данной стратегии в контексте современных международных отношений.

Азия, АТР, АТЭС, взаимодействие, внешняя политика, дипломатия, Институт Конфуция, КНР, международные отношения, международные организации, мягкая сила, российско-китайские отношения, стратегия.

SOFT POWER POLICY IN DEVELOPMENT STRATEGY OF THE PRC

Nowadays one of the most important instruments of China’s foreign policy to increase its global influence is «soft power». The article discusses the main directions of implementation of this policy in different regions of the world as well as analyzes the results of using this strategy in the context of contemporary international relations.

Asia, Asia-Pacific region, APEC, Confucius Institute, diplomacy, foreign policy, interaction, international organizations, international relations, the PRC, Sino-Russian relations, strategy soft power.

Основным из инструментов ведения внешней политики КНР является «мягкая сила» – форма политического влияния, позволяющая достичь результатов на основе добровольного участия и симпатии. Фундаментальная идея «мягкой силы» была разработана еще в древности китайским философом Лао-цзы и успешно применялась в дипломатическом и военном искусстве. На протяжении многих веков в Китае использовались три метода влияния: «кнут» – принуждение, «пряник» – вознаграждение и «мягкая сила» – привлекательность. Со временем основу глобального позиционирования Китая стали составлять не только его экономические успехи, но и проведение бесконфликтной и поступательной политики с применением ресурса «мягкой силы». В сентябре 2004 года на IV Пленуме ЦК КПК 16-го созыва была поставлена задача распространять китайскую культуру вовне, тем самым повышая международное влияние государства и воплощая концепцию, в соотвествии с которой человек является основой основ.

Распространение китайского языка и культуры превратилось в главную тенденцию применения «мягкой силы» за рубежом. Одним из шагов по направлению к практической реализации этой программы стало, начиная с 2002 года, открытие центров по продвижению китайского языка и культуры, получивших название Институтов Конфуция. В нашей стране функционируют более двадцати таких институтов. В 2010 году состоялось открытие научно-образовательного подразделения Институт Конфуция РГУ имени С.А. Есенина в городе Рязани, а в 2014 году рязанский филиал Института Конфуция стал единственным в России, который вошел в топ-25 лучших в мире. Несмотря на значимость деятельности этих центров в сфере глобального образования, критики часто рассматривают Институты Конфуция как метод пропаганды идеологии компартии Китая и инструмент шпионажа за китайскими студентами, которые обучаются в зарубежных вузах.

Еще одной составляющей концепции «мягкой силы» является проведение Олимпийских игр на территории КНР. В 2022 году Пекин станет первым городом в мире, принявшим летнюю (2008 год) и зимнюю (2022 год) Олимпиады. Проведение спортивных мероприятий подобного масштаба делает государство более привлекательным для иностранных инвестиций и туристов. Для организации Олимпиады требуется огромное количество переводчиков и знатоков китайского языка, привлекаются волонтеры со всего мира. Очевидно, что китайское руководство расчитывает на то, что проведение очередных Олимпийских игр положительно повлияет на международный престиж Поднебесной.

Большое распространение «мягкая сила» КНР получила и на территории Российской Федерации. Сотрудничество в гуманитарно-социальной сфере является важным направлением отношений между Россией и Китаем. К взаимодействию между государствами в данной области можно отнести проведение многочисленных фестивалей культуры, создание совместных вузов, распространение по России Институтов Конфуция, популяризацию в России традиционной китайской медицины, развитие туризма и спортивных обменов, сотрудничество СМИ. Важным шагом к обеспечению широкой общественной поддержки курсу на добрососедство и стратегическое партнерство России с Китаем явилось создание Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития в 1997 году. В рамках национальных годов России и Китая (2006–2007 годы) было проведено большое количество мероприятий в различных регионах двух стран. Тем не менее, за последние годы соотношение потенциалов двух государств, в том числе в сферах

культуры и образования, существенно изменилось в пользу КНР, особенно после введения санкций против России западными государствами в 2014 году.

Часто политика «мягкой силы» Китая противопоставляется культурной экспансии США. В последние годы КНР все больше перехватывает у США инициативу проведения такой политики, особенно в Азии. Нередко говорится о «буме китайского языка», о стремительном развитии экономики Китая, о «китайской мечте» как альтернативе «мечте американской». Однако на самом деле конъюнктурные цели «мягкой политики» государств различны: для Соединенных Штатов это поддержание мировой гегемонии, для КНР – протекционистская политика по отношению к своей национальной культуре, поддержка развития бизнеса. На сегодняшний день говорить о Китае как о мировом лидере культурного, политического и идеологического влияния определенно нельзя: здесь позиции стойко удерживаются англосаксами.

На протяжении долгого времени КНР стремится усилить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Проникновение Китая в АТР осуществляется посредством как двухсторонних межгосударственных связей, так и многосторонней дипломатии. В этом регионе хорошо сформировано социокультурное поле для воздействия «мягкой силы», так как на протяжении столетий государства Юго-Восточной Азии заимствовали культурные и политические достижения своего авторитетного соседа. Большое внимание КНР уделяет укреплению «чувства общности» в данном регионе, а также продвигает концепцию «азиатской идентичности», усиливая свою роль в международной организации АТЭС и тесно сотрудничая с АСЕАН. Однако большинство стран Азии не заинтересованы в воплощении идеи «о великом возрождении китайской нации». Выступая на международной арене в качестве защитника прав развивающихся государств ЮВА, Китай одновременно конкурирует с ними в сфере торговли, а также превращает их в объекты своей внешнеполитической деятельности.

Таким образом, нельзя отрицать возросший в последние годы интерес к Китаю, его языку и культуре. Такая популярность обусловлена экономическими победами КНР, а также разочарованием многих в Западе и его политических методах. Сегодня во многом Поднебесная впитывает достижения западной культуры, в чем-то даже пытается ее копировать. Но когда мы говорим о китайской идентичности, необходимо понимать, насколько она важна для китайского народа, но при этом совершенно неприменима вовне: Китай сильно ограничен в использовании «мягкой силы» за рубежом из-за своего специфического языка, государственного строя, политической доктрины и мировоззрения в целом. Тем самым КНР фактически лишается важного механизма влияния на мировую политику, что подрывает претензии Пекина на потенциальное глобальное лидерство.

Список литературы

1. Абрамов, В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР [Текст] // Вестник Читинского гос. ун-та. – 2010. – №3 (60).

2. Гревцова, А.Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН [Текст] // Молодой ученый. – 2012. – №3.

3. Китинов, Б.У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса государства [Текст] // Мир и политика. – 2011. – 10 октября.

4. Рязанский Институт Конфуция вошел в мировой топ-25 [Текст] // Комсомольская правда. – Рязань. – 2014. – 13 декабря.

Т.Л. Лабутина

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛИЧАНКОЙ РОССИИ В ЭПОХУ «БИРОНОВЩИНЫ»

В статье анализируются письма супруги английского дипломата – леди Рондо, содержавшие ее впечатления о жизни в России в эпоху правления Анны Иоановны. Письма явились оригинальным источником, иллюстрирующим придворную жизнь в правление императрицы. В них приводятся характеристики императрицы, а также известных графа и графини Биронов. Описываются нравы и обычаи придворного общества, в котором вращалась англичанка.

Россия, XVIII век, леди Рондо, императрица Анна Иоановна, супруги Бироны.

PERCEPTION OF THE ENGLISHWOMAN OF RUSSIA DURING THE ERA OF “BIRONOVSHCHINA”

In the article analyzes the letters of the wife of British diplomat – lady Rondo, containing her impressions of life in Russia during the reign of Anna Ioanovna. The letters are the original source, illustrating the court life during the reign of the Empress. There are characteristics of the Empress, as well as the famous Count and Countess of Biron in them. Describes the manners and customs of court society, which revolved Englishwoman.

Russia, XVIII century, lady Rondo, the Empress Anna Ioanovna, Count and Countess of Biron.

Среди британцев, оставивших записи о пребывании в России в XVIII веке, дамы встречались крайне редко. До современников дошло всего три женских дневника: «Путешествие в Россию» Элизабет Джастис, «Письма леди, прожившей несколько лет в России, своей приятельнице в Англию» леди Рондо и дневник баронессы Димсдейл. Свое внимание мы решили остановить на письмах леди Рондо, поскольку они содержит сведения как о придворной жизни в эпоху «бироновщины», так и о главных героях той поры: императрице Анне Иоанновне, Бироне и его супруге. Отметим, что источник о данной эпохе заслуживает особого внимания, поскольку в истории российско-британских отношений XVIII века этот период менее изучен специалистами в сравнении, к примеру, с петровской или екатерининской эпохой.

Джейн Рондо (в девичестве Гудвин) родилась в семье священнослужителя из Йоркшира в 1699 году. Информация о юных годах Джейн очень скупа. После бракосочетания с генеральным консулом и агентом Русской компании Томасом Уордом она вместе с супругом отправилась в Россию в 1728 году. Миссия Уорда заключалась в налаживании дипломатических отношений между королевским двором Георга II Ганноверского и российским императором Петром II, прерванных в последние годы правления Петра I. Супруги поселились в Петербурге, откуда порой наезжали в Москву. Оказавшись в незнакомой стране, Джейн начала писать письма своей приятельнице в Англию, в которых делилась своими впечатлениями о России, а также о придворной жизни, в среде которой вращалась.

Совместная жизнь супругов оборвалась через три года: Томас Уорд скончался в феврале 1731 года. Впрочем, столь печальное событие не заставило Джейн покинуть Россию: спустя полгода после кончины мужа она вторично вышла замуж. Ее избранником стал секретарь Уорда – Клавдий Рондо.

Свою переписку с приятельницей леди Рондо начала в 1730 году, а издала ее в Лондоне в 1775 году. Спустя год в Роттердаме вышел французский перевод издания. Как отмечал К. Бестужев-Рюмин, в книге леди «нечего искать обстоятельного изложения религии, правления, законов и т.п. Она дает легкие очерки нравов, сообщая анекдоты, сплетни, характеристики тех лиц, с которыми судьба ее сводила». При этом издатель обращал внимание на тот факт, что не все характеристики леди Рондо были верны. Как бы то ни было, но письма леди Рондо представляют бесспорный интерес для знакомства с эпохой правления императрицы Анны Иоанновны.

В качестве супруги дипломата Джейн должна была ежедневно присутствовать среди «лиц высшего круга». Англичанка сетовала, что большинство вельмож посещали подобные ассамблеи ради игры в карты. Ее подивило, что «на эти собрания приходят когда угодно, без всякого приглашения; для тех, которые желают оставаться, бывает ужин». На ее взгляд, «беседа была бы там приятна, если бы карты не были известны в России». Придворная жизнь включала в себя собрания «два раза в неделю», а также балы и маскарады в императорском дворце или у иностранных министров.

В одном из писем к приятельнице Рондо описывала внешность и манеры поведения императрицы Анны Иоанновны, подчеркивая, что она в обращении чрезвычайно приветлива, «так что кажется, будто говоришь с равной себе». Бесспорный интерес в письмах англичанки вызывают характеристики ближайших придворных императрицы. Наиболее подробно она описала знаменитого фаворита Анны Иоанновны – Эрнста Бирона, а также его супругу. Рондо обратила внимание на значительное влияние Бирона при дворе, подчеркивая, что сам граф и его жена – «первые любимцы Ее Величества, и на них смотрят как на лиц, которые пользуются неограниченной властью». Спустя три года леди Рондо подметила усиление властных полномочий Бирона не только при дворе, но в стране в целом: «Герцог и герцогиня курляндские (они были прежде граф и графиня Бирон) пользуются таким фавором, что от их сумрачного взгляда или улыбки зависит как счастье, так и бедствие целой империи... Весь народ находится в их власти». Англичанка обратила внимание также на русофобские высказывания Бирона. «Он имеет предубеждение против русских, – писала она, – и выражает это перед самыми знатными из них так явно, что когда-нибудь это сделается причиною его гибели».

Впечатления леди Рондо о пребывании в России не исчерпывались рассказами о придворной жизни. Подобно многим другим иностранцам, посетившим Россию, она описывала те обычаи и обряды русских людей, которые были внове для англичанки. Так, она проявила живой интерес к православной религии, отметив присущие ей «множества суеверий». В письмах Рондо содержатся описания крестин, свадеб и похорон, свидетельницей которых она стала.

Следует признать, что письма леди Рондо носили в большей степени описательный, а не аналитический характер, что, впрочем, было естественно для дамы света. Тем не менее, наблюдательность и острый ум, которыми обладала

англичанка, позволили ей высказывать отдельные замечания по вопросам, далеким от чисто женских интересов. К примеру, в ее письмах встречаются рассуждения о несовершенстве законодательства в России. Обращаясь к своей корреспондентке, леди Рондо писала: «Вас, может быть, удивляет ссылка женщин и детей; но здесь, когда глава семейства впадает в немилость, то все его семейство подвергается преследованию, а имение отбирается… Когда же, по счастью, им возвращают благосклонность, то их ласкают по-прежнему, не упоминая о прошлом».

Прожив около десяти лет в России, леди Рондо не могла не составить своего представления о русском народе. Однако в этом вопросе она весьма лапидарна. Ее впечатления касаются по большей мере описания внешнего вида русских людей. «Все, что я могу сказать о народе, это то, что он крепко сложен, среднего роста и несколько красивее, чем в других странах; но я нахожу, что у русских вообще мало выражения в лице», – отмечала Рондо в одном из первых писем в Англию. Во время переезда из Москвы в Петербург, останавливаясь на постоялых дворах для «перемены лошадей», англичанка сталкивалась с простыми людьми, о которых она составила следующее представление: «Здешний народ чрезвычайно вежлив, по своему понятию, но в нем человеческая природа слишком унижена, и эти несчастные создания так жалки, что кажется, имеют только человеческое подобие». Как видно, встречи аристократки с простолюдинами в России носили эпизодический характер, что и не позволило ей составить более полное представление о русском народе.

Заключая, можно констатировать, что письма леди Рондо, к анализу которых мы обратились, явились прекрасным и оригинальным источником, иллюстрирующим придворную жизнь в правление императрицы Анны Иоанновны. В меньшей степени автором были затронуты быт и нравы простых людей. Впрочем, данный источник отличался еще одной особенностью: он носил на себе печать доброжелательного отношения автора к стране пребывания и ее народа, что было редкостью для большинства иностранцев, посещавших Россию. Каких либо негативных характеристик русских людей, либо страны в целом леди Рондо в своей частной переписке не допускала. Присущие автору писем образованность, деликатность, наблюдательность позволили ей представить яркую и по большей части достоверную картину придворной жизни России в эпоху «бироновщины».

И.К. Лапшина, Е.В. Еропова

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГЕРМАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Статья затрагивает вопрос интеграции гендерных аспектов в школьный курс истории, что способствует формированию целостного представления о роли женщины в истории, специфики постановки и решения женского вопроса в различных странах. Раскрывается положение различных категорий немецких работниц в Германии периода первой волны феминизма, основные положения рабочего законодательства.

школьный курс истории, феминизм, первая волна феминизма, Германия, женский вопрос.

GENDER ISSUES IN SCHOOL WORLD HISTORY COURSE (ON THE MATERIALS OF GERMANY LATE XIX – EARLY XX CENTURIES).

The article deals with the issue of gender aspects integration in school course of history, which contributes to a holistic view of women's role in history, the specifics of formulating and solving the question of women's rights in various countries. It also reveals the working conditions of the various categories of working women in Germany during the first wave of feminism and the main provisions of labor legislation.

the school course of history, feminism, first wave of feminism, Germany, the question of women's rights.

В настоящее время в России наблюдается достаточно активный процесс интеграции гендерных курсов в систему высшего образования. Во многих вузах разрабатываются и читаются курсы по гендерной проблематике, создаются научные центры, растет число преподавателей, увлеченных идеей продвижения гендерного образования в систему преподавания. Гендерные знания все более становятся необходимой составляющей школьного образования, выступая важным элементом развития гражданского сознания и гражданского общества.

Опыт преподавания гендерных курсов в школе, полученный Ивановским государственным университетом в рамках проекта «Комплексная модель гендерного образования: школа – технический вуз – бизнес-образование» продемонстрировал, что гендерная проблематика является весьма актуальной для школьников, находящихся в процессе формирования гендерной идентичности. Школьники достаточно четко осознают требования соответствия традиционным представлениям о маскулинности и феминности, которые предъявляет к ним общество, но при этом далеко не все из них воспринимают упрощенные гендерные представления как норму. Осознание подрастающим поколением несовершенства существующих в обществе гендерных отношений подтверждает необходимость разработки курсов и материалов, направленных на преодоление патриархатных стереотипов и продвижение идей гендерного равенства в системе школьного образования.

Следует признать, что изучению женского вопроса в школьном курсе истории пока еще уделяется недостаточное внимание. Обязательный минимум содержания основных образовательных программ, согласно государственным образовательным стандартам основного общего и среднего общего образования, включает изучение феминистского движения только в курсе новейшей истории стран Европы и Америки. В учебнике А.Я. Юдовской для 8 класса средней школы «Всеобщая история. История нового времени. 1800–1900» (2012) акцентируются лишь отдельные моменты гендерной истории Великобритании, в частности, деятельности суфражисток и их лидера Э. Панкхерст. Это существенно обедняет общую картину развития женского движения и его места в западном обществе, препятствуя формированию целостного представления о роли женщины в истории, специфики постановки и решения женского вопроса в различных странах.

Одной из особенностей женского движения в Германии периода первой волны феминизма (конец XIX – начало XX века), остающегося наименее исследованным в отечественной историографии, стало более активное участие в нем представительниц пролетарских слоев, влияние на него идей немецкой социал-демократии. Женский вопрос в Германии получил наиболее глубокое теоретическое осмысление левого течения общественно-политической жизни по сравнению с другими европейскими странами. Широкую известность приобрели работы А. Бебеля «Женщина и социализм», К. Цеткин «Женщина и ее экономическое положение», Л. Браун «Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона». Использование данных источников будет полезным также при изучении международного рабочего движения и социальной истории данного времени.

Быстрое развитие промышленности в Германии в конце XIX века позволяло получить место на предприятии и влиться в ряды пролетариата любой женщине. Поэтому подавляющее число женщин было занято в промышленном производстве. Любая работа на фабрике была чрезвычайно тяжелой и низкооплачиваемой. По словам А. Бебеля, женщина, находя применение своих сил на производстве, на деле не улучшала заметно своего положения. Придя на фабрику, она вовлекалась в тяжелый процесс добычи жалкого количества денег в тяжелейших условиях, которые разлагали морально, калечили умственно и физически. Больше всего фабричный женский труд был представлен в изготовлении и чистке одежды, текстильной промышленности, производстве пищевых продуктов, производстве сигар, табака и бумаги. Некоторое количество женщины было занято в профессиях, требующих большого физического напряжения (кирпичные заводы, красильни, химические и сахарные заводы) [1].

Практически любой женский фабричный труд сопровождался нищенским заработком, антисанитарией и тяжелыми болезнями, которые возникали вследствие вредных производств. А. Бебель отмечает, что «при изготовлении и чистке соломенных шляп работницы пользуются сернокислыми и едко щелочными газами, при белении растительных продуктов вдыхают хлорные пары, при покраске изделий используют ядовитые краски» [2]. Такие вредные производства губили здоровье работниц. Изнурительный и опасный труд снижал продолжительность жизни, наносил непоправимый вред репродуктивному здоровью работницы, делал ее уязвимой для болезней и преждевременной смерти.

Положение женщин, занятых в домашней промышленности и кустарных промыслах, было хуже положения работниц, занятых на фабрике. Л. Браун сообщает об их положении следующее: «Такая же нищета. Разве что только с некоторыми вариантами. Как ни тяжело положение фабричной работницы, ее удел может считаться завидным сравнительно с теми несчастными женщинами, которые по недостатку образования и отсутствию подготовки вынуждены содержать себя домашней работой» [3].

По данным Л. Браун, домашний женский труд был в основном представлен в конфекционной промышленности во всех ее видах: изготовление белья,

[1] Бебель А. Женщина и социализм. – М. : Госполитиздат, 1959 ; то же. URL : http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/bebel_woman.html (дата обращения: 8.02.2016).

[2] Там же.

[3] Браун Л. Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона. М. : Изд-е Д.П. Ефимова, 1902. С. 258.

платьев, шляп, галстуков, юбок, блузок, мужских костюмов и т.д [4]. Домашний труд, так же, как и фабричный, наносил большой вред здоровью, ведь работницы дышали ядовитыми ртутными парами красок и клея не только во время работы, но и во время сна и отдыха. Вся рабочая семья страдала от отравлений, расстройств пищеварительной системы и даже слепоты, спровоцированной свинцовой краской.

Профессия домашней прислуги включала в себя кухарок, нянек, горничных, кельнерш, прачек, гладильщиц. Отличительными чертами работы прислуги являлись: чрезмерное стеснение свободы, полная зависимость, постоянный надзор, неограниченный рабочий день, тягостное обращение со стороны хозяев, отсутствие собственного жилья. Положение прислуги зависело от зажиточности хозяев. Более состоятельные могли предложить прислуге лучший оклад, содержание, хорошую пищу, но чаще всего ей предлагались низкий заработок, тяжелый и продолжительный рабочий день, полная зависимость и постоянная готовность к работе даже во время отдыха. Вознаграждение домашней прислуги состояло из жалования, жилья и продовольствия. При этом жалования были крайне низкими, жилье – некомфортным, а продовольствие – испорченным и вредным.

И хотя женщины были первыми среди тех, кого рабочее законодательство приняло под свою защиту, их положение заметно не улучшалось. Немецкое рабочее законодательство 80-х и 90-х годов XIX века ограничивало рабочий день женщин, устанавливало страхование рожениц, страхование от несчастных случаев, вводило пособие по инвалидности и старости. На работниц, занятых в домашней промышленности, распространялось страхование на случай болезни, страхование в случае инвалидности и старости. Однако область его распространения была весьма ограничена. Законодательная защита труда касалась, прежде всего, фабричных рабочих. Вне закона остались занятые в сельском хозяйстве и прислуга. В домашнем производстве охрана труда была лишь частичная. Не случайно Л. Браун указывает, что большинство работниц не проявляли интереса к введению охранных законов [5]. Многие работницы, занятые кустарным промыслом, выступали даже против такого законодательства. Они опасались того, что закон ограничит их рабочее время и уменьшит и без того невысокий заработок.

Таким образом, социально-экономическое положение женщины Германии на рубеже веков оставалось тяжелым. Это создавало основу более активного вовлечения немецких работниц в борьбу за свои права. На рубеже XIX–XX веков в Германии распространяются женские газеты, возникают «Германский союз женского избирательного права», «Союз защиты матери и сексуальной реформы» и др. Все это закладывало основательный фундамент будущей эмансипации немецкой женщины.

Список литературы

1. Бебель, А. Женщина и социализм [Текст]. – М. : Госполитиздат, 1959 ; То же. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/bebel_woman.html (дата обращения: 8.02.2016).

2. Браун, Л. Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона [Текст]. – М. : Изд-е Д.П. Ефимова, 1902.

[4] Браун Л. Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона. М. : Изд-е Д.П. Ефимова, 1902. С. 263.

[5] Там же. С. 410.

Ю.А. Левшина

ГЕРМАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: МИЛИТАРИСТСКИЙ МЕЙНСТРИМ

Статья посвящена проблемам международных отношений в начале XX века. В центре внимания находится вопрос проведения национальной политики рейха. Выводится заключение о том, что милитаризм был естественной средой и характерной чертой Германской национальной политики.

милитаристский мейнстрим, германский милитаризм, ферайн, технократический милитаризм.

THE GERMAN NATIONAL POLICY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: MILITARISTIC MAINSTREAM.

The article is devoted to the analysis of the problems of the international relations at the beginning of the XX century. The focus is on the question of carrying out national policy of a Reich. It is conclusion that the militarism was habitat and characteristic feature of the German national policy.

militaristic mainstream, German militarism, technocratic militarism.

Национальное становление германского социума было достаточно продолжительным и многофакторным процессом. Завершающим фактором в оформлении национальной идеологии Германии и становлении рейхснации являлась национальная политика. При политическом координировании учитывались не только ожидания развивавшейся германской нации и характер международной среды, но и принципы международного авторитета. По этой причине с успешным проведением национальной политики Германской империи связан вопрос поддержания национального престижа. В начале XX века германская «идея фикс» генерировалась стремлениями государственного и национального могущества. Естественно, что при имперско-националистическом духе предвоенного времени германский престиж среди великих держав опирался на политику милитаризма в общем и морского милитаризма, т.е. маринизма, в частности. Так имперсконационалистический мейнстрим сопровождался *милитаристским мейнстримом*.

Немецкий профессор Георг фон Белов в своей речи по случаю 500-летия Гогенцоллернов в 1915 году пояснил, что «первое до сих пор подтвержденное упоминание понятия «милитаризм» (Militarismus) в немецкой литературе датируется маем 1870 года» [1]. Ученый также говорил об исконной необходимости милитаризма в жизни Германии, согласующейся с государственной Конституцией и заслуживающей не большего порицания, чем другие явления в странах, «жалующихся» на германский милитаризм. Здесь важно понять, что милитаризм является надежным союзником национализма, так как именно чувство национализма порождает стремление организовать народное хозяйство ради национальной независимости и процветания [2]. Национализм благоприятствует милитариз-

[1] Below G. Deutschland und die Hohenzollern. Leipzig, 1915. S. 43.

[2] Сапожникова Г.Н. Общественное мнение в Германии накануне Первой мировой войны // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.). Волгоград, 2003. Ч. 1. С. 243.

му, культивируя те проявления национального самосознания, что рассматривают силу и престиж нации как высочайшую цель, которой подчинены все нравственные, духовные и хозяйственные ценности. Национализм является эффективным средством мобилизации, а милитаризм через усиление военной мощи – практически единственным способом достижения национальных целей.

Но германский милитаризм ни в коем случае не должен отождествляться с «военным восторгом». Эта милитаризация была следствием военизированной структуры общества с ее институтами воинской повинности и массовой армии, а также следствием распространившегося на весь гражданский сектор феномена офицеров-резервистов и влияния на общество миллионов ветеранов и членов военных союзов [3] (ферайнов), «Kriegerverein». К 1 января 1911 года в Германии существовали 30 071 военный ферайн с 2 618 000 членов [4]. Отечественный ученый Сдвижков Д.А. считает, что эти союзы умело играли на особенностях психологии немецкого обывателя, создавая иллюзию, что состояние в этих организациях повышает его социальный статус. Члены военных ферайнов дорожили возможностью выступать в первых рядах на всяческих парадах и шествиях, а также, что немаловажно, быть похороненными с почестями и за государственный счет. Интерес же государства к союзам был вполне прозрачным, а культивировавшийся тут армейский дух служил своего рода громоотводом социальной напряженности. В отличие от громогласных шовинистских союзов вроде «Пангерманской лиги», ветеранские организации не вели специальной пропаганды, однако их будничная «тихая» деятельность была едва ли не опасней первых. Ферайны составляли и в деревне, и в городе важный центр общественной жизни с веселой славой «Пей-гуляй»-союзов (Sauf- und Raufvereine). Недаром даже многие рядовые социал-демократы упорно не желали отказываться от членства в ветеранских союзах. Быть исключенным из них считалось позором. Данная милитаристическая окраска праздников и повседневной жизни практически всех слоев германского общества достаточно реалистично, хоть и порою в карикатурном виде, показана в романах Генриха Манна «Верноподданный» и Карла Цукмайера «Капитан из Кёпеника».

Подобная милитаризация общественной среды наблюдалась во многих европейских державах. В частности, современный немецкий исследователь Андреас Метцинг заметил существенные изменения во французском обществе в начале XX века: милитаристский аспект – акцент на героизме французских солдат в прошлой борьбе с немцами получил центральное место в представлении военных добродетелей. Военные воспоминания во Франции стали сплошь носить «педагогический» характер. При этом милитаризация военного воспоминания у французов не была идентична с реваншизмом, а объяснялась как общее выражение вновь приобретенной военной уверенности в себе, как демонстрация принципиального обороноспособного качества и боевой готовности [5]. Тогда милитаристский мейнстрим подогревался общеевропейским коллективным настроением, однако особая история прусской Германии привела к сильному акцентированию феномена именно германского милитаризма.

---

[3] Война и общество накануне и в период Первой мировой войны // Война и общество в XX в. / отв. ред. С.Ю. Листиков. М., 2008. Кн. 1. С. 402.

[4] Сергеев Е. «Дипломаты в погонах» и их представления о немецко-русских связях накануне Первой мировой войны // Россия и Германия в XX веке / под ред. К. Аймермахера. М., 2010. Т. 1. С. 69.

[5] Metzing A. Kriegsgedenken in Frankreich (1871–1914) // Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwurde der Philosophischen Fakultaten der Albert-Ludwigs-Universitat zu Freiburg i. Br., 2002. S. 243–244.

На рубеже XIX–XX веков в мире завершалось формирование концепции «вооруженной нации» («nation in arms»). Новая эпоха индустриализации изменила традиционные взгляды на характер, цели и задачи войны, поставив во главу угла систематическую и комплексную работу по достижению мобилизационной готовности страны к боевым действиям массовых армий с использованием новейших типов вооружения. Так, Раульф Хайнер поясняет, что наряду с постоянно акцентируемым общественным милитаризмом в Германии важно не упустить из виду и профессиональный «технократический» милитаризм [6], разработанный германским Генштабом. Технократический милитаризм через геноцид племен гереро и нама в германской Юго-Западной Африке иллюстрировал позорную утрату немцами кодекса чести европейской войны и верховенство принципа наиболее эффективного ведения войны в расчете на быстрое и полное уничтожение противника. Таким образом, через расширение и «усовершенствование» политики милитаризма распространялось легкомысленное отношение к насилию в германской среде.

В целом в начале XX века в свете имперско-националистического мейнстрима международные отношения все больше стали выливаться в политические формы, связанные с силовыми методами. В Германии показательный имперский национализм сопровождался усилением милитаризма в обществе. На международной арене рейх упорно демонстрировал свою волю к тому, чтобы утвердить национальный авторитет с акцентом на новых национальных интересах, при которых рейхснация становилась главной ценностью в германской жизни, где честь германской нации, под которой подразумевались пространство, сила и господство над другими, считалась сверхценностью. Потому милитаризм был естественной средой и характерной чертой Германской национальной политики.

Список литературы

1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны [Текст] // Война и общество в XX в. / отв. ред. С.Ю. Листиков. М., 2008. – Кн.1.
2. Малахов, В.С. Национализм как политическая идеология. – М., 2005.
3. Сапожникова, Г.Н. Общественное мнение в Германии накануне Первой мировой войны // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.). – Волгоград, 2003. – Ч. 1.
4. Сдвижков, Д.А. Против «железа и крови». Пацифизм в Германской империи [Текст]. – М., 1999.
5. Сергеев, Е. «Дипломаты в погонах» и их представления о немецко-русских связях накануне Первой мировой войны [Текст] // Россия и Германия в XX веке / под ред. К. Аймермахера. – М., 2010. – Т. 1.
6. Below, G. Deutschland und die Hohenzollern [Text]. – Leipzig, 1915.
7. Heiner, R. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus. Die deutsche Frankreichpolitik 1904–1906 [Text]. – Dusseldorf, 1976.
8. Metzing, A. Kriegsgedenken in Frankreich (1871–1914) [Text] // Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwurde der Philosophischen Fakultaten der Albert-Ludwigs-Universitat zu Freiburg i. – Br., 2002.

[6] Heiner R. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus. Die deutsche Frankreichpolitik 1904–1906. Dusseldorf, 1976. S. 33.

А.В. Лежнева

К ВОПРОСУ О ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОМ КОНФЛИКТЕ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме палестино-израильского противостояния на Ближнем Востоке. Ставится задача рассмотреть возможные модели урегулирования конфликта и выявить наиболее подходящую для применения. Рассмотрены позиции сторон-участников конфликта и мирового сообщества по данному вопросу.

палестино-израильский конфликт, ПНА, Израиль, Ближний Восток, модель урегулирования конфликта.

THE ISSUE OF THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT IN THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

This article addresses the Palestinian-Israeli conflict which is one of the most burning issues in the Middle East. The task of this work is to highlight the most effective conflict settlement models. In this article, the mindset prevailing on both sides is studied in depth, In order to find the root cause of the conflict. The major dimension considering world community' s opinion about the issue has also been addressed.

Palestinian-Israeli conflict, PNA, Israel, Middle East, model of conflict resolution.

Противостояние Палестинской национальной администрации и Израиля на протяжении более чем 60 лет никак не может перейти в статус разрешенной проблемы. На сегодняшний день противоречия между двумя сторонами достигли новой стадии. И без того затянувшийся процесс урегулирования обострился после столкновений палестинской молодежи и израильской пограничной полиции на Храмовой горе в Иерусалиме в октябре 2015 года. Палестинцы обвинили израильские власти и еврейских радикалов в попытках изменить статус-кво святых мест.

События на Храмовой горе и акты насилия с обеих сторон отражают растущую напряженность в отношениях между израильтянами и палестинцами, а также отсутствие политической воли к миру как у израильского, так и палестинского руководства.

При этом правительство Израиля не имеет позитивной концепции по решению палестинского вопроса, ставка делается исключительно на силовые методы подавления любых форм протеста. Обстановка на Ближнем Востоке (подъем исламизма, пропаганда ХАМАС и ИГИЛ) побуждает палестинскую молодежь к агрессивным действиям.

Обе стороны после очередного обострения конфликта так и не сели за стол переговоров. Однако глава ПНА Махмуд Аббас обратился с призывом к мировому сообществу обеспечить защиту его народа. Как указывает господин Аббас, положение прав человека на оккупированных палестинских территориях в настоящее время является критическим. Также глава ПНА говорит о необходимости международной встречи для выработки решений по урегулированию

конфликта и указывает на то, что пока палестинский вопрос не будет решен, прекратить насилие не удастся.

Что касается воздействия мирового сообщества на решение данной проблемы, то здесь стоит отметить следующее: в ноябре 2015 года Генассамблеей ООН были приняты резолюции, по которым Израиль должен уйти с оккупированной с 1967 года палестинской территории, включая Восточный Иерусалим; также была признана незаконность действий Израиля, направленных на изменение статуса Иерусалима, которые включают в себя строительство и расширение поселений, выселение палестинских жителей.

Вместе с тем генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил, что всплеск палестинского насилия может являться естественным результатом отчаяния, порожденного оккупацией и затянувшимся мирным процессом. Также он упомянул о том, что статус-кво подрывает безопасность Израиля и будущее палестинцев.

И сейчас ситуация, оставаясь напряженной, характеризуется вспышками насилия. Всего с начала столкновений в октябре 2015 года число жертв с палестинской стороны превысило 160 человек, со стороны Израиля – 29.

Серьезным дестабилизирующим фактором является незаконная поселенческая деятельность Израиля на оккупированных палестинских территориях.

Двадцать первого января 2016 года израильское правительство анонсировало план по экспроприации более 150 га плодородных земельных угодий в районе Иерихона на Западном берегу реки Иордан. В случае реализации данного проекта это станет крупнейшим изъятием палестинских земель Израилем с августа 2014 года (тогда было аннексировано около 400 га).

Подобное развитие событий не может не вызывать озабоченности. Палестино-израильский конфликт является на данном этапе для мирового сообщества открытым вопросом. В первую очередь, сторонам необходимо сесть за стол переговоров и обозначить политико-дипломатические шаги по предотвращению дальнейшей эскалации.

На сегодняшний день существует несколько моделей устранения подобного противостояния, которые различаются по степени воздействия на элементы конфликта, следствием чего является использование разных целей, задач и методов достижения результата. К ним относятся: урегулирование конфликта (выход из насильственного противостояния и заключение мирного соглашения), разрешение конфликта (устранение источников конфликта, полное удовлетворение потребностей каждой из сторон) и трансформация конфликта (изменения в элементах конфликта, способствующие снятию противоречий).

Проблема Израиля и ПНА в том, что они видят по-разному причины конфликта и возможные пути выхода из него. Попытки устранения противостояния останавливались на первых двух моделях, которые, как оказалось, не явились столь удачными. Если брать в частности модель урегулирования конфликта, то, в данном случае, она проявила свою несостоятельность: заключенные соглашения между Израилем и Палестиной приводили к недолгому затишью и дальнейшему нарастанию эскалации.

Использование модели трансформации конфликта, на наш взгляд, было бы более эффективной мерой, так как она ориентирована и на процесс, и на результат. Палестино-израильское противостояние является затяжным, и поэтому устранить сразу весь накопившийся груз проблем не удастся. Таким образом,

необходимо достигнуть равновесия за счет периодических изменений в структуре конфликта.

На наш взгляд, работу над данной проблемой не стоит откладывать, так как ее решение может способствовать устранению узла противоречий в регионе и стабилизации международной обстановки.

Список литературы

1. Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 29 января 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings

2. Палестинская молодежь начинает «третью интифаду» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ria.ru/analytics/20151015/1302410619.html

3. Резолюции 70-й сессии (2015–2016) – Генеральная Ассамблея ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/ru/ga/fourth/70/fourth_res.shtml

Ю.И. Лосев, Ю.О. Толмачев

КРИЗИС В КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1961 ГОДУ

В статье анализируется китайско-индийское взаимодействие, а также учитываются языковой, геополитический, внутриполитический факторы, сформировавшиеся вследствие возрастающей напряженности на границе. Дипломатическая переписка между двумя государствами ясно показывает отсутствие взаимного понимания и нежелание искать компромисс.

дипломатическая нота, кризис, конфликт, фактор, граница, компромисс, борьба.

THE CRISIS IN SINO-INDIAN RELATIONS IN 1961

Annotation :The article attempts to analyze to analyze Sino-Indian interaction, keeping in view lingual, geopolitical, political factors arising out of increasing the border tension. The diplomatic correspondence between the two countries clearly shows the lack of mutual understanding and unwillingness to seek a compromise.

crisis, factor, border, compromise, struggle.

В течение января 1961 года отношения с Китаем продолжали занимать видное место в политической жизни Индии. Политические обозреватели считали, что к 1960 году китайско-индийские отношения окончательно вошли в кризисную стадию, так как две стороны не могли договориться о путях решения пограничного вопроса.

Седьмого января 1961 года 66-й съезд Индийского национального конгресса принял резолюцию о границе между Индией и КНР. В этом документе утверждалось, что Китай является страной-агрессором, и в связи с этим индийский народ и его правительство должны вернуть утраченные территории, незаконно оккупированные китайской стороной. Западные средства массовой ин-

формации расценили этот документ как свидетельство того, что индийская сторона не намерена больше идти ни на какие уступки.

Индийцы отказались от всяких компромиссов и требовали от КНР безоговорочного принятия выдвинутых ими условий. Так, например, выступая 20 февраля 1961 года в Совете штатов индийского парламента, Дж. Неру заявил, что «вопрос о китайско-индийской границе может разрешиться только тогда, когда китайцы освободят индийскую территорию, которую они заняли, и признают индийскую позицию в вопросе о границе».

В первой половине 1961 года участились случаи произвольного пересечения линии границы. Двадцать первого апреля 1961 года двое китайских солдат были замечены индийским персоналом на территории Сиккима [1]. Китай в ответной ноте от 5 августа 1961 года отверг обвинения индийской стороны, заявив, что вся эта история от начала до конца выдумана [2].

Представители Индии часто стремились подкрепить свои доводы цитатами из «Отчета официальных представителей» [3]. При переводе таких документов, как правило, должна собираться специальная комиссия с привлечением специалистов от двух стран. Индийская же сторона решила издать как можно скорее данный «Отчет…», не проводя дополнительных консультаций со своими коллегами.

Китай, внимательно сравнив качество переведенного текста, указал Индии на недопустимость считать изданный документ официальным, так как в нем грубо искажается ряд заявлений и делаются необоснованные выводы там, где их не было. В дипломатической ноте от 15 июня 1961 года китайцы нашли девять расхождений с китайским текстом, о чем сразу же уведомили Индию [4].

Использование данного контраргумента позволило Китаю подвергнуть критике непрофессионализм индийского руководства.

Китайская политика в отношении Дж. Неру в 1961 году основывалась на двух принципах: сплочения и борьбы. С одной стороны, Китай постоянно искал способы продолжить дипломатические переговоры с индийским премьер-министром, а с другой – все беседы с Дж. Неру сводились к требованию последнего вывести из региона Аксайчин китайские войска. В частности, в июле 1961 году Дж. Неру посылает своего племянника Р.К. Неру в Пекин для проведения дипломатических консультаций по поводу отвода китайского вооруженного контингента из спорных регионов. Кроме пограничного спора, в этих беседах затрагивались вопросы о взаимных претензиях, о Кашмире, о помощи Индии тибетским мятежникам, о Сиккиме и Бутане и пр. По возвращении в Дели Р.К. Неру в беседе с журналистами заявил, что он дал понять китайским руководителям о невозможности урегулирования индийско-китайских отношений до тех пор, пока продолжается «оккупация Китаем индийской территории» [5].

Китай расценил этот визит как очередной недружественный шаг, поскольку, если посол изначально приезжает с целью изложить исключительно свою

---

[1] Notes, Memoranda and Letters Exchanged between the Governments of India and China November 1960 – November 1961 . White Paper. New Delhi, 1961. N 5 : India : Ministry of External Affairs, Government of India. P. 5.

[2] Notes, Memoranda and Letters… P. 25.

[3] Report of Officials of the Governments of India and the People's Republic of China on the Boundary Question. Government of India. Delhi, 1961. P. 15.

[4] Notes, Memoranda and Letters… P. 27.

[5] Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 55. Д. 69. Л. 31.

точку зрения, учитывая только национальные интересы собственной страны, то двухсторонний диалог становится бессмысленным.

Для дискредитации позиции индийской стороны Китай использует информационный метод борьбы. В средствах массовой информации Дж. Неру изображался китайскими журналистами как слуга империализма, который терпеть не может Китай. К угрозам китайцы перешли после того, как в конце 1961 года индийский премьер-министр усилил давление на Китай, постоянно указывая на то, что с исторической точки зрения и согласно «Отчету…» Индия имеет все права на территории, оккупированные китайской стороной [6].

В конце ноября 1961 года правящие круги Индии пошли на очередное обострение китайско-индийских отношений, развернув у себя в стране шумную антикитайскую кампанию, которая привела к беспорядкам перед зданиями генеральных консульств КНР в Калькутте и Бомбее. Начало этой кампании положило опубликование в Индии пятой «Белой книги» о китайско-индийских отношениях и целая серия выступлений Дж. Неру, где он обвинял китайцев в «агрессивном образе мышления» и военных действиях на территории Индии, давая понять при этом, что Индия намерена возвратить территории, находящиеся под контролем Китая.

В отношении случаев вторжения китайцев на индийскую территорию правительство Индии не всегда даже могло точно указать дату, когда произошло такое вторжение. Китайская сторона признала лишь два случая, когда, по их словам, местные жители и работники тибетской администрации, а не вооруженный персонал, непреднамеренно зашли в указанные в индийской дипломатической ноте пограничные пункты. При этом правительство КНР утверждало, что большинство из названных индийцами пунктов находятся на территории Китая.

Подобное развитие ситуации сильно воодушевляло Дж. Неру. Двадцать восьмого ноября 1961 года в своем выступлении перед парламентом он дал следующую оценку системы охраны границы: «С военной точки зрения ситуация на границе стремительно улучшается. Мы продолжим делать шаги в этом направлении и в конце концов сможем вернуть себе те территории, которые сейчас контролируются китайцами» [7].

Внимательно проанализировав выступление индийского лидера, китайская сторона пришла к мнению, что Индия готовится к развязыванию полномасштабной войны. Тридцатого ноября 1961 года китайское правительство выступило с заявлением, что если Дж. Неру и дальше продолжит учреждать блокпосты, то у Китая «будут все основания, для того чтобы отправить войска пересечь так называемую линию Мак-Магона на востоке» [8]. Индийский премьер-министр не обратил на эти угрозы никакого внимания и продолжал вести политику по расширению присутствия индийской стороны на спорных территориях.

Дж. Неру в своем выступлении 2 декабря в индийском парламенте так прокомментировал обвинения КНР: в ряде случаев эти обвинения «совершенно необоснованны», поскольку «наши патрули действительно ходили и ходили туда потому, что это наша территория, мы можем посылать их туда, куда захотим» [9].

---

[6] Kavic, L.J. India's Quest for Security: Defense Policies, 1947–1965. Berkeley : University of California, 1967. P. 169.

[7] Ibid. P. 170.

[8] Ibid. P. 27.

[9] АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 55. Д. 69. Л. 43.

Таким образом, китайско-индийские отношения к концу 1961 года окончательно вошли в состояние кризиса. Причины ухудшения отношений были связаны с изменением роли Китая в мире. Захват Тибета, интервенция в Гималайском регионе должны были расширить сферы влияния КНР на Востоке и доказать двум сверхдержавам – СССР и США – ее возросшую мощь. Нежелание Индии и Китая отказаться от территориальных притязаний и признать ошибки прошлого привело к провалу всей линии дипломатических переговоров.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. – Оп. 55. – Д. 69.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0100. – Оп. 54. – Д. 83.
3. Notes, Memoranda and Letters Exchanged between the Governments of India and China November 1960 – November 1961. – White Paper. – New Delhi, 1961. – N 5 : India: Ministry of External Affairs, Government of India.
4. Report of Officials of the Governments of India and the People’s Republic of China on the Boundary Question. Government of India [Text]. – Delhi, 1961.
5. Kavic L.J. India's Quest for Security: Defense Policies, 1947–1965 [Text]. – Berkeley : University of California, 1967.

А.А. Лунин

УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН-ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В США КАК НАЧАЛО ПРОЦЕССА МИРОВОЙ ГЕНДЕРНОЙ ЭМАНСИПАЦИИ

В данной статье рассматривается проблема наращивания темпов гендерной эмансипации, толчком к которой послужило добровольное участие американских женщин в Гражданской войне в США. На основе анализа экономического и психологического состояния американского общества второй половины XIX века определяется степень моральной мотивации женщин для участия в исторических событиях, определяющих не только судьбу одного государства, но и мира в целом.

Гражданская война, эмансипация, равноправие, гражданское право, женщины-добровольцы.

VOLUNTEER WOMEN AND THE AMERICAN CIVIL WAR

This article addresses the problem of the pace of gender emancipation, the impetus for which was the voluntary participation of American women in the civil war in the United States. Based on the analysis of economic and psychological status of the American society for the second half of the 19th century is determined by the degree of moral motivation of women to participate in the historical events that determine not only the fate of one State, but also the world at large.

Civil War, emancipation, equality, civil law, volunteer women.

Несколько последних десятилетий ознаменовались колоссальным воздействием женщин на процессы, происходящие внутри мирового сообщества. В наши дни частная, публичная, политическая, экономическая и социальная жизнь в рав-

ной степени регулируется и мужчинами, и женщинами. Примером стремления к равноправию с мужчинами во всех сферах общества и получению всей полноты гражданских прав, берущего свое начало в XVIII веке, является добровольное участие американских женщин в боевых частях армий, сражавшихся в Гражданской войне в США.

В годы, предшествующие войне, жизнь американок проходила в рамках «Культа истинной женственности» – набора бытовых идеалов, характерных для того времени. По мере развития торговли, промышленности и прочих экономических сфер мужчины стали все больше и больше проводить время вне дома, занимаясь работой и собственными делами. Ведение домашнего хозяйства и забота о детях стали основными занятиями «истинных женщин» довоенного времени.

Но, тем не менее, после начала войны в 1861 году американки обратили свое внимание на внешний, недомашний мир. Тысячи женщин стали медсестрами, а многие из них, не взирая на запрет участия в боевых действиях, вступили в добровольческие войска Юга и Севера в качестве рядовых солдат, умело скрывая свою гендерную принадлежность, принимая мужские имена, маскируясь под мужчин и скрывая свою женственность. Поскольку они вели себя как мужчины, узнать точное число женщин, участвовавших в Гражданской войне, представляется невозможным. В письме члена Санитарной комиссии армии США Мэри Ливермор, написанном в 1888 году, говорилось:

«Кто-то сказал, что число женщин, находившихся на военной службе, немногим меньше четырехсот. Я не могу ручаться за правильность этой цифры, но я убеждена, что число женщин, замаскировавшихся и поступивших на военную службу тому или иному правительству, больше, чем можно себе представить. Скрытые завесой тайны и ведущие себя как мужчины, они выдавали свою женскую природу только по случайности или при ранении. Невероятные истории о женщинах-военнослужащих были обычной темой для разговоров на привалах».

Обе армии пытались не обращать внимания на присутствие в их рядах женщин, несмотря на большое количество документов, которые свидетельствуют об обратном. Но иначе быть не могло – существование подобных американок было вызовом обществу середины XIX века, означавшим, что женщины перестали позиционировать себя слабыми, зависимыми и не интересующимися общественной и политической жизнью членами социума. Нельзя отрицать, что служба женщин не влияла на боевые действия и не меняла ход войны, все же количество участниц было не таким значительным, но меняла общественные устои и нормы. Включившись в этот важный исторический процесс, большое количество женщин позволило себе пойти против общепринятых социальных правил, тем самым давая толчок собственной эмансипации.

Причины, побуждавшие женщин вступать в армию, были разнообразными: кто-то, как Флорина Бадвин, хотел быть рядом с мужем, кто-то, как Мери Галловэй, боролся за собственные идеалы, кто-то просто искал приключений, но все они участвовали в боях вместе с мужчинами, против мужчин.

Удивительно, что и в наши дни о женщинах-солдатах известно так мало, хотя факт их существования был признан еще в XIX веке. Женщины-солдаты Гражданской войны заслуживают признания в современном мире потому, что они были первопроходцами. Сегодня женщинам разрешена военная служба, но они по-прежнему не имеют права участвовать в непосредственных боях. Женщины-солдаты Гражданской войны показали себя способными воинами. С исто-

рической точки зрения женщины, воевавшие с 1861 по 1865 годы, опередили не только свое время; они опередили и наше время тоже.

Список литературы

1. Mary, A. Livermore, My Story of the War (1888) [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.ourstory.info/library/1-roots/Livermore/storyTC.html

М.М. Мадрахимов

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С РЕСПУБЛИКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье рассматриваются особенности развития экономических отношений России с республиками Центральной Азии. Автор подчеркивает высокую степень взаимозависимости между Россией и государствами Центральной Азии.

Российская Федерация, республики Центральной Азии, международные отношения, Содружество Независимых Государств.

THE RUSSIAN FEDERATION'S RELATIONS WITH THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS

This article discusses the features of development of Russia's economic relations with the Central Asian republics. The author emphasizes the high degree of interdependence between Russia and the Central Asian states.

The Russian Federation, republics of Central Asia, international relations, the Commonwealth of Independent States.

Говоря о взаимоотношениях Российской Федерации с республиками Центральной Азии постсоветского пространства, необходимо отметить, что данные отношения строятся на основе двух базовых документов, определяющих задачи внешней политики России. К ним относятся Концепция национальной безопасности и Концепция внешней политики Российской Федерации:

«Россия выстраивает дружественные отношения с каждым из государств-участников СНГ на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга, стремясь к интенсификации интеграционных процессов на пространстве Содружества. С государствами, которые проявляют готовность к этому, развиваются отношения стратегического партнерства и союзничества».

Государства Центральной Азии, столь разные по уровню социально-экономического развития, по потенциалу, возможностям и степени политической модернизации, требуют постоянно возрастающего внимания РФ, новых креативных подходов, учитывающих особенности местной культуры и менталитета. Геополитически государства Центральной Азии сохраняют ориентацию на мусульманский мир и одновременно развивают связи с Западом. Эти противоположные или, по крайней мере, не совпадающие внешнеполитические векторы оставляют РФ определенную нишу, где у нее мало конкурентов.

Существует высокая степень взаимозависимости между Россией и государствами Центральной Азии.

Это граница протяженностью более 7 тысяч километров. С российской стороны с регионом граничат 12 субъектов Федерации, среди которых такие промышленно развитые, как Самарская, Волгоградская, Челябинская, Омская области и другие, то есть вдоль границы сосредоточен значительный промышленный потенциал, крупнейшие города Поволжья, Урала и Сибири, стратегически важные коммуникации связывают центральную часть РФ с Сибирью и Дальним Востоком либо пролегают в непосредственной близости от границы, либо пересекают частично территорию Казахстана.

Это рынок, на который поступают российские товары. Здесь реализуется значительная доля российского экспорта продовольствия, машин и транспортного оборудования, а в последние годы – и текстильной продукции. Из Центральной Азии в Россию направляется основой поток трудовых мигрантов. Регион является крупным поставщиком энергоресурсов, которые транспортируются по территории России на рынки ЕС. Россия стремится занять более прочные позиции в регионе, делая акцент на усилении кооперации в энергетической, а также в оборонной сферах.

Экономические интересы России в Центральной Азии имеют вполне практический характер. Главный из них – не простое наращивание объемов товарооборота, а удержание экономики стран региона в русле российской экономической системы, достижение их интеграции с Россией. Абсолютные объемы внешней торговли России с центрально-азиатскими государствами невелики, но она по-прежнему является их важнейшим торговым партнером. Самый высокий товарооборот с Россией имеет Казахстан – примерно 4,5 млрд долларов в год. Годовой товарооборот между Россией и другим крупным государством Центральной Азии, Узбекистаном, составляет около 1 млрд долларов. Экономика других стран региона слабее, соответственно мал и абсолютный объем товарооборота между ними и Россией. Тем не менее, будучи прежде частью Советского Союза, а теперь СНГ, страны Центрально-азиатского региона подвержены наиболее значительному влиянию экономики России, являясь естественным продолжением ее экономического пространства. Другая область экономических интересов России в Центральной Азии связана с энергетикой. Регион очень богат нефтью и природным газом.

Одной из целей, постоянно преследуемых Россией, является создание и сохранение единого экономического пространства СНГ. Необходимо отметить, что почти сразу после распада СССР начались попытки создать на постсоветском экономическом пространстве региональный интеграционный блок, близкий по целям и задачам к ЕС. Уже в сентябре 1993 года в Москве был подписан Договор об Экономическом союзе (ЭС). В этот союз вошли все 12 стран СНГ (Украина – как ассоциированный член, все остальные – как полноправные члены). Договор предусматривал, по образцу западноевропейской интеграции, поэтапное создание зоны свободной торговли, таможенного союза, общего рынка и валютного союза. Однако этот союз, «мини-СССР», оказался нежизнеспособным – не удалось создать даже единой зоны свободной торговли, поскольку принятое в апреле 1994 года решение о создании зоны свободной торговли не было ратифицировано половиной стран-членов (в том числе и Россией). После этого начались попытки развивать постсоветскую интеграцию с меньшим числом участников.

В январе 1995 года Беларусь, Россия и Казахстан (позже к ним присоединился Кыргызстан) подписали соглашения о Таможенном союзе. Целями создания Таможенного союза были провозглашены:

– устранение барьеров для свободного товарообмена;

– выработка единых экономических «правил игры» для добросовестной конкуренции;

– координация экономической политики стран-участниц договора, в том числе для защиты их интересов на мировом рынке.

Опыт реализации соглашений о Таможенном союзе способствовал подготовке и подписанию более масштабного документа о тесном взаимодействии и сотрудничестве государств. Двадцать девятого марта 1996 года президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях с целью создания сообщества интегрированных государств. Стороны договорились направить совместные усилия на поэтапное углубление интеграции в экономике, науке, образовании, культуре, социальной сфере при соблюдении суверенитета сторон, принципов равноправия и взаимной выгоды, нерушимости существующих границ, невмешательства во внутренние дела друг друга. В феврале 1999 года на базе предыдущих договоренностей был подписан Договор о Таможенном союзе и едином экономическом пространстве, к которому присоединилась Республика Таджикистан.

Договор об образовании Евразийского Экономического Сообщества подписан 10 октября 2000 года в Астане (Казахстан) президентами Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России и Таджикистана. В нем заложена концепция более тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества для достижения тех целей и задач, которые были определены Договором о таможенном союзе и едином экономическом пространстве. Создание ЕврАзЭС, с одной стороны, знаменовало собой поступательное развитие экономической интеграции от зоны свободной торговли (беспошлинная торговля) через таможенный союз (общий таможенный тариф в отношении товаров стран, не входящих в союз) к общему рынку (свободное перемещение товаров, капиталов, услуг, рабочей силы, единая торговая политика в отношении третьих стран, общая валютная политика). С другой стороны, образование постоянно действующей международной организации для последовательного осуществления экономических соглашений было отчасти реакцией на внутренние проблемы СНГ и на ставшую очевидной общность исторического наследия стран с переходной (бывшей плановой) экономикой, адаптирующихся к современной мировой экономике и готовящихся ко вступлению в ВТО.

В мае 2003 года ООН зафиксировала статус Евразийского экономического сообщества как международной организации.

Д.А. Маршуба

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУГГЕСТИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье приводятся базисные концепты восприятия сознанием стереотипов, их апробация в современном мире. Рассматриваются такое актуальное

явление как «суггестия» и способы ее выражения в средствах массовой информации. В работе главным образом делается акцент на исследование американского ученого Дж. Брауна, который выделяет 8 основных форм суггестии.

суггестия, стереотип, ярлык, «послеобраз».

HISTORICAL DETERMINATION OF “SUGGESTION” IN MASS MEDIA

This article discusses the issues associated with concepts of stereotypes and their approbation in the modern world. New actual topic “suggestion” is under review, also its mass media expression methods. The article emphasizes the work of American scientist J. Brown who points out eight basic suggestion forms.

suggestion, stereotype, tag, “after-image”.

Бессознательное восприятие окружающего мира человеком становится все более стереотипным. Концепт «свои – чужие» в XXI веке приобрел особую направленность, когда мировому сообществу свойственна тенденция подразделять мир на «хороших» и «плохих». Главную роль в формировании подобных образов отводится средствам массовой информации (СМИ): радио, телевидению, Интернету, прессе. СМИ сейчас являются органом государственного манипулирования и серьезнейшим образом влияют на общественное мнение, представляя конкретные интересы.

В книге Дж. Брауна «Техники воздействия: от пропаганды до промывания мозгов» отмечается, что фундаментальным механизмом манипулирования является суггестия, т.е. попытка убедить других в конкретных суждениях без предоставления на то самоочевидных логических оснований, и при этом неважно, существуют на самом деле такие основания или нет. Автор выделяет также несколько специфических приемов суггестии:

1. Использование стереотипов. Под стереотипом понимается восприятие людьми какого-либо социального объекта в упрощенном схематизированном виде. Представляется вполне естественным относить людей к определенным «социальным типам». Со временем эта картинка становится в сознании человека фиксированной и не поддается проверке опытом. Поэтому когда СМИ апеллируют к таким понятиям, как «еврей», «коммунист», «капиталист», они имеют в виду не конкретного человека, а тот образ, который сложился в связи с этим понятием в сознании масс и на который у людей уже выработалась определенная реакция.

2. Замена имен или наклеивание ярлыков. Одним из наиболее действенных орудий политического языка являются манипулятивные термины или «ярлыки», которые «навешиваются» политическим оппонентам.

3. Повтор информации. Если повторять сообщение с достаточной частотой, оно в свое время будет принято аудиторией и укрепится в массовом сознании. Вариантом техники «повтора» является употребление лозунгов и ключевых слов типа «Равные права для всех», «Народ и партия едины» и т.п. Такие фразы, часто бессмысленные, играют большую роль в политике и рекламе.

4. Утверждение. Особенность данного приема заключается в том, что СМИ часто предпочитают спору голые утверждения в поддержку своего тезиса, ограничивая тем самым плюрализм мнений и представляя только одну, наиболее выгодную для них самих, сторону медали.

5. Постановка риторических вопросов или распускание слухов. Являясь основным проводником общественного мнения, СМИ как никакой другой субъект политического процесса, ощущают потребность общества в той или иной информации и значимость данной темы для конкретного сегмента аудитории. Поэтому не случайно именно СМИ называют официальным источником распространения слухов. При этом, казалось бы, не происходит ничего противоестественного. СМИ всего лишь ставят перед аудиторией вопрос, оставляя его без ответа, но наделяя определенным контекстом, заставляющим зрителя / слушателя / читателя невольно мыслить и развивать идею в нужном для пропагандиста направлении.

6. Полуправда. Этот способ, используемый СМИ для обеспечения доверия аудитории, заключается в объективном и подробном освещении конкретных, малозначительных деталей и умалчивании более важных фактов или же общей ложной интерпретации событий (в зависимости от настроения масс).

7. Создание «послеобраза». Все шире и квалифицированнее СМИ используют технику создания так называемого «послеобраза». Человек начинает «додумывать», теряться в догадках, выстраивая цепочку возможных событий или действий, связанных, как он считает, с рассматриваемым субъектом

8. Осмеяние представляется наиболее интересным для изучения и часто используемым в СМИ методом информационно-психологического воздействия на массовое сознание. Суть этого метода заключается в высмеивании как конкретных лиц, так и взглядов, идей, программ различных организаций и объединений. Эффект действия данного приема основывается на том, что при осмеянии отдельных высказываний и элементов поведения человека к нему инициируется шутливое и несерьезное отношение, которое в дальнейшем распространяется и на другие его высказывания и взгляды.

Таким образом, пропагандистская деятельность средств массовой информации в любом современном обществе строится на внедрении в сознание людей его «ценностей» в виде системы стереотипов – стандартов поведения, социальных мифов, политических иллюзий. Стереотипизация, т.е. психологическое воздействие с помощью создания иллюзорных стереотипов, – один из главных методов пропаганды.

Список литературы

1. Brown, J.A.C. Techniques of persuasion. From propaganda to brainwashing [Text]. – Harmondsworth, 1963.

В.Я. Мауль

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ГУМАНИЗМА (РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УРОКАХ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ ВО ФРАНЦИИ И РОССИИ)

В статье делается попытка найти элементы гуманизма в событиях Французской революции XVIII века и революции 1917 года в России. Автор приходит к выводу о несовместимости идей гуманизма и революционной практики.

Французская революция XVIII века, революции 1917 года в России, гуманизм.

HISTORICAL FATE OF HUMANITY (REFLECTIONS ON THE LESSONS OF THE GREAT REVOLUTIONS IN FRANCE AND RUSSIA)

The article attempts to find elements of humanism in the events of the French revolution in the 18th century and the revolution of 1917 in Russia. The author concludes that the incompatibility of ideas of humanism and revolutionary practice.

The French Revolution of the 18th century, the revolution of 1917 in Russia, humanism.

Как известно, гуманизм – это совокупность идей и взглядов, выдвигающих на первый план человека, требующих уважения его достоинства, любви к нему, создания условий для гармоничного развития личности. Гуманизм провозглашает жизнь человека величайшей ценностью, признает права человека на свободное проявление своих способностей, утверждает, что благо людей является высшей оценкой отношений в обществе. В этом смысле гуманистические идеи можно рассматривать в качестве квинтэссенции социального абсолюта, как общечеловеческие культурные константы. Однако далеко не всегда объективная реальность прошлого оказывалась адекватной возвышенным намерениям гуманистов. П.С. Гуревич отмечал: «Он (гуманизм), возможно, безупречен, пронизан человеколюбием. Но вот парадокс – люди не хотят следовать гуманистическим заветам... Однако если гуманизм непривлекателен, значит, он в чем-то ущербен. Время гуманисту оглянуться на себя: отчего опекаемая им паства не слушается пророка?»

В обыденном сознании утвердилась мысль о несовместимости политики и морали, поскольку они выполняют разные социальные функции. В политике главное – интересы, а в морали – совесть. При решении политических вопросов политик исходит именно из интересов, а не из моральных принципов. Иначе говоря, жизнь чаще всего ангажирует формулу знаменитого итальянца Н. Макиавелли – «цель оправдывает средства».

Особенно очевидной нестыковка нравственных приоритетов и прагматических интересов становилась в революционные эпохи, масштабность которых определялась общечеловеческой значимостью идей, которые она вписывала в исторический контекст. Непреходящая роль великих революций обуславливалась их ценностным стремлением к гуманизму, ставшем их теоретической предпосылкой.

Например, французская революция 1789–1794 годов вслед за просветителями анонсировала на своих знаменах комплекс естественных человеческих прав, заявив устами Ж.-Ж. Руссо: «Пока народ принужден повиноваться и повинуется, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его – он поступает еще лучше, ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать».

В то же время идеалы гуманизма не содержат указаний о путях их воплощения, технология захвата власти гуманистов не интересовала. При видимой разности исходных условий все переустройщики старого порядка предпочитали прибегать к революционному насилию. Объясняли они свой выбор сходным образом, оправдывая его происками «врагов народа» и «силой обстоятельств». Ж.-П. Марат утверждал: «Никто не питает большего отвращения к пролитию крови, чем я. Но

для того, чтобы она не лилась ручьями, я настаиваю, чтобы пролили несколько капель. Для того чтобы, примирить долг гуманности с заботой об общественной безопасности, я предлагаю вам казнить каждого десятого из контрреволюционных членов муниципалитета, мирового суда, департамента, Национального собрания». М. Робеспьер был уверен, что «жестокость тиранов вытекает только из жестокости, жестокость же республиканского правительства вызывается стремлением к добру».

Подобные соображения мотивировали маховик «красного террора» и в революционной России. Л.Д. Троцкий писал: «Железная диктатура якобинцев была вызвана чудовищным положением революционной Франции. ... Суровость пролетарской диктатуры в России – скажем тут же – была обусловлена не менее тяжкими обстоятельствами». Оправдывая кровавое насилие, В.И. Ленин вину за него перекладывал на плечи контрреволюции: «Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы».

Отсюда следовал далеко идущий вывод, что все жертвы и тяготы народа – суть временные явления, впредь до полного разгрома внутренних и внешних врагов. Здесь отчетливо заметен гуманистический самообман творцов нового, справедливого строя. Подобные объяснения французский историк Ф. Фюре уже давно назвал «дебильной ссылкой на обстоятельства».

По словам Ж. Дантона, революцию «нельзя творить в геометрических формах; революционные меры неминуемо – хотя бы временно – тяжело ложатся даже на честных граждан. Эти истины очевидны для всех». В том же духе и вождь мирового пролетариата подчеркивал, что «для освобождения трудящихся от гнета капитала нужно отобрать свободу собраний у капиталистов, нужно их “свободу” отнять или урезать. Это служит освобождению труда от гнета капитала. ... Когда это будет, когда забудут люди о том, что могут быть общественные здания в чьей-то собственности, тогда-то мы будем за полную свободу». Революционно-оптимистическая риторика В.И. Ленина была вполне созвучна патетической фразеологии М. Робеспьера: «Конституция – это режим победившей и мирной свободы».

Другая причина обращения к кровавому насилию лежит в области социальной психологии. Речь идет о так называемой жажде «подстегивания истории». Революционеры уверены, что героические усилия незамедлительно позволят вкусить плоды победы. Но когда этого не происходит, активизируется стремление добиться желаемого «во что бы то ни стало». Поэтому движение к гуманизму в экстремальных условиях революционных катаклизмов зачастую оборачивалось отказом от его принципов, превращением их в свою противоположность. В результате торжествовала идея насильственного всеобщего счастья, под которым понималось полное подчинение интересов гражданского общества политическому абсолюту. Цена, которую приходилось при этом платить, в расчет не принималась.

П.-В. Верньо сформулировал афоризм, прочно вошедший в историю: «Революция пожирает своих детей». Соответствующие ментальные рефлексии приводят к фактическому отождествлению цели и средств революционной борьбы. Так произошло, например, с М. Робеспьером, который уравнял террор с добродетелью, понимая под нею любовь к отечеству и его законам: «Если движущей силой правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должны быть одновре-

менно добродетель и террор – добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не частный принцип, но следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества».

Схожие соображения питали и революционные убеждения большевиков, идейно восходящие к нечаевскому «Катехизису революционера». В нем была выражена квинтэссенция революционной морали: «…нравственно для него (революционера) все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему. … Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире. Если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором – все и все должны быть ему равно ненавистны». Заявленная здесь апология насилия получила развитие в высказываниях большевиков: «Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от его революционной диктатуры. Кто отказывается от диктатуры пролетариата, тот отказывается от социальной революции и ставит крест на социализме» (Л.Д. Троцкий).

Ему вторят видные популяризаторы большевизма, без гуманистических изысков заявлявшие, что «диктатура пролетариата – это топор в его руках». Еще более циничны слова самого Н.И. Бухарина: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Одним словом, уроки великих революций всякий раз оказывались не в пользу гуманизма. Как можно было заметить, причины трансформации гуманистических идеалов в кровавое насилие обычно искали в социально-политической, экономической и психологической реальности, которая складывалась в ходе революций. Однако стоит задуматься над поиском иных, доктринальных интерпретаций этой метаморфозы, об исторической своевременности гуманистических лозунгов революций, о готовности той или иной страны органично их усваивать в конкретный промежуток времени. Иначе говоря, гуманизм не может претендовать на всеобщий, вневременной, вненациональный и всесословный универсализм, хотя именно в такой ипостаси он преподносится мировым интеллектуальным сообществом.

Исходя из уроков великих революций Франции и России, можно предположить, что идеи гуманистов, те идеалы, во имя которых начинаются революции, невозможно воплотить в реальную жизнь вообще. Поэтому необходимо сместить онтологическую призму гуманизма. В том смысле, что гуманизм не должен быть целью, но всегда и исключительно мерилом общественного развития. В такой ипостаси он во все времена будет необходимо востребован человечеством, ищущим ответа на сакраментальный вопрос «что такое хорошо, и что такое плохо?» В противном случае гуманизм обречен оставаться красивой и заманчивой утопией и не более того.

М.Р. Махмудян

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ЕГИПТА В БОРЬБЕ С ИГИЛ

Данная статья посвящена проблеме укрепления военного сотрудничества между Россией и Египтом против международного терроризма. В настоящее время данная тема имеет особую актуальность в связи с возникновением и активным развитием ИГИЛ, организации, запрещенной в России.

Египет, ИГИЛ, российско-египетские отношения, военное сотрудничество между Россией и Египтом.

RUSSIAN-EGYPTIAN COOPERATION AGAINST ISIS

This article is devoted to the problem of strengthening the military cooperation between Russia and Egypt against the world terrorism. Nowadays this topic is of particular relevance to the fact of emergence and development of ISIS, organization banned in Russia.

Egypt, ISIS, Russian-Egyptian relations, military cooperation between Russia and Egypt.

В связи с усилением террористических организаций, в частности ИГИЛ, группировки, запрещенной в России по решению Верховного суда, и нарастанием террористических угроз по всему миру появляется крайняя необходимость в объединении усилий различных государств в борьбе против международного терроризма. К сожалению, в настоящее время не существует унитарной действенной международной организации, в рамках которой существовал бы единый механизм борьбы против такого явления, как терроризм. Поэтому нам скорее приходится говорить о взаимодействии отдельных государств в противостоянии с ним.

Россия и Египет являются странами, которые объявили одной из своих внешнеполитических целей ликвидацию терроризма. Это одни из государств, которые наиболее сильно страдают от действий террористических организаций, в частности ИГИЛ. Здесь уместно вспомнить о совместной трагедии России и Египта произошедшей в небе над Синайский полуостровом в октябре 2015 года, когда в результате действий террористической организации ИГИЛ был взорван российский авиалайнер А321, вылетевший из египетского курорта Шарм-эль-Шейх в Санкт-Петербург. Этот теракт унес жизни 217 российских туристов и 7 членов экипажа. Следствием теракта стало временное приостановка авиасообщений между странами, которая находится в состоянии замирания до настоящего времени. Министерства обороны обоих стран уверены в том, что данная атака террористов направлена в том числе на подрыв российско-египетских отношений.

Египет, как никто другой, заинтересован в искоренении данной террористической организации и наступлении стабилизации обстановки в регионе. Вблизи границ Египта практически нет ни одной стабильной зоны. Окружающие государства либо распадаются, либо находятся в состоянии войны. На сегодняшний день, по сути, не существует Ирака и Ливии. Египет постоянно испытывает на себе давление терроризма. Не прекращаются попытки дестабилизации ситуации в стране.

После теракта 30 октября 2015 года в небе над Египтом много говорится о необходимости объединения усилий двух государств в борьбе против боевиков «Исламского государства». Об этом договорились министр обороны России Сергей Шойгу и президент Абдель Фаттах ас-Сиси в ходе переговоров, состоявшихся в Каире в конце ноября 2015 года. Каждая сторона борется с ИГИЛ различными способами. Египет, в основном, борется с боевиками «Исламского государства» внутри своей страны, в то время как Россия наносит авиаудары по позициями боевиков на территории Сирии. Лишь однажды ВВС Египта нанесли ракетно-бомбовый удар по базе террористов за пределами своего государства, это произошло 16 февраля 2015 года в Ливии в провинции Дерма, после того как боевики ИГИЛ похитили и обезглавили в Ливии 21 египетского христианина-копта.

Как мы видим, Россия и Египет являются крайне заинтересованными сторонами в ликвидации ИГИЛ. Они готовы к наращиванию взаимодействия в борьбе против терроризма, однако еще многое предстоит сделать, в частности, на сегодняшний момент, к сожалению, не существует реального военного союза между двумя государствами, и не существует реальной координации совместных действий обоих стран в борьбе против ИГИЛ.

А.О. Мещерякова

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ГОЛОД В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕУРОЖАЕВ 1891–1892 ГОДОВ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируется благотворительная деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ) в Воронежской губернии в 1891–1892 годы. Автор подчеркивает значительный вклад РПЦ в дело преодоления последствий голода.

голод 1891–1892 годов в России, Русская Православная Церковь, Воронежская губерния, благотворительность.

THE ORTHODOX CHURCH AND THE FAMINE IN RUSSIAN VILLAGE (VORONEZH PROVINCE, 1891–1892)

This article analyzes the charitable activities of the Russian Orthodox Church in Voronezh province in 1891–1892. The author stresses the significant contribution the ROC in overcoming the consequences of the famine.

the famine of 1891–1892 in Russia, the Russian Orthodox Church, Voronezh province, charity.

Русская Православная Церковь (РПЦ) всегда остро реагировала на различные социально-политические и экономические кризисы, с которыми сталкивалась Россия в своей истории. Ярким примером этому служит голод 1891–1892 годов, охвативший Центрально-черноземные губернии и Поволжье. Реакция Церкви на народное бедствие последовала незамедлительно. Она проявилась в особом содержании проповедей, духовных наставлений, массовых молебнах и крестных

ходах, наконец, в организации повсеместного сбора средств для помощи нуждающимся, открытии общественных столовых для малоимущих, оказании адресной помощи голодающим.

Двадцать первого августа 1891 года последовало официальное распоряжение Святейшего Синода № 2139 «по поводу неурожая хлеба в некоторых губерниях», согласно которому предписывалось возложить на попечение синодальных контор и возглавляющих епархии архиереев сбор средств в пользу пострадавших от неурожая с наиболее богатых в епархии лавр, монастырей и церквей, а также учредить на местах особые комитеты для сбора пожертвований и распределения этих средств в епархиях, наиболее пострадавших от неурожая. Все сведения о пожертвованиях и распределении средств должны были печататься в местных Церковных ведомостях [1].

Магистральным направлением благотворительной деятельности РПЦ в 1891–1892 годы стала работа Епархиальных комитетов, которые учреждались во всех епархиях Российской империи. Помимо сбора средств, в обязанности этих комитетов входили устройство бесплатных столовых при архиерейских домах, монастырях, церквях или иных учреждениях, а также организация приютов для детей, «лишенных крова и пропитания» [2]. Деятельность комитетов регламентировалась особым распоряжением Синода № 2265 от 4 сентября 1891 года. Они должны были состоять из лиц духовного звания, а также мирян, способных принести особую пользу делу благотворительности. Обо всех пожертвованиях сразу следовало сообщать в Епархиальный комитет, который направлял эти средства по назначению. А именно – из благополучных местностей пожертвования зерном, мукой, сухарями и другими продуктами направлялись непосредственно в наиболее пострадавшие от неурожая епархии [3]. Официальной датой открытия воронежского Епархиального комитета является 27 сентября 1891 года. С этого момента начался сбор средств в пользу голодающих. Первое заседание комитета состоялось 6 октября 1891 года после торжественного молебна, отслуженного в Митрофановском монастыре Воронежа в присутствии владыки Анастасия (Добрадина), епископа Воронежского и Задонского, а также губернатора, городского головы и всего приходского духовенства города [4].

Вскоре комитетом было принято решение о создании мощной разветвленной сети Благочиннических комитетов и Церковно-приходских попечительских советов на местах [5]. Благочиннические комитеты имели функцию связующего звена между центром и приходами епархии. Это способствовало сбору точных сведений обо всех нуждающихся на местах и давало возможность оказывать им оперативную адресную помощь. Механизм сбора и распределения средств среди голодающих отражен в регулярных докладах казначея Епархиального комитета протоиерея Дмитрия Адамова, публиковавшихся в «Воронежских епархиальных ведомостях».

Львиную долю поступлений в казну воронежского Епархиального комитета составляли пожертвования других епархий. При этом, как правило, самые крупные суммы жертвовали центральные епархии, в то время как окраины при-

[1] Воронежские епархиальные ведомости. 1891. № 11. С. 423–426.
[2] Там же. № 20. С. 426.
[3] Там же. С. 428–429.
[4] Там же. № 21. С. 742–743.
[5] Там же. № 22. С. 461–464.

сылали более скромные пожертвования. Причина этого, вероятно, кроется не в бедности этих губерний (от засухи и неурожая не пострадавших), а в недостаточной плотности православного населения в Литовской, Гродненской, Минской, Митавской и других подобных епархиях. Если говорить о частных пожертвованиях в Епархиальный комитет, то главными благотворителями выступали лица духовного звания (начиная с правящего архиерея, настоятелей и насельников различных монастырей, причта воронежских храмов и т.д.), а также преподаватели семинарии и духовных училищ. Разумеется, принимали участие в пожертвованиях и миряне. Сопоставление сумм пожертвованных при открытии Епархиального комитета и в первое время его работы с теми суммами, которые туда поступали впоследствии, свидетельствует о том, что энтузиазм благотворителей не только не угасал с течением времени, а наоборот, набирал силу [6].

Все поступавшие средства строго фиксировались и отправлялись в казну комитета, откуда выделялись необходимые суммы на нужды голодающих. Помощь оказывалась на основании доклада благочинного или приходского священника, составлявшего списки особо нуждавшихся семей или одиноких жителей того или иного прихода. Отдельной статьей расходов средств комитета была помощь духовенству и членам их семей, оказавшимся в тяжелом положении. Особое внимание уделялось поддержке сирот и вдов священнослужителей.

Еще одним направлением деятельности Епархиального комитета стала организация в Воронежской губернии бесплатных столовых. Они были рассчитаны на наиболее обездоленных жителей села, лишенных порой не только средств к существованию, но и крыши над головой (речь идет о нищих, бродягах). Особый размах организация таких заведений получила с начала 1892 года, когда поступил указ Синода № 298 от 18 января 1892 года о необходимости тратить все поступающие от Санкт-Петербургского Епархиального комитета пожертвования (денежные и продуктовые) на работу народных столовых. Несмотря на это, снабжение продуктами нуждающихся жителей Воронежской губернии продолжалось и в 1892 году приобрело еще большие масштабы. К началу марта 1892 года из 20 благочиний Воронежской епархии, наиболее пострадавших от неурожая, было выделено 8, в которых предполагалось открыть в общей сложности 75 бесплатных столовых на 7 000 человек. В тех же благочиниях, в которых открытие столовых было невозможно или нецелесообразно, было решено предоставлять помощь продуктами. На это выделялось 22 600 рублей [7].

Епархиальные комитеты создавались как временные благотворительные организации. Они ставили перед собой цель помочь населению губерний, пострадавших от неурожая, дожить до лета и нового урожая. В соответствии с этим, согласно указу Св. Синода от 24 апреля – 8 мая 1892 года за № 1032 с 1 июня 1892 года прекращалась деятельность Епархиальных и Благочиннических комитетов, а все средства, остававшиеся в их распоряжении, предписывалось перечислить в местные губернские благотворительные комитеты. Лишь деятельность Церковно-приходских попечительских советов продлялась до июля 1892 года. И хотя 1892 год, вопреки надеждам многих, не был урожайным, самый тяжелый период жизни для сельского населения Воронежской губернии миновал. Это тяжелое время было связано с деятельностью Воронежского Епархиального комитета. Насколь-

[6] Воронежские епархиальные ведомости. 1891. № 21. С. 457 ; № 22. С. 501 ; №. 23. С. 28.
[7] Там же. 1892. № 6. С. 187.

ко известно, в подробных докладах благочинных или приходских священников 1891–1892 годах о ситуации на местах не было ни одного сообщения о голодной смерти. Это можно считать одной из заслуг Епархиального и Благочиннических комитетов и в целом – Русской Православной Церкви.

(Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 15-01-00026а «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891–1892 гг. в Центрально-Черноземном регионе»).

Список литературы

1. Воронежские епархиальные ведомости [Текст]. – 1891.
2. Воронежские епархиальные ведомости [Текст]. – 1892.

А.И. Минаев

ДЖОН ДЖ. МИРШАЙМЕР О «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ» И БИПОЛЯРНОСТИ

В статье анализируются взгляды известного американского политолога Дж. Миршаймера на развитие современной системы международных отношений. Автор подчеркивает, что американский ученый выступает последовательным сторонником биполярности, представляющей собой наиболее предсказуемый вариант системы международных отношений.

Дж. Миршаймер, теория международных отношений, «холодная война», биполярность.

JOHN J. MEARSHEIMER OF THE COLD WAR AND BIPOLARITY

This article analyzes the views of acknowledged American political analyst J. Miršajmera on the development of the contemporary system of international relations. The author stresses that American scientist advocates a consistent supporter of bipolarity, representing the most predictable version of the system of international relations.

J. Mearsheimer, theory of international relations, “the cold war”, bipolarity.

Профессор политических наук университета Чикаго Джон Дж. Миршаймер (род. в 1947 году) считается в США негласным интеллектуальным лидером реалистов в теории международных отношений. Он является основоположником «агрессивного реализма» (англ. Offencive Realism), который сводится к тому, что государства стремятся к достижению господства на мировой арене для обеспечения своей безопасности.

Естественно, что такой внешнеполитический курс доступен только великим державам (англ. Great Powers), которые в определенные исторические периоды являются сильнейшими акторами на мировой арене. К ним, в течение последних ста пятидесяти лет, Миршаймер относит Японию (с 1868 по 1945 год), Германию (с 1862 по 1945 год), Советский Союз (с 1917 по 1991 год), Великобританию (с 1792 по 1945 год) и США (с 1800 по 1990 год).

В приведенной классификации обращают на себя внимание два момента. Во-первых, большинство великих держав утратили свой прежний статус после окончания Второй мировой войны, которая привела к принципиально новой расстановке сил, определяемой как биполярность. Во-вторых, США, по мнению Миршаймера, престают быть великой державой, после того как, исчезновение СССР с политической карты мира становится необратимым. Глобальные военные конфликты и сопоставимые соперники, таким образом, являются важнейшими индикаторами сверхдержавности.

Крупнейший американский неореалист сформулировал пять аксиом агрессивного реализма:

1) в международных отношениях царит анархия, что однако не означает, что международная система находится в состоянии хаоса или беспорядка;

2) великие державы обладают некоторым наступательным арсеналом, который позволяет им наносить урон и, возможно, даже уничтожать друг друга;

3) никакое государство не может быть уверено в намерениях соседей;

4) выживание – первейшая цель великих держав;

5) великие державы в своей внешней политике рациональны.

Как мы видим, теоретические построения Джона Дж. Миршаймера предельно откровенны и реалистичны, если не сказать обоснованно циничны. В их основе лежит убежденность в необходимости безоговорочного лидерства на международной арене в целях обеспечения безопасности и реализации национальных интересов. Реализм предшественников у него доведен до своего рода логического завершения.

В августе 1990 года в журнале Atlantic была впервые опубликована статья Миршаймера «Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне?». Это было время, когда обусловленная противостоянием США и Советского Союза биполярность уходила в прошлое. В большинстве своем интеллектуальный мир Запада восторгался «закатом» одной из двух сверхдержав, приветствовал установление американской гегемонии, рассуждал о «конце истории» и торжестве псевдолиберальных ценностей в международных отношениях. На этом фоне статья Миршаймера прозвучала явным диссонансом и вызвала у многих специалистов, по меньшей мере, недоумение.

Сегодня, когда однополярный миропорядок, остававшийся желаемой США, но недостижимой конструкцией, окончательно «трещит по швам», формируется новая многоуровневая и полицентричная архитектура международных отношений, по нашему мнению, полезно вернуться к мыслям американского политолога двадцатипятилетней давности, а также определить собственный взгляд на проблему.

В начале статьи Миршаймер заявляет: «…В один прекрасный день мы станем горько сожалеть об утрате порядка, который благодаря холодной войне пришел на смену хаосу в международных отношениях. Ведь на протяжении 45 лет XX века, до воцарения холодной войны, Европа пребывала в состоянии необузданной анархии». Под последней исследователь понимает «гоббсовское» состояние «войны всех против всех».

Следующие после 1990 года 45 лет, по мнению американского политолога, будут вряд ли такими же бурными, как 45 лет, предшествовавшие холодной войне, которую вслед за американским историком Джоном Льюисом Гэддисом он называет «длительным миром». Относительная военно-политическая ста-

бильность 1945–1990 годов объясняется тем, что коренными причинами войны и мира являются характер и распределение военной мощи между государствами. Так, сначала хрупкое, а затем все более прочное состояние мира после 1945 года Миршаймер объясняет следующими факторами:

1) биполярным распределением военной мощи на европейском континенте;

2) примерным военным паритетом между противостоящими державами – Соединенными Штатами и Советским Союзом;

3) тем фактом, что каждая из этих сверхдержав обладает весьма значительным ядерным арсеналом.

В статье американский политолог выступает последовательным сторонником биполярности, представляющей собой наиболее предсказуемый вариант системы международных отношений. Две сверхдержавы распространяют влияние на своих военно-политических союзников, что гарантирует безопасность этих «малых» стран и от главных акторов, и друг от друга. В такой системе существует лишь одна «диада» (пара), в которой может разразиться война.

Говоря о многополярной системе, Миршаймер подчеркивает ее гораздо меньшую стабильность и устойчивость. «В условиях такой геометрии силы, – пишет он, – намерения соперничающих государств, а также размер и мощь противостоящих коалиций трудно просчитать, поскольку контуры мирового порядка остаются переменной величиной, – ведь коалиции имеют тенденцию обретать и терять партнеров».

Продолжая мысль Миршаймера, выскажем предположение, что и Первая, и Вторая мировые войны стали возможны и в связи с особенностями системы межгосударственных отношений, которая до 1945 года по сути своей оставалась всей той же системой европейского «концерта держав», несмотря на блоковое обрамление в начале прошлого века (Тройственный союз и Антанта). Доказательством может служить тот факт, что эпицентром обеих войн становилась Европа. Более того, этот европейский «концерт держав» образца первой половины XX века отягощали мощные импульсы идеологического противостояния и активное влияние «из-за океана». В 1914 и 1939 годах страны и народы «вползали» в глобальное военное противостояния, а разновекторные действия главных акторов не смогли предотвратить катастрофу ни в первом, ни во втором случаях. Уроки прошлого должны быть твердо усвоены в современных сложнейших реалиях потенциального «возрождения» многополярности.

Важнейшим фактором, стабилизировавшим биполярность, стало ядерное оружие, в силу неотвратимости возмездия рационально не применимое, но политически необходимое для сохранения мира. «Ядерное оружие, – подчеркивает в своей статье Миршаймер, – способствует укреплению мира, так как с позиции военной силы отношения между государствами становятся более равноправными. Страны, обладающие средствами ядерного сдерживания, могут на равных противостоять друг другу, даже если размеры их арсеналов сильно различаются, поскольку обе стороны обладают потенциалами гарантированного уничтожения. Кроме того, взаимно гарантированное уничтожение помогает снять остроту запутанной проблемы неправильной оценки, так как почти не остается сомнений по поводу относительной силы государств».

Убедительная апология биполярности, предложенная Миршаймером, заслуживает, по нашему мнению, самого пристального внимания. Дело в том, что

формирующаяся полицентричность или многополярность современного мира обладает некоторыми особенностями, на которые обращают внимание зарубежные и российские исследователи, в частности заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН Э.Д. Соловьев. Эти характеристики, по нашему мнению, делают актуальными рассуждения о прежней биполярной системе.

Во-первых, сегодняшняя полицентричность ассиметрична в пользу США, которые в целом ряде областей сохраняют за собой подавляющее превосходство. Тем самым США продолжают оставаться важнейшим центром влияния, если отказаться от термина «полюс».

Во-вторых, формирующийся миропорядок становится не только полицентричным, но и многоуровневым. Таких уровней насчитывается, по крайней мере, пять:

1) межгосударственное или военно-дипломатическое измерение мировой политики;

2) экономическое измерение;

3) поле тектонических глобальных демографических сдвигов;

4) специфическое пространство, представляющее собой домен символов, идеалов, поле культурных кодов;

5) геополитический и геоэкономический уровень.

Мы полагаем, что на отдельных уровнях, а именно первом и пятом, Российская Федерация позиционирует себя весьма уверенно и превращается в центр влияния, вполне сопоставимый с США. По нашему мнению, диада «США – Россия» отчетливо проступает в хитросплетениях современного миропорядка. Из этого следует, что модернизированную бицентричность (мы умышленно отказываемся от прежнего термина «биполярность») рано предавать забвению.

Е.Ю. Мирионкова

КЕННЕТ УОЛТЦ О СУЩНОСТИ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Данная статья посвящена вопросам осмысления сущности войны в современных международных отношениях, изучению которых особое внимание уделяет один из основателей школы неореализма – Кеннет Уолтц. Рассматривается использование Уолтцом системного подхода к исследованию мировой политики, в целом, и природы войны, в частности. Показано, что основной причиной войн на международной арене является нарушение баланса сил.

Кеннет Уолтц, неореализм, война, международные отношения, системный подход.

KENNETH WALTZ ABOUT THE NATURE OF WAR IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

This article is devoted to the problems of the nature of war in modern international relations, to the study of which one of the founders of the school of neorealism – Kenneth Waltz – gives special attention. The author considers the way Waltz applies

systems thinking to the study of world politics in general and the nature of war in particular. It is shown that the main cause of wars on the international arena is violation of the balance of power.

Kenneth Waltz, neorealism, war, international relations, systems thinking.

Неслучайно в последние годы внимание политических наук зачастую приковано именно к проблеме войны. В настоящее время развитие международной системы характеризуется непредсказуемостью и хаотичностью. В итоге количество задач, которые решаются военной силой, все больше и больше растет. Появляются новые виды войн: гуманитарные интервенции, антитеррористические операции, операции по установлению и поддержанию мира. Использование военной силы некоторыми акторами выходит за рамки международного права и принципов, закрепленных в уставах международных организаций. Все это подтверждает актуальность исследования вопросов, связанных с тем, для чего и как военная сила будет применяться в ближайшем будущем. В связи с этим представляется особо важным проанализировать взгляды неореалистов на сущность и особенности современной войны и военной стратегии.

Кеннет Уолтц (род. в 1924 году) – основатель школы неореализма в теории международных отношений, также известной как структурный реализм – фокусирует свое внимание на изучении именно этого типа внешнеполитического взаимодействия.

Уолтц полагает, что система международных отношений состоит из структуры и взаимодействующих элементов. Структура при этом определяется как «общесистемный компонент, который позволяет рассматривать систему как целое». Также следует помнить о том, что государства в рамках системы действуют как рационально-эгоистические акторы и всегда стремятся достичь «выгоды для себя» [1]. Такое положение вещей в системе международных отношений обусловлено двумя факторами: во-первых, государства всегда стремятся к сохранению статус-кво на международной арене и, исходя из этого, выстраивают свои взаимоотношения с другими акторами; во-вторых, на государства влияет структура международной системы, которая и определяет их взаимодействие. Именно из этих двух выводов вытекает тезис Уолтца о том, что войны и конфликты неизбежны в рамках международной системы.

По мнению Уолтца, «причины горячих войн лежат в холодных войнах, а причины холодных войн заложены в анархическом порядке на международной арене». Также исследователь отмечает, что противостояние НАТО и ОВД осталось в истории под грифом «холодной войны» только потому, что «ее температура снижалась присутствием ядерных вооружений» [2]. Анализируя вышеуказанные тезисы, можно сделать преждевременный вывод о том, что все без исключения государства стремятся к войне и провоцируют других акторов международных отношений на создание конфликтной ситуации. По мнению ученого, государство начинает стремиться к войне, когда понимает, что мирное существование является не самым лучшим способом удержания своих позиций на междуна-

---

[1] Конышев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. СПб. : Наука, 2004. С. 178.

[2] Waltz K. Theory of International Politics. N. Y. : McGraw Hill. 1979. P. 86.

родной арене. Раскрывая данное утверждение, Уолтц приводит следующий пример: «Мое желание получить миллион долларов не побуждает меня грабить банк, но если ограбление банка представляется нетрудным, такое желание повлечет за собой грабежи банков» [3]. Иначе говоря, государства начинают действовать агрессивно в тот момент, когда они уверены в успехе проводимого ими внешнеполитического курса.

Что касается вопроса о возможности превентивной политики по отношению к военным конфликтам на международной арене, то тут Уолтц делает заявление о том, что никакие предупредительные меры не дадут результата, так как «анархическая система будет продолжать разрушать все проекты реформирования, как это происходило всегда в прошлом» [4]. Под реформированием подразумеваются, прежде всего, попытки создания наднациональных образований и международных организаций, которые могли бы регулировать взаимодействие государств (в качестве примера приводятся Лига Наций и Организация Объединенных Наций). Таким образом, с позиции неореализма Кеннета Уолтца система международных отношений так и будет оставаться анархичной, и ее существование будет возможно лишь благодаря структурному механизму.

По мнению ученого, нарушение баланса сил на международной арене также является одной из основных структурных причин войн. Сила государства, которое не имеет потенциального соперника и превосходит по своей мощи все остальные, всегда несет потенциальную опасность. Однако следует отметить, что баланс сил с течением времени восстанавливается, так как новые государства занимают место великих держав в международной системе [5]. К. Уолтц утверждает, что новый центр силы складывается в Азии. Япония, благодаря своему экономическому развитию, уже находится в положении лидера. Для статуса сверхдержавы ей необходимо усилить военную мощь. Кроме того, угрозу интересам Японии и остальным государствам создают быстрые темпы роста экономики Китая, также потенциальной сверхдержавы.

Таким образом, основная отличительная черта теории структурного реализма Кеннета Уолтца заключается в применении системного подхода к исследованию политики и сущности войны. С точки зрения данной теории, распределение силы между великими державами является основным фактором, влияющим и на состояние мира, и на состояние войны. Из возможных конфигураций международной системы наиболее удачной и стабильной считается биполярная структура, а основная причина войн лежит именно в нарушении баланса сил на международной арене. Подводя итог, также необходимо отметить, что в теории К. Уолтца война является неотъемлемой частью мировой политики до тех пор, пока в ней действуют суверенные акторы и анархический порядок остается ее основным принципом.

Список литературы

1. Баланс сил в мировой политике: теория и практика [Текст] / под ред. Э.А. Позднякова. – М. : ИМЭМО РАН, 1993.

---

[3] Waltz K. Theory of International Politics. N. Y. : McGraw Hill, 1979. P. 91.

[4] Конышев В.Н. О неореализме Кеннета Уолтса // ПОЛИС. 2004. № 2. С. 9.

[5] Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М. : НОФМО, 2002. С. 204.

2. Богатуров, А.Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений [Текст] / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. – М. : НОФМО, 2002.
3. Конышев, В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории [Текст]. – СПб. : Наука, 2004.
4. Конышев, В.Н. О неореализме Кеннета Уолтса [Текст] // ПОЛИС. – 2004. – № 2. – С. 7–16.
5. Waltz K. Theory of International Politics [Text]. –N. Y. : McGraw Hill, 1979.

А.С. Мокринских

ВЛИЯНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ БЛОКАДЫ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ

В данной статье рассматривается влияние Континентальной блокады на экономику России в 1807–1812 годах. На основе опубликованных источников автор рассматривает степень упадка российской экономики в связи с отсутствием торговых отношений с Великобританией. Под новым углом рассматривается причины отказа России следовать Континентальной системе.

континентальная система, Россия, экономическая интеграция, русско-английская торговля, «европейская идея» Наполеона.

EFFECT OF CONTINENTAL BLOCKADE ON THE RUSSIAN ECONOMY

This article examines the impact of the Continental blockade on the Russian economy in 1807–1812 years. Based on published sources, the author examines the extent of the decline of the Russian economy due to the lack of trade relations with Britain. Under the new angle is considered the causes of Russia's refusal to follow the Continental system.

Continental system, Russia, economic integration, Russian-British trade, «european idea» of Napoleon.

В связи с конфликтом на востоке Украины и присоединением Крыма к России США и ряд стран Евросоюза в 2014 году в отношении нашей страны ввели экономические санкции. Эти ограничительные меры можно именовать «экономической блокадой» ряда отраслей российской экономики, финансовых организаций и отдельных лиц. Можно провести параллели с Континентальной блокадой 1806–1814 годов, в которой участвовала Россия на стороне ограничителя – наполеоновской Франции. Интересно проследить, как данная система повлияла на состояние экономики Российской империи.

В начале XIX века главными игроками на европейской арене выступали Франция и Англия. Оба государства встали на путь развития капитализма и вглубь, и вширь. Но эти два государства по-разному смотрели на экономическое и политическое развитие Европы: постреволюционная Франция пыталась создать «общеевропейскую нацию» с переходом европейских стран к развитию буржуазных отношений (при этом Наполеон этот процесс проводил «на шты-

ках», империалистическими методами, но все же это было движение вперед); капиталистическая Англия же пыталась сохранить феодальный уклад в европейском пространстве, так как феодальная Европа не могла соперничать с качеством и количеством английского товара. И это все происходило на фоне более глобальной цели обоих государств: стремления установить свою гегемонию на геополитическом пространстве Европы.

Одним из способов «построения единой Европы и ее экономической интеграции» явилась Континентальная система [1]. Статья I Берлинского декрета от 21 ноября 1806 года гласила: «Британские острова объявляются зоной блокады» [2]. Причем без России эта система не имела бы смысла.

Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Россия могла получать деньги лишь посредством морской торговли и вывоза своего сырья на главный в то время рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика оказалась сильнее дипломатии и царя вместе взятых; торговые отношения с Англией втихомолку были возобновлены, условия Тильзитского договора были нарушены и разразилась война 1812 года» [3]. Стоит разобраться, насколько это высказывание верно, и что таила в себе Континентальная блокада для России, ведь в историографии устойчиво сложилось мнение, что экономически блокада была тяжела для России. Вследствие этого выводится такая формула: Россия стала смотреть сквозь пальцы на торговлю с Англией, это вызывало недовольство и гнев Наполеона, что послужило одной из главных причин нашествия Бонапарта в 1812 году.

В начале XIX века на русско-английскую торговлю приходилось около 25–30 % оборота российской внешней торговли.

После разрыва с Англией товарооборот упал в значительной степени. «Привозы и отпуски против 1807 года умалились, – отмечал в своем отчете за 1808 год министр коммерции Н.П. Румянцев, – первые – на 10 млн, а последние – на 20,5 млн руб. Весь сей упадок пал на балтийские порты, где привозы сократились на 20,5 млн, а отпуски – на 30 млн руб.» [4] По сравнению со средним оборотом в 1802–1804 годов общий оборот внешней торговли в 1808 году снизился на 46 %. И дело тут вовсе не в начавшейся войне со Швецией и затяжных войнах с Турцией и Персией. В действительности на торговлю с Персией приходилось менее 1 % русской внешней торговли, и война практически никак не отразилась на ее объемах. С Турцией же как раз в 1808 году было заключено перемирие, что позволило увеличить обороты по черноморской торговле на 8 млн руб. по сравнению с 1807 годом, вернув их фактически на довоенный уровень.

А причиной является отсутствие торгового флота. Из всех судов, участвовавших в нашей морской торговле в 1802–1804 годах, российских было только 9,35 % от общего количества. С 11 ноября 1807 года британский военно-морской флот блокировал проходы в Балтийское море.

---

[1] Гришакова Л.В., Мокринских А.С. Борьба Франции с Англией в 1804–1805 гг. в рамках реализации «европейской идеи» Н. Бонапарта // Новая наука: опыт, традиции, инновации: междунар. науч. периодическое изд. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (24 ноября 2015 г, г. Стерлитамак). Стерлитамак : РИЦ АМИ, 2015. С. 127.

[2] Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М. : Молодая гвардия, 2009. С. 163.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2 изд. М. : Политиздат, 1962. Т. 22. С. 29–30.

[4] Внешняя политика России XIX и начала XX в. М. : Политиздат, 1962. Серия 1. Т. 5. С. 448.

В 1808 году положение русской торговли спасли американские суда. В США 1 марта 1809 года был принят закон, запрещавший американским судам торговать только с портами Англии и Франции. Так что американцы с 1809 года стали приходить в российские порты, причем достаточно много их судов направлялось в Архангельск, так как на этом маршруте была меньшая опасность встретить английские военные корабли.

Впрочем, и Англия, немало страдавшая от собственных строгостей, тоже предпочла отменить в 1809 году блокаду балтийского побережья, сосредоточившись на конвоировании торговых караванов.

Число кораблей, пришедших в 1809 году к нашим балтийским портам, возросло в 3,4 раза по сравнению с 1808 годом и составило 1 229 судов. Соответственно увеличились обороты внешней торговли. В отчете министра коммерции за 1809 год отмечалось, что «наша торговля в сем 1809 году, как приметно, распорядилась и взяла свое направление» [5]. Стоимость импорта увеличилась на 14 млн руб., а стоимость экспорта возросла более чем на 32 млн руб., причем на Балтике «привозы умножились более, нежели на 7,5 млн, а отпуски почти на 31 млн руб.» [6]. Таким образом, провал 1808 года был фактически ликвидирован, и объемы российской внешней торговли практически вернулись на уровень 1807 года, при том, что Россия не сделала в этом году каких-либо послаблений в соблюдении режима континентальной блокады.

Очевидным следствием континентальной блокады стало уменьшение поступления доходов от таможенных пошлин, взимаемых с импортируемых и экспортируемых товаров, которые упали в 1808 году на 42,6 % по сравнению с 1807 годом. Но таможенные пошлины никогда не были существенной статьей в бюджете Российской империи. Даже в 1803 году, когда они достигали максимальной величины в размере 13,1 млн руб., на их долю приходилось всего 12,9 % обыкновенных доходов бюджета [7].

Таким образом, ущерб, причиненный континентальной блокадой доходам бюджета Российской империи, фактически никак не сказался на их общем уровне.

Единственным продуктом общего потребления, который ввозился Англией, является соль, и именно на нее особенно усердно указывают современники, и даже императрица Мария Федоровна в письме к императору Александру указывала, что «чувствуется недостаток соли» и «нет сословия, которое не страдало бы, не было бы отягощено».

Но Россия сама изобиловала солью и не только не нуждалась в ввозе этого продукта, но могла бы снабжать им другие страны. Добыча соли была весьма значительна в начале XIX века. Так, в 1803 году добыто было 26,3245 млн пуд. ценою 12,5098 млн руб. Из-за границы в том же году морем ввезено соли всего на 1,210 млн руб.

Внутренние губернии, восток и юг России, совершенно не нуждались в привозной соли, а в западные губернии она ввозилась из Пруссии и Австрии. Следовательно, соль из Англии была необходима лишь для Петербурга и При-

---

[5] Трошин Н.Н. Континентальная блокада и Россия (к вопросу об экономических причинах Отечественной войны 1812 года) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Междунар. науч. конф., 6–7 сентября 2010 г., Можайск, 2011. С. 278–297 ; То же. URL : http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Troshin_KontBlock.html]

[6] Внешняя политика России XIX и начала XX в. М. : Политиздат, 1962. Серия 1. Т. 5. С. 558.

[7] Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. М. : Изд-во В. Секачев, 2012. С. 5.

балтийского края, и прекращение ее ввоза отнюдь не могло считаться общенародным бедствием.

Таким образом, нет объективных оснований утверждать, что континентальная блокада была невыносима. Об этом же свидетельствует и мнение, высказанное в журнале заседания Департамента государственной экономии от 8 сентября 1810 года. Признавая, что стеснение морской торговли неизбежно приносит вред экономике, Департамент находил, что «Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого принятия системы сей» [8].

Даже такой неплохо осведомленный современник, как английский генерал сэр Р. Вильсон сомневался, что на самом деле имела место «неспособность или нежелание Александра ограничить английскую торговлю в обещанных им размерах» [9].

Вывод напрашивается сам собой: континентальная блокада невыгодна для России. Но при этом экономический удар был быстро ликвидирован, и к 1809 году. Россия вернула уровень государственного бюджета на довоенный 1804 год. Невыгодность блокады заключается в ее политическом влиянии. Блокада ставила Россию на позицию «младшего» и «подчиненного» союзника. Это било по самолюбию Александра I, и именно это является причиной снятия с себя (не формально, но фактически) обязательств по запрету торговли с Англией. Но при этом, как отмечал академик Н.М. Дружинин, говоря о континентальной блокаде в России 1807–1812 годов: «огромное значение имел этот период для усиления самостоятельной национальной индустрии. Отгороженная от Англии высокими таможенными барьерами, русская мануфактура широко использовала создавшееся политическое положение» [10]. Будем надеется, что импортозамещение в России сегодняшнего дня даст возможность стране «усилить самостоятельность национальной индустрии» и всех отраслей экономики.

Список литературы

1. Вильсон, Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году [Текст]. – М. : Росспэн, 2008.

2. Внешняя политика России XIX и начала XX в [Текст]. – М. : Политиздат, 1962. – Серия 1. – Т. 5.

3. Гришакова, Л.В. Борьба Франции с Англией в 1804–1805 гг. в рамках реализации «европейской идеи» Н. Бонапарта [Текст] / Л.В. Гришакова, А.С. Мокринских // Новая наука: опыт, традиции, инновации : междунар. науч. период. изд. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (24 ноября 2015 г, г. Стерлитамак). – Стерлитамак : РИЦ АМИ, 2015.

4. Дружинин, Н.М. Революционное движение в России в XIX в. [Текст] / Н.М. Дружинин, С.С. Дмитриев. – М. : Наука, 1985.

5. Карцов, Ю. Причины войны 1812 года [Текст] / Ю. Карцов, К. Военский. – М. : Изд-во В. Секачев, 2012.

6. Маркс, К. Сочинения [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2 изд. – М. : Политиздат, 1962. – Т. 22.

[8] Трошин Н.Н. Указ. соч.

[9] Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М. : Росспэн, 2008. С. 496.

[10] Дружинин Н.М., Дмитриев С.С. Революционное движение в России в XIX в.. М. : Наука, 1985. С. 484.

7. Отечественная война и русское общество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.museum.ru/1812/Library/sitin/contents1.html] – Т. 1.
8. Тарле, Е.В. Континентальная блокада [Текст] / Собр. соч. : в 12 т. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1957. – Т. 3.
9. Трошин, Н.Н. Континентальная блокада и Россия (к вопросу об экономических причинах Отечественной войны 1812 года) [Текст] //Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Междунар. науч. конф., 6–7 сентября 2010 г. – Можайск, 2011. – С 278–297 ; То же. – [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Troshin_KontBlock.html]
10. Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» [Текст]. – М. : Молодая гвардия, 2009.

Ю.Н. Мостяев

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕСАНТНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ХОДЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЙСТВИЙ «ЧИНДИТОВ» В СЕВЕРНОЙ БИРМЕ)

Данная статья посвящена действиям отряда «чиндитов» под руководством подполковника Уингейта на территории Северной Бирмы против японских войск. Несмотря на то, что успехи операции оказались незначительными, стало ясно, что англо-индийские войска научились воевать в джунглях, что предопределило дальнейшее развитие событий в районе Имфала.

Аракан, Северная Бирма, «Анаким», «чиндиты», Уингейт, Уэйвелл, Имфал, десантная операция, английские и индийские войска, японцы.

EXPERIENCE IN THE USE OF LANDING OPERATIONS DURING THE SECOND WORLD WAR (“CHINDITS’” ACTIONS IN NORTHERN BURMA)

This article is devoted to the chindits activity under the direct leadership of lieutenant-colonel Wingate on the territory of North Burma against Japanese forces. Though the results of this operation were insignificance enough the Japanese command realized that anglo-indian forces can be at war in jungle.

Arakan, North Burma, “Anakim”, “chindits”, Wingate, Wavell, desant operation, anglo-indian forces, japanese.

В дни, когда в Аракане еще продолжалась операция «Анаким», английское командование предприняло отвлекающий маневр в Северной Бирме, проведенный отрядом «чиндитов» (от слова «чинте» – бирманский мифический лев). Данный маневр характеризовался от «единственного луча света в этой мрачной фазе войны» до авантюры [1]. Во главе отряда встал подполковник (впоследствии генерал-майор) Уингейт, который считался специалистом по партизанским дей-

[1] Лиддел Г.Б. Вторая мировая война : пер. с англ. М., 1976. С. 349 ; Можейко И.В. «Западный ветер – ясная погода». М., 1984. С. 222.

ствиям в тылу врага. В феврале 1942 года знавший его по Палестине Уэйвелл попросил прислать Уингейта к нему, чтобы развернуть партизанские действия в тылу у японцев в Бирме.

Прибыв на место, Уингейт решил создать так называемые «группы дальнего проникновения» для действий в бирманских джунглях и нанесения ударов по японским коммуникациям и заставам. Эти силы должны были быть достаточно крупными, чтобы наносить эффективные уколы, и достаточно малыми, чтобы ускользать от противника. Наиболее подходящим соединением для этих целей признали бригаду.

В июле 1942 года на базе 77-й индийской бригады в составе английского и индийского батальонов с приданным каждому из них взводом бирманских горцев, которые должны были служить проводниками, началась подготовка будущих диверсантов [2].

Им предстояло научиться воевать в джунглях лучше японцев. В состав включили разных специалистов, в особенности по подрывному делу и радиосвязи. Особо обучали взаимодействию с авиацией, так как снабжение планировалось по воздуху.

Для проведения операции бригаду, состоящую из семи колонн, каждой из которых было придано небольшое подразделение английской авиации, разделили на две группы: северную – из пяти колонн общей численностью 2 200 человек с 850 мулами и южную – из двух колонн общей численностью 1 000 человек с 250 мулами.

Обе группы в ночь на 14 февраля 1943 года под прикрытием отвлекающих действий IV Индийского корпуса переправились через Чиндуин. Двигаясь в восточном направлении, группы, как было предусмотрено, разделились на колонны, совершили ряд нападений на японские заставы, взорвали в двух местах полотно железной дороги и устроили несколько засад на дорогах.

Японцы, полагая, что имеют дело с небольшими группами разведчиков, поначалу не обращали особого внимания на появление диверсантов в их тылу. Однако постепенно они поняли, что это армейская операция, снабжение которой происходит по воздуху, и достаточно крупными силами предприняли ряд карательных акций против чиндитов. К середине апреля последние были вынуждены вернуться в Индию, потеряв треть своего состава и большую часть снаряжения.

Успехи операции оказались незначительными, и японцы смогли быстро устранить все повреждения и последствия. Итоги этих действий имели своеобразный характер. С одной стороны, они не принесли никаких стратегических выгод, и потери у японцев были невелики. Кроме того, из побочных результатов стало то, что японцы смогли из допросов многочисленных пленных составить представление о положении дел в Восточной Индии и состоянии подготовки англо-индийских войск и понять, что имеется еще, по крайней мере, полгода спокойной жизни.

С другой стороны, операция показала, что английские и индийские войска способны действовать в джунглях, и как важно завоевать превосходство в воздухе. Командующему японской 15-й армией она помогла понять, что нельзя считать р. Чиндуин надежным препятствием, и что единственный путь к срыву

---

[2] Kirby S.W. The War Against Japan. L., 1957. Vol. II. P. 244.

наступления противника – переход от пассивной обороны к упреждающим ударам, с тем, чтобы в следующем сухом сезоне разгромить базы союзников, о расположении которых были получены исчерпывающие сведения от чиндитов. Именно эта операция во многом повлекла за собой наступление японцев в пределы Индии и сражение при Имфале. Кроме того, сильным оказался пропагандистский эффект данной операции, особенно на фоне полного провала наступления в Аракане. Уингейт был встречен в Индии как герой. Он стал уверять, что с помощью нескольких таких бригад он отвоюет Бирму. Данные заявления встретили активную поддержку и в Англии, и в США, что вызвало крайне негативное отношение со стороны многих военных специалистов. Так, Стилуэлл был вынужден признать, что «после неоднократных попыток заполучить сюда хоть сколько-нибудь американских войск мы их, наверное, получим, но только для того, чтобы они воевали под началом Уингейта! …(который) попался японцам на восточном берегу Иравади и выбрался с потерей 40 % личного состава. И стал теперь экспертом» [3].

Сама Араканская операция вызвала негативный отклик у высшего руководства союзников. Президент Рузвельт «не был удовлетворен войной в Бирме, больше чем где бы то ни было» [4]. Аналогичной точки зрения придерживался и генерал Маршалл, который в своем докладе указывал, что «из всех действующих фронтов второй мировой войны положение в Юго-Восточной Азии в 1943 году было для нас самым мрачным» [5]. Даже Черчилль был вынужден назвать араканский провал одним из самых разочаровывающих и позорных поражений войны [6].

Одним из главных побочных результатов набега Уингейта стало осознание обеими сторонами факта изменения общественного мнения в Бирме. Выяснилось, что многие бирманцы охотно дают приют чиндитам и ждут прихода англичан, считая их меньшим злом.

Японцы в ответ попытались еще больше привлечь оставшихся в Бирме индийцев, которые владели в стране значительной недвижимостью, особенно в городах и, в первую очередь, в Рангуне. Японцы демонстрировали дружелюбное отношение к индийцам, всячески оказывая покровительство им по многим вопросам. Японцы хотели, чтобы индийцы помогали им в войне против Англии. К тому же дружба индийцев была крайне необходимой в случае попытки Японии вытеснить Англию из Индии. Поэтому японцы демонстрировали уважение к индийцам и их лидерам. В Рангуне для защиты индийских интересов даже была создана Индийская ассоциация, которой японские военные власти передали собственность индийцев, покинувших страну.

К тому же японское командование, хотя и с некоторым опозданием, но весьма активно начало подготовку антианглийских групп в Таиланде и Малайе, вербуя в Индийскую национальную армию военнопленных и индийцев, оставшихся на оккупированных территориях. Во главе было решено поставить популярного, особенного в Бенгалии, в прошлом видного деятеля Национального Конгресса, прибывшего из Германии Субхаса Чандра Боса, который уже в пер-

[3] Tuchman B.W. Stilwell and the American Experience in China. 1941–1945. N. Y., 1970. P. 385.

[4] Romanus C.F., Sunderland R. Stilwells Command Problems. Wash., 1956. P. 164.

[5] Котляров В.С. Бирма в планах США в годы Второй мировой войны // Колониализм вчера и сегодня. М., 1964. С. 65.

[6] Kirby S.W. The War Against Japan. L., 1957. Vol. II. P. 382.

вом своем выступлении по радио «Азад Хинд» заявил, что враги британского империализма являются естественными союзниками Индии, так же, как союзники британского империализма являются естественными врагами его страны [7].

Список литературы

1. Котляров, В.С. Бирма в планах США в годы Второй мировой войны [Текст] // Колониализм вчера и сегодня. – М., 1964.
2. Лиддел, Г.Б. Вторая мировая война [Текст] : пер. с англ. – М., 1976.
3. Можейко, И.В. «Западный ветер – ясная погода» [Текст]. – М., 1984.
4. Bose, S.Ch. The Indian Struggle 1920–1942 [Текст]. – Bombay, 1964.
5. Desai, W.S. India and Burma. A Study [Текст]. – Bombay–Calcutta–Madras, 1954.
6. Kirby, S.W. The War Against Japan [Text]. – L., 1957. – Vol. II.
7. Raina, B.L. Campaigns in the Eastern Theatre [Text]. – Kanpur, 1964.
8. Romanus, C.F. Stilwells Command Problems [Text] / C.F. Romanus, R. Sunderland. – Wash., 1956.
9. Tuchman, B.W. Stilwell and the American Experience in China. 1941–1945 [Text]. – N. Y., 1970.

К.Ю. Низова

ИДЕОЛОГИЯ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» ДЖИНА ШАРПА

В данной статье анализируется новая модель смены национальной власти в ходе «цветных революций». Выделяются и описываются характерные особенности методики ненасильственной борьбы американского политолога Джина Шарпа. А также статья раскрывает содержание понятия «ненасильственная борьба».

«Цветная революция», массовые демонстрации, ненасильственная борьба, молодежное движение.

THE IDEOLOGY OF “COLOR REVOLUTIONS” GENE SHARP

This article analyzes the new model of change of the national authorities during the “color revolutions”. It emphasizes and describes the characteristics of the technique of nonviolent struggle by the American political scientist Gene Sharp. Also the article reveals the content of the concept “nonviolent struggle”.

“Color revolutions”, mass demonstrations, nonviolent struggle, youth movement.

Один из важнейших мегатрендов современности – новая модель смены национальной власти. И это ярко подтверждается как произошедшими, так и неудавшимися в последние годы в различных странах так называемыми «цветными революциями».

Известный американский политолог, основатель общественного института имени Альберта Эйнштейна Джин Шарп известен всему миру как идеолог «цветных революций», прославившийся своими методическими пособиями по органи-

[7] Bose S.Ch. The Indian Struggle 1920 – 1942. Bombay, 1964. P. 441–442.

зации ненасильственной революции – особенно инструкцией по свержению авторитарных правительств под названием «198 ненасильственных действий».

«Ненасильственная борьба – это не система исполнения закона. Это система борьбы без использования насилия. Есть хорошие законы, есть очень плохие. Поэтому люди сами должны решать, нарушать ли им закон и продолжать митинг на площади или мирно разойтись и выйти в другой день», – пишет автор книги «От диктатуры к демократии» Джин Шарп. Таким образом, он предлагал свергать неугодные правительства без использования военных и без жертв, называя такой метод «военной технологией, заменителем войны и другого насилия».

Политолог заявляет, что писал «От диктатуры к демократии» специально для Бирмы, однако технология получилась абсолютно универсальной, и лучше всего была применена в Сербии молодежным движением «Отпор», свергнувшим режим Слободана Милошевича. Впоследствии активисты именно этой организации издали свою версию книги о государственном перевороте «Ненасильственная борьба», в которой не только упоминают труды Джина Шарпа, но и благодарят его американских коллег и последователей за неоценимый теоретический и, что немаловажно, материальный вклад. После смены режима в Сербии, «Отпор» трансформировался в CANVAS (Centre for Applied Non-Violent Action and Strategies (Центр прикладных ненасильственных акций и стратегий)), что-то вроде мозгового центра активистов, продвигающего идеи ненасильственной борьбы, или, проще говоря, консультантов по проведению революций, чьими услугами пользуются протестные движения по всему миру.

Джин Шарп, в свою очередь, не принимает личного участия в практических действиях своих последователей. Однако книги его переведены на десятки языков и используются как практические пособия борцами против государственной власти во всем мире. Технические приемы Джина Шарпа использовали и используют на всех континентах. Так, его учебник «198 ненасильственных действий», переведенный на арабский язык, начал широко циркулировать по сети, и во время манифестаций против режима Хосни Мубарака в Египте он был загружен более 17 тысяч раз.

Теория и методика Шарпа сводится к тому, чтобы находить слабые точки режима. При этом его книги-рекомендации написаны очень конкретно: методы пронумерованы и систематизированы. А выбор их комбинаций остается за теми, кто будет воплощать теорию на практике. Автор лишь отмечает, что успех гарантируется именно комплексным подходом. «Массовые демонстрации носят исключительно символический характер, – говорит идеолог «цветных революций», – Если режим относительно демократичен – это работает. Но чем авторитарней режим, тем больше нужно сделать для того, чтобы отобрать у него источники власти».

Власти многих стран обвиняют политолога-теоретика Джина Шарпа в подрывной деятельности борцов за «свободу по-американски» по всему миру. Так как именно его метод оказался удивительно эффективным и стал весьма неприятным сюрпризом для властей многих стран, склонных к тоталитаризму. По его инструкциям были свергнуты режимы, которые казались незыблемыми, поскольку обладали мощной полицией, органами госбезопасности, армией и почти безраздельно господствовали на политическом поле. Шарп же утверждает, что любой даже самый сильный авторитарный режим черпает силу в населении, та-

ким образом, режим рухнет, если убедить народ в необходимости смены власти. Проще говоря, основой успеха стратегии Шарпа является организация политического, экономического или социального саботажа, а основная, можно сказать, военная уловка – демонстративно мирный характер действий. Но главным во всей линии ведения революции можно назвать психологический фактор – психологические методы воздействия на общественные массы, ведь абсолютное большинство отвергает такие проявления агрессии, как мятежи и вооруженные восстания, но готовы принять участие в мирном протесте, почувствовав свою собственную значимость. К тому же, переводя ситуацию с поля боя силового противостояния, оппозиционеры ставят в тупик властные структуры, которые готовы к вооруженному столкновению, но не имеют четкого плана действий в такой ситуации. И тем не менее, при смене рычагов влияния и механизмов действий результат такой «ненасильственной борьбы» аналогичен результату революции или военного переворота, достигается основная цель – смена власти.

А.Г. Осяев

ВОЕННЫЙ СОЮЗ ШВЕЦИИ И АНГЛИИ 1720 ГОДА

В статье рассматриваются причины подписания и характер военного союза Швеции и Англии 1720 года. Автор подчеркивает, что подписание договора о военном союзе было последней дипломатической попыткой Швеции перхватить инициативу в Северной войне с Россией. Но эта попытка завершилась неудачей.

история международных отношений, XVIII век, Северная война, военный союз Швеции и Англии 1720 года.

A MILITARY SWEDISH-BRITISH ALLIANCE 1720

This article discusses the causes and nature of signing a military alliance 1720 Sweden and England. The author emphasizes that the signing of the Treaty of military alliance was the last diplomatic attempt to Sweden perhvatit′ initiative in the northern war with Russia. But this attempt failed.

history of international relations, 18th century, the Great Northern war, a military alliance of Sweden and England 1720.

Итоги Великой Северной войны 1700–1721 годов привели к смене баланса сил на севере Европы. Швеция, как главное государство на Балтике, уступило свое место России, потеряв самую важную провинцию королевства – Прибалтику. Это случилось после подписания Ништадского договора в 1721 году. Однако еще в начале 1719 года правительство Стокгольма в лице королевы Ульрики надеялась сохранить Прибалтику. Для этого оно провело ряд дипломатических комбинаций. Ниже мы рассмотрим, как осуществлялся процесс диалога.

Трагическая смерть Карла XII в конце 1718 года на время приостановила боевые действия в Северной войне. Новое правительство Швеции решило воспользоваться сложившейся ситуацией. Оно рассчитывало заключать мир с быв-

шими союзниками Петербурга, а затем использовать их влияние и ресурсы в своих целях.

Процесс решили начать с Ганновера в лице Англии. Во-первых, интересы Лондона на 1719 год были направлены на войну с Мадридом. Во-вторых, противостояние с Англией начал «нелюбимый» в Швеции первый советник короля Герц. Следовательно, подписывая мир с Лондоном, новое правительство подчеркивало, что начинается новая эра. И, в-третьих, сама Англия была против усиления России на Балтике и еще больше против усиления России за счет Швеции.

Лондон согласился на диалог со Стокгольмом. Осенью 1719 года международный акт был оформлен. Он предусматривал продажу Вердена и Бремена Ганноверу. Таким образом, Стокгольм сделал первый шаг на пути более тесного сближения с Англией, вплоть до организации коалиции против Петербурга. После Лондона Швеция обратилась к Речи Посполитой и предложила Августу II заключить конвенцию на условиях статуса-кво. Он согласился, так как не мог простить Петру Ригу, сепаратный договор и то, что тот силой заставил его вывести свои войска из Польши в 1719 году. После чего в январе 1720 года, используя подписанный ранее договор, Швеция и Англия создали военный союз против Петербурга. В статье 3 документа утверждалась мысль о том, что страны помогают друг другу в конфликте в независимости от того, наступательная война или оборонительная: «…когда один из союзников объявит кого мятежником и злоумышленником через письмо, …тот, к которому будет прислано оное письмо, тот час признает объявленного за такого…». В статье 11 указывались обязанности Лондона направить свой военный флот на Балтику и принудить Россию к миру: «…в следующую весну вышлет в море сильное морское ополчение…». В конце документа Англия и Швеция определили срок союза – 18 лет.

Одновременно с подписание военного договора с Лондоном, Стокгольм вел переговоры с Берлином. У Пруссии были свои причины быть недовольным действиями Петербурга. Русский царь Пётр, выдавший в середине 10-х годов XVIII своих родственников за германских князей, начинал активно вмешиваться в политику Центральной Европы, что вызывало протесты местных правителей, в том числе Прусского короля. В то же время разрывать отношения с Петербургом без каких-то территориальных приращений Фридрих I не хотел. Тогда шведы предложили продать ему Западную Померанию. Пруссия согласилась, мир был подписан.

В итоги работы дипломатии Швеции окончательно оформился союз против Петербурга из Северных стран. Теперь Стокгольму надо было договориться с Копенгагеном, используя посредничество Пруссии. Это сделали летом 1720 года – страны заключили Фридриксборский мир. Для этого они расторгали все иные договора, направленные против друг друга, об этом упоминалось в статье 4: «…отрекаются ото всех трактатов, согласий и союзов, учиненных с другими Государствами…», восстанавливали торговые отношения (статья 3), и Дания отказывается от поддержки России, говорилось в статье 5: «…обязуется, ни прямым, ни окольным образом, ни советами, ни действиями, не помогать Царю Московскому…». После диалога с Копенгагеном Стокгольм мог начать активную политику на востоке против Петербурга.

Русского царя продолжение конфликта не интересовало, он решил действовать. Его армия стала планировать высадку на Скандинавском полуострове. В результате летом 1720 года между флотами двух стран произошло столкнове-

ние у Гренгама. Оно закончилось победой русских. Это событие подтвердило самые серьезные намерения Петербурга и вынудило королеву Элеонору пойти на его условия. К тому же к этому времени союзники Стокгольма его практически покинули. Еще в 1717 году Франция гарантировала России будущие итоги Северной войны. Англия, несмотря на уверения своего короля о военной помощи, корабли на Балтику не прислала. Польша, Саксония и Пруссия в рамках достигнутых договоренностей проявили только дружественный нейтралитет. Воевать один на один с русским царем, как показал Гренгам, шведам было трудно. Швеция согласилась подписать Ништадский мир.

Как видно, дипломатическая комбинация Стокгольма не удалась, однако она показала, как можно попытаться выиграть конфликт, в котором, кажется, потерпели безнадежное поражение. Для этого, во-первых, надо использовать противоречия в стане союзников (они есть всегда). Во-вторых, делать небольшие уступки для достижения главной цели. И, в-третьих, стараться вести диалог с главной политической силой, рассчитывая на ее ресурсы.

Ю.Н. Паничкин

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАКИСТАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ 1940-Х – 2010-Е ГОДЫ)

В статье исследуются основные направления развития пакистано-афганских отношений с конца 1940-х до начала 2010-х годов. Автор указывает на то, что только оптимизация этих отношений и совместная борьба против действий различных террористических организаций могут улучшить ситуацию в регионе.

история международных отношений, XX век, пакистано-афганские отношения.

THE ISSUE OF PAKISTAN-AFGHAN RELATIONS PERIODIZATION (1940–2010S.)

This article takes a look at the basic directions of development of Pakistani-Afghan relations since the late 1940 's until the beginning of 2010. The author points out that only the optimization of these relations and the joint struggle against the various terrorist organizations can improve the situation in the region.

history of international relations, 20th century, Pakistan-Afghan relations.

Отношения между Пакистаном и Афганистаном во многом определяли и определяют политическую обстановку в регионах Южной и Центральной Азии и даже влияют на политическую обстановку в других регионах мира. Именно территории этих стран являются местом дислокации и действий террористических организаций исламистского толка, особенно полоса племен Пакистана и большая часть территории Афганистана. В настоящее время его территория используется для выращивания и производства наркотических средств, распространяемых в соседние страны, в том числе и в Россию.

Отношения между Афганистаном и Пакистаном имеют глубокие исторические корни и распадаются на несколько этапов.

Первый этап с конца 1940-х по середину 1950-х годов – характеризуется главным образом попытками властей Афганистана использовать то обстоятельство, что Пакистан был абсолютно новым политическим образованием, появившимся в 1947 году после одновременно добровольного и вынужденного ухода англичан из Индостана. Сложности начального этапа формирования границ и территориальной структуры пакистанского государства позволили Кабулу проводить наступательную политику в отношении соседа, стремясь обеспечить себе выход к Аравийскому морю с опорой на поддержку сепаратистских (автономистских) течений в Пакистане. Они были связаны в тот период как с восстанием в белуджском княжестве Калат, так и с провозглашением «Свободного Пуштунистана» в вазиристанских горах полосы пуштунских племен. Первый период отмечен усилиями афганских властей добиться от Пакистана отказа от границы по «линии Дюранда» и от принадлежности территорий восточных пуштунов Пакистану. Но уже в этот начальный период формируется зависимость Афганистана от Пакистана по линии снабжения его товарами, поступающими морем через порт Карачи.

Второй выделяемый в статье период длился с середины 1950-х до рубежа 1960–1970-х годов. Пакистан в эти годы в основном преодолел начальные «болезни роста» и существенно укрепил свой экономический и военный потенциал. Главное внимание он уделял отношениям с Индией, которая использовала свои контакты с Афганистаном, чтобы с его помощью «надавить» на своего регионального соседа и соперника. После преодоления острого кризиса в двусторонних отношениях (начало 1960-х годов) наступил период относительного равновесия, который не был нарушен даже войнами Пакистана с Индией в 1965 и 1971 годов.

Третий этап охватывает 1970-е годы. Пакистан, потеряв в результате событий 1971 года свою восточную провинцию, трансформировавшуюся в независимое государство Бангладеш, становится частью большого региона Ближнего и Среднего Востока. Афганистан оказывается в промежуточном геополитическом пространстве между арабскими государствами, Ираном, Пакистаном и СССР. С середины 1970-х годов возрастает роль исламского фактора в региональной политике, и Пакистан становится одним из очагов проводимой сверху исламизации. В отношениях с Афганистаном он использует исламистов в качестве силы, оппозиционной Кабулу. Афганистан пытался разыграть карту этнонационального левопопулистского сепаратизма, охватившего западную (Белуджистан) и Северо-западную (пуштунскую) провинции Пакистана, но в конце периода, уступая требованиям Ирана и США, постарался наладить диалог с Пакистаном, согласившись вести с ним переговоры о границе.

Четвертый выделяемый нами этап начинается с рубежа 1970–1980-х годов и заканчивается началом 1990-х. Этот период был временем наиболее жесткого противостояния между двумя соседними государствами. Буферное положение Афганистана сменилось его полной ассоциацией с социалистическим блоком во главе с СССР. Пришедшая в Кабуле к власти Народно-Демократическая партия Афганистана (НДПА) осуществляла политику, идеологически противоположную той, что проводил Исламабад. На афгано-пакистанских рубежах столкнулись два

политико-идеологических проекта – социалистический (советский) и исламистский. При этом НДПА пыталась активно использовать фактор пуштунского национализма в Пакистане и поддерживала идею продвижения пуштунской государственности на юг до Аравийского моря. Пакистан стал местом дислокации бежавших из Афганистана политических организаций, боровшихся против леводемократического кабульского режима. Официальные отношения между странами после ввода советских войск были прерваны, переговоры по урегулированию ситуации проходили в формате непрямых контактов. Диверсионная война, которую вели с правительством в Кабуле располагавшиеся на пакистанской территории группировки исламистов-муджахедов, увенчалась успехом после распада СССР.

Пятый период в пакистано-афганских взаимосвязях занимает десятилетие с начала 1990-х до начала 2000-х годов. Пакистан в этот период во многом играл роль главного арбитра в афганских делах, воспользовавшись разногласиями в рядах афганских муджахедов, провозгласивших образование Исламского Государства Афганистан, а затем и военными действиями, развернувшимися между ними и новой группировкой, Исламским движением Талибан. Многократно возросшее влияние Пакистана на Афганистан, тем не менее, не позволило Исламабаду решить в приемлемом для себя ключе проблему границы по «линии Дюранда» и окончательно похоронить проект независимого Пуштунистана. Вместе с тем, Пакистан ни до, ни после этого периода не проецировал свою силу на Афганистан столь прямо и эффективно. Используя, как и в предшествующие периоды, опору на США, с одной стороны, Саудовскую Аравию, с другой, и КНР, с третьей, Исламабад добился исключительно влияния на внутреннюю и внешнюю политику Афганистана при господстве там режима Талибан.

Шестой этап начался с ликвидации власти талибов в Афганистане и продолжался до середины 2010-х годов. Следует констатировать существенное ослабление в этот период воздействия Пакистана на соседнюю страну. Главным влиянием там пользовались на этом этапе США и их союзники по НАТО. Пакистану пришлось испытать на этом этапе тяжелые последствия отступления афганских талибов и союзных с ними исламистских милитантистских групп на свою территорию и превращения своего северо-запада не только в убежище боевиков, но и в пространство их диверсионно-террористической активности. Отягощенный появлением на собственной земле местных боевиков-талибов, Пакистан как современное государство попал в кризисную ситуацию и во многом потерял возможность оказывать прямое политическое воздействие на Афганистан, продолжая косвенно и подспудно влиять на обстановку там, предоставляя убежище и помощь афганским талибам и их союзникам. Значение Пакистана после 2001 года превратилось в крайне существенное с точки зрения стратегической логистики в условиях дислокации в Афганистане значительной группировки войск международной коалиции. Столь же существенной оставалась роль Пакистана как транзитной территории, обеспечивающей страну импортными (заморскими) товарами.

Подводя итог, можно отметить, что только дальнейшая оптимизация этих отношений и этих отношений и совместная борьба против действий различных террористических организаций (конечно не без помощи других стран) могут способствовать улучшению политической обстановки в данном регионе и ликвидируют или хотя бы уменьшат опасность распространения терроризма на соседние страны.

Б.В. Петелин

РОССИЙСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Переход России к рыночной экономике не в состоянии обеспечить технологический прорыв, несмотря на определенные усилия реформаторов. Автор статьи считает, что причины лежат не в плоскости капиталистического способа производства: современные развитые страны – капиталистические, а в выборе той политики, которая не может обеспечить развитие страны в целом.

революция, реформы, модернизация, капиталистическая экономика, социальный прогресс.

THE RUSSIAN CAPITALISM IN THE CONTEXT OF GLOBAL DEVELOPMENT

Transition of Russia to market economy isn't able to provide technological break, despite certain efforts of reformers. The author of article considers that the reasons lie not in the plane of a capitalist way of production: the modern developed countries – capitalist, and in the choice of that policy which can't provide development of the country in general.

revolution, reforms, modernization, capitalist economy, social progress.

В российской политологии уже давно сложилась парадоксальная ситуация, когда в статьях и работах различных авторов демонстрируется уход от конкретного определения и анализа существующего социально-экономического строя, включая и его политическую надстройку. Употребляемые термины «рыночная экономика», «парламентская демократия», «социальное государство», «общество потребления» и т.п. на практике оказываются весьма далекими от реально существующих основ нашего бытия. Если предыдущий, советский период в истории России подается как «социалистический», хотя и с разного рода оговорками («казарменный социализм», «командно-административная экономика», «тоталитарное общество»), то в современных дефинициях ссылки на формационность считаются чуть ли не возвратом к марксисткой методологии. Цивилизационный подход, который пропагандировался рядом историков и политологов после краха «реального социализма», в научном плане ничего кроме «столкновения цивилизаций» не дал, и правоту Самуэля Хантингтона в этом следует все же признать.

Капитализм, вытеснивший реальный социализм за рамки современного глобального развития, вовсе не подрывает значимость формационной теории. Да, в ее линейном понимании, возврата от социализма к капитализму быть не должно. Но разве марксизм исключал возможность «регресса», «реставрации», «контрреволюции»? Разумеется, нет. Тем более что «реальный социализм» существовал в крайне неблагоприятных внешних условиях – «холодной войны», которая, как и любая война, должна была иметь свое завершение. Правда, определяющим в ее состоявшемся окончании стал не экономический фактор (СССР до «перестройки» являлся второй сверхдержавой в мире, а «социалистическое

содружество» давало одну треть мировой промышленной продукции), а субъективный, то есть человеческий фактор. Советская коммунистическая элита 80-х годов XX века оказалась начисто лишенной государственного, национального самосознания. Для нее «общечеловеческие ценности» в валютном эквиваленте оказались куда более значимыми, чем «всесильное и верное учение Маркса». Не случайно американские политологи отмечали, что США смогли победить в холодной войне только тогда, когда политика Михаила Горбачева стала отвечать их интересам. В американских интересах осуществлялось и все остальное: переход к рыночной экономике, приватизация, которая осуществлялось при прямом участие американских специалистов по организации кампаний по распродажам (в таком значении они сами отзывались о приватизации госсобственности в России в 1990-е годы).

Вместо действительно необходимой модернизации советской экономики были запущены процессы прямо противоположные, снимающие возможность собственного социально-экономического развития. Произошло встраивание России в глобальную экономику в качестве придатка западных стран. Тем самым, Россия вернулась на позиции, которые она занимала в начале XX века, когда ее капитализм, вопреки ленинским оценкам, находился лишь в начальной фазе своего становления. Последовавшие после революций 1917 года и гражданской войны «социалистические преобразования»: индустриализация, коллективизация, культурная «революция», где главным были ликвидация неграмотности, развитие образования и подготовка профессиональных и научных кадров, как справедливо отмечают отдельные авторы, не устраняли в своей основе капитализма. Именно в «ходе и вследствие индустриализации получили развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение…» [1]. Разумеется, это не являлось капитализмом в его классической форме, но подтверждало наличие своеобразных буржуазных отношений в советском строе. Этим можно объяснить те идеологические заблуждения советской партийной элиты, которые она допускала в определении «зрелости» социализма.

Прошедшие 25 лет после начала очередного перехода к капитализму не превратили Россию в капиталистическую страну. Люди, пришедшие к власти после 1991 года, пытались изменить экономическую и политическую основы общества и его социальную структуру. Перемены естественно произошли, но вовсе не те, ради которых все начиналось четверть века назад. «Олигархический капитализм» не может быть национальной гордостью «великороссов». Как справедливо отмечает профессор МГУ, сопредседатель Московского экономического форума А.В. Бузгалин, в современной России «за государственной собственностью в ряде случаев скрывается феодально-капиталистическое присвоение. А за частной собственностью может скрываться бюрократическое государственно-частное присвоение» [2].

Именно такую «модель» капитализма выбрала российская властная элита, ибо она предоставляла возможность быстрого обогащения путем присвоения государственной собственности, созданной миллионами советских людей. Про-

[1] Воейков В.И. Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 126–139.

[2] Бузгалин А.В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор // Свободная мысль. 2014. № 1. С. 135–146.

изводящий потенциал этой собственности, можно сказать, уже полностью утрачен, так как ее модернизации на основе научно-технического прогресса, о чем было заявлено еще в перестройку, не произошло. Собственные новые технологии – импортозамещающая экономика так и не появилась, а действующие против России санкции заметно снижают ее вес в глобальной мировой экономике. Уровень российского капитализма позволяет присутствовать на мировых рынках только в качестве поставщика сырьевых ресурсов. Китай, который за три десятилетия смог изменить свое место в мире и стал главным экспортером по многим видам промышленной продукции, нас обнадеживать не может. Россия не имеет сравнимых трудовых ресурсов, не только по количественным, но теперь уже и качественным параметрам.

Но пример Китая убеждает в том, что рыночная, суть капиталистическая экономика, может и должна быть средством (не целью, как у нас) развития. Понимание этого есть отчасти во властных структурах. Однако «кадры решают все». Рыночной экономике нужны не менеджеры по организации продаж, а профессионалы в производстве, науке, образовании, здравоохранении и т.д. Пока же представители власти способны лишь озвучивать индексы цен и котировок на мировых рынках, повышать налоги, да сокращать социальные расходы и программы. Впрочем, некомпетентность нынешней элиты, а это явление весьма распространенное и устойчивое, имеет и фундаментальное объяснение, о котором пишут экономисты Г. Ханин и Д. Фомин [3]. В качестве основной причины они указывают на колоссальные потери человеческого капитала в XX и XXI веках. Причем речь идет не только о потерях в войнах, революциях, репрессиях, но и в результате массовой эмиграции, когда Россию покидала вовсе не худшая часть ее населения.

Смена элит происходит медленно и не без проблем. К тому же в условиях глобализации формировать национально ориентированную элиту способно далеко не каждое государство. В истории России были периоды, когда правящее дворянское сословие отрекалось от всего русского: языка, культуры, веры, но только не от крепостных крестьян. Потому российский капитализм так и не смог выбраться на простор развития, и оказался к 1917 году «слабым звеном» среди империалистических государств. Нынешний капитализм обрастает теми же противоречиями, и скольжение вниз, как отмечают Ханин и Фомин, может «быть сколь угодно долгим с возможность территориального распада России» [4]. Подобный вариант, как ни странно, был бы для глобализации куда более приемлемым, чем сохранение единой и сильной России.

Список литературы

1. Бузгалин, А.В. Поздний капитализм: капитал, рабочий, креатор [Текст] // Свободная мысль. – 2014. – № 1.

2. Воейков, В.И. Вперед к капитализму? К вопросу о предстоящей стадии социально-экономического развития России [Текст] // Свободная мысль. – 2015. – № 4.

3. Ханин, Г.И. Время проблем. Время надежд. Долгосрочные тенденции, состояние и перспективы российской экономики [Текст] / Г.И. Ханин, Д.А. Фомин // Свободная мысль. – 2015. – № 4.

[3] Ханин Г.И., Фомин Д.А. Время проблем. Время надежд. Долгосрочные тенденции, состояние и перспективы российской экономики // Свободная мысль. 2015. № 4. С. 74–92.

[4] Там же. С. 91.

Ж.В. Петрунина

ПРОДВИЖЕНИЕ КИТАЯ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ТЕНДЕНЦИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье исследуются основные направления торгово-экономической экспансии Китая в ближневосточном регионе за последние годы. Автор делает вывод о том, что Китай намерен прочно закрепиться на Ближнем Востоке и, обеспечив себе доступ к сырьевым ресурсам, создать конкуренцию США в регионе.

Китай, ближневосточный регион, XXI век, торговые международные отношения.

PROMOTING CHINA TO THE MIDDLE EAST: TRENDS IN TRADE AND ECONOMIC COOPERATION

This article takes a look at the basic directions of trade-economic expansion of China in the Middle East region in recent years. The author concludes that China will gain a firm foothold in the Middle East and ensuring access to raw materials, create competition United States in the region.

China, the Middle East region, XXI century, trade, international relations.

Несмотря на то, что основой торговли Китая со странами Ближнего Востока является энергетическое сотрудничество, Пекин активно осваивает и другие области взаимодействия. На рынки Ближнего Востока из КНР поставляются автомобили и оборудование, по экспорту которых Китай уверенно занимает первое место в мире, алмазы, электронное оборудование, продукты питания, текстиль и одежда. С Ближнего на Дальний Восток импортируются электронные комплектующие, минералы и товары химической промышленности.

По итогам 2014 года Китай сохранил позицию мирового лидера по объему внешней торговли (в 2013 году Китай впервые обогнал США по объему внешней торговли). В 2014 году Китай занимал вторую позицию среди основных торговых партнеров арабских государств, ежегодно импортируя на рынки региона около 9 % своей продукции, уступая лишь США. За период с 2004 по 2013 год объем товарооборота между сторонами увеличился с $ 25,5 млрд до $ 238,9 млрд, а в ближайшее десятилетие предполагается увеличение объема товарооборота до $ 600 млрд. Пекин заинтересован в расширении торгово-экономического сотрудничества со странами Ближнего Востока, рассматривая этот регион в качестве масштабного рынка сбыта китайских товаров широкого потребления. Ключевыми партнерами стали страны Персидского залива – Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт. В 2012 году Пекином был инициирован переговорный процесс по созданию Зоны свободной торговли Китай – страны Персидского залива (Sino-Arab Free Trade Zone). Впервые Китай и страны Персидского залива начали обсуждать эту инициативу еще в 2004 году. Вновь стороны вернулись к обсуждению этого проекта в 2012 году, а в 2016 году он был актуализирован в ходе визита Си Цзиньпина в Эр-Рияд во время встречи с генеральным секретарем Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) Абделем Латифом аз-Зайяни. Характеризуя инициативу, профессор Китайской академии общественных наук Цзян Инмэй от-

метил позитивное значение создания зоны свободной торговли, которая должна будет охватить сферу услуг, сотрудничество в технической области и торговле. Наибольшую выгоду получат те китайские компании, которые занимаются электроникой, альтернативными источниками энергии и высокими технологиями. Немаловажным аспектом является и то, что соглашение по ЗСТ также укрепит сотрудничество сторон в финансах и внесет немалый вклад в интернационализацию юаня. Однако представители местных мелких и средних арабских производителей опасаются, что они не смогут выдержать конкуренцию с китайскими производителями.

Значительных успехов достигло двустороннее торгово-экономическое сотрудничество. Китай намерен увеличить объем торгового оборота с Саудовской Аравией. В 2013 году двусторонний товарооборот составил $ 54 429,31 млн, а в 2014 году он увеличился почти до $ 70 млрд, что не намного меньше, чем с Россией ($ 95 млрд в 2014 году). С другими арабскими государствами Ближнего Востока торгово-экономическое сотрудничество также неизменно расширяется.

Лидирующие позиции среди крупнейших экспортных рынков Китая на Ближнем Востоке занимает Египет. Объем двусторонней торговли между странами в последние годы неизменно увеличивается. Так, в 2005 году объем товарооборота китайско-египетской торговли превысил $ 2,145 млрд. Этот показатель по сравнению с 2004 годом увеличился на 36,1 %. Спустя девять лет «Жэньминь жибао» отмечала, что в 2014 году объем двустороннего товарооборота составил $ 11,6 млрд. По статистическим данным таможни Китая, с января по ноябрь 2015 года объем экспорта и импорта грузов между КНР и Египтом составил $ 11 млрд 634 млн, что на 10,27 % больше, чем в аналогичный период в 2014 году. Китайский экспорт в Египет – $ 10 млрд 747 млн, рост – 12,18 %. Такие показатели демонстрируют устойчивое развитие двустороннего экономического взаимодействия.

Осваивая рынки Ближнего Востока, Пекин обращает внимание и на Израиль. С 1992 по 2013 год взаимный товарооборот вырос с $ 50 млн до $ 11 млрд. Китайцы планируют удвоить эту цифру в ближайшие несколько лет. По данным ИА Regnum, если в 2009 году КНР занимала 11-е место среди зарубежных контрагентов Израиля, то в 2013 году китайцы уступили только американцам.

Таким образом, руководство современного Китая настроено активно расширять сотрудничество со странами Ближнего Востока во всех сферах. В условиях падения экспорта китайской продукции на мировых рынках, удорожания рабочей силы, изменения конкурентной среды в мире КНР намерен прочно закрепиться на Ближнем Востоке и сохранить лидирующие позиции в мировой экономике, обеспечив себе доступ к сырьевым ресурсам и создать конкуренцию США в регионе. Подтверждением намерений Пекина является визит Председателя КНР Си Цзиньпина на Ближний Восток (19–24 января 2016 года), который стал важной вехой в развитии отношений.

А.В. Подгорный

РОЛЬ ХРАМА ЯСУКУНИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В статье рассматриваются история возникновения храма Ясукуни, формирование пантеона воинов, защищавших императора, и поклонение им.

император Японии, национализм, символ, синтоизм, культ, политический лидер, идея.

THE ROLE OF THE YASUKUNI SHRINE IN THE FORMATION
OF JAPANESE NATIONALISM

The article deals with the history of the Yasukuni Shrine, the formation of the Pantheon warriors who defended the Emperor and the worship of them.

Emperor of Japan, nationalism, symbol, Shinto, a cult, a political leader, an idea.

События последних лет говорят о том, что в Японии происходят процессы, которые могут быть расценены как попытки возрождения японского национализма. Это принятие законов, изменяющих конституцию страны, постоянные конфликты с Россией, Китаем и Южной Кореей из-за территорий, нежелание извиниться и признать преступление японской военщины в годы Второй мировой войны.

И в этом же ряду стоит вопрос о возвращении некоторых символов Японии в сферу почитания. В первую очередь это касается храмового комплекса Ясукуни. Долгое время в Японии господствовал государственный синтоизм, основанный на культе синтоизма. Центральной для этого культа была идея о божественности императорской власти и исключительности японской нации. Синтоизм предполагает размытость между духом божества и духом человек, что позволяло возвеличивать погибших за императора воинов поднимать их до уровня «божеств».

Это было связано с тем, что в период становления японского государства правитель страны был верховным жрецом и политическим лидером. Эти идеи оказались востребованными в эпоху императора Мэйдзи, когда потребовалось создать новую идеологию перемен, происходивших в этот момент в Японии. Синто стало ведущей религией, при этом на первом этапе все остальные конфессии преследовались. Но так как перемены, происходившие в стране, требовали установление связей с западными странами, нужно было выполнять требования свободы вероисповедования. Поэтому были разрешено существования буддизма и христианства, но синто по отношению к другим религиям заняло главенствующее положение, стало государственной религией. Национальная идея, провозглашенная государственным синтоизмом, означала не только подтверждение мифа о божественном происхождении императора, но и внушали мысль о том, божественные предки охраняют Японию – «землю богов» в силу ее исключительности.

Святилище Ясукуни ведет свое происхождение от обрядов поклонения духам людей, погибших за императора во время борьбы с сегунатом Токугава. В мае 1868 года в Киото было построено святилище Сёкам в честь воинов, погибших за императора в период проведения реформ Мейдзи. В 1869 году, когда столица была перенесена в Токио, святилище Сёкам переехало туда же, было переименовано в Ясукуни дзинзя, и ему был присвоен ранг воинского святилища. В этом святилище почитали лишь тех, кто погиб за императора.

В этом храмовом комплексе хранятся списки всех воинов, которые погибли в войнах, которые впоследствии вела Япония. Приходя в храм Ясукуни, родственники и боевые товарищи встречаются с духами товарищей, погибших на полях воинских сражений. Для родственников погибших приобщение духа храм Ясукуни считается большой честью. В настоящее время там хранятся списки

этих людей. На территории храма находятся военный музей Юсюкан, действующий с 1883 года. Материалы музея носят милитаристский характер.

Перед самой оккупацией Японии американскими войсками там был совершен обряд включения в состав всех погибших во время Второй мировой войны. В феврале 1946 года был оформлен статус Ясукуни как религиозного юридического лица. Значение храма было заморожено до 1948 года. С проведением американцами «обратного курса», когда Япония превратилась из противника в военно-политического союзника, государственным служащим разрешалось принимать участие в поминальных службах, посвященных погибшим воинам. В храм продолжили вносить списки новых людей.

Восемнадцатого октября 1952 года премьер-министр С. Есида совершил официальное ознакомительное посещение храма Ясукуни. С этого момента поклонение душам превратилось в желание по-новому оценить итоги Второй мировой войны и сохранить некие национальные ценности. Эти посещения вызывали резкую реакцию со стороны стран, подвергшихся японской агрессии.

К 1970 году в святилище были обожествлены около 1 000 военных преступников классов «В» и «С», казненных в соответствии с приговорами военных трибуналов, созданных союзниками в Сингапуре, на острове Гуам, Маниле, Иокогаме, Гонконге.

Семнадцатого октября 1978 года к общему списку погибших присоединили 14 военных преступников, казненных по приговору Международного военного трибунала по Дальнему Востоку или умерших в заключении.

Посещение этого храма высшими должностными лицами приняло регулярный характер во времена правления Дзюнитиро Коидзуми.

Каждое такое посещение вызывало резко негативную реакцию со стороны Китая, Кореи, но должностные лица Японии продолжали свои визиты. При этом они старались проводить такие мероприятия в качестве своего личного отношения к погибшим воинам.

После прихода к власти Социалистической партии демонстративное посещение этого святилища прекратились. Но после прихода к власти либерально-демократической партии, которая поставила перед собой изменение положения Японии и позиционирование ее как лидера в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стала возрождаться идея об исключительности Японии и японской нации. Поэтому после прихода в 2012 году к власти премьер-министр Японии Синдзо Абэ вновь начал регулярно посещать Ясукуни.

Все это говорит о том, что через 70 лет после поражения Японии во Второй мировой войне начинает возникать идея возрождения духа «Ямато» – идеи об исключительности японской нации.

П.В. Понарин

РЕСУРСЫ ВЫЖИВАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГОЛОДА: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ 1891–1892 ГОДОВ

В статье исследуется деятельность по преодолению голода 1891–1892 годов в России. Автор делает вывод, что преодолению голода 1891–1892 годов

способствовало использование разнообразных ресурсов выживания, среди которых особое место занимает деятельность Русской Православной Церкви.

голод 1891–1892 годов в России, сельское население, ресурсы выживания, земства, Русская Православная Церковь, благотворительность.

SURVIVAL RESOURCES OF THE RURAL POPULATION IN HUNGER: THE RUSSIAN EXPERIENCE OF 1891–1892

The article deals with activities to overcome hunger of 1891-1892 in Russia. The author concludes that overcoming hunger of 1891–1892 promoted the use of diverse resources for survival, among which a special place is occupied by the activities of the Russian Orthodox Church.

famine of 1891–1892 in Russia, the rural population, resources, survival, zemstvo, Russian Orthodox Church, charity.

Проблема голода в конце XIX века была актуальна для стран с экстенсивной аграрной экономикой. К их числу относилась Российская империя, в которой рыночные отношения сочетались с традиционным патриархальным укладом. Неадаптированность к рынку крестьянской поземельной общины и непоследовательная политика имперского государства в социально-экономической сфере в сочетании с засухой и неурожаями приводили к голоду, охватывавшему население губерний, производивших товарный хлеб. Если для европейских государств голод как социо-экономический феномен был актуален в Средневековье, то для России он был перманентно присущ не только все Новое время, но и первую половину XX века.

В настоящем докладе мы постараемся рассмотреть ресурсы выживания, которыми располагало провинциальное общество в России в период голода 1891–1892 годов. Если сформулировать эту проблему более просто, то мы должны ответить на вопрос: на кого и на что могло рассчитывать бедствующее сельское население Российской империи?

Американский исследователь Р. Роббинс справедливо заметил, что «голод редко поражает процветающую нацию. Это происходит только тогда, когда сельскохозяйственное население страны было доведено до состояния хронической нищеты и страданий. К 1890 бедность и нищета русского крестьянства была одна неоспоримым фактом общественной жизни империи» [1]. Бедность действительно была ключевым фактором сельской жизни конца 1880–1890-х годов, на который обращали внимание и современники. В отчетах сельского духовенства Русской Православной Церкви в епархиальные управления даются реальные оценки уровня жизни паствы. Так, священник Чернского уезда Димитрий Постников, сообщая о голоде своих прихожан епархиальным властям, отмечал: «Все эти крестьяне в годы хорошего урожая всегда нищенствовали и были в поборе, а в нынешнем году в побор идти некуда» [2].

---

[1] Robbins R.G. Famine in Russia, 1891–1892. Columbia University Press, 1975. P. 9.

[2] Журналы заседания губернского и сельских комитетов помощи голодающим, заявления голодающих и их списки, отчеты о работе комитетов и переписка с учреждениями и лицами о сборе денег в фонд голодающих (1891) / Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 2. Л. 89об.

К числу возможных ресурсов следует отнести помощь со стороны государства, земств, общественных институтов и церковных учреждений. Сразу оговоримся, что, на наш взгляд, одним из существенных материальных источников являлась церковная благотворительность. Но следует дать краткую характеристику и иным возможным резервам.

В условиях существования патерналистского государства наиболее существенным ресурсом выживания крестьянской массы должна была стать государственная помощь. На решение продовольственной проблемы государство выделило 128 559 265 руб. [3], которые имели практическую пользу. Однако вопрос о широкой эффективности данного ресурса носит дискуссионный характер и требует отдельного самостоятельного изучения.

Важным фактором решения продовольственной проблемы могла стать и земская помощь. Земства финансировали приобретение продовольствия, аккумулируя как собственные, так и государственные средства. В то же время первые чрезвычайные земские съезды начали созываться достаточно поздно – в январе-феврале 1892 года. К этому времени голод принял уже широкие масштабы. На этих съездах дискутировались не только пути решения вопроса снабжения пострадавшего населения хлебом, но и поднимались проблемы развития продовольственного дела в долгосрочной перспективе. Так, на Чрезвычайном съезде Тульского земства 7 февраля 1891 года бурному обсуждению подверглось решение сельскохозяйственной комиссии от 9 января 1891 года о необходимости строительства в губернии постройке элеваторов и запасных хлебных магазинов в Тульской губернии. Сельскохозяйственная комиссия остановилась на той мысли, чтобы строить в настоящее время только каменные магазины вместимостью от 60 и до 100 тысяч пудов хлеба, которые могли бы служить местом склада приблизительно от 8 до 12 тысяч наличных душ [4].

Не следует забывать и деятельность благотворительных структур. Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая, образованный 18 ноября 1891 года и возглавляемый наследником-цесаревичем Николаем Александровичем, располагал, по словам О.Г. Вронского, исчерпывающей информацией о ситуации в деревне земледельческого центра страны [5].

Важно отметить и такой ресурс, как средства частных благотворителей, прежде всего, из среды провинциального дворянства и купечества. В частности, заслуживает внимания активная деятельность Л.Н. Толстого, которую отмечают современники (Е.И. Раевская) [6].

Следует отдельно остановиться на церковной благотворительности как особом ресурсе выживания. Она осуществлялась в рамках епархиальных, уездных и приходских комитетов по оказанию помощи голодающим, созданным по распоряжению Св. Синода 21 августа 1891 года. В эти комитеты поступали как

---

[3] Сборник правил по обеспечению народного продовольствия/ сост. Г.Г. Савич. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1900–1903. Т. 3. С. 7.

[4] Журналы чрезвычайного Тульского губернского земского собрания февральской сессии 1892 г. Тула : Тип. И.Д. Фортунатова, 1897. С. 13.

[5] Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны) : дисс… д-ра. ист. наук. М. 2001. С. 147.

[6] Раевская Е.И. Лев Николаевич Толстой среди голодающих. URL : http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/Lg23371-.htm (дата обращения: 27.02.2015).

продовольствие, так и денежные средства из разных источников. Епархиальные комитеты особо пострадавших губерний получали помощь от аналогичных структур из других епархий. Так, к 1 января 1892 года сумма пожертвований и разных сборов в Тульский Епархиальный комитет помощи голодающим составила 46 072 руб. 96 к. [7]. В Тульский комитет поступали деньги, хлеб, мука и сухари из Киевской, Калужской епархий. Иначе говоря, православное духовенство, верующие воспринимали голод в соседних епархиях как общенациональную трагедию. Епархиальные комитеты одновременно со сбором средств осуществляли и их распределение. Так, с ноября 1891 по март 1892 года Тульский комитет израсходовал на нужды голодающих 8 032 руб. и 16 166 пудов [8]. В марте 1892 года Тульский епархиальный комитет, принимая во внимание усиление голода в большинстве уездов, «признал необходимым увеличить выдачу пособий как денежных, так и вещественных». К церковной благотворительности следует отнести и деятельность церковно-приходских попечительств, попечительств о бедных духовного звания, подвижническую деятельность отдельных священно- и церковнослужителей.

Следует сделать вывод, что преодолению голода 1891–1892 годов способствовало использование разнообразных ресурсов выживания, среди которых особое место следует отвести деятельности Русской Православной Церкви.

(Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (проект № 15-01-00026а «Кризис аграрного социума в имперской России: голод 1891–1892 гг. в Центрально-Черноземном регионе»).

Список литературы

1. Вронский, О.Г. Государственная власть России и крестьянская община рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны) [Текст] : дис… докт. истор. наук. – М., 2001.
2. Журналы заседания губернского и сельских комитетов помощи голодающим, заявления голодающих и их списки, отчеты о работе комитетов и переписка с учреждениями и лицами о сборе денег в фонд голодающих (1891) [Текст] / Государственный архив Тульской области. – Ф. 1373. – Оп. 1. –Д. 2.
3. Журналы чрезвычайного Тульского губернского земского собрания февральской сессии 1892 г. [Текст]. – Тула : Тип. И. Д. Фортунатова, 1897.
4. Раевская, Е.И. Лев Николаевич Толстой среди голодающих [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/Lg23371-.htm (дата обращения: 27.02.2015).
5. Сборник правил по обеспечению народного продовольствия [Текст] / сост. Г.Г. Савич. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1900–1903. – Т. 3.
6. Тульские епархиальные ведомости [Текст]. –1892. – 1 января. – № 1.
7. Robbins, R.G. Famine in Russia, 1891–1892 [Text]. – Columbia University Press, 1975.

[7] Тульские епархиальные ведомости. 1892. 1 января. № 1. С. 21.

[8] Журналы заседания губернского и сельских комитетов помощи голодающим, заявления голодающих и их списки, отчеты о работе комитетов и переписка с учреждениями и лицами о сборе денег в фонд голодающих (1891) / Государственный архив Тульской области. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 2. Л. 120.

М.Н. Пономарев

«ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС» И ПРИНЦИП ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Предметом анализа в статье является отношение президента США В. Вильсона к проблеме предоставления независимости Ирландии и рассмотрение «Ирландского вопроса» в ходе Парижской мирной конференции. Автор приходит к выводу о том, что Вильсон вынужден был не поднимать его из-за необходимости поддержки со стороны Великобритании проекта Лиги Наций.

«Ирландский вопрос», Вудро Вильсон, Джозеф Тамалти, Дэвид Ллойд Джордж, Парижская мирная конференция Ирландия, США.

THE IRISH QUESTION AND THE PRINCIPLE OF THE RIGHT OF NATIONS TO SELF-DETERMINATION AT THE PARIS PEACE CONFERENCE

The subject of analysis in the article is the attitude of US President Woodrow Wilson to the issue of Irish independence and consideration of “the Irish question” during the Paris Peace Conference. The author concludes that Wilson was forced not to raise it because of the need for support the League of Nations project from the British government.

the Irish question, Woodrow Wilson, Joseph Patrick Tumulty, David Lloyd GeorgeParis Peace Conference, Ireland, the United States.

Президент Вудро Вильсон, если и оказывал поддержу ирландцам на Парижской мирной конференции, делал это неофициально, и любое такое действие всегда рассматривалось в контексте англо-американских отношений, которые играли ключевую роль в его парижской стратегии. Президент считал британскую поддержку в Париже важнее предупреждения личного секретаря Тамалти об отрыве от общества избирателей из числа американских ирландцев. У В. Вильсона было множество возможностей обсудить Ирландский вопрос с Д. Ллойд Джорджем, М. Клемансо или В. Орландо во время конференции, что могло сильно успокоить негодование американцев ирландского происхождения. Действительно, нежелание Вильсона причинить неудобства британскому правительству было очевидно и Ллойду Джорджу, который чувствовал, что Вильсон был «в высшей степени честен», каждый раз, когда речь заходила об Ирландском вопросе, и ничего не изменилось, когда дело дошло до рассмотрения резолюции Бора [1].

Э. Хаус назвал сторонников резолюции «безответственными политиками», в то время как В. Вильсон рассматривал ее в качестве нарушения суверенитета Британии и «недружественного акта». Президента беспокоило, что ирландские представители в Париже и США пытались выставить его правление перед обществом «в неправильном свете». Он не намеревался одобрять резолюцию Бора, чтобы не рассердить правительство Британии и не нарушить деликатный

[1] Link A.S. (ed.) The papers of Woodrow Wilson : 69 vols. Princeton, 1966–1994. Vol. 60. P. 160.

баланс в англо-американских отношениях. Однако 9 июня 1919 года президент обратился к Ллойду Джорджу во время встречи Совета Четырех и спросил его «не поставит ли его в затруднительное положение обсуждение Ирландского вопроса с Большой Четверкой». Ллойд Джордж ответил В. Вильсону, что он «в любом случае не даст согласие на рассмотрение этого дела», потому что это приведет к парламентскому кризису в Лондоне и, «вероятнее всего, к свержению правительства». В. Вильсон сказал премьер-министру, что высоко ценит его подход в данном вопросе, и что в любом действии, которое премьер предпримет, он будет проявлять осторожность, чтобы не доставить ему неприятностей. На следующий день В. Вильсон обсудил данный вопрос с Лансингом и другими членами Американской Комиссии, которые советовали написать Клемансо письмо с просьбой «предъявить» резолюцию «перед членами мирной конференции» [2]. Вильсон согласился с данной стратегией, и 16 июня он направил резолюцию Клемансо, который не проявил никаких действий в ее отношении.

Последняя встреча президента Вильсона с делегацией американцев ирландского происхождения состоялась 11 июня. Это была «очень откровенная и искренняя» встреча, которая глубоко тронула Уолша и вызвала слезы на глазах Данна к своему завершению. Когда Уолш надавил на президента в вопросе присвоения Ирландии права на самоопределение, он ответил, что это было «величайшей метафизической проблемой современности». В. Вильсон был близок к признанию того, что недостаточно задумывался о значении права на самоопределение. Об этом говорил Лансинг еще в декабре 1918 года. Встреча с делегацией завершилась так же плохо, как и та, что состоялась 4 марта, после чего В. Вильсон говорил о постоянных «неприятностях», которые американцы ирландского происхождения создавали для него. Несмотря на его сочувствие Ирландскому делу, поведение американцев ирландского происхождения сильно раздражало президента. В начале лета 1919 года политика невмешательства Вильсона во внутренние дела между Британией и Ирландией, подогреваемая дипломатическими интересами, личным недовольством и продолжением существования оппозиции против территориального разделения страны, не изменилась. Последняя встреча с В. Вильсоном завершила миссию Американской Комиссии по вопросу независимости Ирландии, хотя ее члены продолжали писать письма американским уполномоченным лицам, содержащие петиции и резолюции, переданные от Американской Федерации Труда или Сената США. Они также угрожали препятствовать одобрению мирного договора в США, пока им не предоставят слова на конференции. Двадцатого июня Уолш и Данн отбыли в США, тем самым закончив парижскую стадию кампании «Сторонников Независимости Ирландии» за признание права на самоопределение в стране.

Некоторые последствия были мгновенными. Когда подробности последнего разговора Вильсона с американцами ирландского происхождения были опубликованы в США, поддержка президента этой группой населения упала до минимума. Даже подписание Версальского мирного договора, которое состоялось 29 июня 1919 года, не улучшило ситуацию. Договор был и мог быть только компромиссом между четырнадцатью идеалистическими и местами невыполнимыми условиями Вильсона и требованиями союзных правительств. Он представлял из себя меньше, чем президент стремился получить, и больше, чем хоте-

[2] Link A.S. (ed.) The papers of Woodrow Wilson : 69 vols. Princeton, 1966–1994. Vol. 60. P. 175.

ли его оппоненты. Более того, казалось, что договор ознаменовал победу Британии и подтвердил расположение В. Вильсона по отношению к англичанам, особенно когда оказалось, что Британская Империя будет иметь шесть голосов в Ассамблеи Лиги Наций, а США только один. Тамалти и Бейкер предположили, что, принимая во внимание все требования по вопросу самоопределения, которые передавались Вильсону в то время, президент уделил достаточно внимания Ирландскому делу [3]. Никто не сделал этого для других народностей. Бейкер припоминал впоследствии, что 27 июня, за день до подписания мирного договора, В. Вильсон сказал прессе: «…принимая все обстоятельства во внимание, Договор добавляет к Четырнадцати пунктам больше, чем я имел право ожидать… Подумайте о положительных достижениях мира – новых освобожденных людях, которые до этого момента даже и не смели мечтать о свободе, о поляках, чехословаках, славянах, турках» [4]. Американцы ирландского происхождения чувствовали себя преданными, в то время как американцы немецкого происхождения считали условия договора слишком жесткими, сумму репараций – слишком большой, а ответственность за развязывание войны – несправедливой. Американцы итальянского происхождения были в ярости от потери Фиуме (ныне Риека), который перешел Югославии. Для других групп американцев казалось, что Шантунгский договор, который отдавал Японии немецкую территорию в Китае, был подписан, чтобы угодить самой Японии, как и десятая статья, самая спорная часть Устава Лиги Наций [5]. Однако парижский случай подтвердил, что наиболее эффективным инструментом, при помощи которого ирландские союзники достигли результатов, оставался Конгресс США, а не президент или Министерство иностранных дел.

Список литературы

1. Baker, R.S. American chronicle: the autobiography of Ray Stannard Baker [Text]. – N. Y., 1945.
2. Blum, J.M. Joe Tumulty and the Wilson era [Text]. – Boston, 1951.
3. The American Commission on Irish Independence, 1919: the diary, correspondence and report [Text] / ed. F.M. Carroll.– Dublin, 1985.
4. Duff, J.B. The Versailles Treaty and the Irish-Americans [Text] // Journal of American History. – 1968–1969. – № 55. – December.
5. The papers of Woodrow Wilson [Text] : 69 vols. / ed. A.S. Link. – Princeton, 1966–1994. – Vol. 60.

Е.В. Попова

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ БЕНАЗИР БХУТТО

Восточные государства всегда имели свою специфику во всех сферах общественной жизни. В истории Пакистана были периоды «демократии», и тогда политики использовали традиционные приемы для борьбы за власть.

[3] Duff J.B. The Versailles Treaty and the Irish-Americans // Journal of American History. № 55. 1968–1969. December. P. 598.

[4] Baker R.S. American chronicle: the autobiography of Ray Stannard Baker. N. Y., 1945. P. 453.

[5] Blum J.M. Joe Tumulty and the Wilson era. Boston, 1951. P. 181.

Беназир Бхутто, Пакистан, Пакистанская народная партия, митинг, агитация.

ELECTION TECHNOLOGIES OF BENAZIR BHITTO

The Eastern States always had its own peculiarities in all spheres of public life. There have been periods of "democracy" in the history of Pakistan, and then politicians have used traditional methods to attain power.

Benazir Bhutto, Pakistan, Pakistan people's party, political meeting, campaigning.

Понятие «избирательные технологии» в полной мере относится к странам, где регулярно проводятся парламентские или президентские выборы. В основном это характерно для западных стран с демократическим режимом. Восточным странам свойственна определенная специфика. Рассмотрим, например, Пакистан. В истории этого мусульманского государства были периоды «демократических» правительств. Например, два срока премьерства Беназир Бхутто (1953–2007). Б. Бхутто была премьер-министром Пакистана дважды, в 1988–1990 годах и 1993–1996 годах. Ее жизнь трагически оборвалась в 2007 году в ходе очередной предвыборной кампании. Какие же приемы использовал этот политик в избирательных кампаниях?

Беназир Бхутто получила западное образование, в ходе которого она сумела развить хорошие ораторские способности. Еще в 1978 году в период военного режима в Пакистане политические митинги были запрещены военной администрацией, Б. Бхутто выступала в частных владениях.

С 1984 года находясь в эмиграции, Б. Бхутто организовала международную кампанию, чтобы привлечь внимание мировой общественности к проблемам нарушения прав человека в Пакистане, добиться, чтобы военная и экономическая помощь стране сочеталась с восстановлением демократических свобод. Б. Бхутто несколько раз посещала США. Ее выступления были посвящены нарушению прав человека и борьбе за восстановление демократии в Пакистане.

В Лондоне Б. Бхутто организовала штаб-квартиру Пакистанской народной партии (ПНП), где готовила корреспонденции о нарушениях прав человека в Пакистане. Команда Б. Бхутто отправляла фотографии политических заключенных и краткое описание их дел генеральному секретарю ООН, в синдикаты юристов и международные профессиональные организации. Крупнейшие газеты и журналы предоставляли ей свои страницы для изложения ее взглядов.

В 1984 году Б. Бхутто и ее сторонники приступили к изданию ежемесячного журнала «Амаль» («Действие») на урду и английском языках. Тираж распространялся по международным организациям, посольствам и среди пакистанской эмиграции. Контрабандой журнал проникал в Пакистан.

В 1986 году Беназир Бхутто решила вернуться в Пакистан для дальнейшей борьбы. Накануне ее возвращения западными СМИ и пакистанской прессой была проведена хорошо спланированная пропаганда.

Итак, 10 апреля 1986 года Б. Бхутто прилетела из Лондона в Лахор. Ей был оказан торжественный прием. Выйдя из здания аэропорта, она оказалась в окружении огромной толпы. Повсюду развевались атрибуты политической рекламы – флаги и транспаранты ПНП. В своем выступлении Б. Бхутто умело аги-

тировала пакистанцев отдать свои голоса за ПНП на предстоящих выборах. Плодотворная агитация дала свои положительные результаты. По итогам выборов 1988 года Беназир Бхутто стала премьер-министром.

Опустим годы обеих премьерств Б. Бхутто. Далее 1999 год, Б. Бхутто пребывала в очередной эмиграции, так как был выдан ордер на ее арест. До 2007 года она проживала Дубаи. В очередной раз Б. Бхутто, находясь за границей, продолжила общественную деятельность, она часто посещала западные столицы, где читала лекции в университетах и аналитических центрах, встречалась с официальными лицами с целью призвать общественность мира поддержать силы пакистанской демократии.

Пренебрегая опасностью, 18 октября 2007 года Беназир Бхутто вернулась в Пакистан после 8 лет ссылки. Когда Б. Бхутто ступила на пакистанскую землю, население страны приветствовало ее с невиданным энтузиазмом.

Ежедневно происходило победоносное шествие Б. Бхутто по стране. На выступления Б. Бхутто приходили толпы ликующих людей. Страна практически сотрясалась от приветственных криков: «Да здравствует Бхутто!», «Бхутто – в премьер-министры!», «Беназир с нами!». Б. Бхутто, чьи выступления буквально гипнотизировали толпу, люди теперь воспринимали не просто как политического лидера, а как мать нации – образ, который всегда был особенно востребован в Южной Азии. Ее бесстрашие, пренебрежение опасностью удивляли. Например, она всякий раз по пояс высовывалась из окна автомобиля, чтобы пожать тянущиеся со всех сторон руки. В ходе подобных выступлений она была живой мишенью для ее противников.

Итак, в ноябре и декабре 2007 года Б. Бхутто совершила предвыборную поездку по четырем провинциям Пакистана, собирая на митинги несметные толпы воодушевленных сторонников. На очередном митинге 27 декабря 2007 года Б. Бхутто выступала в Равалпинди. Когда митинг закончился, Б. Бхутто села в бронированный автомобиль, но в последний момент поднялась из люка машины, чтобы на прощание помахать сторонникам. В этот момент был совершен теракт, в результате которого Беназир Бхутто не суждено было стать премьер-министром Пакистана в третий раз.

Таким образом, на примере политических кампаний Беназир Бхутто видно, что в ходе избирательных кампаний проводились многочисленные митинги, на которых присутствовали люди с флагами и транспарантами ПНП. Находясь в эмиграции, Б. Бхутто продолжала общественную работу, выступала с публичными лекциями. Победы Беназир Бхутто во многом объяснимы ее харизматичной личностью.

А.Р. Преймак

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ПУЭБЛО-ДЕ-ТАОС ИНДЕЙЦАМ ШТАТА НЬЮ-МЕКСИКО

В данной статье рассмотрен процесс возвращения земель индейцам Пуэло-де-Таос штата Нью-Мексико при администрации Ричарда Никсона. Проанализированы попытки борьбы коренного населения за землю Голубых озер штат

Нью-Мексико в XX веке, и обоснована необходимость возвращения права на распоряжение землями коренному народу.

возвращение земель, коренные американцы, индейцы, земельный вопрос, культурная идентичность, заповедник.

THE RETURN OF PUEBLO DE TAOS TO THE INDIANS OF NEW MEXICO

This article is about land restitution process of Taos Pueblo Blue Lake lands during Richard Nixon`s terms. The author analyses the history of Taos Pueblo struggle for their lands throughout the 20th century and explains the necessity of Blue Lake land restitution to Native Americans.

land restitution, native americans, Indians, territorial issues, cultural identity, reservation.

Голубые озера Таос-Пуэбло – одно из священных и важных мест индейцев пуэбло, так как эта местность является местом появления индейцев пуэбло. Бассейн реки Рио-Пуэбло обеспечивает питьевой и оросительной водой земли племени. Не только озеро, но и весь водораздел считается священным, и на его территории находится большое количество святынь, где регулярно на протяжении веков совершались религиозные обряды. Эти обряды хранились в тайне и не открывать посторонним, но начиная примерно с 1890 года окрестности озера начали наполняться белыми людьми в связи со слухами о наличие в округе золотых и серебряных месторождений. В возвращении земель участвовали все важные политические деятели Вашингтона и Нью-Мексико с 1930 по 1970 годы, в том числе Роберт Ф. Кеннеди, Стюарт Юдаль, Фред Харрис, Клинтон П. Андерсон и Ричард Никсон, а также лидеры племени пуэбло, как религиозные, так и светские, которые взаимодействовали с этими политиками и присутствовали на основных слушаниях в Конгрессе. Лидерами индейцев были Пол Берналь, Шфрино Мартинез, Джон Райнер, Кверино Ромеро, Хуан Хесус Ромера. Сторонниками пуэбло были Джон Колльер, Оливер Ла-Паргк и Фрэнк Уотерс. Борьба за возвращение земель началась в 1906 году, когда Соединенные Штаты присвоили Голубое озеро и сделал его частью Государственного заповедника «Карсон».

Конгресс принял Закон о землях Пуэбло в 1924 году, чтобы помочь белым людям, которые поселились на земле Пуэбло, предъявлять претензии на земли, которые они оккупировали, и дать им в пользование эти земли, если их претензии отвечают определенным критериям, установленным в законе. В 1926 году Совет земли Пуэбло инициировал собрание в городе Таос. Представители Пуэбло предстали перед советом и сказали, что решили отказаться от любой денежной компенсации и претензий на земли города, при условии, что Голубое озеро передадут от заповедника «Карсон» в ведение Пуэбло [1].

В 1927 и 1928 годах были приняты две инициативы, касающиеся Таос-Пуэбло. Первая связана с ограничением добычи полезных ископаемых. После переговоров президент Калвин Кулидж дал распоряжение от 7 июля 1928 года

[1] Nabokov P. Where the Lightning Strikes. Wash., 2007. P. 79.

об изъятии у добывающих компаний 30 000 акров в долине бассейна Рио-Пуэбло. Вторая инициатива была более благоприятной, – 28 сентября 1927 года индейцы пуэбло заключили с заповедником договор о патрулировании района Голубого озера, обязуясь сообщать о нарушениях и оказывать помощь в ликвидации пожаров [2].

В 1923 году будущий глава БДИ Джон Кольер помог коренным американцам сформировать Американскую индейскую защитную ассоциацию (АИЗА) по защите прав коренного народа и отстаивания интереса по закону о землях Пуэбло. Также в качестве исполнительного секретаря ассоциации он путешествовал по всей территории Соединенных Штатов, пытаясь узнать из первых рук об условиях жизни коренных американцев. В 1927 году он убедил Конгресс создать Индейский следственный комитет (ИСК), который выступил с докладом об условиях жизни индейцев. Уже в качестве главы БДИ Джон Кольер продолжил проявлять личную заинтересованность к борьбе за земли Таос-Пуэбло. В конце 1961 года племя вновь вернулось к рассмотрению проблемы посещения белыми людьми Голубого озера. С 1966 по 1968 года Пуэбло продолжили борьбу за земли Голубого озера. Во-первых, племя сосредоточило свои усилия на создании местной поддержки своей позиции. Во-вторых, Ассоциация по делам американских индейцев (АДАИ) сосредоточила свои усилия на поиске поддержки среди национальных религиозных и природоохранных групп. В-третьих, адвокаты племени работали над поиском законного пути решения проблемы. В итоге было выработано соглашение, которое дало Пуэбло право исключительного пользования землями и предусматривало надзор министра сельского хозяйства за коренными американцами. Племенной совет одобрил законопроект, и тот был направлен сенатору Андерсону. Это прощение впоследствии стало биллем S. 3085 от 15 марта 1966 года [3].

Следует отметить, что поддержка президента в данном вопросе также была немаловажной [4], и могла рассматриваться как возможность для Никсона поправить свои позиции на внутреннем фронте и в вопросе национальных меньшинств. Постепенно администрация Никсона стала продвигать законопроект о землях Таос-Пуэбло в Сенат, сенатор Фред Харрис также активно продвигал данную инициативу. Никсон наконец решил озвучить свою позицию и на пресс-конференции от 8 июля 1970 года со старейшинами Таос президент заявил о своей поддержке в вопросе земель Голубого озера [5].

Обсуждение проблемы Голубого озера в Сенате началось 1 декабря 1970 года. После продолжительных обсуждений сенаторы закончили голосование с результатом: 70 голосов «за», 12 «против» и 18 воздержались. Торжественная церемония подписания закона состоялась в Государственном обеденном зале в Белом доме. Пятнадцатого декабря 1970 года президент Никсон подписал закон № 91-550, возвращая 48 000 акров земель Голубого озера Таос-Пуэбло [6]. С момента приня-

---

[2] Gordon-McCutchan R.C. Taos Indians and the Battle for Blue Lake. Santa Fe : Red Crane Books, 1991. P. 17–18.

[3] Ibid. P. 85–87.

[4] Gulliford, A. Sacred Objects and Sacred Places: Preserving Tribal Traditions. Boulder : University Press of Colorado, 2000. 159.

[5] Ebright M., Hendrics R., Hughes R.W. Four Square Leagues: Pueblo Indian Land in New Mexico. Santa Fe, 2014. P. 315.

[6] Gordon-McCutchan R.C. Taos Indians and the Battle for Blue Lake. Santa Fe : Red Crane Books, 1991. P. 216–218.

тия Ричардом Никсоном закона № 91-550 сотни тысяч гектаров земли были возвращены индейским племенам. Данную победу, наряду с положительными результатами коренных жителей США в штате Аляска, можно назвать поворотным моментом в истории коренного населения Северной Америки. Наряду с активистскими выступлениями коренного населения, данный случай показывает возможность индейцев решать свои дела не только штурмуя военные форты, но и работая слаженно, в коллективе движимых одной целью людей. Можно сказать, что возращение земель Голубого озера индейцам Таос-Пуэбло занимает такое же важное место в истории, как и известный, широко освещенный в прессе захват острова Алькатрас в том же 1970 году.

Список литературы

1. Bodine, J.J. The Taos Blue Lake Ceremony [Text] // American Indian Quarterly. – 1988. – Vol. 12. – №. 2.
2. Bodine, J.J. Taos Blue Lake Controversy [Text] // Journal of Ethnic Studies. – 1978. – № 6.
3. Ebright, M. Four Square Leagues: Pueblo Indian Land in New Mexico [Text] / M. Ebright, R. Hendrics, R.W. Hughes . – Santa Fe, 2014.
4. Graybill, A. Strong on the Merits and Powerfully Symbolic: The Return of Blue Lake to Taos Pueblo [Text] // New Mexico Historical Review. – Vol. 76. – № 2. – April, 2001.
5. Gulliford, A. Sacred Objects and Sacred Places: Preserving Tribal Traditions [Text]. –Boulder : University Press of Colorado, 2000.
6. Gordon-McCutchan, R.C. Taos Indians and the Battle for Blue Lake [Text]. – Santa Fe : Red Crane Books, 1991.
7. Nabokov, P. Where the Lightning Strikes [Text]. – Wash., 2007.

А.Ю. Прокопов

ГАЗЕТА «БРИТИШ УОРКЕР» И ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 1926 Г.

В статье рассматривается информационная политика ежедневного издания, выпускавшегося Британским конгрессом тред-юнионов. Газета «Бритиш Уоркер» стала тем печатным органом, которое во время всеобщей стачки смогло довести до сведения общественности истинные цели забастовщиков и опровергнуть многочисленные недостоверные утверждения, публиковавшиеся на страницах правительственной газеты «Бритиш Гэзетт».

Британский конгресс тред-юнионов, газета «Бритиш Уоркер», всеобщая стачка 1926 года.

NEWSPAPER “BRITISH WORKER” AND THE GENERAL STRIKE IN BRITAIN (1926)

The article analyses the informational policy of the paper which was issued by the British Congress of Trade Unions. It became the only printed issue during the General Strike which informed the public about the true aims of the strikers and could disprove various unreliable assertions made by the government paper “The British Gazette”.

British Congress of Trade Unions, newspaper "The British Worker", General Strike 1926.

В мае 2016 года исполняется 90 лет со времени проведения в Великобритании всеобщей стачки, ставшей самым массовым выступлением британских рабочих в XX столетии. Забастовка была организована крупнейшим объединением профсоюзов Соединенного Королевства – Британским конгрессом тред-юнионов (БКТ). Его руководители во главе с У. Ситрином мобилизовали 4–12 мая около 4 миллионов рабочих для поддержки горняков в их борьбе за достойный жизненный уровень. В условиях, когда большинство периодических изданий перестали выходить в стране, БКТ с 5 по 17 мая выпустил 11 номеров газеты «Бритиш Уоркер», которая имела подзаголовок «Официальный новостной бюллетень забастовки». Газета в первые дни печаталась на 6 полосах, позднее – только на 4, так как власти препятствовали БКТ в получении бумаги [1]. Тираж газеты увеличился с 320 тыс. экземпляров в начале стачки до 713 – в конце. Объявленной издателями целью газеты являлось «правдивое освещение событий» всеобщей стачки и противодействие правительственному изданию «Бритиш Газетт», которое выходило с 5 по 13 мая, и, по мнению профсоюзных лидеров, было «предвзято и несправедливо» к забастовщикам [2].

Особое внимание «Бритиш Уоркер» уделяла публикации сведений о том, как во многих районах страны ширилось стачечное движение, все новые профсоюзы включались в борьбу, в различных городах замирало производство и транспорт; рассказывалось и о солидарности с забастовщиками зарубежных профсоюзов [3]. Подобные материалы имели целью не только показать широкий размах забастовки, поддержать боевой дух и вселить уверенность в стачечников, но и опровергнуть некоторые утверждения властей, которые на страницах «Бритиш Гэзетт» не информировали читателей о реальном масштабе общебританской стачки, утверждали, что некоторые зарубежные профсоюзы якобы не хотели помогать британским тред-юнионам [4].

С первых номеров «Бритиш Уоркер» ее журналисты были вынуждены постоянно опровергать необоснованные обвинения представителей консервативного правительства во главе со С. Болдуином в том, что рабочие покушаются на конституцию, правительство и парламент [5]. Почти в каждом номере «Бритиш Уоркер» говорилось, что всеобщая стачка не является угрозой конституции и традиционным институтам власти, ее цель – добиться достойного уровня жизни для шахтеров; отмечалось, что забастовщики не стремятся разжечь гражданскую войну, не бросают вызов обществу, не имеют политических целей [6].

Руководители стачки уделяли немало внимания проблеме соблюдения рабочими закона. Пятого мая в «Бритиш Уоркер» на первой полосе особым шрифтом было напечатано обращение Генсовета БКТ к стачечникам, в котором давались рекомендации «образцово себя вести», чтобы не допустить вмешательства полиции; пикетчикам предписывалось действовать строго в рамках их обязанно-

[1] British Gazette. 1926. 7 May. P. 1.
[2] British Worker. 1926. 5 May. P. 4.
[3] British Worker. 1926. 5 May P. 1, 6, 8 ; 6 May. P. 2, 3, 5 ; 8 May. P. 2 ; 10 May. P. 3 ; 11 May. P. 1.
[4] British Gazette. 1926. 6 May. P. 4 ; 8 May. P. 4 ; 10 May. P. 3.
[5] British Gazette. 1926. 6 May. P. 1, 3, 4.
[6] British Worker. 1926. 6 May. P. 3, 4 ; 7 May. P. 1, 2 ; 8 May. P. 1, 4 ; 9 May. P. 1, 4 ; 11 May. P. 2.

стей [7]. Шестого и 10 мая это обращение было повторено. В «Бритиш Уоркер» неоднократно публиковались материалы, имевшие целью подчеркнуть необходимость поддержания порядка и сопротивления провокациям [8]. Руководство БКТ распространило среди забастовщиков инструкцию, в которой им рекомендовалось заниматься своими палисадниками, заботиться о жене и детях, гулять в парках или на природе и «не шляться в центре города» [9]. Подобные рекомендации и неоднократные призывы действовать в рамках закона свидетельствовали о серьезном опасении тред-юнионистских лидеров, что вызванная ими к жизни стихия рабочей активности может выйти из-под контроля. Крайне редко на страницах «Бритиш Уоркер» можно было встретить и материалы о различных насильственных действиях рабочих (которые порой имели место), о столкновениях забастовщиков с полицией и штрейкбрехерами. Отсутствие подобных материалов в газете говорило о стремлении БКТ не пропагандировать нежелательные с их точки зрения примеры и не способствовать накалу страстей в рядах стачечников.

На страницах «Бритиш Уоркер» печатались материалы, призванные наглядно продемонстрировать читателям тяжелое материальное положение горняков, представить планы шахтовладельцев сократить им заработную плату [10]. Это должно было укрепить уверенность забастовщиков в правильности их действий. Профсоюзная газета неоднократно публиковала специальное сообщение о создании Национального комитета, который занимался доставкой продовольствия для населения [11]. Подчеркивалось, что Генсовет БКТ издал инструкции о необходимости бесперебойного снабжения электричеством домов, различных социальных служб, предприятий, производившие продукты питания. Распространение подобной информации диктовалась тем, что порой в «Бритиш Гэзетт» печатались не соответствовавшие действительности утверждения о стремлении руководителей стачки заставить британцев голодать и об отсутствии в некоторых больницах электричества [12].

В связи с тем, что почти в каждом выпуске «Бритиш Гэзетт» говорилось об успехах властей в деле набора штрейкбрехеров, издание БКТ отмечало, что так называемые «добровольцы» не способны выполнять многие работы, и они не могут заменить всех стачечников [13]. Седьмого мая архиепископ Кентерберийский (глава англиканской церкви) призвал правительство и забастовщиков к возобновлению переговоров. Ни «Бритиш Гэзетт», ни Би-Би-Си (находившаяся фактически в подчинении правительства) не посчитали нужным сообщить об этом. Только «Бритиш Уоркер» поместила об этом статью под заголовком «Призыв к миру замалчивается» [14]. Данная публикация позволила британской общественности понять, что бескомпромиссную политику консервативного правительства, направленную на срыв забастовки любыми средствами, разделяют далеко не все влиятельные представители британского общества. В «Бритиш Уоркер» также печатались материалы, которые могли представлять интерес как для забастовщиков, так и для всех слоев населения. В газете говорилось о проведе-

[7] British Worker. 1926. 5 May. P. 1.
[8] British Worker. 1926. 8 May. P. 2 ; 9 May. P. 2.
[9] British Worker. 1926. 9 May. P. 3.
[10] British Worker. 1926. 5 May. P. 2, 7 ; 8 May. P. 3.
[11] British Worker. 1926. 6 May. P. 6 ; 7 May. P. 4 ; 9 May. P. 1.
[12] British Gazette. 1926. 6 May. P. 12.
[13] British Worker. 1926. 6 May. P. 2 ; 5 May. P. 5.
[14] British Worker. 1926. 8 May. P. 1, 4.

нии митингов сторонников профсоюзов, о переносе различных мероприятий, публиковались объявления о сборе средств для стачечников, а также о погоде, о том, что в Лондоне школы продолжали работать и т.д. [15]

После завершения забастовки 12 мая «Бритиш Уоркер» стала тем изданием, которое способствовало «демобилизации» забастовщиков; ряд ее публикаций имел целью завуалировать поражение стачки, смягчить разочарование большинства рабочих из-за того, что им не удалось отстоять свои требования [16].

На протяжении всей стачки в условиях, когда консервативные власти развернули настоящую информационную войну против забастовщиков, газета «Бритиш Уоркер» стала тем печатным органом, который смог довести до сведения общественности истинные цели стачечников и опровергнуть многочисленные недостоверные утверждения, публиковавшиеся на страницах правительственного издания «Бритиш Гэзетт». Вместе с тем, можно говорить об оборонительном характере информационной политики профсоюзного бюллетеня. Многочисленные материалы газеты свидетельствовали и о том, что руководители забастовки опасались размаха стачки, стремились ограничить самостоятельные действия рабочих. Тем не менее, постоянное увеличение численности стачечников, поддержка их со стороны многих британцев говорили о том, что правительственная антирабочая пропаганда не достигла своей цели, и в этом определенную роль сыграла профсоюзная газета «Бритиш Уоркер».

Список литературы

1. British Gazette [Text]. – 1926.
2. British Worker [Text]. – 1926.

А.М. Родригес-Фернандес

К ВОПРОСУ О «ФОРМАЦИОННЫХ» И «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ» КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

По меньшей мере с середины XIX века начались научный поиск и выявление общих закономерностей (включая их причины и фазы) развития общемирового исторического процесса. Уже тогда одной из важнейших проблем в поиске этих закономерностей стало осознание неравномерности самого процесса общечеловеческого развития и наличие ярко выраженных особенностей в эволюции Запада и Востока.

общество, Запад, Восток, эволюция, формация, цивилизация, взаимозависимость.

THE ISSUE OF “INFORMATION” AND “CIVILIZATIONAL” CONCEPTS OF DEVELOPMENT OF ORIENTAL SOCIETIES

At least since the mid XIX century began the scientific search and the identification of General patterns (including their causes and phases) of development world historical process. Even then, one of the major problems in the search for these laws

[15] British Worker. 1926. 6 May. P. 5 ; 5 May. P. 4, 7 ; 2 May. P. 3 ; 10 May. P. 4.
[16] British Worker. 1926. 13 May. P. 1–4 ; 13 May (evening). P. 1–4.

was the awareness of the irregularity of the process of human development and the presence of pronounced features in the evolution of the West and the East.

society, West, East, evolution, formation, civilization, interdependence.

Социальная эволюция стран Востока в XVI–XIX веках носила драматический, в некоторые периоды даже трагический характер перехода от безусловного доминирования над Западом к столь же несомненному отставанию от него. Об истоках, темпах и даже сущностной стороне этого отставания споры идут с незапамятных времен. Многие, особенно представители национальных историографий Востока, считают главной, а иногда уть ли не единственной причиной отставания Востока колониальную экспансию западных держав с последующей жестокой эксплуатацией ими народов Востока и последствиями этой эксплуатации – разрушением производительных сил, обнищанием, социокультурной и экономико-технической деградацией.

Несомненно, большая доля правды в этом есть. Но вряд ли все беды Востока можно объяснить колониальным порабощением и вообще «внешним» фактором. Страны Востока очень часто и в доколониальную эпоху вели между собой кровопролитные и разорительные войны, в ходе которых население, народное хозяйство и культура оказывались на грани уничтожения (а в некоторых случаях действительно погибали). Но это не вело к тем последствиям, которыми характеризуется социальное состояние Востока к исходу XIX века. Иными словами, «внешнее» воздействие, в том числе фактор колониализма, в судьбах Востока сыграли роль значительную, но не решающую.

Большинство исследователей Востока, прежде всего – в Европе и Америке, склонны объяснять отставание Востока особенностями самого восточного общества и иными путями его развития, нежели общества западного. Однако и здесь единого мнения нет. Более того, существует многообразие и даже непримиримость разных позиций. Если обратиться только к отечественной историографии, то здесь стоит отметить еще недавно кипевшие споры между «формационщиками» и «цивилизационщиками».

Первые, исходя из теории исторической смены социально-экономических формаций, объясняли отставание Востока тем, что он попал в «тупик феодальности», не смог преодолеть барьеры феодализма на пути своего развития в исторически реальные сроки и был обречен на насильственную ломку своего традиционного строя в ходе модернизации, навязываемой извне колонизаторами. Отсюда берут начало различные концепции эволюции восточного общества в колониальную и последующие эпохи.

Иначе все объясняют сторонники цивилизационного подхода. Для них важны и основополагающи прежде всего духовные факторы и складывающиеся на их основе отношения, которые функционируют по формационным критериям и организуют, цементируют общество как в известной мере неизменный социокультурный организм, который следует определенному духовному образцу, своего рода стержню духовной жизни. Роль такого стержня обычно выполняет религия, в связи с чем для любой цивилизации важную роль играет «сфера сакрального», и нередко культурное наследие сводится к религии.

Преувеличение роли религии «цивилизационщиками» подкрепляется еще и тем, что религия на Востоке – не только вера, философия и культуротворящий фактор, как на Западе. Она здесь также – образ жизни, свод законов и обычаев,

социальный регулятор повседневного бытия. Особенно это относится к исламу. Кроме того, в силу этнической пестроты жителей Востока и различия условий их жизни (кочевников и оседлых, горцев и жителей равнин, обитателей пустынь и оазисов) огромную роль приобретали функции их объединения и сплочения. Выполнявшее эти функции государство обычно нуждалось в их освящении религией. Фактически государство в реализации военной и экономической власти опиралось на духовную, социокультурную и идейную поддержку религии.

Допуская правомерность цивилизационного подхода как такового (А. Тойнби вообще считал историю чередой сменяющих друг друга цивилизаций), хотелось бы все же не противопоставлять его подходу формационному, каковой, со многими вариациями, также утвердился в мировой науке. Они на самом деле не так уж противоречат друг другу. Более того, необходимо взаимодействие и взаимодополнение обоих этих подходов, так как экономика немыслима без технологии, а последняя – без развития культуры, т.е. культура и технология, определяющие облик и уровень цивилизации, не могут быть отделены от экономики, определяющей в свою очередь социальную структуру, т.е. от факторов формационных. Иными словами, нет формации вне цивилизации, а цивилизации – вне формации.

Сторонники цивилизационного подхода обычно абсолютизируют способность цивилизации жить своей жизнью, не совпадающей с жизнью породившей ее формации. Особенно их восхищает способность цивилизации не идти вперед, а, сохраняя накопленное, останавливаться или даже двигаться вспять. Но это – самообман. Во-первых, в развитии формаций также бывают уклоны, отступления, застой и постоянные движения. А во-вторых, несовпадение эволюции цивилизации и формаций – норма, а не исключение. Духовное развитие всегда идет по своим законам, нуждаясь в передышке и усвоении достигнутого, в постижении нового качества. А развитие материальное, в частности экономическое, в большей степени измеряется количественным ростом и механическим продвижением вперед.

Помимо весьма сложных отношений цивилизации (меры развития общества), формации (меняющейся в зависимости от экономики структуры общества) и культуры (меры развития человеческой личности, но также системы ценностей и способа деятельности), для развития Востока всегда характерны были замедленные темпы социальных перемен и более длительные, чем на Западе, периоды переходного межформационного состояния. Любая формация на Востоке почти нигде не достигала законченной, как в Европе, формы, сохраняя свою гетерогенность, многоукладность.

Не менее важен был и фактор «сопротивления культур», сформулированный известным французским историком Фернаном Броделем. Согласно его концепции, эти культуры и «полуцивилизации» в ответ на все попытки их уничтожить «появляются снова, упорно стремясь выжить». На Востоке все эти культуры, цивилизации и «полуцивилизации» возникли раньше, чем на Западе, укоренились прочнее, и потому восточное общество не только в социально-экономическом, но и в цивилизационно-культурном плане было пестрым, многоукладным, плюралистичным. Каждая предшествующая эпоха оставляла свой след в последующих более весомо и заметно, чем это было (в тех случаях, когда было) на Западе.

Таким образом, для социального развития Востока характерны были следующие особенности: 1) более длительный, чем на Западе, характер переходных межформационных эпох; 2) отсюда – стойкая многоукладность, социально-экономическая пестрота восточного общества; 3) особая роль фактора «сопро-

тивления культур», увеличивающая неоднородность, многопластовость любого социума на Востоке; 4) гипертрофированное значение государства и религии, порождавшее, в свою очередь, столь же гипертрофированные привилегии и влияние бюрократии и духовенства. К этим особенностям внутреннего свойства следует добавить игравшие подчас решающую роль факторы воздействия извне, каковыми преимущественно до XVI века (в Евразии до XVIII века) были завоевания и нашествия кочевников, а после XVI века – колониализм стран Европы.

Понятие «формация» применимо к истории Востока, но с учетом того обстоятельства, что длительные переходные межформационные эпохи занимают в этой истории, в отличие от истории Запада, гораздо большее, если не доминирующее, время. Нередко их ошибочно называют «восточный феодализм», «восточный капитализм» и т.п., подразумевая под этим формации «нечистые», смешанные, как бы «загрязненные» инородными компонентами и отношениями. На самом деле это особенность не формаций на Востоке, а самого восточного общества, испытавшего сильное влияние географических условий, климата и экологии Востока. В свою очередь, это предопределило особый тип хозяйства и варианты его эволюции. Благоприятные природные условия способствовали здесь раннему развитию своеобразных культурно-исторических типов социального бытия, но наличие громадных просторов пустынь и степей породили кочевничество с его устойчивым на тысячелетия образом жизни и с постоянно им рождаемой (и осуществляемой периодически) угрозой более цивилизованным районам и целым странам. Разрушительные нашествия кочевников – постоянный фактор истории Востока. В то же время именно здесь больше всего проявился фактор «сопротивления культур», которые, в ответ на попытки их уничтожения, «появляются снова, упорно стремясь выжить».

Моменты несовпадения формации и цивилизации – норма, а не исключение. Иногда цивилизации переживают формации, иногда – гибнут вместе с ними, но более замедленно, оставляя более заметный, чем формации, след в исторической памяти человечества. Это ярко проявляется в различные переломные или переходные эпохи, особенно свойственные Востоку и связанные с ломкой старых и образованием новых структур исторического пространства.

Список литературы

1. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного [Текст]. – М., 1984.
2. Симония, И.А. Страны Востока: пути развития [Текст]. – М., 1975. – С. 207.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв [Текст]. – М., 1988. – Т. 2.

А.С. Романика

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИТАЛИИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Статья посвящена анализу публикаций Н.Г. Чернышевского в связи с национально-освободительным движением в Италии третьей четверти XIX сто-

летия. Рассматривается влияние его выступлений в печати на взгляды и настроения российской общественности.

Н.Г. Чернышевский, Гарибальди, национально-освободительное движение в Италии, повстанцы, армия.

THE ITALIAN NATIONAL LIBERATION MOVEMENT
IN N.G. CHERNYSHEVSKY'S SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM

The article deals with N.G. Chernyshevsky's publications about the national liberation movement in Italy of the third quarter of the XIX century. There are considered the effect of his statements in the press and on the views of the Russian public mood.

N.G. Chernyshevsky, Garibaldi, the Italian national liberation movement, insurgents, army.

Борьба за национальный суверенитет Италии привлекала внимание и оказывала заметное влияние на формирование системы взглядов российской демократической общественности 1850-х – начала 1860-х годов. К этой теме неоднократно обращался наиболее признанный в кругах демократической интеллигенции журнал «Современник». Редактору журнала Н.Г. Чернышевскому принадлежит ряд статей о деятельности Гарибальди и его сторонников, в которых, в частности, затрагивались различные аспекты вооруженной борьбы и военного противоборства в ходе освободительной войны.

В качестве материала для своих статей об итальянском национально-освободительном движении Н.Г. Чернышевский неоднократно использовал публикации английского журналиста, находившегося при штабе Гарибальди. Так, в статье «Палермская корреспонденция "Times'а"» разбирается декрет Гарибальди о реорганизации военных отрядов инсургентов. Н.Г. Чернышевский соглашается с мнением английского корреспондента, что устройство отрядов восставших «решительно несовместно с правильной военной организацией» [1] на первых этапах движения. Отряды инсургентов возникали и действовали стихийно, без общего руководства. В итоге это привело к крайне низкой дисциплине, массовым грабежам и разорению захваченных территорий и, как следствие, неприязни между повстанцами и населением.

Схожие оценки даются и неаполитанским правительственным войскам образца 1860 года. Английский журналист отмечает в первую очередь недостатки управления неаполитанской армией и низкий уровень дисциплины: «Сами неаполитанские генералы начали над своим войском то дело, которое Гарибальди только довершил» [2]. В связи с внутренним конфликтом Н.Г. Чернышевский воспринимал армию в первую очередь как инструмент репрессий со стороны властей [3]. Однако участие в борьбе против собственного народа становилось

[1] Чернышевский Н.Г. Палермская корреспонденция «Times'а» // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 8. С. 223.

[2] Там же. С. 221.

[3] Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». № 12 – декабрь 1859 года // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 6. С. 475.

фактором разложения вооруженных сил государства. В сентябрьском номере «Современника» за 1860 год Н.Г. Чернышевский детально и ярко описывает случай жестокой расправы неаполитанских солдат над своим же генералом Бриганти. Этот факт, по мнению автора, дает основания к самым пессимистическим выводам о перспективах неаполитанского войска в борьбе с инсургентами [4].

Внимание Н.Г. Чернышевского привлекает разбор политических пристрастий неаполитанских офицеров, сделанный английским корреспондентом. Он утверждает, что характерной чертой командного состава неаполитанской армии 1860-х стал низкий уровень образования. Правительство стремилось иметь верную армию, в которой были бы сильны консервативные воззрения, поэтому во главе войска стояли люди, далекие от передовых философских или политических идей. По этой причине среди прогрессивно мыслящих неаполитанцев авторитет армии был весьма низок. В итоге неаполитанские офицеры были пригодны лишь для пышных парадов и казарменного быта, а не военных действий [5]. Подобные представления были близки Н.Г. Чернышевскому. Во-первых, он решительно выступал против использования армии для подавления народных протестов. Во-вторых, распространенные среди офицерства консервативные взгляды Н.Г. Чернышевский полагал прямым следствием низкого уровня образования. Неслучайно в период деятельности в качестве редактора журнала «Военный сборник» в 1858 году он видел своей целью работу для «умножения числа образованных офицеров», что послужило бы в свою очередь распространению в обществе демократических идей [6]. Наконец, Н.Г. Чернышевский отрицательно относился к парадной составляющей военной службы, считая ее излишней.

Положительную оценку давал Н.Г. Чернышевский мерам, предпринятым Гарибальди по реорганизации отрядов повстанческой армии. Создавались команды возрастом от 17 до 30 лет для ведения основных военных действий и возрастом от 30 до 40 лет, призванные «защищать каждый свою провинцию, в случае нападения на нее» [7]. Принцип набора был добровольческий. Отряды отличись дисциплиной и хорошим сообщением друг с другом. Особо подчеркивал Н.Г. Чернышевский значение поддержки и помощи повстанческому движению со стороны мирного населениея, что представляет собой важнейшее условие успешной революционной борьбы. В итоге «каждый сицилиец знал, когда Гарибальди прийдет в Мисильмери; все говорили об этом, а между тем неаполитанцы не знали ничего» [8].

Важной чертой итальянского национально-освободительного движения Н.Г. Чернышевский считал стал его массовый, народный характер. Разнородный состав борцов за независимость Италии, объединенных одной целью, он противопоставлял «плац-парадной формалистике» неаполитанского войска [9]. При

---

[4] Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». № 7 – сентябрь 1860 года // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 8. С. 265.

[5] Чернышевский Н.Г. Палермская корреспонденция «Times'а». С. 221.

[6] Огарев Н.П. На новый 1861 год // Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 1. С. 393.

[7] Чернышевский Н.Г. Палермская корреспонденция «Times'а» // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 8. С. 222.

[8] Там же.

[9] Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». № 12 – декабрь 1859 года // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 6. С. 462.

этом слабые стороны итальянского освободительного движения Н.Г. Чернышевский видел в низкой военной подготовке и неопытности повстанцев [10]. Ограниченность политической программы Гарибальди, которая привела к свертыванию движения, также была предметом критики Н.Г. Чернышевского. По этой причине образ Гарибальди и его сподвижников к середине 1860-х в российской революционно-демократической среде уже не вызывал такого энтузиазма, как ранее.

Внимание Н.Г. Чернышевского к развитию освободительной борьбы в Италии способствовало росту интереса российской общественности к этим событиям. За 1860 год было распространено 6 600 экземпляров журнала «Современник», что составляло выдающийся результат [11]. Для российских революционно-демократических кругов итальянские повстанческие отряды частично стали прообразом боевого союза восставшего народа и армии для совместной борьбы против самодержавия, к которому активно призывали авторы революционных прокламаций начала 1860-х годов. Опыт военной деятельности итальянских революционеров во многом повлиял на направления активности общества «Земля и воля». Его участники в своей конспиративной деятельности стремились заручиться поддержкой в военных кругах.

Список литературы

1. Огарев, Н.П. На новый 1861 год [Текст] // Избранные социально-политические и философские произведения. – М., 1956.– Т. 1.
2. Чернышевский, Н.Г. Палермская корреспонденция “Times’a” [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1950.– Т. 8.
3. Чернышевский, Н.Г. Политика. Из «Современника». № 7 – сентябрь 1860 года [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1950. – Т. 8.
4. Чернышевский, Н.Г. Политика. Из «Современника». № 8 – август 1859 года [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1950. – Т. 6.
5. Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». № 12 – декабрь 1859 года [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1950. – Т. 6.
6. Чернышевский, Н.Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник» [Текст] // Собр. соч. : в 30 т. – М., 1950. – Т. 7.

М.И. Романова

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ИДЕОЛОГОВ АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА XVIII СТОЛЕТИЯ

В статье анализируется социальный состав главных идеологов английского либерализма XVIII века. Автор подчеркивает, что среди них имелось достаточное количество представителей так называемого «среднего класса».

Великобритания, либерализм, XVIII век, виги, средние классы.

[10] Чернышевский Н.Г. Политика. Из «Современника». № 8 – август 1859 года // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 6. С. 370.
[11] Чернышевский Н.Г. Сведения о числе подписчиков на «Современник» // Собр. соч. : в 30 т. М., 1950. Т. 7. С. 899.

THE SOCIAL COMPOSITION OF THE IDEOLOGUES
OF THE ENGLISH LIBERALISM OF THE EIGHTEENTH CENTURY

This article analyzes the social composition of the main ideologues of the British liberalism of the 18th century. The author stresses that among them there were many sufficient representatives of the so-called “middle class”.

United Kingdom, liberalism, 18th century, the Whigs, the middle classes.

Единой темой либеральной публицистики XVIII века был вопрос о реформе избирательного права. Либеральные идеологи разделились на «радикалов» – сторонников введения всеобщего избирательного права и на его противников – «умеренных». Внутри последней группировки также можно выделить два течения: собственно «вигов», ограничивших свои сочинения политическими и социальными темами, традиционными для вигов; и «либеральных вигов» – предшественников «классического либерализма», рассматривавших также экономические вопросы, важные для торгово-промышленной буржуазии.

Представители каждой из выделенных группировок («виги», «либеральные виги», «радикалы») большей частью выражали интересы тех социальных слоев, выходцами из которых они являлись. Однако были и исключения, когда воззрения авторов определялись не происхождением, а являлись результатом идейных убеждений на основе их собственного жизненного опыта. Поэтому представляется важным проанализировать социальный состав идеологов английского либерализма XVIII столетия.

«Вигское» направление имело всего двух авторов. Аристократ Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери (1671–1713) продолжал семейную традицию. Его дед был известным политическим деятелем, главой вигской оппозиции в эпоху Реставрации. С 1699 года после смерти отца он наследовал место в палате лордов и примкнул к вигской группировке, однако отмечал, что на деле виги и тори проводят сходную политику, их интересы близки, и разница между их политическими установками невелика [12].

Джон Толанд (1670–1722) происходил из семьи католического священника в Северной Ирландии и был близким другом Шефтсбери. По политическим взглядам Толанд примыкал к вигам-республиканцам [13].

Группировка «либеральных вигов» имела более сложный социальный состав. Генри Филдинг (1707–1754) был сыном генерала и дочери судьи. Он получил блестящее образование в Итоне и Лейденском университете, написал ряд сатирических комедий, в которых критиковал действия правительства. Примыкал к «молодым патриотам» во главе с Питтом-старшим, которые поддерживали торгово-промышленную буржуазию. После принятия закона о театральной цензуре 1737 года переключился с драматургии на публицистическую деятельность, а затем стал мировым судьей. Его газета «Чемпион, или британский Меркурий» была одним из рупоров оппозиции Р. Уолполу. По ряду вопросов он поддерживал вигов, но вместе с тем часто критиковал их [14].

---

[12] Shaftesbury A. Sensus communis // Shaftesbury A. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times : in 3 vol. Basil, 1790. Vol. 1. P. 94.

[13] Toland J. A Memorial Presented to a Minister of State. L., 1726.

[14] Просветительское движение в Англии / под ред. Н.М. Мещеряковой. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 303–304.

Джозеф Мэсси (1719/21–1784) – выходец из семьи богатого лондонского торговца и получил прекрасное образование. В политической деятельности не участвовал. С 1746 года он занялся публицистикой и написал ряд экономических трудов, в которых выдвигал идеи, близкие интересам буржуазии [15].

Адам Смит (1723–1790) – сын шотландского таможенного чиновника. Он окончил Оксфордский университет и работал преподавателем. В 1776 году Смит опубликовал свое знаменитое «Исследование о природе и причинах богатства народов», где впервые выдвинул концепцию фритрейда, ставшую стержнем экономической программы либералов [16].

Джозеф Пристли (1733–1804) родился в семье диссентеров-ткачей. С 1755 года он служил секретарем у одного из вигских лидеров – лорда Шелборна. Был хорошо знаком с Б. Франклином, поддерживал борьбу за независимость Североамериканских колоний, а затем став членом общества «Друзья революции», в 1791 году подвергся гонениям со стороны властей, бежал в Америку, где и умер. Он написал много публицистических произведений, среди которых наиболее известны «Письма к достопочтенному Эдмунду Бёрку» [17].

«Радикалы», напротив, были остаточно однородны по своему социальному составу. Ричард Прайс (1723–1791) происходил из семьи потомственных пресвитерианских священников, получил степень доктора богословия. Прайс вел переписку с Б. Франклином, Т. Джефферсоном и был сторонником отмены рабства в американских колониях. Его политические взгляды изложены в работе «Замечания о природе гражданской свободы, принципах правления и справедливости и благоразумии войны в Америке» [18].

Джеймс Бург (1714–1775) также родился в семье священника пресвитерианской церкви. Он руководил собственной частной школой. Был членом общества «Честные виги», в состав которого входили Р. Прайс, Дж. Пристли и Б. Франклин. В связи с «делом Уилкса» Бург проявил интерес к идее парламентской реформе и посвятил ей свой оставшийся незавершенным труд «Политические исследования» [19].

Джон Картрайт (1740–1824) был сыном землевладельца-джентри. Он участвовал в Семилетней войне, сделал неплохую военную карьеру, но из-за подорванного здоровья ушел в отставку в 30 лет. Несмотря на личную просьбу адмирала, Картрайт отказался вернуться на флот и участвовать в войне против североамериканских колоний. В 1780 году он создал «Общество конституционной информации» и стал членом Вестминстерского комитета, где вместе с вигами Ч. Фоксом и Дж. Джеббом разрабатывал радикальный вариант парламентской реформы. Картрайт опубликовал ряд работ в поддержку реформы, среди которых наибольшую известность получил изданный в 1776 году памфлет «Защищая законодательные права народа, или Сделай свой выбор» [20].

---

[15] Просветительское движение в Англии / под ред. Н.М. Мещеряковой. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 386–389.

[16] Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2009.

[17] Priestley J. Letters to the Right Honourable Edmund Burke, occasioned by his Reflections on the Revolution in France Letters to the Right Honourable Edmund Burke, occasioned by his Reflections on the Revolution in France. Birmingham : Thomas Pearson, 1791.

[18] Price R. Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America. L. : T. Cadell, 1778.

[19] Burgh J. Political disquisitions; or, an enquiry into public errors, defects, and abuses : in 3 vol. L. : E. and C. Dilly, 1774–1775.

[20] Cartwright J. The Legislative Rights of the Commonalty Vindicated, or Take your choice! L. : Printed for J. Almon, 1776.

Таким образом, во всех трех группировках имелись представители так называемого «среднего класса». У «вигов» – сын католического священника, публицист Дж. Толанд. Среди «либеральных вигов» – сын чиновника, публицист А. Смит; сын генерала, юрист и писатель Г. Филдинг; сын богатого торговца, экономист Дж. Мэсси. У «радикалов» – сын джентри, офицер и публицист Дж. Картрайт. Больше всего представителей «среднего класса» было в среде «либеральных вигов», что и определило их интерес ко всем аспектам либеральных идей, как политическим, так и экономическим.

«Радикалы» в основном представлены выходцами из семей диссентеров (Р. Прайс, Дж. Бург). Поэтому их интерес к идее всеобщего избирательного права вполне обоснован. Исключение составляет Дж. Картрайт, который, будучи не связанным ни с диссентерской, ни с мелкобуржуазной средой, тем не менее, исходя из личных идейных убеждений, активно боролся за введение всеобщего избирательного права.

Напротив, католический священник Дж. Толанд и сын ткачей, диссентер Дж. Пристли, казалось бы, заинтересованные во всеобщем избирательном праве как выходцы из социальных групп, интересы которых были политически ущемлены, тем не менее, были противниками этой идеи, опять-таки по личным мотивам.

Все это показывает, что либеральная идеология в социальном плане была достаточно сложным явлением, которое нельзя однозначно сводить только к обоснованию интересов представителей определенных, четко выявленных социальных слоев. Данное обстоятельство во многом и обусловило ее долгое становление.

Список литературы

1. Просветительское движение в Англии [Текст] / под ред. Н.М. Мещеряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1991.
2. Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов [Текст]. – М. : Эксмо, 2009.
3. Burgh, J. Political disquisitions; or, an enquiry into public errors, defects, and abuses [Text] : in 3 vol. – L. : E. and C. Dilly, 1774–1775.
4. Cartwright, J. The Legislative Rights of the Commonalty Vindicated, or Take your choice! [Text]. – L. : Printed for J. Almon, 1776.
5. Price, R. Observations on the Nature of Civil Liberty, the Principles of Government, and the Justice and Policy of the War with America [Text]. – L. : T. Cadell, 1778.
6. Priestley, J. Letters to the Right Honourable Edmund Burke, occasioned by his Reflections on the Revolution in France Letters to the Right Honourable Edmund Burke, occasioned by his Reflections on the Revolution in France [Text]. – Birmingham : Thomas Pearson, 1791.
7. Shaftesbury, A. Sensus communis [Text] // Shaftesbury, A. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times : in 3 vol. – Basil, 1790. – Vol. 1.
8. Toland, J. A Memorial Presented to a Minister of State [Text]. – L., 1726.
9. Toland, J. The Art of Governing by Parties [Text]. – L., 1701.

Ю.В. Савосина

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И СССР В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Англо-советские отношения середины 1920-х годов характеризовались политическими разногласиями, основанными на идеологическом противостоя-

нии и столкновении экономических интересов в Азии, в частности на Ближнем Востоке. Осенью 1924 года к власти в Великобритании пришло консервативное правительство Болдуина, и с этого времени начинается период кризиса двусторонних отношений.

Великобритания, СССР, двусторонние отношения, провокация, разрыв дипломатических отношений.

GREAT BRITAIN AND USSR IN THE MIDDLE OF 1920-S:
PROBLEM OF RELATIONSHIP

Anglo-Soviet relations in the middle of 1920's was characterized by political divisions based on ideological confrontation and pushing economic interests in Asia, particularly in the middle East. In the autumn of 1924 to power in Britain came the conservative government of Baldwin, and from this time begins a period of crisis in bilateral relations.

Britain, the USSR, bilateral relations, provocation, severance of diplomatic relations.

В первой четверти XX века Великобритания занимала одну из лидирующих позиций в международной системе. Вследствие этого в европейском направлении во внешней политики СССР ориентировался на налаживание отношений с данной страной.

Противоречия основывались на различных подходах к идеологическому мышлению. Также интересы СССР и Великобритании сталкивались в Азии, в частности на Ближнем Востоке, что привело к полосе напряженных отношений между двумя государствами.

В октябре 1924 года в Великобритании к власти пришло консервативное правительство Болдуина, которое отказалось от ратификации англо-советских договоров.

В мае–июне 1925 года английское правительство предприняло попытку спровоцировать кризис в англо-советских отношениях. Поводом послужили события в Китае, ответственность за которые английское правительство возложило на СССР. Правительство Великобритании отказалось начинать переговоры по урегулированию спорных вопросов, пока правительство СССР не изменит внешнюю политику по отношению к Азии.

В мае–июне 1926 года английское правительство, используя факт оказания материальной помощи трудящимися СССР английским рабочим, объявившим в начале мая 1926 года всеобщую забастовку, обвинило Советский Союз во вмешательстве во внутренние дела страны.

Такая внешняя политика консервативного правительства Великобритании вела линию на разрыв дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. Английское правительство надеялось, что такая политика послужит примерам другим капиталистическим странам и в итоге приведет к созданию антисоветского блока, к новой интервенции против СССР.

В октябре 1926 года в Скарборо состоялась конференция консервативной партии Великобритании, где была принята резолюция, содержание которой тре-

бовало немедленного разрыва советско-английского торгового соглашения, закрытия всех существовавших на территории Англии советских учреждений и удаления из пределов Великобритании всех служащих этих учреждений. Инициатором антисоветской кампании был Уинстон Черчилль, занимавший в то время пост министра финансов. Он призывал английское правительство последовать примеру США, проводивших в отношении СССР «политику непризнания».

В декабре 1926 года Советское правительство поставило перед английским министерством иностранных дел вопрос о необходимости установления широких деловых контактов между английскими и советскими дипломатическими представителями за границей. В январе 1927 года поверенный в делах СССР в Великобритании получил указание из Москвы всемерно избегать разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией.

Несмотря на сложность дипломатических отношений, экономические связи между двумя государствами продолжали работать.

Важную роль в англо-советских отношениях играл Китай, где развивалась революция. С начала 1927 года в англо-советских отношениях наметился очередной кризис. Четвертого февраля было опубликовано заявление Народного коммисариата иностранных дел (НКИД) об англо-советских отношениях, где подчеркивалось, что СССР заинтересован в сохранении дружественных отношений с Англией. Однако в заявлении говорилось о глубоких симпатиях советского народа к китайскому национально-освободительному движению.

В марте 1927 года капиталистические страны во главе с Великобританией перешли к открытой вооруженной интервенции против китайского народа.

В то же время правительством Великобритании был спровоцирован налет на советское посольство в Пекине. Это позволило бы ослабить внешнеполитические позиции СССР, затруднить оказание поддержки китайскому народу со стороны советского народа и нанести удар китайской революции.

Шестого апреля 1927 года вооруженная полиция и солдаты пекинского правительства ворвались в здание советского полпредства в Пекине, произвели там обыск и арестовали некоторых дипломатических сотрудников. Налет был организован при поддержке английского и американского правительств. Английские офицеры непосредственно участвовали в налете. Во время налета вблизи полпредства находилось около взвода английских солдат. Провокационные налеты были совершены также на советские консульства в Шанхае и Тяньцзине.

В мае 1927 года был совершен очередной провокационный выпад Великобритании в сторону СССР. Английское правительство приняло решение организовать налет на лондонскую контору АРКОС. В организацию налета были посвящены министр внутренних дел Англии Хикс, министр иностранных дел Чемберлен, премьер Болдуин, а также Черчилль.

Двенадцатого мая 1927 года здание АРКОС и торговой делегации Советского Союза без законного основания было занято вооруженным отрядом английской полиции. В течение нескольких дней, до 16 мая, полиция проводила обыск. Советские дипломаты, находившиеся в АРКОСе, были задержаны. Двенадцатого мая полпредство СССР направило ноту протеста, в которой было указано на незаконность действий английских властей. Семнадцатого мая правительству Великобритании была направлена нота протеста Советского правительства.

Двадцать четвертого – двадцать шестого мая 1927 года в палате общин состоялись дебаты по вопросу об англо-советских отношениях. Премьер-министр

Великобритании Болдуин, сообщая об обнаружении в помещениях советских учреждений документах, свидетельствующих об антианглийской деятельности Советского Союза, выступил с предложением разорвать дипломатические отношения с СССР, а также аннулировать торговый договор. Большинством голосов английского парламента это предложение правительства было поддержано.

Двадцать седьмого мая 1927 года О. Чемберлен вручил советскому представителю в Великобритании ноту, где говорилось, что английское правительство разрывает с СССР дипломатические отношения и аннулирует торговое соглашение 1921 г. По заявлению английского правительства, поводом к разрыву англо-советских дипломатических отношений послужила советская пропаганда в Великобритании.

Двадцать восьмого мая 1927 года Советское правительство вручило ответную ноту правительству Великобритании, в которой решительно отвергало все обвинения. Советское правительство подчеркнуло, что основной причиной разрыва является поражение политики правительства консерваторов в Китае.

Разрывая отношения с СССР, консервативные правящие круги Великобритании рассчитывали добиться политической и экономической изоляции Советского Союза, введения экономических санкций и возможности создания условий для организации военной интервенции.

Н.М. Савченко

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА Р. БРУНЕТТА В ИТАЛИИ

В статье рассмотрена административная реформа Р. Брунетта 2009 году. Проанализированы цели реформы, средства для достижения этих целей, охарактеризованы ключевые принципы, методы, стратегии и инициативы в рамках проведения этой реформы, а также программа мероприятий для ее осуществления. Дана оценка результатам реформы.

административная реформа, декрет-законы, закон, государственные служащие, государственная администрация, Р. Брунетта.

R. BRUNETTA ADMINISTRATIVE REFORM IN ITALY

The article deals with the Brunetta administrative reform of 2009. The objectives of the reform are analyzed. The author characterizes the key principles, methods, strategies and initiatives in the framework of the reform as well as its implementation, and estimates its results.

administrative reform, Legislative Decree, Law, public servants, public administration, R. Brunetta.

Еще в начале 1990-х годов Италия и многие другие промышленно развитые страны приступили к масштабным государственным реформам, в результате чего должна была измениться вся административная культура, правила и процедуры упрощены, а бюрократические нагрузки на физических и юридических лиц

уменьшены. Административная реформа была среди важнейших обязательств правительств Дж. Амато, К.А. Чампи, Р. Проди и М. Д'Алема в 1990-е годы. Затем последовал период бездействия, совпавший со вторым и третьим правительством С. Берлускони, а также вторым кабинетом Р. Проди. При четвертом правительстве С. Берлускони, сформированном в 2008 году, работа по модернизации итальянской административной системы возобновилась. Общая стратегия и руководящие принципы по дальнейшему реформированию итальянской государственной администрации были изданы министерством государственных служб и инноваций и его главой Р. Брунетта 28 мая 2008 года. Реформа заимствовала лучшие идеи международной практики. На ее начальном этапе все признавали, что реформа государственного управления необходима и актуальна, особенно в разгар мирового экономического кризиса.

Закон № 15 от 4 марта 2009 года (реформа Брунетта) обязал привести качество государственных товаров и услуг в соответствие с международными стандартами, поощрить за заслуги и наказать за некомпетентность, а следовательно, заменить бюрократическую культуру на культуру результатов и оценки [1]. Двадцать седьмого октября 2009 года правительство одобрило декрет-закон № 150 (декрет реформы), дав старт реформе. Его целью, помимо вышеперечисленного, было создание общей системы планирования и управления для всей итальянской государственной администрации («система производительности»). Был создан центральный орган под названием Независимая комиссия по оценке, ответственности и добросовестной работе государственной администрации. Семнадцатого декабря 2009 года был одобрен декрет-закон № 198/2009. Он установил, что в случае предоставления некачественных услуг граждане и компании могут подать коллективный иск против действий соответствующих органов власти и поставщиков государственных услуг.

Реформа также была предназначена для улучшения состояния итальянской экономики и приведения ее в соответствие с изменением мирового спроса и предложения перед лицом мирового экономического кризиса. В период между 2000 и 2008 годом темпы роста заработной платы государственных служащих значительно превышали аналогичные показатели в частном секторе, несмотря на снижение их производительности. В ответ на эту ситуацию реформа включила в себя: 1) модернизацию государственного управления; 2) инновации и цифровые технологии в государственном управлении по всей стране; 3) развитие отношений между государственной администрацией, гражданами и предприятиями. Реформа Брунетта использовала в качестве модели инновационную стратегию ОЭСР. Она также предвосхитила европейскую стратегию экономического развития на 10 лет «Европа 2020», принятую в 2010 году, чтобы выйти из кризиса и создать условия для устойчивых и всеобъемлющих роста и развития.

Средством для достижения этих целей является признание заслуг и недостатков руководителей и всех государственных служащих. Предположения, лежащие в основе этого подхода, исходят из теории ожидания В. Врума, в которой говорится, что мотивом увеличения производительности труда любого человека

---

[1] Delega al Governo finalizzata all'ottimizzazione della produttività del lavoro pubblico e alla efficienza e trasparenza delle pubbliche amministrazioni nonchè disposizioni integrative delle funzioni attribuite al Consiglio nazionale dell'economia e del lavoro e alla Corte dei conti: Legge 4 marzo 2009, n. 15 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 2009. 5 marzo. № 53. P. 2.

является денежный стимул. Статья 19 декрета о реформе определяет пороговые значения для признания заслуг после внедрения новой системы оценки [2]. В каждой администрации государственные служащие должны быть разделены на три группы в соответствии с их производительностью: 50 % ресурсов должны отдаваться 25 % лучших работников; эта сумма включает в себя бонус для 5 % самых лучших; другие 50 % ресурсов – второй группе государственных служащих, которая включает 50 % работников; последняя группа (25 % худших работников) не получит никакого финансового вознаграждения. Схема дополняется неденежными стимулами, такими, как специальные назначения и возможности повышения квалификации для продвижения по службе [3]. Подобные схемы поощрения можно встретить и в других странах. С целью повышения общего уровня прозрачности деятельности администрации были затронуты четыре сферы: предупреждение коррупции; оценка эффективности и подотчетности; коллективный контроль; участие граждан.

Была создана программа мероприятий для предотвращения взяточничества и других случаев коррупции с помощью Национальной антикоррупционной стратегии, включающей все государственные органы. Были выработаны санкции для руководителей в случае несоблюдения требований или плохого исполнения ими служебных обязанностей. Был также введен новый набор процедур, регулирующих доступ к высшим эшелонам власти. В статье 8 прописано взаимодействие с заинтересованными сторонами и измерение удовлетворенности клиентов [4].

В целом реформе Брунетта не удалось добиться значительных изменений и стать реальным поворотным моментом, которого ожидала итальянская государственная администрация. В соответствии с итальянской политической традицией политическая поляризация часто приводит к тому, что новое правительство изменяет реформы предыдущих, прежде чем они приведут к каким-либо результатам. Так, например, правительство М. Монти реформировало систему планирования и контроля деятельности муниципалитетов, издав декрет-закон № 174/2012 через 11 месяцев после смены правительства С. Берлускони, в результате чего была введена новая система внутреннего контроля. В соответствии с декрет-законом № 95/2012, ставившим своей целью уменьшить расходы итальянской государственной администрации, работа высших чиновников должна оцениваться с учетом достижения конкретных целей, вклада в общую деятельность муниципалитета, их организационных способностей и способностей дифференциации производительности своих сотрудников. Декрет-закон № 102/2013 ставил своей целью усиление систем бухгалтерского учета местных администраций. В результате учет расходов стал обязательным для муниципалитетов в 2015 году.

Проведенные мероприятия глубоко изменили итальянский законодательный порядок. И хотя реформы реализованы лишь частично, необходимо отметить многочисленные успехи. Субнациональные правительства получили более современное устройство, более стабильную структуру управления и более суще-

[2] Attuazione della legge 4 marzo 2009, n. 15, in materia di ottimizzazione della produttivita' del lavoro pubblico e di efficienza e trasparenza delle pubbliche amministrazioni: Decreto Legislativo 27 ottobre 2009, n. 150 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 2009. 31 ottobre. № 254. P. 3.

[3] Modernising the Public Administration: A Study on Italy. P., 2010. P. 31.

[4] Attuazione della legge 4 marzo 2009, n. 15, in materia di ottimizzazione della produttivita' del lavoro pubblico e di efficienza e trasparenza delle pubbliche amministrazioni: Decreto Legislativo 27 ottobre 2009, n. 150 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. 2009. 31 ottobre. № 254. P. 2.

ственные задачи, полномочия и ресурсы, предвосхитив процессы децентрализации, протекающие в настоящее время во всех ведущих европейских странах. Использование информационных технологий в предоставлении государственных услуг получает все более и более широкое распространение. Пока всего 17 % итальянских семей пользуется услугами электронного правительства, в то время как средний показатель по ЕС составляет 30 %, в крупных европейских странах он достигает 40 %, в странах Северной Европы – 60 %. Проведенные административные реформы определили цели, которые должны быть достигнуты политическим сообществом, и следовательно, программу реформ можно рассматривать как частично выполненную и, вместе с тем, продолжающуюся работу.

Список литературы

1. Attuazione della legge 4 marzo 2009, n. 15, in materia di ottimizzazione della produttivita' del lavoro pubblico e di efficienza e trasparenza delle pubbliche amministrazioni: Decreto Legislativo 27 ottobre 2009, n. 150 [Text] // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 2009. – 31 ottobre. – № 254.
2. Delega al Governo finalizzata all'ottimizzazione della produttività del lavoro pubblico e alla efficienza e trasparenza delle pubbliche amministrazioni nonchè disposizioni integrative delle funzioni attribuite al Consiglio nazionale dell'economia e del lavoro e alla Corte dei conti: Legge 4 marzo 2009, n. 15 [Text] // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 2009. – 5 marzo. – № 53.
3. Modernising the Public Administration: A Study on Italy [Text]. – P., 2010.

С.А. Сальникова

КРИТИКА ОБЩЕСТВА В СБОРНИКЕ ШВАНКОВ ИОГАННЕСА ПАУЛИ «В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ»

Шванки – короткие, веселые, поучительные истории, занимающие особое место в немецкой литературе XVI века. В статье речь идет о сборнике шванков Иоганнеса Паули «В шутку и всерьез». Данный сборник представляет собой широкую картину жизни и нравов Германии XVI века.

немецкая литература, XVI век, критика общества, сатира, нравы.

SOCIAL CRITICISM IN SCHWANKS COLLECTIONS “IN JOKE AND SERIOUSLY” BY IOHANNES PAULI

Schwank – short, fun didactic story, holds a special place in German literature of the 16th century. In this article we are talking about a schwank′s collection “In joke and seriously” by Johannes Pauli. This collection presents a wider picture of life and mores of 16th century Germany.

German literature, 16th century, social criticism, satire, mores, morals.

Особое место в немецкой литературе XVI века занимают сборники коротких, веселых, но всегда поучительных историй, бытовых сцен и зарисовок –

шванков. Авторы подобных сатирических сборников, как правило, были представителями бюргерства и знакомили читателя с жизнью и бытом, интересами и желаниями, горестями и радостями своего сословия. Главными героями шванков являются чиновники-крючкотворы, купцы-обманщики, мужья-рогоносцы, нерадивые жены-сплетницы, невежды-монахи и многие-многие другие персонифицированные в простых обывателях грехи и пороки. Задача автора через улыбку, смех, а порой и острую сатиру исправить нравы, искоренить пороки общества. Автором одного из таких сатирических сборников был францисканский проповедник Иоганнес Паули (ок. 1455–1530). «В шутку и всерьез» – книга, по замыслу самого автора, «повествующая о делах мирских на примере поучительных и забавных притч и историй, ради улучшения и исправления человеческой натуры», вышла в свет в 1522 году [1]. Героями «В шутку и всерьез» стали простые обыватели, современники Иоганнеса Паули, на страницах сборника читатель может встретить отца трех дочерей, обремененного заботами, дворянина и его хитреца-слугу, гуляку-студента, матушку и ее дочь – больших охотниц до денег, судью, облеченного властью, богатого священника, не знающего, как спрятать свои сокровища, и других не менее ярких представителей современного автору общества. Несмотря на легкость и озорство повествования, людские пороки являются главной темой этих шуточных историй, притч и анекдотов. Так, одна из них рассказывает о неком дворянине, купившем должность наместника над многими городами и весями. Жители тех городов несли ему дары и подношения один другого больше, обрадованные тем, что их заносили в специальный список, по которому впоследствии они также будут отблагодарены. Но наместник требовал с них все больше и больше. И лишь шут смог остановить эти поборы. Играя с огнем, подкладывая все новые и новые веточки в камин, он сжег своего хозяина. Несмотря на все его увещевания и требования погасить огонь, шут со словами: «…коли я его сейчас погашу, ты возьмешь это за правило, и завтра мне придется опять гасить его, и послезавтра тоже. Так ведь и говорят твои разнесчастные подданные: единожды дав тебе, даешь затем опять и опять», не прекратил игры [2]. Назидательность этой истории, по авторскому мнению, заключается в том, что «за каждый грех будет нам воздаяние», за все рано или поздно приходится платить [3]. Но право восстановить справедливость Иоганнес Паули предоставляет шуту, ссылаясь на Сенеку, указывавшего на то, что «Бог говорит порой и устами дурака» [4].

На наш взгляд, автор «В шутку и всерьез» отсылает читателя к еще одному своеобразному направлению в немецкой литературе, сложившемуся в указанный период, – к «литературе о дураках». Многие писатели, мыслители конца XV – начала XVI века видели корень людских бед в человеческой глупости. И Себастиан Брант, и Эразм Роттердамский, и позднее Ганс Сакс высмеивали, обличали всяческие проявления глупости, людского неразумия, являвшегося причиной грехов и пороков общества. Ведь как утверждает госпожа Глупость со страниц «Похвального слова» Эразма Роттердамского, она имеет власть над всеми людьми, над их чувствами, слабостями, желаниями, поступками, над всем тем, что и составляет человеческую природу.

[1] Немецкие шванки и народные книги XVI века. М., 1990. С. 25.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же.
[4] Там же.

В сборнике «В шутку и всерьез» забавные истории, служащие примером, руководством в жизни, чередуются со шванками, содержащими протест против социальной несправедливости и засилья католической курии. Нередко объектом для авторской насмешки служат представители клира. Так, героем одной истории стал богатый священник, единственная забота которого вопреки заветам отцов церкви заключалась в постоянном перепрятывании своего сокровища.

Шванки Иоганнеса Паули, основанные на материалах античных и современных автору источниках, написанные простым, а зачастую и грубоватым языком, призваны были через призму насмешки, юмора бороться с пороками и недостатками своего читателя, служить целям воспитания в духе благочестивой морали, искоренять в обществе алчность, стяжательство, мздоимство, прелюбодеяние, невежество, тщеславие, гордыню и многие другие слабости и пороки человека и общества в целом.

Список литературы

1. Пуришев, Б.И. Немецкие прозаические шванки и народные книги эпохи Возрождения [Текст] // Немецкие шванки и народные книги XVI века. – М., 1990.
2. История немецкой литературы [Текст] : в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.
3. Немецкие шванки и народные книги XVI века [Текст]. – М., 1990.

Б.В. Сафронов

УЧАСТИЕ РОССИИ В ФОРУМЕ АТЭС 2015 ГОДА (ФИЛИППИНЫ)

В статье рассматриваются основные цели и формы участия России в форуме АТЭС 2015 года на Филиппинах. Автор подчеркивает, что Россия поддерживает идею торговой либерализации в регионе и будет поддерживаться ее на практике.

Россия, АТЭС, форумы АТЭС, международные отношения.

RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE APEC FORUM 2015 (PHILIPPINES)

This article discusses the basic objectives and forms of Russia's participation in the APEC Forum in the Philippines, 2015. The author stresses that Russia supports the idea of trade liberalization in the region and will support it in practice.

Russia, APEC, APEC forums, international relations.

Очередной саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) 2015 года состоялся на Филиппинах. Весь год все мероприятия проходили под председательством Филиппин. Главной темой состоявшегося саммита было **«**К совершенствованию мира через инклюзивное развитие**».**

Тема «инклюзивного развития» предусматривала задачу уменьшения разрыва между богатыми и бедными, развитие человеческого капитала, выход малых предприятий на мировые рынки, создание устойчивых сообществ и ускорение экономической интеграции.

«Инклюзивное развитие» – такое, куда вовлечены человеческие ресурсы, в сфере образования и медицины. В течение 2015 года эта идея вошла в межправительственные программы всех участников АТЭС, укрепив механизм единой региональной системы образования.

Саммит проходил в новых условиях: 12 стран, входящих в АТЭС, подписали соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). АТЭС за годы своего существования стал важным инструментом развития не только АТР, где каждая страна могла брать все, что сочтет для себя полезным, а ТТП – это создание зоны свободной торговли по правилам, которые были написаны в Вашингтоне.

Президент России В.В. Путин перед началом саммита опубликовал статью «АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития». В.В. Путин в этом году не примет участия в саммите, но он по традиции постарался в статье отразить позицию России по самым актуальным проблемам АТЭС. В статье он определил основные проблемы региона, касающиеся не только России. Владимир Путин раскритиковал американскую инициативу. По его мнению, «конфиденциальный характер переговоров о создании ТПП вряд ли помогает устойчивому развитию в АТР» [1]. Он отметил, что все договоренности охватывающие услуги, инвестиции, нетарифные барьеры, конкурентную политику и субсидии, могут быть достигнуты только в результате сложных переговоров и взаимных компромиссов. Важным элементом интеграции «является договоренность о сопряжении ЕАЭС с китайской инициативой “Экономического пояса Шелкового пути”» [2]. В.В. Путин считает, что «создание новых зон свободной торговли в целом способствует формированию благоприятных условий для либерализации торговых потоков и инвестиций в АТР» [3], но «конфиденциальный характер переговоров о создании Транстихоокеанского партнерства вряд ли помогает устойчивому развитию в АТР» [4]. В.В. Путин выразил уверенность в том, что «следует продолжить курс на повышение роли АТЭС в качестве координатора различных инвестиционных инициатив, направленных на формирование в регионе общего открытого и недискриминационного рынка, свободного от блоковых барьеров» [5]. Достижения высоких темпов экономического роста «невозможно без обеспечения энергетической безопасности в регионе АТЭС и справедливого долгосрочного климатического урегулирования» [6]. В этом отношении Россия поддерживает усилия АТЭС в этом направлении. В заключение статьи В.В. Путин отметил: «Убежден, что мы сможем их успешно решить, опираясь на фундаментальные принципы партнерского взаимодействия, действуя на благо наших народов, в интересах продвижения формирования единой азиатско-тихоокеанской семьи» [7].

Российскую делегацию на саммите возглавил Дмитрий Анатольевич Медведев. В состав российской делегации входили: заместитель председателя правительства РФ Игорь Шувалов, вице-премьер правительства Дмитрий Рагозин, первый заместитель Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков

[1] Российская газета. Федеральный выпуск № 6830 (259).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.

(ФСКН) Владимир Каланда, глава госкорпорации «Росатом» Сергей Кириенко, «Ростехнологий» – Сергей Чемезов, Валерий Сорокин – посол по особым поручениям министерства иностранных дел, старшее должностное лицо РФ в АТЭС, глава «Газпрома» Алексей Миллер.

Перед началом работы саммита Дмитрий Анатольевич Медведев провел встречу с президентом Филиппин Бенигно Акино. На встрече филиппинский президент выразил Д.А. Медведеву соболезнования в связи с многочисленными жертвами потерпевшего крушение на Синайском полуострове самолета.

Бенигно Акино заявил, что существует большой потенциал в двусторонней торговле с Россией. Стороны заключили соглашение о создании совместной комиссии по торговому и экономическому сотрудничеству, этот документ был подписан министром экономического развития Алексеем Улюкаевым и министром торговли Филиппин Грегори Доминго. Также был подписан меморандум между ФСКН РФ и филиппинским Агентством по борьбе с наркотиками о сотрудничестве в противодействии новым психоактивным веществам.

Д.А. Медведев также встретился с руководителями Таиланда и Вьетнама. Работа руководителей делегаций началась 18 ноября. В этот день состоялась встреча с представителями делового сообщества на Деловом саммите АТЭС.

Выступление на деловом саммите АТЭС Дмитрия Анатольевича Медведева было посвящено вопросам необходимости международных усилий по борьбе с терроризмом.

«Теракт с нашим самолетом и террористическая атака в Париже – огромная человеческая потеря. Эти события обострили мировую политическую повестку. Война объявлена всему цивилизованному миру. Угроза глобальна и, увы, абсолютно реальна» [8]. Глава российского правительства подчеркнул, что «тем более странной сегодня выглядит позиция ряда западных стран по России» [9]. Он призвал Запад забыть противоречия и объединиться для борьбы с террором.

Далее Д.А. Медведев говорил о привлечении иностранных инвесторов к разработке минеральных ресурсов Сибири и Дальнего Востока. Для этого в России было принято решение о создании зон опережающего развития на Дальнем Востоке с предоставлением различных преференций для компаний, решивших принять участие в этом проекте. Россия предложила также азиатским партнерам экспорт зерна, в котором они нуждаются.

Медведев заявил: «Мы люди гибкие. Если что-то потребуется скорректировать в действиях института территории опережающего развития, мы будем вносить изменения в законодательство» [10].

Некоторые итоги саммита подвел на пресс-конференции Д.А. Медведев.

Он подтвердил, что Россия получала предложения о форматах сотрудничества и присоединения к ТТП, но все это было в неофициальном порядке. Сама идея торговой либерализации в регионе со стороны России будет поддерживаться на практике, он не исключил создания зон свободной торговли с крупными региональными экономиками [11].

На саммите была принята итоговая декларация, она подтвердила намерение стран-участниц к 2020 году достигнуть Богорских целей. В декларации определя-

[8] Коммерсант. 2015. 18 ноября.
[9] Там же.
[10] Российская газета. Федеральный выпуск № 6832.
[11] Коммерсант. 2015. 19 ноября.

лось, что ТТП является одним из механизмов создания азиатско-тихоокеанского соглашения о свободной торговле. В декларации также подтверждено, что стороны поддерживают строительство «инклюзивных институтов».

Прошедший саммит не оправдал надежд многих экспертов, которые заявляли, что время АТЭС проходит. Да, конечно, существуют серьезные противоречия, в первую очередь между Китаем и США. Возникла новая ситуация в связи с подписанием соглашения о ТТП, но никто из участников не отказался от достижения Богорских целей: создания к 2020 году зоны свободной торговли, включающей все страны, входящие в АТЭС.

Список литературы

1. Российская газета [Текст]. – Федеральный выпуск № 6830 (259).
2. Российская газета [Текст]. – Федеральный выпуск № 6832.
3. Коммерсант [Текст]. – 2015. – 18 ноября.
4. Коммерсант [Текст]. – 2015. – 19 ноября.

Е.И. Сёмина

РОССИЯ И США: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНТАКТОВ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В XIX–XX ВЕКАХ.

В статье рассматриваются различные направления развития взаимоотношений между Россией и США в XIX–XX веках. Автор делает вывод о том, что в настоящее время существуют возможности для улучшения российско-американских отношений.

Россия, США, российско-американские отношения, XIX–XX века.

RUSSIA AND THE UNITED STATES: THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CONTACTS AND INTERACTION BETWEEN VIEWS IN THE 19–20TH CENTURIES

This article discusses the different directions of the development of relations between Russia and the United States in the 19th and 20th centuries. The author concludes that there are opportunities for improvement in Russo-American relations at the present time.

Russia, United States, Russo-American relations, 19–20 centuries.

В макроисторическом плане цивилизации США и России можно рассматривать как своеобразные и автономные фланги единой большой Европейской суперцивилизации. И небесполезно присмотреться к некоторым сходным чертам цивилизационной динамики обоих флангов как вчерашнего и сегодняшнего, так и, по возможности, завтрашнего дня. Оба этих своеобразных фланга явно обозначились на протяжении XVII–XIX веков благодаря своему разрастанию через специфические процессы покорения и освоения европейскими выходцами об-

ширнейших и слабозаселенных пространств. Однако в процессах такового разрастания в американском случае преобладала вольнонародная колонизация, в российском же – властное участие государства, причем государства, обладавшего существенными чертами традиционного, полувосточного священновластия.

Как отмечает российский историк Р.Ш. Ганелин, на рубеже XIX и XX веков отношения между США и Россией «не носили интенсивного характера»: торговые связи были развиты весьма слабо, американский капитал только начинал проникать в Россию, а правительства не рассматривали друг друга в качестве значимых внешнеполитических партнеров.

Определяющими факторами, влияющими на американо-российские отношения на рубеже XIX и XX веков, стали враждебная позиция администрации президента США Теодора Рузвельта и американских СМИ по отношению к России, особенно во время Русско-японской войны, столкновение экономических интересов на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, а также трения по «еврейскому вопросу», связанные с ограничениями прав евреев в России и активной эмиграцией российских евреев в США.

С окончанием Второй мировой войны и исчезновением общего врага антигитлеровская коалиция утратила основу своего существования. На повестке дня стояли новые задачи, а у держав-победительниц, прежде всего у СССР и США, они были совершенно разными.

Советский Союз вышел из мировой бойни обескровленным, потерявшим десятки миллионов граждан и значительную часть экономического потенциала. Восстановление страны требовало сосредоточения всех сил. Но сталинское руководство решало и другие задачи.

Во-первых, оно не собиралось менять суть своего тоталитарного режима, а значит, должно было противостоять воздействию извне на умонастроения советских граждан. В этой связи широкая опора на США в залечивании ран войны исключалась: вместе с помощью в страну проникла бы чуждая идеология.

Во-вторых, СССР, пострадавший больше других в самой разрушительной войне в истории человечества, стремился как можно суровее наказать Германию за агрессию, получить от нее максимум репараций и не допустить возрождения мощного и агрессивного германского государства.

В-третьих, Советское руководство считало абсолютно необходимым для обеспечения национальной безопасности окружить СССР с запада дружественными режимами.

В-четвертых, выйдя из войны победителем, СССР претендовал наряду с США на роль глобальной державы. Москва считала себя вправе участвовать в послевоенном переустройстве мира, иметь преобладающие или, по крайней мере, весомые позиции в различных регионах земного шара: от Ирана и средиземноморских проливов до Кореи и Японии.

Для Соединенных Штатов главным было закрепление американского лидерства. Гегемонистские притязания Вашингтона подстегивались воспоминания об ошибках, допущенных после Первой мировой войны, слабостью друзей США в Европе и на других континентах, растущей мощью Советского государства.

Противодействие коммунизму стало фактически второй самостоятельной целью внешнеполитической стратегии Белого дома. СССР устанавливал контроль над территориями, выходцы из которых составляли определенную часть

населения США и требовали отпора «красным»: речь идет о поляках, чехах, венграх и т.д. Наконец, действия Кремля выглядели угрожающими с точки зрения безопасности: за Восточной Европой могли последовать Западная Европа, стратегические проливы в Средиземном море, Средний Восток, Азия.

Таковы были цели, которые ставили перед собой два главных действующих лица надвигавшейся холодной войны: СССР и США. В ходе двух мировых войн XX столетия Америку и Россию связывали отношения союзничества, хотя и с весьма сложной политической и идеологической подоплекой. Условно говоря, Третья мировая – «холодная» – война была ознаменована их прямой конфронтацией.

Важным фактором в отношениях Советского Союза и США стала гонка вооружений. С августа 1945 Соединенные Штаты считали себя монополистом на обладание атомным оружием и пытались использовать этот козырь против СССР. Но в 1949 Советский Союз тоже обзавелся атомным, а в 1953 – термоядерным оружием, а затем – и средствами доставки этого оружия к целям на территории своего потенциального противника (баллистическими ракетами). Обе страны вкладывали колоссальные средства в военную промышленность; совокупный ядерный арсенал за несколько десятилетий вырос настолько, что его хватило бы для того, чтобы уничтожить все население планеты не один десяток раз.

Сейчас обе цивилизационные общности – североамериканская и российская – оказались в пространствах, условно говоря, Четвертой мировой войны. Войны с сетевым глобальным терроризмом, стремящимся утвердить при помощи современных военных, организационных и пропагандистских технологий рационально сконструированную утопию традиционного общежития: «чистый», беспримесный ислам, которого никогда не было в истории ислама реального. Что же касается захлестывающего нынешний мир мусульманского терроризма, то он предстает выражением внутренней драмы, внутреннего отчаяния тех, кто не может жить ни по-старому, ни по-новому.

Решению вопроса о перспективах российско-американских отношений может помочь новая аналитическая категория – «система взаимодействия» между США и Россией, которая позволит не ограничивать анализ взаимосвязей между обеими державами только состоянием их непосредственных отношений, зависящих от решений глав государств, но рассматривать всю совокупность связей между странами (включая, конечно же, их прямые отношения) и оценивать истинные масштабы этих связей.

Во взаимодействии любой пары государств, особенно крупных и влиятельных, имеется почти не учитываемое поле, где их интересы соприкасаются и взаимодействуют лишь косвенно, не становясь объектом прямых отношений. И задача состоит в том, чтобы, во-первых, выявить всю совокупность этих взаимосвязей; во-вторых, привести их в определенную систему; в-третьих, сопоставить их объем и характер с объемом и характером имеющихся прямых отношений и выявить, насколько эти отношения отражают имеющийся потенциал, содействуют его реализации или же, наоборот, не дают этому потенциалу стать сферой углубленного сотрудничества. Этот анализ, в частности, должен дать ответ на вопрос, возможна ли «перезагрузка» российско-американских отношений, а если возможна, что надо сделать, чтобы на самом деле изменить их действующую парадигму.

Постановка вопроса о «системе взаимодействия» между Россией и США позволяет не просто уйти от уже надоевших сюжетов в их взаимоотношениях, которые не способны ни обеспечить им больше безопасности, ни решить их проблемы. Обе державы обладают способностью концентрироваться на текущих проблемах, а также смотреть в будущее. В свое время им удалось решить такие сложные и масштабные задачи, как разгром держав «оси» в период Второй мировой войны и прекращение холодной войны в конце 1980-х годов. В этой связи нельзя исключить, что и на нынешнем этапе, когда возникает перспектива поисков глобальных решений по обеспечению безопасности планеты и свободному развитию населяющих ее народов, Россия и США сумеют сделать посильный вклад, отвечающий их возможностям.

Список литературы

1. Ганелин, Р. Ш. Отношения с Россией. 1898–1914 [Текст] // История внешней политики и дипломатии США. 1867–1918. – М., 1997.

2. Кременюк, В.А. Система взаимодействия между Россией и США [Текст] // Россия и Америка в XXI веке. – 2009. – № 3. – С. 2.

3. Рашковский, Е. США и Россия [Текст] // Мировая экономика и международные отношения». – 2007. –№ 9.

Е.Ю. Сергеев

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918–1924 ГОДЫ ПО МАТЕРИАЛАМ МИ-5

Главная цель статьи – анализ актуальных проблем советско-британских отношений ключевого периода их становления (1918–1924 годы) в свете ранее засекреченных, но недавно ставших доступными для исследователей документов британской контрразведки МИ-5.

советско-британские отношения, мировая политика, британская контрразведка.

SOVIET-BRITISH RELATIONS 1918–1924 ACCORDING TO MI 5 ARCHIVAL DOCUMENTS

The paper generally aims at the analysis of some highly topical problems of Soviet-British relations in the key period of their emergence (1918–1924) in the light of the MI 5 files which were previously classified, but recently made available for scholars.

Soviet-British relations, world politics, British counter-intelligence.

В основу тезисов выступления на конференции положен комплекс архивных материалов из фондов британской контрразведки МИ-5. Эти документы были открыты для исследователей в середине 2000-х годов, и поэтому автор стал одним из первых (если не самым первым) российских историков, которые полу-

чили возможность работать с ними в Национальном архиве Соединенного Королевства (Большой Лондон, Кью-Гарденс).

Представленный массив документации имеет общее архивное обозначение KV 2 и KV 3 (The Security Service Personal Files (PF Series)), насчитывая в своем составе несколько тысяч дел. Среди тематики, имеющей отношение к Советской России в период от интервенции до дипломатического признания, наше внимание привлекли 15 наиболее интересных дел, которые проливают свет на ряд важнейших моментов в противоречивой, насыщенной коллизиями истории советско-британских отношений после Октября 1917 года.

Чтобы получить хотя бы общее представление о вопросах, находившихся в центре внимания британской контрразведывательной службы, достаточно только перечислить наименования папок с секретными материалами: KV 2/498 – Партия большевиков; KV 2/501 – Жизнь Зиновьева; KV 2/502 – Лев Давидович Бронштейн (он же Леон Троцкий); KV 2/573-574 – Леонид Красин; KV 2/585-587 – Николай Ленин (он же В.И. Ульянов); KV 2/3331 – Письмо Зиновьева (оригинал); KV 3/306 – Внешние сношения России (некоммунистов) с Соединенным Королевством; KV 3/327 – Революционная пропаганда в Соединенном Королевстве и др.

Прежде чем осветить главные вопросы двусторонних отношений Москвы и Лондона в интересующий нас период напомним, что МИ-5 (Служба безопасности) и МИ-6 (Секретная разведывательная служба) начали свою деятельность в октябре 1909 года. как единая организация Бюро секретной службы. Однако уже спустя несколько месяцев возникла необходимость организационно-функционального разделения сфер их деятельности, причем МИ-5 возглавил капитан Вернон Келл, получившей впоследствии чин бригадного генерала и титул баронета, который занимал свой пост дольше всех своих преемников – с 1909 до 1940 год [1].

Если до начала Первой мировой войны, а также в 1914–1917 годы главной задачей МИ-5 являлось борьба с германским шпионажем, а также подрывной деятельностью ирландских националистов, то с 1918 года важнейшей функцией английской контрразведки стало противодействие усилиям пришедшего к власти в Советской России правительства дестабилизировать внутриполитическую ситуацию в Соединенном Королевстве и Британской империи для осуществления мировой революции, а позднее – выживания государства рабочих и крестьян. Не случайно в январе того же года на фоне проходивших в Брест-Литовске переговоров большевиков с делегациями Четверного союза капитан Келли отдал приказ о начале расследования подрывной деятельности активистов пацифистских организаций на военных предприятиях и в резервных воинских частях на Британских островах [2].

Однако решение этой задачи осложнялось несколькими факторами: первоначальной недооценкой угрозы распространения большевизма на европейские страны [3], резким сокращением расходов на спецоперации в 1919–1921 годы, против которого наиболее последовательно выступали Черчилль и Кёрзон [4], а самое

[1] Andrew C. The Defence of the Realm. The Authorized History of MI5. L.: Penguin Books, 2009. P. 863.
[2] Ibid. P. 103.
[3] Jeffrey K. MI6: The History of the Secret Intelligence Service, 1909-1949. L., etc. : Bloomsbury, 2010. P. 172.
[4] Andrew C. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s Pt 1. From the Trade Negotiations to the Zinoviev Letter // Historical Journal. 1977. Vol. XX. №. 3. P. 681.

главное – острым соперничеством МИ-5 с так называемым Специальным отделом Метрополитен-полиции (Metropolitan Police Special Branch) в составе Департамента уголовных расследований (Criminal Investigation Department), который возглавлял амбициозный заместитель руководителя Скотланд-Ярда сэр Бэзил Томпсон. В первые послевоенные годы Томпсон стремился поставить под свой контроль всю контрразведывательную службу метрополии [5]. Именно по его инициативе 28 января 1919 года. Военный кабинет Д. Ллойд Джорджа принял решение о создании Комитета по секретной службе (Secret Service Committee), в который вошли такие влиятельные фигуры британского истэблишмента, как У. Черчилль и Дж. Кёрзон. К середине 1920-х годов результатом этих реорганизаций явилось сосредоточение контрразведывательной деятельности против международного коммунизма в рамках так называемого Отдела Б (B Branch) МИ-5 (2, App. 3).

Большое значение в этой связи также приобрели перехват и дешифровка сообщений иностранных дипломатических и торговых миссий, аккредитованных на берегах Темзы, которые осуществляла учрежденная 1 ноября 1919 года первоначально под эгидой Адмиралтейства Правительственная школа кодов и шифров (The Government Code and Cipher School). Наиболее крупным достижением этой структуры стало регулярное информирование правительства о переписке большевиков по дипломатической и коминтерновской линиям на протяжении 1920–1930-х годов [6].

Вернемся к содержанию документов МИ-5 за указанный нами период. Они представляют собой досье, составленные офицерами британской контрразведки на основе донесений секретных информаторов в советских учреждениях, структурах Коминтерна и руководстве Компартии Великобритании, материалов наблюдения за попытками инфильтрации агентов ГПУ в полицейскую службу Лондона [7], а также перехватов корреспонденции большевистских представителей на берегах Альбиона. Значительный интерес представляют агентские сообщения о заседаниях СНК, исполкома Коминтерна, центрального комитета британской компартии, на которых обсуждались возможные акции по дестабилизации внутриполитического положения в Соединенном Королевстве на протяжении 1919−1921 годов, распространению идей большевизма в широких слоях трудящегося населения, противодействию интервенционистской политики сначала коалиционного, а затем консервативного Кабинета, организации поддержки переговоров сначала о признании Советской России де-факто через заключение 16 марта 1921 года соглашения о торговле, а затем и де-юре путем дипломатического признания СССР первым лейбористским правительством 1 февраля 1924 года и подписания им двух договоров с Москвой 8 августа того же года.

Внимание исследователя не может не привлечь также серия персональных досье на упоминавшихся выше большевистских руководителей с подробными биографическими данными, освещением семейного положения и детальным анализом их политических взглядов. Стоит отметить, что эти досье не только

---

[5] Madeira V. The Anglo-Russian Intelligence Wars 1917–1929. Woodbridge ; Suffolk : The Boydell Press, 2014. P. 9–28.

[6] Madeira V. “Because I Don’t Trust Him, We are Friends”: Signals Intelligence and The Reluctant Anglo-Soviet Embrace, 1917-24 // Intelligence and National Security. 2004. Vol. XIX. N. 1. P. 29−30.

[7] Madeira V. Moscow’s Interwar Infiltration of British Intelligence, 1919−1929 // Historical Journal. 2003. Vol. XLVI. N 4. P. 916–917.

проливают свет на скрытые или малоизученные стороны деятельности большевиков в Великобритании (к примеру, нелегальный ввоз и продажу бриллиантов, конфискованных ВЧК у русской аристократии, для финансирования подрывных организаций, включая радикальных ирландских националистов), но и дают возможность проследить жесткую внутрипартийную борьбу различных группировок ВКП(б) по вопросам международной жизни.

Список литературы

1. Andrew, C. The British Secret Service and Anglo-Soviet Relations in the 1920s Pt 1. From the Trade Negotiations to the Zinoviev Letter [Text] // Historical Journal. – 1977. – Vol. XX. – N. 3. – P. 673–706.
2. Andrew, C. The Defence of the Realm. The Authorized History of MI5 [Text]. – L. : Penguin Books, 2009.
3. Madeira, V. Moscow’s Interwar Infiltration of British Intelligence, 1919–1929 [Text] // Historical Journal. – 2003. – Vol. XLVI. – N 4. – P. 915–933.
4. Madeira, V. “Because I Don’t Trust Him, We are Friends”: Signals Intelligence and The Reluctant Anglo-Soviet Embrace, 1917–24 [Text] // Intelligence and National Security. – 2004. – Vol. XIX. – N 1. – P. 29–51.
5. Madeira, V. The Anglo-Russian Intelligence Wars 1917–1929 [Text]. – Woodbridge, Suffolk : The Boydell Press, 2014.
6. Quinlan, K. The Secret War between the Wars. MI5 in the 1920s and 1930s [Text]. – Woodbridge, Suffolk : The Boydell Press, 2014.
7. Stafford, D. Churchill and Secret Service [Text]. – L. : J. Murray, 1997.
8. Jeffrey, K. MI6: The History of the Secret Intelligence Service, 1909–1949 [Text]. – L. ; etc. : Bloomsbury, 2010.
9. West, N. MASK: MI5’s Penetration of the CPGB [Text]. – L. – N. Y. : Routledge, 2005.

А.Б. Соколов

РОЯЛИСТЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В АНГЛИИ

В статье рассматриваются особенности развития идеологии и практики роялизма во время Английской революции XVII века. Автор указывает на некоторые новые подходы в современной историографии, касающиеся политических и идеологических расхождений в роялистской верхушке в годы гражданских войн.

Великобритания, история Великобритании, XVII век, гражданские войны в Англии, роялисты.

ROYALISTS DURING THE CIVIL WAR IN ENGLAND

This article discusses the features of development of ideology and practice royalism during the English revolution of the 17th century. Author indicates some new approaches in modern historiography concerning political and ideological differences in royaiist elite in years of civil wars.

United Kingdom, British history, 17th century, Civil wars in England, the royalists.

Говорят: историю пишут победители. Это полностью относится к истории Английской революции XVII века. Основное внимание, как в отечественной, так и в британской историографии уделялось революционному лагерю, тогда как кавалеры как партия находились на периферии исследований. В зарубежной историографии это связано с господством либерально-вигской школы С. Гардинера, сложившейся еще в конце XIX века. Черты роялизма затрагивались, как правило, через призму личности короля Карла I, оценивавшегося практически всегда сугубо негативно. Индепенденты во главе с Кромвелем рассматривались как носители общественного прогресса. В «Лекциях по истории Английской революции» А.Н. Савин следовал в русле Гардинера и ограничился общими характеристиками действий кавалеров, в основном связанными с военными событиями [1]. В советской марксистской историографии доминировало «прославление» революции как локомотива истории, что вело к односторонним и весьма поверхностным оценкам роялизма. Достаточно отметить: в фундаментальном двухтомном труде «Английская буржуазная революция XVII века» (в известной мере не утратившим значения и сегодня) отсутствует глава, специально посвященная роялистскому лагерю [2]. Можно выделить два аспекта роялизма, более подробно затронутых советскими историками: первый был связан с историей англо-русских отношений [3]; второй касается политики Франции [4].

В современной, в том числе российской историографии внимание к истории роялизма возрастает. В коллективной монографии российских историков культура двора Карла I рассмотрена, к сожалению, только для дореволюционного времени [5]. Книга Л.И. Ивониной написана для широкого читателя и не содержит анализа дискуссий историков о природе английского роялизма [6]. В последние десятилетия интерес к истории роялизма в годы гражданской войны усилился, однако по-прежнему преломлялся, в основном через персоналии, прежде всего через биографии Карла I [7] и Кларендона [8]. Так, Карлтон, как и большинство других авторов, воспроизводит привычную схему, выделяя две фракции у роялистов: «ультра-роялистов» и умеренных конституционалистов; к числу последних относят знаменитого политического деятеля, канцлера Англии, и первого историка Английской революции Эдуарда Хайда, лорда Кларендона. Деление в верхах партии кавалеров на «людей меча» (*swordmen*), ультра и умеренных, иначе конституционных роялистов, «кочует» в десятках трудов историков. Термин «конституционные роялисты», к которым, как правило, относят Хайда, относительно нов. В XVII веке его не использовали, однако он встречается в работах видного вигского историка XIX века Томаса Маколея.

Цель данного сообщения заключается в том, чтобы указать на некоторые новые подходы в современной историографии, касающиеся, в частности, поли-

[1] Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. М., 2000.

[2] Английская буржуазная революция середины XVII века : в 2 т. / под ред. Е.А. Косминского, А.Я. Левицкого. М., 1954.

[3] Рогинский З.И. Так называемый протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I // Ученые записки ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 1957. Выпуск XXII ; Рогинский З.И. Миссия лорда Колпепера в Москву // Международные связи России в XVI–XVII вв. М., 1966.

[4] Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

[5] Королевский двор в Англии XV–XVII веков / под ред. С.Е. Федорова. СПб., 2015.

[6] Ивонина Л. Драма династии Стюартов. М., 2015.

[7] Carlton Ch. Charles I. The Personal Monarch. L., 1995.

[8] Ollard R. Clarendon and His Friends. L., 1994.

тических и идеологических расхождений в роялистской верхушке в годы гражданских войн. Эти подходы понимаются мною в контексте усиления ревизионистского направления в историографии Английской революции. В методологическом отношении они близки к взглядам покойного историка Конрада Рассела, видевшего в революции не «запрограммированный» ход событий, а альтернативы, считавшего политический процесс следствием многих вызовов, с которыми сталкивались вовлеченные в него исторические фигуры. Примером служит публикация историка Дэвида Скотта [9].

К сторонникам твердой линии обычно относили тех, кто входил в ближайшее окружение Генриетты Марии: склонного к авантюрам государственного секретаря Джорджа Дигби, лорда Генри Джармина, чье влияние на нее было таким сильным, что ходили упорные слухи, что они любовники. К «людям меча» относили, конечно, принца Руперта, но хорошо известно, что у него были крайне неприязненные отношения с королевой. Лидером умеренных считался лорд Фолкленд, после его гибели интеллектуальное лидерство среди них стало принадлежать Хайду, по словам Карлтона, «исполнительному и проницательному человеку, со способностью историка переваривать огромный объем материала и умением политика разбираться в людях». К этой группе относят первого главнокомандующего генерала Линдсея, погибшего еще при Эджхилле, государственного секретаря Эдварда Николаса, лордов Джона Колпепера и Артура Кейпла, двоюродного брата короля Джеймса Стюарта (герцога Ричмонда) и других.

Правомерность «объединения» этих лиц в одну группу оспаривается. Английский историк Д. Скотт пишет о неопределенности этого понятия «умеренные конституционалисты», не позволяющего учесть расхождения и даже противоречия, существовавшие между ними. По его мнению, в основе политических разногласий в роялистской верхушке лежали не моральные различия в среде тех, кто окружал короля (а именно на это последовательно намекал Кларендон в «Истории мятежа»), и даже не отличия в принципах, которые они разделяли. Все определялось обстоятельствами и идейными и личными соображениями. Ни один из роялистов, даже Дигби, которого часто изображают самым непримиримым из всех, не возражал против принципа «господства закона». Среди «конституционалистов» вряд ли найдутся хотя бы двое, чьи взгляды совпадали, что не удивительно: в Англии того времени отсутствовало представление о конституции как совокупности принципов управления. Например, такие близкие в политическом и житейском плане деятели, как Хайд и Фолкленд, расходились в вопросе о роли англиканской церкви. Хайд видел в ней часть системы управления, в известной степени политический институт, развивающий добродетели и порядок. Фолкленд придерживался иного взгляда: англиканская церковь – наилучшая из всех церквей, но к управлению она вовсе не имеет отношения. Ричмонд и Линдсей были преданными сторонниками такого «твердолобого» роялиста, как принц Руперт. Хайд был последовательным противником любого ограничения королевских прерогатив, что сказывалось во время мирных переговоров. Недаром некоторые парламентарии были убеждены, что он более чем кто другой из роялистов виновен в их срыве. Также трудно найти «ультра», которые постоянно и недвусмысленно высказывались против поисков мира. Руперт выступил

[9] Scott D. Rethinking Royalist Politics, 1642–49 // The English Civil War. Conflicts and Contexts, 1640–49 / ed. by J. Adamson. N. Y., 2009.

за переговоры задолго до того, как в военном отношении дело короля было окончательно проиграно. Даже Дигби время от времени говорил о переговорах.

Столь же проблематично говорить об «абсолютистской» фракции в роялистском Оксфорде. Если сторонниками абсолютизма считать тех, кто полагал, что король вправе по своему усмотрению вводить законы, то таких в лагере кавалеров не было, может быть, за исключением Томаса Гоббса. Хотя парламентарии в полемическом задоре обвиняли своих оппонентов в приверженности тирании, это вряд ли справедливо. Однако в чем король ограничен, роялисты понимали по-разному: Хайд, например, считал, что приверженность монарха закону строится исключительно на моральных основаниях. Если же сводить абсолютизм к идее о том, что власть короля от Бога, то к числу сторонников абсолютизма придется отнести всех без исключения роялистов. Историк политической мысли писал: «В средневековой традиции было признано, что с незапамятных времен существует древняя конституция, субъектами которой являются и король, и парламент, которая гарантирует права и вольности англичан. Умеренные сторонники монархии, такие как Кларендон, и король в его ответе на "Девятнадцать предложений" в 1642 году, всегда принимали эту концепцию, в то же время настаивая, что королевские прерогативы такая же часть древней конституции, что и права парламента» [10]. В этой связи хотелось бы указать на дискуссионный характер концепции «абсолютной монархии» в Англии.

В течение первой гражданской войны в лагере роялистов неоднократно происходило «переформатирование» фракций, вызванное противоречиями, поводом для которых явились последовательно: оксфордские переговоры 1643 года, вопрос о возможности использования ирландских солдат-католиков, попытка достижения мира после поражения при Марстон Муре, аксбриджские переговоры в 1645 году, заключение союза с шотландскими ковенанторами и отношения с Мазарини, допустимость отъезда принца Уэльского во Францию, приемлемость соглашения с индепендентами на основе «Глав предложений».

Список литературы

1. Английская буржуазная революция середины XVII века [Текст] : в 2 т. / под ред. Е.А. Косминского, А.Я. Левицкого. – М., 1954.

2. Ивонина, Л. Драма династии Стюартов [Текст]. – М., 2015.

3. Королевский двор в Англии XV–XVII веков [Текст] / под ред. С.Е. Федорова. – СПб., 2015.

4. Поршнев, Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. [Текст]. – М., 1970.

5. Рогинский, З.И. Так называемый протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I [Текст] // Ученые записки ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 1957. – Вып. XXII.

6. Рогинский, З.И. Миссия лорда Колпепера в Москву [Текст] // Международные связи России в XVI–XVII вв. – М., 1966.

7. Савин, А.Н. Лекции по истории Английской революции [Текст]. – М., 2000.

8. Carlton, Ch. Charles I. The Personal Monarch [Text]. – L., 1995.

9. Greenleaf, W.H. Order, Empiricism and Politics. The Tradition of English Political Thought [Text]. – Oxford, 1964.

[10] Greenleaf W.H. Order, Empiricism and Politics. The Tradition of English Political Thought. Oxford, 1964. P. 121.

10. Ollard, R. Clarendon and His Friends [Text]. – L., 1994.
11. Scott, D. Rethinking Royalist Politics, 1642–49 // The English Civil War. Conflicts and Contexts, 1640–49 [Text] / ed. by J. Adamson. – N. Y., 2009.

А.С. Соколов

БРИТАНСКИЙ ФАКТОР В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1928 ГОДА

Статья посвящена развитию экономических отношений между Германией и СССР в 1920-е годы. Особое внимание уделено роли Великобритании в попытке международной изоляции СССР.

Германия, кризис, Россия, экономика.

THE BRITISH FACTOR IN SOVIET-GERMAN RELATIONS IN 1928

The article is devoted to the development of economic relations between Germany and the USSR in 1920s. Special attention is paid to the role of the Great Britain in an attempt of international isolation of the USSR.

Germany, crisis, Russia, economy.

В условиях обострения отношений с западными державами в ноябре 1927 года германское правительство выступило инициатором торговых переговоров между Германией и СССР. Руководство Веймарской Германии имело в виду ослабить действие начавшегося экономического кризиса и оказать тем самым давление на европейские государства. Советскую Россию Германия рассматривала как источник сырья для промышленности. В то же время СССР желал сотрудничать с Германией в силу того, что нуждался в специалистах для решения технических и экономических задач. Характер торговых отношений между Советским Союзом и Веймарской республикой был обусловлен стратегической важностью двусторонней торговли в общей внешнеэкономической политике обеих стран. В феврале–марте 1928 года в Берлине состоялась советско-германская экономическая конференция, которая закончилась провалом. В апреле всеми торговыми представительствами СССР в Европе были получены директивы из Наркомторга. В них содержалась информация о том, что «в Москве были утверждены мероприятия на интенсификацию закупочной деятельности в Англии» [1]. Германия затягивала переговоры с СССР. Немецкие промышленные и политические круги постепенно пришли к заключению, что 300-миллионный кредит, предоставленный Советской России в 1926 году, не привел к увеличению германского экспорта. Ситуация осложнилась арестом немецких инженеров фирм «АЭГ» и «Кнапп» в Донбассе весной 1928 года. Шахтинское дело вызвало яростную антисоветскую кампанию в немецкой печати. «Волна негодования захлестнула Германию, вызвал всеобщий всплеск презрения и критику в адрес

[1] Каширских О.Н. Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 года // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 36.

фальсифицированных судебных процессов в частности и советских методов вообще», − писал в мемуарах немецкий дипломат Г. фон Дирксен [2]. В свою очередь большевистское руководство обвиняло германскую сторону в срыве переговоров. В марте письме к полпреду СССР в Германии Н. Крестинскому Сталин писал: «По всей линии вопросов …немцы лишь воспользовались арестами, чтобы взвалить на нас вину за перерыв в переговорах» [3].

В сложившейся ситуации в апреле 1928 года в Германию с неофициальным визитом прибыл английский министр по делам Индии лорд Биргинхед, который встретился с рейхсканцлером Штреземаном. Биркинхед добивался, чтобы Германия последовала за Англией, разорвавшей дипломатические отношения с СССР в 1927 года, обещая пересмотреть «план Дауэса» и установить выгодную обеим сторонам сумму репараций. Летом 1928 года велись тайные переговоры между командованием Рейхсвера и британским военным ведомством. В июне представитель ЦК организации Международной рабочей помощи в СССР Ф. Мизиано направил Сталину полученный им доклад о ситуации в Германии. В документе говорилось, что Штреземан под влиянием весьма влиятельных английских сил выдвинул новую программу немецкой политики на Востоке. Выдвинутые в Берлине английские предложения, разработанные лордом Каван, заключались в том, чтобы дать Германии полномочия в некоторых из ее прежних колоний. Взамен Германия должна была отозвать весь технический персонал немецких фирм из СССР, не представлять советской стороне никаких кредитов и требовать возвращения представленного 300-миллионного кредита, препятствовать прохождению через Германию транспортов с золотом для Советской России, прекратить отношения между министерствами Рейхсвера и Красной Армии. Переговоры о расширении разведывательной службы для получения сведений о России велись с младогерманским орденом (национал-либеральная организация Веймарской республики − прим. А.С.) с привлечением генерал-лейтенанта в отставке Зальценберга. Министерство Рейсхвера обязывалось передавать английской разведке поступающие через Тухачевского сведения. Одновременно в Берлине по инициативе Англии начались переговоры с некоторыми командирами добровольческих корпусов с целью установления военных сил на случай концентрированного наступления на Россию [4].

Неизвестна реакция генсека ЦК на этот интересный документ. К середине 1928 года из-за неблагоприятного хозяйственного положения Германии интерес к торговле с СССР вновь начал расти. В ноябре 1928 года Германия и СССР возобновили переговоры. Продолжение переговоров способствовало реализации рапальской политики как стабилизирующего фактора советско-германских отношений [5].

Хотя Германия не пошла на разрыв с СССР под влиянием Великобритании, в августе 1928 года германские представители подписали с представителями западных держав пакт Келлога-Бриана. Участие Германии в таком пакте не сближало ее с СССР, а напротив делало взаимоотношения двух стран более напряженными.

---

[2] Дирксен фон Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М. : Олма-Пресс, 2001. С. 104.

[3] Хромов С.С. По страницам личного архива Сталина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 229.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 538. Оп. 3. Д. 106. Л. 39–40.

[5] Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1927–1930 годы) и капиталистический мир. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 304.

Список литературы

1. Дирксен фон, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики [Текст]. – М. : Олма-Пресс, 2001.
2. Каширских О.Н. Кризис в советско-германских экономических отношениях 1928 года [Текст] // Вопросы истории. – 2006. – № 9.
3. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 538. – Оп. 3. – Д. 106.
4. Хромов, С.С. По страницам личного архива Сталина [Текст]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009.
5. Шишкин, В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1927–1930 годы) и капиталистический мир [Текст]. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.

К.Н. Станков

ЯКОВ II СТЮАРТ И ФРАНЦУЗСКИЕ ГУГЕНОТЫ В АНГЛИИ

В статье исследуется позиция английского короля Якова II по отношению к французским гугенотам, находившимся в Англии в эмиграции. Автор делает вывод о том, что король пытался добиться равенства религиозных и политических прав для всех конфессий.

Великобритания, Франция, история Великобритании, XVII век, Реформация, гугеноты, Яков II Стюарт.

JAMES II STUART AND FRENCH HUGUENOTS IN ENGLAND

The article deals with the position of the English King James II in relation to the French Huguenots, who were in exile in England. The author concludes that the King was trying to achieve equality for religious and political rights to all faiths.

United Kingdom, France, the British history, 17th century, the Protestant Reformation, Huguenots, James II Stuart.

В историографии отмена Нантского эдикта королем Людовиком XIV Великим в 1685 году справедливо считается поворотным моментом не только во французской, но и во всей европейской истории. Некоторые исследователи даже именуют это событие «ошибкой века». Не вдаваясь глубоко в последствия этого решения Бурбона, достаточно отметить, что важнейшим его итогом стал массовый исход французских кальвинистов за пределы Франции. Наибольшее их количество поселилось в Нидерландах, где господствующей религией был кальвинизм, вторая по численности диаспора гугенотов осела в протестантской Англии. Возникшая интрига заключалась в том, что страной в это время правил монарх-католик – Яков II Стюарт (1685–1688). Как же сложились на новой родине французских изгнанников их отношения с королем-«папистом»?

Следует отметить, что сведений о «гугенотской» политике Якова II сохранилось крайне мало. Однако они позволяют пролить определенный свет как на

характер, так и на политику этого короля и представить его в довольно неожиданном для традиционной историографии ракурсе.

В 1685 году в беседе с нидерландским послом в Лондоне Арноутом ван Ситтерсом Яков II осудил отмену Людовиком XIV Нантского эдикта. Британский монарх охарактеризовал данный шаг как политически непродуманный и антихристианский. Последнее весьма удивительно, поскольку оба католических монарха были военными и политическими союзниками, и Стюарт, по некоторым сведениям, даже находился «на пенсии» у французского правительства.

Более того, Яков II не ограничился словами и принял в своих владениях несколько десятков тысяч беженцев-гугенотов. Английский король дважды организовывал сбор общественных средств на содержание французских кальвинистов. Кроме того, британский монарх выделил из коронных доходов средства на оказание материальной помощи гугенотам [1]. Деньги, впрочем, предназначались только для тех эмигрантов, кто посещал англиканские богослужения, что, по всей видимости, было вызвано тем, что Яков II опасался вызвать раздражение представителей государственной англиканской церкви, оставлявших абсолютное большинство подданных в его стране.

Обеспечив экономическое существование эмигрантов, король определил их политический статус. Гугенотам было предоставлено британское подданство и право занимать государственные должности [2]. На нескольких примерах попробуем проиллюстрировать это положение.

Пожалуй, наибольших успехов в Англии добился Луи де Дюра, маркиз де Бланкфор. Он был гугенотом и выходцем из старого французского аристократического рода. Возможно, в определенной степени на его возвышение при английском дворе повлияли семейные связи, в частности то, что он приходился племянником знаменитому маршалу Тюренну, под началом которого Яков II (тогда еще никому не известный герцог Йорк) начинал свою военную карьеру во французской армии. Маркиз де Бланфор стал ближайшим советником британского монарха – честь, оказанная далеко не всем французам даже из единоверцев короля. Аристократ-гугенот получил английский титул графа Фившема (под которым и вошел в британскую историю), чин полковника Конной гвардии Его Величества, а вскоре – и высокое звание генерал-лейтенанта. Граф Фившем пользовался столь глубоким доверием со стороны Якова II, что вошел в состав английского Тайного Совета, а в 1688 году, во время вторжения в страну нидерландского статхаудера Вильгельма Оранского со своей армией, получил пост главнокомандующего английской армией [3].

Необходим заметить, что граф Фившем был далеко не единственным из французских гугенотов, кому удалось добиться высокого положения в английском обществе. Стремясь укрепить британскую армию, Яков II привлекал к себе на службу военных специалистов со всей Европы. Среди них был родственник Фившема – граф де Руа. Прибыв в британские владения, он сразу же (отчасти в силу своего знатного происхождения, отчасти за своей чрезвычайно ценный

---

[1] Lauder J. Historical Observes of Memorable Occurrents in Church and State, from October 1680 to April 1686. Edinburgh : Bannatyne Club, 1840. P. 249 ; Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714: in 6 v. Oxford : Oxford univ. press, 1857. Vol. 1. P. 434.

[2] Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of James II. June, 1687 – February, 1689 / ed. by E.K. Timing. L. : Her Majesty's Stationary Office, 1972. P. 252.

[3] Reresby J. The Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. And Last Governor of York. L. : Samuel Harding, 1734. P. 98, 112.

для британского монарха военный опыт) был пожалован высокими титулами графа Лиффорда и пэра Ирландии [4].

Отдельного упоминания заслуживает эпизод с лондонскими гугенотами. После отмены Нантского эдикта в английской столице осело порядка 20–30 тысяч французских эмигрантов-кальвинистов, что составляло 5 % от всего населения «города на Темзе». Учитывая активную роль, которую община гугенотов играла в хозяйственной и политической жизни города, Яков II предпринял несколько шагов по улучшению их положения. Семнадцатого августа 1688 года вышел указ о том, чтобы их пасторов включить в состав корпорации Лондона. Кроме того, гугенотам были предоставлены должности в городском управлении. С помощью этих мер Яков II надеялся нейтрализовать политическую активность французских эмигрантов накануне «Славной революции», поскольку последние своими часто преувеличенными рассказами о жестокостях католиков во Франции дестабилизировали и без того неспокойную ситуацию в английской столице.

В современной историографии ведутся бурные споры как о личности последнего британского монарха-католика, так и о сущности его религиозных реформ. Одни обвиняют Якова II в желании провести кровавую Контрреформацию, другие, оценивают политику Стюарта в церковном вопросе как прогрессивное явление. В этом ключе представляется, что отношения Якова II и французских гугенотов, прибывших в Англию, а также те меры, которые король принял касательно французских протестантов, свидетельствуют о его попытках добиться равенства религиозных и политических прав для всех конфессий, а не только для одних лишь католиков.

Список литературы

1. Сен-Симон, Л.Р. Мемуары, 1691–1701 [Текст]. – М. : Ладомир : Наука, 2007.
2. Calendar of State Papers, Domestic Series. Of the Reign of James II. June, 1687 – February, 1689 [Text] / ed. by E.K. Timing. – L. : Her Majesty's Stationary Office, 1972.
3. Lauder, J. Historical Observes of Memorable Occurrents in Church and State, from October 1680 to April 1686 [Text]. – Edinburgh : Bannatyne Club, 1840.
4. Luttrell, N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714 [Text] : in 6 vols. – Oxford : Oxford univ. press, 1857. – Vol. 1.
5. Reresby, J. The Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. And Last Governor of York [Text]. – L. : Samuel Harding, 1734.

В.В. Степанова

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ БРИТАНСКОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье проведен анализ трансформации протекционизма как одной из ведущих идей Консервативной партии с 1880-х до 1906 года. Предпринята попытка выявления хронологических рамок этапов эволюции идей протекционизма. Рассмотрены характерные особенности тарифной компании.

[4] Сен-Симон Л.Р. Мемуары, 1691–1701. М. : Ладомир : Наука, 2007. С. 293–294.

Консервативная партия, протекционизм, консерватизм, тарифная реформа, Дж. Чемберлен.

THE EVOLUTION OF THE BRITISH IDEAS OF PROTECTIONISM
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES.

The report analyzes protectionism's transformation as one of the leading ideas of the Conservative Party from 1880 to 1906. An attempt was made to identify the time frame of the stages of evolution of the ideas of protectionism. The characteristic features of the tariff reform.

The Conservative Party, protectionism, conservatism, tariff reform, J. Chamberlain.

На рубеже XIX–XX веков английская общественно-политическая мысль под воздействием сложившихся социально-экономических и политических условий развивалась в двух направлениях: неолиберализма и протекционизма.

Неолиберализм, выработанный Либеральной партией в начале нового столетия, стал основой ее политической линии. В 1906 году после прихода к власти либералы взяли курс на реформирование финансовой, социальной сферы, а также образования. Главная идея программы реформ была связана с бюджетным финансированием. Некоторые из современных ученых (Н.А. Кручинина, О.А. Фомкина) считают, что сосредоточение внимания либералов на социально-экономических аспектах есть не что иное, как проявление неолиберальных тенденций.

Протекционизм, напротив, становится одним из ведущих идеологических направлений в консервативной среде. Свое выражение он нашел в постулатах тарифной реформы как единственного способа оживления британской экономики и решения социально-политических задач.

В истории протекционизма можно условно выделить несколько этапов развития. Впервые идея протекционизма была сформулирована Дж. Чемберленом в 1880-е годы, как ответ на те кризисные явления, которые стали проявляться в различных областях жизни британского общества. Однако вскоре он начал уделять большое внимание имперским вопросам, что позволило сформулировать ему ряд предложений, в частности, по укреплению внешнеполитического престижа страны и решению внутренних социальных и экономических проблем, в том числе по вопросам тарифов.

Площадкой для обсуждения тарифной политики Дж. Чемберлена становятся две организации – Национальная лига честной торговли (далее – Лига) и Лига имперской федерации. Лига выдвинула идею так называемого «взаимного характера» тарифов Великобритании и ее торговых партнеров. Конкретные ее предложения были связаны с введением защитных тарифов на промышленные товары и пищевые продукты в размере 10–15 %. Второй организации была близка идея преференциальных тарифов в Британской империи, предполагавших совмещение свободной торговли внутри империи с защитными пошлинами для других стран. Для Чемберлена вопрос о защите английской промышленности с помощью тарифов был тесно связан с идеей преференциальной торговли с колониями, что привело к выдвижению идеи создания таможенного союза по образцу германского Цолльферейна. По своей сути первый этап в развитии идей

протекционизма носил организационный характер, так как только оформлялись собственная позиция Дж. Чемберлена и внутрипартийное отношение к выдвинутым предложениям.

Новый виток в дискуссии о протекционизме был определен практическим шагом в этом направлении. В 1902 году министр финансов сэр М. Хикс Бич ввел тариф в размере одного шиллинга на кварту ввозимого зерна как дополнительный источник финансирования англо-бурской войны. Этот шаг можно считать переходом ко второму этапу развития идей протекционизма, который был связан с проведением широкой кампании в поддержку тарифной реформы, начавшейся в Бермингеме в мае 1903 года с речи Дж. Чемберлена в защиту «особых» отношений с колониями. Независимая линия Дж. Чемберлена вызвала протест внутри консервативной партии со стороны сторонников свободной торговли юнионистского крыла, которые предприняли ответные меры и организовали Юнионистскую лигу свободного ввоза продуктов во главе с бывшими министрами финансов М. Хиксом Бичем и Дж. Гошеном. Тем не менее, внутрипартийное большинство поддерживало предложения Дж. Чемберлена, не имея официального одобрения тогдашнего руководителя партии А. Бальфура. В одной из статей журнала “The Fortnightly Review” отмечалось, что он выбрал выжидательную позицию, открыто не поддерживая протекционизм, и в то же время стараясь не потерять поддержку той части партии, которая следовала за Чемберленом.

Идею протекционизма поддержали в провинции, в местных консервативных организациях, объединенных в Национальный союз консервативных ассоциаций (National Union of Conservative and Constitutional Associations. Далее: NUCA). В 1903–1913 годы большинство членов этой организации придерживалось протарифных настроений.

Третий этап в развитии протекционизма начинается в 1906 rjle, когда Консервативная партия терпит поражение на всеобщих выборах, и ее лидер А. Бальфур пересматривает партийную программу. Отныне тарифные предложения становятся определяющими в проведении политики имперских преференций и промышленной защиты, а также при сборе доходов для некоторых социальных реформ. Об этом А. Бальфур заявил в своем выступлении на одной из конференций NUCA. Тем самым консерваторы настойчиво начали продвигать идею использования доходов от тарифов для финансирования социальных реформ. В консервативном понимании это был более эффективный способ пополнения бюджета.

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий протекционизм претерпел существенную эволюцию от формулировок общих идей о необходимости защиты английской экономики до выработки программы, которая направлена была на политику поддержки британской промышленности, реализации и финансирования социальных реформ и защиты британского сельского хозяйства. Полная программа тарифов, включающая экономическую интеграцию, предложила решение ключевых проблем, с которыми столкнулась Великобритания в начале XX века.

Список литературы

1. Mr. Balfour and the Unionist Party: a Study and Postscript [Text] // The Fortnightly Review. – March 1906. – N 471.

К.М. Столяров

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ИРАНА

В данной статье говорится о развитии ядерной программы Ирана с момента ее зарождения (вторая половина XX века) до наших дней (март 2016). Автор делает краткий исторический экскурс, рассматривает, как менялась стратегия Ирана, и как менялось отношение мирового сообщества к данной ситуации. Также автор рассуждает о перспективах и возможных направлениях дальнейшего развития данной ситуации.

Иран, ядерная программа, Исламская революция, санкции, ядерное оружие.

THE MODERN CONDITION OF IRAN'S NUCLEAR PROGRAM

this article gives information about Iran's nuclear program since the date of its foundation (2nd part of XX century), till nowadays (March 2016). The author gives short historical background, analyzes how did Iran's strategy and world's relation change to this situation. Besides, the author thinks about perspectives and possible directions of further development of the situation.

Iran, nuclear program, Iranian revolution, sanctions, nuclear weapon.

В наши дни большинство государств мира уделяет внимание вопросам энергетики и энергетической безопасности. Сегодня огромное значение придается атомной энергетике как наиболее производительному, вместе с тем и наиболее противоречивому способу добычи данного ресурса. Довольно часто, помимо экономических и технических трудностей, возникает ряд сложных политических вопросов.

Развитие ядерной программы Ирана было и остается связано с рядом политических проблем. Поэтому стремление и пути вступления Исламской Республики Иран в «клуб ядерных держав» представляют большой научный интерес.

Уже в течение нескольких десятилетий стремление Ирана овладеть «мирным атомом» вызывает беспокойство со стороны ведущих государств мира. Связано это с тем, что Иран может повторить историю Северной Кореи, выйти из Договора о нераспространение ядерного оружия, разорвать все соглашения с Международным агентством по атомной энергии и создать ядерное оружие.

В январе 2016 года с Исламской Республики Иран были сняты международные санкции. Однако на наш взгляд, ситуация вокруг данного государства и в регионе в целом не стала безопаснее. Риск создания ядерного оружия существует до сих пор, что может сильно дестабилизировать международную обстановку. Среди основных угроз – попадание ядерного вооружения в руки террористов, что может привести к полному уничтожению мира.

Исламская революция 1979 года явилась не только важным политическим событием, но и поворотным моментом в истории развития ядерной программы Ирана. Изначально Иран видел своим основным партнером в области атомной энергетики Соединенные Штаты Америки. Однако после смены политической обстановки в стране в 1979 году был взят курс на самообеспечение и уход из-под влияния США. Вследствие этого был необходим поиск альтернативных партнеров.

Зарождение ядерной программы Исламской Республики Иран происходило в 50-х годах XX века. В 1956 году состоялись первые переговоры между ИРИ и США по вопросам атомной энергетики. Результатом данных переговоров явилось подписание договора о сотрудничестве в ядерной сфере в 1957 году. Соединенные штаты брали на себя ряд полномочий, среди которых можно выделить: предоставление необходимых технологий, обеспечение ядерным топливом, кадровое обеспечение и научное сотрудничество в вопросах развития атомной энергетики.

Однако данное сотрудничество никак нельзя назвать «гуманитарной помощью». США преследовали свои цели, которые ставили Иран в серьезную политическую зависимость. Прогрессивно мыслящим кругам Ирана такая перспектива не нравилась, и в ходе революции они указали на все недоработки и противоречия в построение ядерной программы. Делался упор на сотрудничество с СССР и КНР. Но возрастающая конфронтация с Соединенными Штатами привела в конечном итоге к введению санкций против Ирана. Страна оказалась в политической и экономической изоляции на продолжительный период времени. Однако и в самой антииранской коалиции прослеживался ряд разногласий, особенно в последние годы. Европейские партнеры США не видели серьезной угрозы в действиях Ирана и выступали за ведение конструктивного диалога.

Что же касается самого Ирана, то он на протяжение всего периода существования проблемы давал понять, что готов к переговорам и всячески демонстрировал прозрачность своей ядерной программы. Однако несоблюдение достигнутых договоренностей портило репутацию Ирана. Но стоит признать, что решения принимаемые в рамках данной проблемы носили откровенно насильственный антииранский характер.

В XXI веке ситуация лишь продолжала усугубляться. Ярким подтверждением этого стало рассмотрение меджлисом (парламентом) Исламской Республики Иран (ИРИ) законопроекта о перекрытии Ормузского пролива. Двадцатого июля 2012 года его поддержали 150 из 290 членов парламента. Согласно этому закону, который так и не был утвержден духовным лидером страны Али Хаменеи, иранский флот должен топить в проливе любое судно тех государств, которые поддержали санкции, введенные с 1 июля 2012 года Европейским союзом (ЕС) против ИРИ. В качестве ответной реакции 16–27 сентября 2012 года. Центральное командование вооруженных сил США провело в Персидском заливе Международные учения IMCMEX–12 (International Mine Countermeasures Exercise 2012), посвященные отработке задач поиска (траления) морских мин и подводных самодельных взрывных устройств.

После президентских выборов, когда Барак Обама остался на второй срок, США продолжили политику сдерживания Ирана. Но на протяжение последних трех лет шел активный переговорный процесс. Соединенные Штаты понимали, что, каковы бы ни были их амбиции в регионе, затянувшийся конфликт мог в конечном итоге вылиться в открытое вооруженное столкновение. Да и судя по заявлениям западных политиков, они были настроены куда положительнее, нежели их американские партнеры.

Результатом многолетних переговоров стало итоговое пленарное заседание в Вене 12 января 2016 года. По итогам заседания между Россией, КНР, Германией, Францией, США, Великобританией и Ираном с последнего была снята большая часть международных санкций. После этого в Европу хлынет поток

иранской нефти. Разумеется, Россия получает нового конкурента в нефтяной сфере. Однако, партнерство РФ и ИРИ носит давний стратегический характер. Потеря средств от продажи нефти будет компенсирована экономическим сотрудничеством в других сферах, поскольку Иран предоставляет широкий рынок для сбыта различных товаров.

Подводя итог, стоит отметить, что даже после снятия санкций с Ирана, ситуация не прояснилась до конца. По-прежнему сохранены санкции в отношении нарушения прав человека. Двадцать восьмого января Франция потребовала введения новых санкций против Ирана, после того как ИРИ провела ракетные испытания. Несмотря на то, что никаких санкций скорее всего не последует, и требование Франции будет отклонено, поскольку оно сводит на нет все усилия предпринятые странами «шестерки» для урегулирования вопроса, проблема не решена до конца. И как будут развиваться события, покажет время.

Список литературы

1. Козем Гхариб-Абади. Ядерная программа Ирана: основные положения [Текст]. – МИД ИРИ, 2008
2. Парламент Ирана одобрил законопроект о перекрытии Ормузского пролива [Электронный ресурс] // Росбалт : информационное агентство. – Режим доступа : http:// www.rosbalt.ru/main/2014/07/21/1013584.html
3. Ядерная программа Ирана [Электронный ресурс] // РИА Новости : Российское информационное агентство. – Режим доступа : http://ria.ru/spravka/20130212/922497891.html

М.В. Стрелец

БИТВА ПРИ ВЕРДЕНЕ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

В статье анализируются особенности стратегического развития сражения при Вердене в 1916 году. Автор подчеркивает важность изучения истории Верденской операции для совершенствования военно-исторической науки.

Первая мировая война, 1916 год, сражение при Вердене, военная история, военная стратегия.

BATTLE OF VERDUN: LOOK THROUGH THE CENTURY

This article analyzes the features of strategic development of the battle of Verdun in 1916. The author stresses the importance of the study of the history of the battle of Verdun to improve the military-historical science.

The First World War, 1916, battle of Verdun, military history, military strategy.

В этом году отмечается 100 лет битвы французских и германских войск под Верденом. В истории Первой мировой войны не было иных операций, которые могли бы сравниться с данной битвой по масштабам, ожесточенности, числу павших на поле боя. Стартовая точка в истории этой битвы – 21 февраля 1916 года, финальная – 18 декабря 1916 года. Германские разработчики настоящей опе-

рации рассчитывали, что она приведет к коренному перелому в войне на Западном фронте, который заложил бы одну из предпосылок для коренного перелома в ходе всей Первой мировой войны. Достаточно посмотреть на карту, чтобы понять одну из причин их оптимизма. Верденская дуга находилась в относительной близости от столицы Французской Республики, между Верденом и Парижем не было никаких (!) укреплений.

Начав наступление 21 февраля, подданные кайзера Вильгельма II предъявили мощные аргументы.

Первый аргумент: германские ВВС имели полный контроль над пространством, совпадавшим с Верденской дугой. Сто шестьдесят восемь германских боевых самолетов пилотировались хорошо подготовленными летчиками, перед которыми ясно и четко была сформулирована следующая задача: сделать так, чтобы ни одно подразделение сухопутных войск их отечества не стало объектом бомбардировок противостоявших им во французском небе граждан Третьей Французской Республики и подданных его величества короля Георга V. Эта задача успешно выполнялась германскими летчиками на протяжении немалого отрезка времени. При этом летчики противоборствовавших сторон отметились первым опытом ожесточенных схваток на предмет завоевания лидерства в воздушном пространстве. Воздушное пространство, находящееся над Верденской дугой, прежде всего благодаря германским летчикам стало первым опытным полем для штурмовых действий ВВС.

Второй аргумент: двукратное превосходство по личному составу. Один миллион германцев противостоял пятистам тысячам французов.

Третий аргумент: явно благоприятное соотношение по количеству вооружений. У германцев было 946 орудий. Свыше 50 % имевшихся у них орудий относились к категории тяжелых. Французы в разы уступали как по общему количеству орудий, так и по числу тяжелых орудий.

Четвертый аргумент: разительное преимущество по разрушительной силе вооружений. Именно в этой битве германцы выступили пионерами в применении огнеметов.

Все перечисленные аргументы можно объединить одним словом: «впервые». Германцы никогда ранее не использовали в одном сражении столько самолетов, личного состава, орудий. К этому следует добавить и беспрецедентную для них плотность ведения огня. Таких артиллерийских плотностей до Вердена никто в мире не ощущал. Уму непостижимо: фронт – 12 (!) километров. Отсюда становится понятным ставшее широко распространенным выражение «верденская мясорубка». «Верденская мясорубка» маркировала и резкое нарастание объемов применения боевого арсенала, включавшего легкие пулеметы, ружейные гранатометы, химические снаряды.

Военные историки традиционно отмечают оригинальные решения при переходе германской пехоты в наступление. Довольно быстро появлялись боевые порядки с внушительной глубиной. Успешно срабатывало германское ноу хау: пехотные штурмовые группы.

Двадцать пятого февраля солдатам и офицерам кайзеровской армии покорился ключевой форт Дуамон. Это означало, что Третья Французская Республика висела на волоске. Естественно, ее высшая военная инстанция решала уравнение со многими неизвестными. Настоящая инстанция поступила абсолютно

правильно, сделав акцент на максимальное задействование транспортной инфраструктуры. За восемь дней «священным путем» проехало 6 тысяч единиц автомобильного транспорта. Подобные единицы использовались впервые в мировой практике для оперативной перегруппировки войск. Именно благодаря автотранспорту у французов на 190 тысяч возросла численность личного состава, на 25 тысяч позиций пополнился тоннаж необходимых для армейских нужд материальных средств. Стартовая точка «священного пути» – Бар-ле-Дюк, финальная – Верден. Дало искомый результат применение новинок авиастроительной компании «Ньюпор» – одноименных истребителей. Высокопрофессиональные действия соответствующих эскадрилий привели к тому, что германские ВВС утратили контроль над пространством, совпадавшим с Верденской дугой.

В свете происходивших событий весьма кстати была Нарочанская операция, происходившая на театре военных действий в пределах современной Республики Беларусь. Эта операция была ответом на просьбу французов о помощи. У них было четкое понимание насчет того, что собственных ресурсов для твердого сдерживания германцев под Верденом недостаточно. И это понимание не исчезло даже после вышеупомянутых решений. Можно однозначно утверждать, что подданные кайзера Вильгельма II продвинулись бы к маю не на 7 километров, а на гораздо большее расстояние, если бы их значительной части не пришлось перемещаться из пространства, примыкающего к Верденской дуге, в пространство, примыкающего к озеру Нарочь.

К концу весны стало как никогда очевидно, что Верден являлся тяжелейшим испытанием не только для солдат и офицеров обеих сторон, но и для их военно-промышленных комплексов (ВПК). Разрабатывая тактику войны на истощение, официальный Берлин рассчитывал, что в конечном итоге наступит крах французского ВПК. Резкие сбои в функционировании данного ВПК плюс скудный резерв для пополнения личного состава создавали предпосылки для коренного перелома в Верденской операции в пользу германцев, которых вновь охватил наступательный порыв.

И вновь спасение французов происходило на театре военных действий в пределах Российской империи. Двадцать второго мая по старому стилю или 4 июня по новому стилю стартовал Брусиловский прорыв, о чем вновь просили французы. Главную роль в этом прорыве сыграли войска Юго-Западного фронта под командованием А.А. Брусилова. Эти войска настолько здорово действовали, что резонно возник вопрос: быть или не быть армии дуалистической империи Австро-Венгрии? Естественно, наступательный порыв германцев в Верденском сражении заметно ослаб. Значительное их число было переброшено для противостояния брусиловцам.

Именно за брусиловским прорывом последовало успешное наступление французско-британских армий на реке Сомме, что потребовало очередного отвлечения существенных сил германцев. После того как обстановка кардинально поменялась, французы сначала предпринимали контрудары, а затем контратаки. Германцы все больше истощались, и в конечном итоге противоборствовавшие стороны 18 декабря оказались там, где они находились до 21 февраля.

Преследуя в Верденской операции тактику истощения французской армии и французского ВПК, германцы после этой операции постепенно стали ощущать, что они движутся к результату с точностью наоборот. После Верденской операции и Битвы при Сомме в противоборстве между Центральными держава-

ми и Антантой приобрели необратимый характер благоприятные для последней тенденции, которые генетически связаны с исходом Первой мировой войны.

Политические элиты ФРГ и Французской Республики уже давно извлекли уроки как из Вердена, так и из обеих мировых войн в целом.

Е.А. Суслопарова

ЛЕЙБОРИСТСКАЯ ПАРТИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ПРОБЛЕМА КОНСКРИПЦИИ В 1916 ГОДУ

Статья посвящена отношению в рядах лейбористской партии Великобритании к проблеме введения всеобщей воинской повинности в 1916 году. Автор рассматривает позицию как антивоенного крыла, так и про-военного крыла лейбористской партии во главе с А. Гендерсоном в отношении данного вопроса.

Первая мировая война, Великобритания, лейбористская партия, конскрипция.

THE BRITISH LABOUR PARTY AND THE PROBLEM OF CONSCRIPTION IN 1916

The article deals with the reaction among the Labour party's rank and file to the problem of conscription in 1916. The author traces the position of the antiwar wing and the pro-war wing of the Labour party under A. Henderson concerning this question.

The First World War, Great Britain, Labour Party, conscription.

Вступление Великобритании в Первую мировую войну стало для лейбористской партии, традиционно придерживавшейся антивоенных взглядов, серьезным испытанием на прочность. В целом, несмотря на протест ряда пацифистов, уже в первые дни войны основная масса членов партии оказалась охвачена патриотическими чувствами и поддержала правительственный курс, направленный на вооруженную борьбу с милитаристской Германией. Двадцать четвертого августа 1914 года лейбористы совместно с тред-юнионами объявили «промышленное перемирие», фактически призывавшее рабочих воздерживаться от забастовок в период военных действий. Двадцать девятого августа 1914 года было объявлено «избирательное перемирие» – отказ оспаривать на дополнительных выборах избирательные округа, до войны принадлежавшие соперникам. Следует также отметить, что в начале войны многие лейбористы приняли активное участие в правительственной кампании по вербовке в армию добровольцев.

В мае 1915 года лояльность лейбористов по отношению к правительству, ведущему войну, стала еще более ярко выраженной. Лидер лейбористской партии А. Гендерсон вошел по приглашению премьер-министра Г. Асквита в состав его нового коалиционного правительства. Формально он занял должность министра просвещения. Одновременно еще два члена партии получили приглашение занять менее значимые правительственные посты. Их готовность сотрудничать с властью вызвала резкое недовольство у представителей левого крыла партии, однако получила официальное одобрение на совместном заседании парламентской лейбористской фракции и партийного исполкома.

Проблема компромисса лейбористов с ведущим войну правительством продолжала будоражить партийные ряды и в последующие месяцы. Особую остроту она обрела в связи с введением в Великобритании всеобщей воинской повинности (конскрипции). Соответствующий билль был внесен в палату общин 5 января 1916 года. Реакция лейбористов на правительственное предложение первоначально была резко отрицательной. Еще осенью 1915 года против конскрипции официально высказался Британский конгресс тред-юнионов (БКТ). Шестого января 1916 года была созвана специальная лейбористская конференция, которая также одобрила резолюцию, призвавшую парламентариев всеми силами воспрепятствовать прохождению подобного законопроекта [1].

Кампания против Билля о конскрипции была развернута на страницах антивоенных лейбористских изданий, например в газете «Геральд», руководимой пацифистом Дж. Лэнсбери [2]. Одновременно антивоенно настроенные члены партии попытались дать бой правительству Г. Асквита в парламенте. Так, например, Ф. Сноуден, выступая 12 января 1916 года в палате общин, охарактеризовал законопроект о всеобщей воинской повинности как попытку набросить цепи рабства на демократию [3].

На этом фоне А. Гендерсон под давлением партии был вынужден подать Г. Асквиту прошение об отставке. Тем не менее, такой сценарий развития событий никак не увязывался со стремлением премьер-министра сохранить младшего лейбористского партнера в своей команде. Тред-юнионы на основе коллективного членства входили в состав лейбористской партии с момента ее создания. Лояльность и поддержка рабочих на фабриках и заводах были жизненно необходимы правительству в условиях длительной позиционной войны. В этой ситуации присутствие А. Гендерсона в коалиционном правительстве было, с точки зрения Г. Асквита, чрезвычайно значимо в плане налаживания эффективного и бесперебойного диалога между властью и профсоюзным движением.

В результате в начале января 1916 года премьер-министр предпринял все возможные усилия с тем, чтобы удержать А. Гендерсона, лично склонного к поддержке конскрипции, в правительстве. Двенадцатого января 1916 года на встрече с представителями лейбористской партии Г. Асквит пообещал, что всеобщая воинская повинность не будет распространяться на женатых мужчин. Наряду с этим он сообщил, что в его намерения не входит введение всеобщей трудовой повинности. В итоге конфликт был сглажен, и А. Гендерсон остался в правительственной коалиции.

Однако в конце января 1916 года в Бристоле прошла ежегодная конференция лейбористской партии, где вопрос об отношении к конскрипции был поднят повторно. В целом присутствующие осудили идею всеобщей воинской повинности, назвав ее «несовместимой с духом британской демократии». Тем не менее, несмотря на общие слова неодобрения в отношении конскрипции, конкретные решения этой партийной конференции отразили настроения провоенного большинства ее делегатов. В этом плане весьма характерными стали слова выступившего на конференции представителя профсоюза докеров Дж. Секстона: «Если Германия выиграет… уже ничто не будет иметь значения» [4]. На этом меро-

---

[1] Report of the 15-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1916. P. 7.
[2] Herald. 1916. 22, 29. Jan.
[3] Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 77. Col. 1726.
[4] Report of the 15-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1916. P.101.

приятии была высказана официальная поддержка британскому правительству, ведущему войну. Наряду с этим лейбористы одобрили отдельную резолюцию в пользу своего дальнейшего участия в коалиции Г. Асквита.

В апреле 1916 года вопрос об отношении к сотрудничавшей с правительством лейбористской партии был поднят на ежегодной конференции Независимой рабочей партии (НРП), входившей, как и профсоюзы, в лейбористские ряды на основе коллективного членства. С одной стороны, многие члены НРП стойко придерживались пацифистских взглядов и откровенно осуждали вхождение лейбористов в коалицию Г. Асквита, а также введение всеобщей воинской повинности. С другой, предложение о выходе НРП в знак протеста из состава лейбористской организации в связи с ее политикой не получило в 1916 году какой-либо значительной поддержки. Это свидетельствовало о том, что представители НРП, осуждая в целом конскрипцию, не были готовы к столь решительным действиям, как формальный раскол лейбористского движения.

В мае 1916 года всеобщая воинская обязанность, вопреки январским обещаниям Г. Асквита, была распространена на женатых мужчин с 18 до 41 года. В отличие от январских событий 1916 года, реакция официальной лейбористской партии на этот раз была более спокойной и сдержанной. Лейбористы даже не стали созывать чрезвычайную конференцию для обсуждения своего отношения к новому биллю. Согласно отчету партийного исполкома за 1916 год, вопрос о том, как партии следует реагировать на новый законопроект правительства, специально обсуждался на его заседании. В итоге противники билля оказались в меньшинстве, и вопрос о созыве чрезвычайной конференции был снят с повестки дня [5].

Введение всеобщей воинской повинности в Великобритании в 1916 году продемонстрировало, что лейбористы, осуждая в целом подобную политику, в массе своей оказались готовы к компромиссу, рассматривая конскрипцию 1916 годаа как меру вынужденную и даже необходимую в обстановке затянувшейся войны. Вхождение лейбористской партии в новое коалиционное правительство Д. Ллойд Джорджа в декабре 1916 года, нацеленное любыми средствами вести «тотальную войну», стало убедительным подтверждением того, что партия не намерена была в угоду абстрактным довоенным идеалам оставаться в стороне от мобилизации фронта и тыла и готова к решительной борьбе до победного конца.

Список литературы

1. Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons [Text]. – Vol. 77.
2. Herald [Text]. – 1916. – 22, 29. – Jan.
3. Report of the 15-th Annual Conference of the Labour Party [Text]. – L., – 1916.
4. Report of the 16-th Annual Conference of the Labour Party [Text]. – L., – 1917.

Ю.О. Толмачев

БУТАН В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И ИНДИИ В КОНЦЕ 40-Х – НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Статья рассматривает политику Китая и Индии по отношению к Бутану. Особое внимание уделяется анализу методов и форм дипломатической борьбы.

[5] Report of the 16-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1917. P. 4.

граница,конфликт, буферное государство, дипломатия.

BHUTAN IN THE CONTEXT OF SINO-INDIAN RELATIONS
IN THE LATE 1940S AND THE EARLY 1960S

The article deals with China and India policy towards Bhutan.Particular attention is paid to the analysis of methods and forms of diplomatic struggle.

border, conflict, buffer state, diplomacy.

Небольшое королевство Бутан располагается между Индией и Китаем. Выгодное географическое положение позволило Бутану укрепить культурные и экономические связи с Тибетом. Главным торговым партнером для этого государства оставалась Индия.

Ситуация стремительно изменилась, когда в Китае в 1949 году пришло к власти новое коммунистическое правительство, которое начало активно возвращать территории, утраченные при китайских императорах. Освобождение Мао Цзэдуном Тибета сильно волновало правящие круги бутанского общества, так как изменение ситуации на границах сразу же отразилось на внутриполитическом курсе правительства Бутана.

Данная проблема беспокоила и Новый Дели, который принимает решение любыми средствами сохранить свое влияние в гималайском регионе. С этой целью между представителями Бутана и Индии 8 августа 1949 года было заключение соглашение. Согласно тексту этого документа, Новый Дели пообещал не вмешиваться во внутренние дела этого государства, но в то же время оставлял за собой право давать советы, касающиеся внешнеполитического курса. Подобные формулировки в тексте соглашения фактически позволили Индии полностью контролировать действия бутанского руководства.

Китай в период с 1950 по 1953 год пытался сам наладить дипломатическое сотрудничество с Бутаном без проведения консультаций с индийской стороной. В 1953 году Китай отправил подарки бутанскому королю, но эта инициатива не принесла никаких видимых результатов.

Переговоры о статусе Тибета в 1954 году между представителями Китая и Индии на короткий промежуток времени сделали вопрос о статусе Бутана второстепенным. Китайские руководители в этот период времени официально не заявляли ни о каких претензиях по отношению к деятельности индийского руководства на территории маленькой горной страны.

Однако уже в 1955 году китайские военные начали выдавать визы жителям Бутана, не согласовав данный вопрос с индийской стороной. При этом была выбрана новая тактика борьбы. С помощью средств массовой информации китайцы все беды своей страны связывали с колониальными режимами, из-за которых они лишились своих исконных территорий. Британский журналист Десмонд Дойг, внимательно проанализировав заявления КНР, сравнил Тибет с рукой, которой не хватало пяти пальцев: Сиккима, Ассама, Бутана, Непала и Ладакха.

Поскольку ситуация в Тибете сильно обострилась после восстания 1959 года, то индийская сторона, опасаясь потерять влияние в небольших гималайских государствах, решает заручиться поддержкой Бутана. Дж. Неру смог убедить бутанское руководство в том, что инициатором китайско-индийского пограничного

спора стала именно КНР. Премьер министр Бутана Джорджи полностью согласился с точкой зрения своего коллеги и заявил, что доверяет Индии в защите интересов Бутана, а его правительство будет работать над улучшением системы национальной безопасности через увеличение численности вооруженных формирований.

Китайская сторона в качестве ответной меры решила показать бутанским правящим кругам, кто является реальной политической силой в Азиатском регионе. Китайские военные в августе 1959 года в одностороннем порядке стали устанавливать свои правила, касающиеся патрулирования и охраны небольших бутанских поселений. Они конфисковали все оружие, средства передвижения, боеприпасы у бутанских офицеров, которые осуществляли охрану восьми населенных пунктов [6].

Индийская сторона сразу же потребовала немедленного освобождения всех военнопленных, а также выразила свое возмущение попытками Китая приостановить экономическое сотрудничество между Бутаном и Тибетом. Особенно сильно Индия критиковала наложение серьезных ограничений на бутано-тибетскую торговлю и ущемление прав бутанских курьеров [7].

В индийской печати 13 августа 1959 года появилось сообщение, согласно которому КНР решила начать серьезную геополитическую игру, нацеленную на те маленькие страны, которые непосредственно граничат с Тибетом. Общественное мнение Индии было весьма взволновано, и поэтому 25 августа 1959 года Дж. Неру пришлось отвечать на серию вопросов, касающихся Бутана. Большая часть его ответов представляла из себя весьма размытую формулировки. Он заявил, что пока официально китайская сторона не озвучила никакие претензии, но если какое-то иностранное государство решит совершить акт вооруженной агрессии против Бутана, то Индия будет вынуждена вмешаться в этот военный конфликт.

В этом же году китайские правительство передало документ индийскому посольству в Пекине, где заявляло о своих притязаниях на 50 000 квадратных миль, которые располагались на территории Индии. Данная ситуация сильно возмутила правящие круги Бутана, так как 300 квадратных миль приходилось на территорию их маленькой страны. Бутанский премьер-министр Джигме Дорджи охарактеризовал действия китайцев как «картографическую агрессию» и, более того, заявил: «Бутан никогда не согласится ни на какие китайские требования, касающиеся его территории» [8]. Дипломатический протест бутанское правительство выразило через индийское посольство, так как ни в каких дипломатических отношениях с КНР эта страна не состояла.

Дж. Неру, обеспокоенный действиями китайцев, пишет развернутое письмо Чжоу Эньлаю. В своем послании от 26 сентября 1959 года он указывает на многочисленные ошибки на тех китайских картах, где значительная часть Бутана показывается как территория Тибета. Более того, в письме утверждается, что только правительство Индии имеет право решать любые вопросы, касающегося внутриполитического положения Бутана, в том числе и пограничный вопрос.

Тем не менее, Чжоу Эньлай проигнорировал аргументы Дж. Неру и в сентябре 1959 года отправил дипломатическое послание бутанскому королю, пред-

---

[6] Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements signed between the Governments of India and China 1954–1959. White Paper. New Delhi, 1959. N 1 : India: Ministry of External Affairs, Government of India. P. 96

[7] Ibid. P. 97.

[8] The New York Times. 1960. 17 March.

ложив провести двухсторонние китайско-бутанские переговоры по вопросу определения линии границы. Китайский премьер считал, что нельзя проецировать китайско-индийские пограничные разногласия на другие страны.

Бутан весьма сдержанно отнесся к предложению КНР.

Следует сказать, что после конференции 1960 года в Новом Дели официальные представители двух стран анализировали исторические документы, касающиеся китайско-индийской границы. Когда Индия предложила в рамках этого проекта обсудить пограничный вопрос, касающийся Бутана и Сиккима, то Китай отказался указав, что этот вопрос не входит в рамки переговоров [9].

С точки зрения китайских руководителей успешное урегулирование пограничного вопроса с Бирмой, Непалом свидетельствовало о том, что с Индией вести диалог достаточно сложно и решить проблему можно только с руководством Бутана. В этот период Китай продолжал настаивать на собственной интерпретации отношений с этой небольшой страной.

Бутан был вынужден закрыть границу с Тибетом в 1960 году. Хотя эта мера не помогла остановить продвижение китайских войск, которые иногда осуществляли вылазки на территорию этого государства. Политические элиты были сильно обеспокоены произошедшим, так как все опасались, что Китай сможет за короткий промежуток времени захватить всю страну. Бутанский премьер: «Если они [китайцы] попробуют захватить Бутан, то мы будем сражаться до последнего. Только хватит ли нам достаточной силы в этой области, чтобы дать отпор китайцам. Ведь мы даже не знаем, кто сможет помочь нам?» [10]

В 1961 году появились сообщения, согласно которым Китай считает Бутан неотъемлемой частью Тибета. Исходя из этой установки, китайское руководство вновь попыталось оказать давление на эту страну. Китай предлагает Бутану немедленную помощь в тех сферах, где имелись проблемы, в обмен на проведение переговоров по пограничному вопросу без участия индийской стороны. Поскольку бутанский король находился в Новом Дели, то он предпочел просто проигнорировать данное предложение.

Спустя некоторое время Индия начала посылать собственных инструкторов для тренировки бутанских войск. Бутан не мог пойти на установление отношений с Китаем, так как боялся потерять выгодного экономического партнера в лице индийского руководства. Чем сильнее обострялись отношения между Китаем и Индией, тем лучше укреплялось индийско-бутанское сотрудничество в различных сферах. Когда началась китайско-индийская война, то Бутан призвал мужское население старше 16 лет сражаться за территориальную целостность Индии.

Таким образом, в период с 1949 по 1962 год Бутан являлся одним из стратегических важных небольших государств как для Индии, так и для Китая. Преимущество индийской стороны заключалось в том, что она смогла не допустить установления дипломатических отношений между Бутаном и Китаем. Проведение трехсторонних переговоров с участием Индии было затруднено тем обстоятельством, что китайско-индийский пограничный спор так и не был решен. Бутан остался буферной зоной, как на это и рассчитывало индийское правительство.

---

[9] Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0100. Оп. 54. Д. 83. Л. 57.

[10] The Washington Post and Times-Herald. 1959. 24 Aug.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0100. – Оп. 54. – Д. 83.
2. Treaty of Friendship between India and Bhutan, 8 August 1949 [Electronic resourse]. – Access mode : http://www.refworld.org/docid/3ae6b4d620.html (date of access: 26 January 2016).
3. Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements signed between the Governments of India and China 1954–1959. White Paper [Text]. – New Delhi, 1959. – N 1 : India: Ministry of External Affairs, Government of India.
4. The New York Times [Text]. – 1960. – 17 March.
5. The Washington Post and Times-Herald [Text]. – 1959. – 24 Aug.

Т. А. Тычинская

БИЛЛЬ О РЕФОРМЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА 1866 ГОДА И РАСКОЛ АНГЛИЙСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ

Статья освещает конфликт, возникший внутри либеральной партии в ходе обсуждения билля о парламентской реформе в 1866 году. Отколовшаяся группа адулламитов выступила категорически против реформы избирательного права. Адулламиты пытались сохранить старые порядки в рядах английской либеральной партии и удержать баланс сил между ее политическими группировками, существовавший еще при лорде Пальмерстоне.

билль о парламентской реформе, либеральная партия, консервативная партия, радикальная группировка, группировка адулламитов.

THE PARLIAMENTARY REFORM BILL IN 1866 AND SPLIT IN THE ENGLISH LIBERAL PARTY

The report is dedicated to the inner conflict in Liberal party during the debates on Parliamentary Reform bill in 1866. The Adullamites were a breakaway group from the Liberal party, they strongly opposed the Parliamentary Reform bill.They tried to preserve the old orders in the ranks of the English Liberal party and hold the balance of power between its political factions that existence even under Lord Palmerston.

Parliamentary Reform bill, Liberal party, Conservatives, Radical group, group of Adullamites.

Исследование внутрипартийного конфликта, обусловленного столкновением интересов различных группировок, представляет особый интерес для более детального понимания процесса становления либеральной партии Великобритании в середине XIX века. В 1865 году английские либералы понесли невосполнимую потерю. Восемнадцатого октября скончался лорд Генри Пальмерстон, возглавлявший либеральную партию на протяжении долгих лет. Уход лидера партии незамедлительно повлек за собой смену партийного руководства и политического курса в стране. Во главе нового министерства и палаты лордов стал Джон Рассел, лидерство в палате общин перешло к Уильяму Гладстону. Оба по-

литика приняли обоюдное решение провести новую реформу избирательного права, но не все члены либеральной партии их поддержали. Из фракции вигов выделилась многочисленная группа политиков, около сорока депутатов, которые, следуя завету лорда Пальмерстона, выступили против реформы. Эти правые либералы или виги, которые также назывались вигами-консерваторами, проявили свое враждебное отношение к правительственному проекту уже во время прений о допущении билля У. Гладстона до первого чтения в палате общин.

Двенадцатого марта 1866 года билль о реформе избирательного права был представлен. Законопроект предусматривал снижение имущественного ценза в графствах до 14, а в городах до 7 ф. ст.. Общее количество новых избирателей, согласно биллю, должно было составить 400 тыс. человек, которые являлись выходцами из среды среднего класса и обеспеченных слоев рабочего класса. Правые либералы при обсуждении билля о реформе избирательной системы перешли на сторону консервативной оппозиции. В ходе дальнейших парламентских дебатов виги-консерваторы получили свое собственное прозвище – «адулламиты», с подачи лидера радикалов Джона Брайта. В одном из своих выступлений он сравнил их измену лидерам либеральной партии с удалением библейского царя Давида в пещеру Адуллама, где он скрывался от преследования Саула.

Среди вигов-консерваторов образовалось два политических лагеря, имевших свои собственные причины для отказа от реформы избирательного права. Одни из них, например Лоу, Горсмен, Лэнг считали неприемлемым предоставление избирательного права грубым и невежественным рабочим. Другие, такие, как граф Гросвенор, Кинглек, Готт не отрицали пользу избирательной реформы, но полагали, что правительственный законопроект представляет собой полумеру, поскольку в ней рассматривался исключительно только вопрос об избирательном цензе. Сильнейшее недовольство поведением вигов-консерваторов, которые перешли на сторону тори, было высказано другими представителями либеральной партии не только в ходе парламентских дебатов, но и на общественных митингах. Это оказало влияние на некоторых вигов-консерваторов. Так Кинглек, Готт, ранее поддерживающие графа Гросвенора, вновь присоединились к либеральной партии. Таким образом, численный состав группы адулламитов был не стабилен и изменялся.

Правых либералов не устраивала не только реформа избирательного права, но и ее автор, У. Гладстон. Бывший лидер группировки пилитов, он не вызывал доверия у вигов-консерваторов, поскольку всегда выступал за демократию и реформы. Как далеко он пойдет в реформировании страны, не было никому известно. Лорд Пальмерстон при проведение своего политического курса, как правило, опирался на умеренных либералов, используя радикалов в случае необходимости для получения парламентского большинства при голосовании. С приходом к власти У. Гладстона наметилась четкая тенденция к усилению роли радикальной группировки в либеральной партии. Хотя Дж. Брайт и не вошел в состав министерства, его предложение о рассмотрении лишь только одного аспекта избирательной реформы, а не всех сразу, было взято на вооружение лидером палаты общин. Виги-консерваторы четко понимали, что если реформа будет принята, она неизбежно приведет к увеличению представительства в парламенте радикалов, так как их будут активно поддерживать новые избиратели из рабочего класса. Виги-консерваторы не хотели видеть У. Гладстона будущим лидером

либеральной партии после ухода Дж. Рассела. Они разделяли точку зрения Гросвенора, одного из своих лидеров, о том, что либеральная партия вопреки своим убеждениям, своим интересам стала дрейфовать в сторону демократии. Умеренные либералы выступали против этого, считая, что это вредит характеру партии и разрушает ее стабильность. Также многие из адулламитов преследовали личные интересы, они выражали недовольство своей карьерой, желали получить новые посты.

Восемнадцатого июня 1866 года адулламиты внесли поправку к законопроекту, предусматривавшую обязательную уплату налога в пользу бедных для получения права голоса, что уменьшало число вероятных рабочих избирателей. Разгоревшиеся споры вышли далеко за пределы поправки и сконцентрировались на концепции избирательной реформы в целом. Голосование по поправке оказалось последним: либеральное министерство потерпело поражение, получив на одиннадцать голосов меньше оппозиции. Сорок восемь либералов голосовали вместе с тори. В первые дни после падения билля представители группировки адулламитов не могли появляться в общественных местах незамеченными, толпы недовольного народа везде встречали их шиканьем, свистками, гиканьем. В парламенте, на многочисленных митингах не раз из уст современников слышались обвинения в в адрес адулламитов, их считали главными виновниками провала билля о реформе. Несомненно, правые либералы сыграли важнейшую роль в провале либерального проекта реформы избирательной системы, без их поддержки консерваторам не удалось бы победить. Либеральное правительство лорда Дж. Рассела и У. Гладстона было распущено 26 июня 1866 года. Лидеры либералов посчитали невозможным управлять страной с парламентом, в котором действовала враждебная им группировка, состоявшая из депутатов, причислявших себя к их партии, но выступающих на стороне оппозиции.

Реформа избирательного права Дж. Рассела и У. Гладстона привела к расколу в либеральном лагере, указала на наличие двух политических групп с диаметрально противоположными взглядами на путь дальнейшего развития партии. Группа адулламитов выступала за либеральную политику, но без реформы избирательного права. Они пытались сохранить старые порядки в рядах английской либеральной партии и удержать баланс сил между ее политическими группировками, существовавший еще при лорде Пальмерстоне. Благодаря группировке адулламитов либеральная партия была отстранена от управления страной, снизился авторитет ее руководства, консерваторы вернулись к власти.

А.В. Шандра

ВОПРОС О МОСУЛЕ В БРИТАНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ СЕРЕДИНЫ 1920-Х ГОДОВ

В статье рассматривается развитие британо-турецких отношений вокруг вопроса о Мосуле в середине 20-х годов XX века. Автор подчеркивает особую активность турецкой дипломатии в разрешении этого конфликта.

международные отношения, 1920-е годы, британо-турецкие отношения, Мосульский конфликт.

THE ISSUE OF MOSUL IN BRITISH-TURKISH RELATIONS
IN THE MIDDLE OF 1920's.

The article deals with the development of the British-Turkish relations over the issue of Mosul in 1920s. Author stresses the particularly active Turkish diplomacy in resolving the conflict.

international relations, 1920s, the British-Turkish relations, the Mosul conflict.

В период действия Версальской системы британская дипломатия прилагала усилия в разработке турецкого аспекта ближневосточной политики. Данное направление наметило несколько задач:

1. Поражение греков в войне с турками создавало предпосылки для пересмотра Севрского договора и позиций европейских стран в отношении Турции. Англия в процессе пересмотра добивалась наиболее выгодной для своих ближневосточных интересов ратификации.

2. Максимально ослабить, а затем и ликвидировать французское влияние в Турции с помощью сближения с турецким руководством.

3. Решить все имеющиеся противоречия с Турцией и сделать ее гарантом безопасности своих ближневосточных владений.

В 1923 году англо-турецкие отношения продолжали развиваться в Лозанне. На частных переговорах между Керзоном и Исмет-пашой 4 января 1923 года был обсужден Мосульский вопрос, но разговор окончился безрезультатно. Лорд предложил передать этот спор на обсуждение Лиги наций, так как был убежден в передачи района Британии.

Четвертого февраля 1923 года Лозанская конференция была прервана. Обсуждения возобновились лишь через 2 месяца – 9 апреля. В ходе конференции Турции не без помощи Англии удалось достичь крупных успехов. Используя англо-французские разногласия, Турция попыталась добиться отмены условий Севрского договора. Турецкие усилия не были тщетными: 24 июня 1923 года была заключена Лозанская конвенция. В территориальном плане за ней оставались: Восточная Фракия, зона проливов со Стамбулом, Галлипольский полуостров, Измир, Киликия, юго-восточные вилайеты Анатолии. Союзные войска эвакуировались из зоны проливов и Стамбула. Однако турецкое правительство отказывалось от прав на территории Ирака, Сирии, Палестины, Трансиордании, Египта, Аравийского полуострова, Ливии и Додеканезских островов и острова Кипр. По Лозанскому договору полностью отменялись всякого рода капитуляции – юридические, экономические, торговые, а также ликвидировались иностранные суды. Государственные долги Османской империи распределялись между Турцией и государствами, образованными в результате Балканских войн 1912–1913 годов и Первой мировой войны. Турция лишалась возможности в течение пяти лет пересматривать таможенные пошлины, шла на уступки по вопросу о судьбе имущества иностранцев и контрактов, соглашалась на создание смешанного третейского суда. Провозглашался принцип равных возможностей в Черном море. Таким образом, конвенция явилась в совокупности результатом нескольких многосторонних и двусторонних переговоров Турции. Великобританию вполне устраивали условия конвенции, закрепляющие ее господство в Во-

сточном Средиземноморье посредствам передачи ей мандатов на управление Ираком, Палестиной и Трансиорданией.

В 1923 году в Турции состоялся Измирский экономический конгресс, который разработал «Экономический обет», наметивший ряд мер для устранения преград на пути расширения внутреннего рынка и завоевания его национальным капиталом, создание необходимых предпосылок для развития предпринимательской активности. Конгресс подчеркнул, что предпочтение в форсированном развитии индустрии должно быть отдано тем отраслям, которые могут быть обеспечены местным сырьем. Эти решения Конгресса легли в основу экономической политики Турции. Следовательно, в условиях проведения нового плана развития экономики во внешнеполитическом аспекте важно было сохранить дружественные отношения с европейскими странами.

В первые годы после заключения Лозанской конвенции Турция направила усилия на разрешение Мосульского вопроса и установление ирако-турецкой границы. Переговоры о Мосуле начались в октябре 1923 года и продолжились до апреля 1924 года. Девятнадцатого мая возобновившиеся переговоры выказали желание Великобритани сохранить Мосул и приобрести новый район, стремясь получить стратегически важный горный массив, прикрывающий Ирак с севера. Район Мосула являлся одним из богатейших нефтяных месторождений в мире, и отдавать его Турции Лондон не намеревался. На ирако-турецкой границе сложилась напряженная обстановка.

В спор вмешалась Лига наций и порекомендовала в случае сохранения мандата в последующие 25 лет оставить Мосул за Ираком. Турция отказалась признать такое решение. Тогда вопрос о Мосуле был передан на рассмотрение международного суда в Гааге. Суд высказался за вариант Лиги наций. Великобритания к тому же сослалась на нестабильность в районе Мосула, связанную с восстаниями курдов.

В июле 1924 года истекли 9 месяцев, отведенных Лозанским договором на англо-турецкие переговоры о Мосуле, и теперь в спор должна была вмешаться Лига наций. Лето 1924 года прошло в обмене нотами между двумя странами. Турецкие дипломаты высказались за продолжение переговоров без арбитража Лиги наций, членом которой она станет в сентябре. Великобритания согласилась на это, но при условии, что Турция пойдет на уступки в решении споров. Министр по делам колоний Дж. Томас заверил парламент, что усилия британских мандатных властей направлены на защиту национальных меньшинств, а отнюдь не на захват районов богатых нефтью. В заявлении проявилась замаскированная стратегическая линия руководства лейбористской партии, продолжающей начинания консерваторов во внешней политике.

В конце августа 1924 года обе стороны согласились передать спор в Женеву. На сессии Совета Лиги наций, проходившей с 20 сентября по 2 октября, Турция продолжала настаивать на решении вопроса путем проведения референдума в спорном районе. Британский делегат лорд Пармур возразил туркам, пообещав, что лейбористское правительство примет решение, вынесенное Советом Лиги наций. Совет Лиги наций уклонился от обязанности решить спор, и призвала обе стороны соблюдать статус-кво в отношении Мосула. Таким образом, Лига наций сняла с себя обязательство урегулировать конфликт, и, следовательно, ответственность за происходящее на севере Ирака в результате возлагалась на Великобританию и Турцию.

Пытаясь отодвинуть границы Ирака далее на север и поставить Лигу наций перед фактом, Лондон пошел на новое обострение отношений с Турцией. Воспользовавшись приграничными инцидентами, британский премьер-министр Р. Макдональд отправил 9 октября новую ноту, в которой содержалось требование в течение 48 часов очистить районы северного Ирака от турецких войск. Турция в ответ на ноту заявила, что не она, а Лондон нарушает положение Лиги наций о статус-кво в районе Мосула.

Попытки Турции добиться победы в Мосульском вопросе указывают на ее желание расширить рамки Лозанской конвенции и создать необходимый «запас прочности» в решении международных вопросов с Великобританией. Шестнадцатого декабря 1925 года турецкое правительство направило делегацию в Женеву для разбора ситуации вокруг района Мосула.

Совет Лиги наций вынес решение об установлении границ между Турцией и Ираком. Великобритании выдавалось разрешение на продление мандата еще на 25 лет, что укрепило в некотором смысле юридическую базу в решении Мосульского вопроса. Переговоры между турецким и британским правительствами продолжались до лета 1926 года. Пятого июня 1926 года был подписан ирако-турецкий договор о границах и добрососедских отношениях. Согласно договору пограничная линия между Турцией и Ираком устанавливалась Советом Лиги наций на сессии 29 октября 1924 года (Брюссельская линия), Турция получала часть магистрали к югу от Аламуна и Ашуты. Обе договаривающиеся стороны обязались не нарушать установленную пограничную линию и не предпринимать действий по ее изменению. Договор установил десятипроцентные отчисления Ирака в пользу Турции с различных видов дохода. Великобритания, в качестве обладателя мандата на Ирак, представляла в договоре лишь приложенную ноту, но добивалась от турецкой стороны признания за Ираком право на скупку и капитализацию предприятий, главным образом, добывающей промышленности.

Ирако-турецкий договор оставил район Мосула за Ираком и фактически урегулировал британо-турецкий спор.

Анализ Мосульского конфликта позволяет установить его сугубо дипломатический характер, увидеть достаточную активность турецкой стороны в его разрешении. Турция не уступала британской дипломатии, но в то же время не прилагала особых усилий к закреплению на севере Ирака, исключая угрозу вооруженного конфликта. Лондон со своей стороны «зондировал почву» в турецких правящих кругах и рассматривал то, насколько высока вероятность заключения с ним какого-либо двустороннего договора. Очевидно, что причиной Мосульского конфликта стал не только нефтяной или стратегический фактор, но и фактор дипломатический, который способствовал тому, что Анкара и Лондон укрепляли двусторонние отношения.

В.М. Шибаева

МИРОВОЙ ПОРЯДОК: РОЛЬ США В КАЧЕСТВЕ ЛИДЕРА

В статье рассматривается существующее положение стран на мировой арене. Автор прослеживает трансформацию внешней политики США и ее влияние на международную политику в различные исторические периоды, а также анализирует вопрос о современном статусе данного государства и его роли в мире.

Соединенные Штаты Америки, Китай, Европа, внешняя политика, мировой порядок.

THE WORLD ORDER: THE ROLE OF THE USA AS A LEADER

The article focuses on the existing position of countries in the world. The author considers transformation of the USA foreign policy and its influence on the international politics in different historical periods. The problem of this country present status and its role in the world is also analyzed.

The United States of America, China, Europe, foreign policy, world order.

На протяжении всей истории многочисленные государства сменяли друг друга в качестве мирового лидера. Появление США в качестве нового гегемона западного мира после Второй мировой войны не было неожиданным. Стремительный экономический рост и вынужденный отход Франции и Великобритании из своих колоний лишь укрепил позиции нового мирового колосса [1]. Вопрос в настоящее время заключается в том, удастся ли им сохранить свой статус. Вполне вероятно, что в ближайшем будущем США превратятся в подобие Великобритании, оставив позади годы своего неоспоримого могущества. На сегодняшний день среди политологов всего мира не утихают споры о том, что на смену влиятельному игроку в лице США придет новая сила. Нельзя не замечать стремительное усиление позиций крупных развивающихся стран, в том числе Индии, Турции и Китая, которые стремятся взять реванш у истории за свое унижение [2]. В то же время Европа, погрязшая в бесконечных проблемах, к которым в недавнее время прибавились беженцы, уже давно не выполняет роль мирового лидера.

Итак, если проследить путь США к статусу сверхдержавы, необходимо отметить, что декларируемые ценности на самом деле не всегда соответствовали реальным действиям государства. Позиционировав свою внешнюю политику в качестве «изоляционистской», США в то же время укрепляли свою мощь и расширяли сферу влияния. Этому свидетельствуют военные действия США в отношении Испании и приобретение Кубы фактически в качестве зависимой территории. Нельзя не отметить, что экспансия США была обусловлена экономическими причинами. Взлет американской экономики в конце XIX века побудил государство начать распространять свое влияния на новое рынки или даже контролировать их [3].

Но безоговорочным лидером в ряду капиталистических стран США стали после Второй мировой войны, переняв пальму первенства у Великобритании, могущество которой стремительно начало угасать уже с начала XX века. В послевоенный период зависимость от США стала очевидной, невозможность проявлять свою инициативу во внешней политике, в частности, отчетливо проявилась во время Суэцкого кризиса 1956 года. Не согласовав свое решении с атлантическим союзником, Великобритания в полной мере осознала значение «особых отношений» с США и окончательно смирилась с потерей статуса великой державы.

---

[1] Грайнер Б. Американская внешняя политика от Трумэна до наших дней: дебаты о внешнеполитических принципах и стратегии США. М. : Международные отношения,1986. С. 19.

[2] Шевенман Жан-Пьер. 1914–2014. Европа выходит из истории? М. : АСТ, 2015. С. 166.

[3] Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М. : Весь Мир, 2015. С. 79.

Мощным инструментом, благодаря которому США осуществляли свою волю на европейском континенте, стала организация Североатлантического договора. Несмотря на то, что идея нового военно-политического союза принадлежала Великобритании, несомненно, что лидирующую роль здесь выполняли США. В том числе об этом свидетельствовал факт, что фактически все ведущие посты в структуре занимали американцы.

Данные действия были обусловлены тем, что понятие об исключительности США и уверенность в обладании правом на решение мировых вопросов усилилось после Второй мировой войны. «Любой человек и любая нация, которые стремятся к миру и ненавидят войну и готовы бороться за справедливое дело против голода, болезней и страданий, обнаружат рядом с собой Соединенные Штаты Америки, готовые идти с ними, пройти вместе с ними каждый шаг на этом пути», – такое заявление сделал Л. Джонсон на Генеральной Ассамблее ООН через месяц после убийства Кеннеди [4].

Несомненно, что войны, начатые США во второй половине двадцатого столетия, отвечали представлениям американского истеблишмента о справедливости их политики, хотя и в большинстве случаев Соединенным Штатам так и не удалось добиться поставленных целей. Стоит упомянуть войну во Вьетнаме, которая не принесла успехов американской администрации и весьма осложнила ситуацию в стране. Это не единственный политический провал США. Неудачей закончилась и военная интервенция в Ираке, которая ассоциируется у рядовых американцев с Вьетнамской войной. Все это свидетельствует о неспособности США в одиночку справиться с глобальными вызовами и решить международные проблемы в свою пользу.

С распадом Советского Союза система баланса сил, действующая на протяжении XX столетия, рухнула, оставив после себя вакуум силы, который стремятся заполнить новые политические игроки. Весьма вероятно, что основной претендент на руководящую роль – Китай, экономический рост которого позволяет ему оставаться сильным политическим лицом на мировой арене.

Примечательно, что многие аналитики прогнозируют формирование нового мирового порядка, в котором будут доминировать две державы – США и Китай. Еще в 2010 году в The Guardian вышла статья, подтверждающая предложения о том, что основным соперником США за роль мирового гегемона станет Китай, отметив, что в действительности ни одна нация не может решить проблемы мирового масштаба самостоятельно. Только США или Китай поодиночке или совместно могут устанавливать повестку дня для остальных государств [5].

По мнению Г. Киссинджера, Китай и США являются оплотами нового мирового порядка. Две страны с разной историей, разной культурой и взглядом на решение международных проблем. Неизвестно, что их ожидает в будущем – партнерство или соперничество? [6]

Тем не менее, маловероятно, что США готовы похоронить свои имперские амбиции в угоду Китаю.

---

[4] Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2015. С. 357.

[5] The UK's world role: Great Britain's greatness fixation // The Guardian. URL : http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/jan/25/britain-world-role-europe-us (дата обращения: 19.01.2016).

[6] Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2015. С. 289.

Список литературы

1. Грайнер, Б. Американская внешняя политика от Трумэна до наших дней: дебаты о внешнеполитических принципах и стратегии США [Текст]. – М. : Международные отношения,1986.
2. Киссинджер, Г. Мировой порядок [Текст] : пер. с англ. – М. : АСТ, 2015.
3. Согрин, В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя [Текст]. – М. : Весь Мир, 2015.
4. Шевенман, Ж.-П. 1914–2014. Европа выходит из истории? [Текст] : пер. с фр. – М. : АСТ, 2015.
5. Northedge, F.S. Descent from power: British Foreign Policy 1945–1973 [Text]. – L. : George Allen & Unwin Ltd., 1974.
6. Tisdol, S. So is the US all washed up as a global leader? Not really [Electronic resource] // The Guardian. – Access mode : http://www.theguardian.com/commentisfree/2011/aug/08/us-decline-not-washed-up (date of access: 12.01.2016).
7. The UK's world role: Great Britain's greatness fixation [Electronic resource] // The Guardian. – Access mode : http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/jan/25/britain-world-role-europe-us (date of access: 19.01.2016).

Д.В. Шмелев

СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ПОЛИТИКА Н. САРКОЗИ (2007–2012 ГОДЫ)

Автор исследует аспекты средиземноморской политики Франции в годы президентства Николя Саркози. В статье рассмотрены истоки и особенности политики Франции в регионе, ее роль и проблемы, стоящие перед французской дипломатией. Отдельно рассмотрен вопрос о создании Союза для Средиземноморья и факторы, повлиявшие на неудачу проекта.

Франция, внешняя политика, президентство Николя Саркози, Союз для Средиземноморья.

MEDITERRANEAN POLICY NICOLAS SARKOZY (2007–2012)

The author examines the aspects of France's Mediterranean policy during the presidency of Nicolas Sarkozy. The article discusses the origins and characteristics of French policy in the region, its role and the challenges facing the French diplomacy. Separately considered the establishment of a Union for the Mediterranean and the factors that influenced the failure of the project.

France, foreign policy, Sarkozy's presidency, the Union for the Mediterranean.

В мае 2007 года новым президентом Франции был избран Н. Саркози, один из лидеров партии Союз за народное движение (ЮМП). Поскольку традиционно во Франции сложилось так, что именно президент определяет и проводит внешнеполитический курс нации, то французы ждали от Н. Саркози новых шагов и инициатив в мировой политике. В своей книге он писал, демонстрируя понимание между-

народной ситуации: «Со времен генерала де Голля мир сильно изменился. Изменился под влиянием демократии, общественного мнения, развития свободы слова, быстрого распространения информации – сейчас совершенно недопустимы некоторые способы управления страной и некоторые политические методы» [1].

Средиземноморский регион традиционно был одним из важных направлений французской дипломатии. Французские президенты и дипломаты, как правило, делали акцент на политике в Африке, на Ближнем Востоке, двусторонних отношениях с франкоговорящими странами, которые находились в приоритете в зависимости от обстоятельств или увязанные какой-либо общей проблемой. В последние десятилетия предпринимались попытки связать воедино многочисленные усилия, предпринимаемые в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в отношениях со странами Южной Европы. Примером может служить так называемый «Барселонский процесс» – консультативная структура стран Западного Средиземноморья, действовавшая в середине 1990-х годов. Создание союза стран Средиземноморья вписывается в эту линию.

Основные идеи Союза были намечены Н. Саркози во время избирательной кампании в 2007 году. Первоначально Н. Саркози считал, что в Союз войдут 7 средиземноморских стран ЕС, 10 стран средиземноморского юга – Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Мавритания, Сирия, Тунис, а также Палестинская автономия. Это «средиземноморское ядро» должно было стать региональной политико-экономической организацией с постоянной структурой и руководящими органами в виде Совета, переходящего президентства. Союз должен был стать постоянным форумом для решения региональных проблем, налаживания экономического и торгового сотрудничества, борьбы с терроризмом, урегулирования проблем иммиграции и т.д. Вместе с тем, продвигая новый проект, Н. Саркози не забывал о конкретных целях французской дипломатии: обеспечение безопасности и независимости Франции и французов, защите всеобщих ценностей свободы, прав человека, продвижении торгово-экономических интересов страны в мире в условиях глобализации. Кроме того, расширение числа членов Союза диктовалось интересами Франции не только в Африке, на Ближнем Востоке, но и в Европе. Речь шла о поисках более гибкой формы отношений с Турцией, претендующей на вступление в ЕС, и установлении нового равновесия внутри самого Евросоюза (сокращая влияние Германии) [2].

Двадцать первого декабря 2007 года на совместной пресс-конференции в Риме лидеры Франции, Италии и Испании объявили о создании Средиземноморского Союза. «Об этом проекте часто говорили, но не было никаких конкретных проектов для того, чтобы Средиземноморский Союз мог начать свое существование. Сегодня вечером ему положено начало», – заявил премьер-министр Италии Р. Проди. В свою очередь президент Франции Н. Саркози назвал новую организацию «осуществимой мечтой». «Мы решили, что Средиземноморье будет объединенным и будет выступать против войны и бедствий», – сказал он. «Союз, который рождается сегодня в Риме, призван объединить Средиземноморье, укрепить мир и стабильность, разрешить проблемы иммиграции», – говорил испанский премьер-министр Х.Л. Сапатеро.

---

[1] Саркози Н. Мое мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке. СПб, 2009. С. 293.

[2] Рубинский Ю.И. Франция. Время Саркози. М., 2011. С. 254–255, 268.

Позже Н. Саркози отмечал: «Мы должны предложить странам средиземноморского пространства создать Средиземноморский союз, одной из осей которого, естественно, станет Турция. Цель этого союза – работать в тесном сотрудничестве с ЕС и рано или поздно создать совместные институты, – объяснял он, – Его деятельность могла бы координироваться на регулярных встречах глав государств и правительств, подобных саммитам "большой восьмерки". У него был бы Совет Средиземноморья по аналогии с Советом Европы». Н. Саркози добавлял, что общая иммиграционная политика, экономическое и торговое развитие, поддержка правовых норм, защита окружающей среды и совместное развитие станут «столпами» проекта, что позволит избежать фронтального противостояния между арабским миром и США, установить постоянный диалог между Европой и Средиземноморьем [3].

Почти год ушел на согласование проекта, которое встретило серьезные трудности. Их причиной были реакция других стран ЕС (прежде всего Германии) и вопрос о членстве в Союзе Турции. Германский канцлер А. Меркель твердо дала понять, что не допустит формирования внутри ЕС структуры без участия Германии и потребовала включения в Союз всех заинтересованных стран ЕС. В Турции, которую рассматривали как одно из ключевых звеньев региональной структуры, идея Н. Саркози также не вызвала энтузиазма. «Да, Турция – одна из средиземноморских стран, но сотрудничество в Средиземноморье – это одно, а сотрудничество в рамках Европы – другое», – заявил министр иностранных дел Турции А. Гюль.

На юге Средиземноморья только Марокко явно приветствовало инициативу Н. Саркози. Египет, Алжир и Тунис ограничились косвенным согласием с проектом. Ливийский лидер М. Каддафи вовсе проигнорировал французскую инициативу. В Израиле никак не прокомментировали это предложение, что было естественно исходя из гипотетической ситуации, что страна оказалась бы в одной структуре со своими арабскими соседями. Сами арабские страны настаивали на приглашении всех членов Арабской лиги, включая Саудовскую Аравию, отмечая, что в Союзе будут участвовать страны, не принадлежащие к Средиземноморскому региону.

Тем не менее, 13–14 июля 2008 года на Большом Средиземноморском саммите в Париже Н. Саркози торжественно объявил о создании «Союза для Средиземноморья». Вместо предполагавшихся 18-ти стран Союз расширялся до 42-х членов. Германия дала согласие на его создание только при условии, что он останется открытым для остальных 27 стран ЕС. Это обстоятельство меняло географию проекта, учитывая, что большинство стран-участников к Средиземноморью имело опосредованное отношение. Сложная арифметика членства объяснялась просто: к 27 странам ЕС, 10 странам юга плюс Палестинская автономия, прибавлялись 4 балканские страны, не входившие еще в ЕС – Албания, Босния и Герцеговина, Хорватия и Черногория. Кроме того, новый Союз должен был стать не постоянным механизмом, а собираться в форме международных конференций. Оставался открытым вопрос о его финансировании и организационной структуре. Предполагалось, что у Союза будет два сопредседателя – один от ЕС (Н. Саркози), а другой от средиземноморских стран (президент Египта Х. Мубарак).

В дальнейшем средиземноморская мечта Н. Саркози рухнула под влиянием нескольких факторов. Турция увидела в этом проекте попытку заменить ее пол-

[3] Sarkozy N. Europe: l'engagement français // Politique internationale. 2008. № 120.

номасштабное вступление в ЕС. Возобновление ливано-сирийских дипломатических контактов было нивелировано началом израильской операции в Газе в декабре 2008 года. В связи с этим по инициативе арабских стран с января 2009 года были отменены все запланированные институциональные и технические встречи Союза. В итоге они так и не были возобновлены. В начале 2011 года вследствие массовых антиправительственных демонстраций рухнул режим Х. Мубарака в Египте. Ставка Н. Саркози на лидера Ливии М. Каддафи (взаимные визиты в 2007–2008 годах) также не оправдалась. «Арабская весна» не обошла эту страну стороной, заодно затронув Тунис (где пал режим Бен Али). В 2012 году сам Н. Саркози проиграл президентские выборы, что также отсрочило на неопределенное время реализацию проекта.

Список литературы

1. Обичкина, Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012) [Текст]. – М., 2012.
2. Рубинский, Ю.И. Франция. Время Саркози [Текст]. – М., 2011.
3. Саркози, Н. Мое мнение. Франция, Европа и мир в XXI веке [Текст]. – СПб, 2009.
4. Sarkozy, N. Europe: l’engagement français [Текст] // Politique internationale. – 2008. – N 120.
5. Vaïsse, M. La puissance ou l’influence. La France dans le monde depuis 1958 [Text]. – P., 2009.

О.И. Шмелева

К ВОПРОСУ О РУССКО-ГРЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА В 70-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

В статье рассматривается состояние русско-турецких отношений в 1870-е годы. Автор подчеркивает роль победы России в русско-турецкой войне 1877–1878 годы для развития греческой государственности.

международные отношения, XIX век, Восточный вопрос, Восточный кризис 70-х годов XIX века, русско-турецкая война 1877–1878 годов, русско-греческие отношения.

RUSSIAN-GREEK RELATIONS AND THE EASTERN CRISIS OF 70S 19TH CENTURE

The article describes the state of Russian-Turkish relations in 1870s. The author emphasizes the role of the victory of Russia in the Russo-Turkish war of 1877–1878 for the development of Greek statehood.

international relations, 19th century, the Eastern question, Eastern crisis of 1870s, 19th century, Russo-Turkish war of 1877–1878, Russian-Greek relations.

Внешнеполитическая линия греческого правительства в начале 70-х годов XIX века определила его отношение к начавшемуся летом 1875 года националь-

но-освободительному восстанию в Боснии и Герцеговине. Тогдашний премьер-министр Х. Трикупис поспешил заверить представителей европейских держав, что Греция будет придерживаться строгого нейтралитета и что единственным путем ее политики является путь дружбы и сотрудничества с Турцией. Однако часть населения с большой симпатией отнеслись к освободительным выступлениям других балканских народов.

Консул России Г.К. Дубницкий сообщал с острова Сирос: «По мере того, как бессилие Порты подавить оружием мятеж в восставших провинциях обнаруживается все более и более, надежды здешних кандиотов на восстание с весенним временем в Кандии, и шансы на успех все больше и больше возрастают, и самоуверенность усиливается. По отзыву их, критяне-греки чувствуют себя достаточно могущественными для того, чтобы начать свой давно задуманный поход» [1].

Афинское правительство в соответствии с проводимой им политикой нейтралитета принимало меры для «успокоения» греческого населения Европейской Турции. В мае–июне 1876 года греческим консулам в султанских владениях из Афин были посланы секретные циркуляры, в которых давалось указание сделать все возможное для предупреждения революционных действий.

В октябре 1876 года А. Кумундорос предпринял важный шаг: вступил в переговоры с русским посланником в Афинах П.А. Сабуровым. В ходе бесед с русским дипломатом греческий премьер стремился выяснить, на какие территориальные приобретения может рассчитывать его страна, если в случае русско-турецкой войны она станет на сторону России. Петербургский кабинет, хотя и стремился сохранить открывшийся новый канал для контактов с греческим правительством, в то время еще не был готов принять на себя формальные обязательства. Переговоры Кумундорос-Сабуров продолжались до открытия Константинопольской конференции без каких-либо определенных результатов.

В Константинопольской конференции, начавшейся 23 декабря 1876 года, Греция, как и другие малые страны, участия не принимала. Но греческий посланник в Константинополе А. Кундуриотис добивался включения греческих провинций Османской империи в сферу действия реформ, предложенных державами.

Известия о начале русско-турецкой войны и первых успехах русского оружия были встречены с энтузиазмом греческим населением Крита, Эпира, Фессалии. «Разрыв России с Турциею, – сообщал Г.К. Дубницкий, – произвел самое благоприятное впечатление на жителей Сиры и особенно на критян, проживающих на этом острове. Судя по словам последних, критские вожди решились восстать при первом удобном случае, не ожидая ничьей помощи и не сообразуясь с политикой греческого королевства» [2].

Из Лондона настойчиво требовали, чтобы Греция восстановила порядок. Неудовлетворенность позицией Великобритании побудила греческое правительство поставить в центр своих дипломатических усилий достижение соглашения с Россией. Начавшиеся в октябре 1876 года русско-греческие переговоры с приходом к власти коалиционного правительства приняли более конкретную форму. Царское правительство проявляло теперь заинтересованность во вступлении Греции в войну и организации восстаний в греческих провинциях Европейской Турции, что отвлекло бы значительные турецкие силы с фронта.

---

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1876. Д. 8. Л. 82–83. Г.К. Дубницкий – П.А. Сабурову. 2(14) марта 1876.

[2] Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 27–28.

Согласно донесению из Петербурга от 11(23) июля 1877 года греческого посланника П. Враиласа-Армениса, товарищ министра иностранных дел России Н.К. Гирс говорил ему: «Мы бы желали, чтобы Греция проявила к нам больше доверия; мы не можем заключить соглашение с вами, которое вызвало бы гнев Англии и, следовательно, принесло бы вам больше вреда, чем пользы. Но поверьте, что Россия вовсе не желает, чтобы греческий элемент был поглощен славянским элементом, и если она надеется проявить себя щедрой по отношению к Австрии, она будет справедливой в отношении Греции; все, что является греческим, будет вашим» [3].

После неудач русской армии под Плевной летом 1877 года греческие руководители выдвинули новые территориальные требования, вышедшие за национальные рамки.

Ответ на греческие предложения содержала секретная депеша А.М. Горчакова П.А. Сабурову от 19(31) октября 1877 года. В ней говорилось: «Вам уже сообщили, что посылка русских судов невозможна, и я поручил Вам повторить, что если греки придут на помощь христианам, то мы, в случае раздела Турции, постараемся обеспечить им Эпир и Фессалию. Я не считаю, чтобы мы могли честно пойти дальше этого…» [4].

Одновременно с дипломатическими переговорами с великими державами греческое правительство во второй половине 1877 года предприняло меры для установления сотрудничества с балканскими странами.

Мнение о том, что русско-турецкая война продлится по крайней мере до весны 1878 года, было широко распространено в Европе. Однако военные события приняли неожиданный для западных наблюдателей оборот. Двадцать восьмого ноября (10 декабря) 1877 года гарнизон Плевны сдался. Восьмого (20) января 1878 года пал Адрианополь. После этого Порта срочно запросила перемирия.

В тот же день Георг I дал телеграфное распоряжение войскам в Восточной Греции выдвинуться на границу с Фессалией. Через два дня коалиционное правительство подало в отставку. Премьером снова стал сторонник активной политики А. Кумундорос.

Все великие державы отнеслись отрицательно к греческому вторжению в Фессалию, предпринятому уже после заключения русско-турецкого перемирия. Поэтому просьбу Греции о посредничестве, поступившую одновременно с обращением Порты, державы использовали прежде всего для того, чтобы заставить ее вывести свои войска из Фессалии. Двадцать четвертого–двадцать пятого января (5–6 февраля) 1878 года посланники Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России и Франции в Афинах потребовали немедленного вывода греческих войск. В случае выполнения этого требования державы обещали взять под свою защиту население греческих провинций Турции. Греция вынуждена была отступить перед коллективным нажимом держав. Вечером 25 января (6 февраля) Делияннис сообщил иностранным дипломатам, что генералу Суцосу дан приказ отвести его войска за греческую границу. После вывода регулярных греческих войск из Фессалии в этой и других греческих провинциях вспыхнули восстания против турецкой власти. Они происходили при тайной поддержке и поощрении со стороны греческого правительства.

---

[3] Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 32.

[4] АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 7. Л. 301. Телеграмма А.М. Горчакова П.А. Сабурову от 5 (17) апреля 1877.

Восстания греческого населения в Турции, начавшиеся уже после завершения русско-турецкой войны, были для Афин важным аргументом в попытках получить наряду с другими Балканскими государствами территориальные приращения в процессе мирного урегулирования, начатым, как известно, Сан-Стефанским мирным договором от 19 февраля (3 марта) 1878 года.

Однако Греция, в отличие от других балканских государств, участвовавших в войне с Турцией, не получила каких-либо территориальных приращений. Создание же по Сан-Стефанскому договору обширного болгарского государства с передачей ему некоторых территорий, на которые претендовала и Греция, было весьма отрицательно расценено греческими государственными деятелями.

Двадцать девятого июня греческий делегат Т. Делияннис изложил пожелания своего правительства на заседании конгресса, открывшегося 13 июня 1878 года в Берлине. «Исправление границ» в рамках, предложенных конгрессом, передавало Греции Фессалию и значительную часть Эпира. Порта, однако, не признавала за этим решением какой-либо обязательной силы. Лишь после трех лет жестокого дипломатического торга, не раз ставившего обе страны на грань войны, 2 июля 1881 года была подписана греко-турецкая конвенция, по которой почти вся Фессалия и округ Арта в Эпире передавались Греции. Берлинский конгресс сохранил положение Сан-Стефанского договора о Крите.

Обязательство перед державами и восстание критян вынудили Порту предоставить острову ограниченную административную автономию, зафиксированную в так называемом пакте Халепа (октябрь 1878 года).

Таким образом, в период Восточного кризиса 1875–1878 годов. Греция была единственным Балканским государством, непосредственно не участвовавшим в вооруженной борьбе. Однако русско-турецкая война 1877–1878 годов и национально-освободительная борьба балканских народов оказали значительное влияние на греческое население Османской империи. Важным результатом русско-турецкой войны для Греции стало освобождение и воссоединение с ней Фессалии. Был сделан, таким образом, значительный шаг на пути национального объединения Греции.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1876. – Д. 8. – Л. 82–83. Г.К. Дубницкий – П.А. Сабурову. 2 (14) марта 1876.

2. АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1877. – Д. 7. – Л. 301. Телеграмма А.М. Горчакова П.А. Сабурову от 5 (17) апреля 1877.

3. Освобождение Болгарии от турецкого ига [Текст]. – М., 1964. – Т. 2.

И.М. Эрлихсон

ПОНЯТИЕ ЖЕНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ В АНГЛИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА (БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ)

На примере произведения известного мыслителя эпохи Раннего Просвещения Б. Мандевиля «Девственница без маски» изучаются представления о канонах женского поведения, сложившиеся в эпоху Нового времени. Автор делает

вывод, что данные представления основывались на концепте двойных стандартов, на идее неравенства двух полов, неравенства непреодолимого, обусловленного особенностями физиологического и духовного склада.

Новое время, Просвещение, мораль, добродетель.

THE NOTION OF FEMALE VIRTUES IN ENGLISH LITERATURE
OF THE FIRST THIRD OF THE 18TH CENTURY
(BERNARD MANDEVILLE)

The paper underlines the notions of female behavior's canons formed during the Early Enlightenment epoch on the basis of Bernard Mandeville's "Virgin unmasked" The author concludes that these notions were based on the concept of double standards, the idea of gender inequality unconquerable in view of physiological and spiritual peculiarities.

Modern epoch, Enlightenment, morality, virtue.

В общественной морали на протяжении столетий господствовал концепт двойных стандартов, идея неравенства двух полов, обусловленного особенностями физиологического и духовного склада, и потому непреодолимого. Двойной стандарт стал в каком-то смысле результатом светского осмысления богословского разделения женщин на добропорядочных и покорных, с одной стороны, и демонически строптивых, с другой. Когда-то считалось, что все дочери Евы несут в себе первородный грех, но те, кто принял обет целомудрия в монастыре или смиренно принимает надзор и опеку мужа, будут спасены, другие же, непрестанно искушаемые похотью, будут неотвратимо прокляты. В Новое время в разряд «чистых» попадают невинные девицы и замужние женщины, чье поведение пристально контролируется строгими дуэньями или бдительными супругами.

Известный английский мыслитель эпохи Раннего Просвещения Бернард Мандевиль считал, что женщины в той же степени что и мужчины подвержены силе «яростного естественного желания», но с отрочества оно подавляется всевозможными способами, главным образом, формированием того, что Мандевиль называет «понятием чести». «Маленьких девочек учат ненавидеть слово «блудница» до того, как они узнают, что оно означает; и лишь взрослея, они обнаруживают, что их положение в обществе зависит не от того, насколько целомудренными они являются, а насколько целомудренными их считают» [1].

Стремление к получению максимума жизненных благ вкупе с природным влечением – вот два полюса магнитной стрелки, определяющей поведение женщины в обществе и семейном кругу. Женская добродетель, считает Мандевиль, – это не врожденное качество, а продукт воспитания и образования, результат преобразования естественного («склонности к любви») искусственным («понятием чести»). Иллюстрацией вышеуказанного тезиса выступают героини его малоизученного трактата «Девственница без маски или Женские диалоги между старой леди и ее племянницей: занимательные рассуждения о любви, браке, вос-

[1] Mandeville B. A modest defence of publick stews or an essay upon whoring as it is practis'd in these kingdoms// Bernard Mandeville 's "A modest defence of publick stews". Prostitution and its discontents on Georgian England / ed. by Irwin Primer. N. Y., 2006. P. 76.

поминаниях и морали» (1709). Это старая дева Люсинда и Антония, ее молодая племянница, оставшаяся сиротой в раннем детстве и взятая на попечение сердобольной тетушкой, которая этим актом «милосердия», по-видимому, старалась «убить двух зайцев»: скрасить добровольное, но тоскливое одиночество, и вложить в очаровательную юную головку свои убеждения, тем самым воспитав достойную преемницу по своему образу и подобию. Но по мере того, как Антония взрослеет и хорошеет, убежденная мужененавистница понимает, что ее план потерпел сокрушительное фиаско.

Не случайно первый диалог начинается с того, что Люсинда упрекает Антонию за нескромный наряд и настаивает на том, чтобы та накинула носовой платок на чересчур смелое декольте, выставляющее напоказ ее прелести. На возражение Антонии, что она всего лишь следует моде, Люсинда разражается гневной тирадой, доводя племянницу до слез. Откровенные платья, не оставляющие простора для воображения, духи с цветочными и фруктовыми ароматами, букетики цветов, подчеркивающие плавную линию декольте, мушки, оттеняющие белизну груди, тщательно продуманные движения, нежные вздохи, – вот далеко не полный список ухищрений, к которым издревле прибегают женщины для стимуляции мужского желания. Любопытно, что добродетель, категорию из области морали, Люсинда рассматривает в экономической плоскости. «Возможно, ты не знаешь, Антония, что покупатели со стажем не спешат приобретать залежавшийся и настойчиво предлагаемый товар, пока не собьют цену, в конечном итоге приобретя его за сущие гроши» [2]. На это уязвленная Антония отвечает, что преуспевающие дельцы из-за зависти нередко чинят помехи своим молодым коллегам, пороча их доброе имя. Но последнее слово все-таки остается за Люсиндой, резюмирующей, что целомудрие Антонии – это розничный товар, который будет продан в кредит.

И уверения Антонии в том, что она в полной безопасности от посягательств со стороны потенциальных соблазнителей, что ее добродетель под надежной защитой, а «цитадели укреплены», «гарнизон крепости отлично дисциплинирован и может выдержать длительную осаду дерзких и сладкоречивых воинов» не убеждают Люсинду. Даже то, что со временем Антония научилась скрывать свои чувства, лишь усугубило ситуацию в глазах тетки, с досадой наблюдающей за тем, как племянница совершенствуется в искусстве флирта. Напротив, когда старая дева увидела, что племянница научилась укрощать свою природу и скрывать желания под маской лицемерия, то поняла, что страх перед мужчинами, который она внушала и лелеяла на протяжении почти десяти лет, испарился как дым. По-видимому, Антония относится к наиболее распространенной, по мнению Мандевиля, категории женщин, «ценящих свою репутацию, но по природе расположенных к любви». Таких женщин Мандевиль сравнивает с хорошо укрепленным городом, «чьи обитатели в любой момент готовы поднять восстание и сдаться на милость врага». В длительной гражданской войне между любовью и честью, продолжает Мандевиль, любовь выйдет победителем, ибо «врата добродетели подобно храму Януса, всегда открыты в ходе таких конфликтов» [3].

---

[2] Mandeville B. The Virgin Unmask'd; Or, Female Dialogues Betwixt An Elderly Maiden Lady, And Her Niece: On Several Diverting Discourses On Love, Marriage, Memoirs, And Morals, Etc. Of The Times. L., 1709. P. 12.

[3] Mandeville B. A modest defence of publick stews or an essay upon whoring as it is practis'd in these kingdoms. P. 77.

Когда Антония заявляет, что у нее никогда не было склонности к монашеской жизни и уверяет, что если она захочет выйти замуж, то даст тетушке двенадцать месяцев для привыкания к этой ужасной новости, та парирует язвительной репликой: «Благодарю тебя, дорогая племянница, но сделаешь ли ты это только ради меня, или просто тебе нравится, когда тебя обхаживают галантные кавалеры?» [4]. Все поведение племянницы, по ее компетентному мнению, доказывает, что последней нравится мужское внимание, и она делает все, чтобы стать его объектом. Но флирт – это такая охота, где преследователь всегда на шаг впереди своей жертвы. Испытывая патологическую ненависть к мужчинам, Люсинда все же признает их превосходство: «Женщины – слабые существа, и хотя они способны проявлять находчивость и остроумие в частной беседе, только мужчины обладают здравым смыслом, проницательностью и способностью выносить рациональные суждения» [5].

Не стесняясь в выражениях, Люсинда пытается доказать Антонии правильность своих убеждений относительно недопустимости фривольного общения и флирта с мужчинами, необходимости сохранять свою добродетель. Она безуспешно старается добиться от своей племянницы такого же негативного отношения к браку, но ее доводы не доходят до сознания племянницы, на стороне которой очевидно и сам Мандевиль, не видящий необходимости замуровывать в унылый саркофаг безбрачия привлекательную молодую женщину, которая может жить полной жизнью в рамках законного брачного союза. Здесь уместно привести цитату из исследования французского социолога Ж. Липовецкого «Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности», утверждавшего, что в «Новое время домохозяйка – это не только социальное положение, но еще и некая моральная доктрина, светский культ матери и семьи. Возникает некая особая культура, и в один прекрасный день уже можно было увидеть, как на пьедестал возносят прежде пребывавшие в тени женские обязанности, как идеализируют супругу-мать-хозяйку, которая всю свою жизнь посвящает детям и счастью семьи». И потому в перспективе у Антонии просматриваются все шансы вписаться в укреплявший позиции социальный стереотип жены-хранительницы домашнего очага, выполнить свое предназначение и остаться добродетельной женщиной.

Список литературы

1. Mandeville, B. A modest defence of publick stews or an essay upon whoring as it is practis’d in these kingdoms [Text] // Bernard Mandeville‘s “A modest defence of publick stews”. Prostitution and its discontents on Georgian England / ed. by Irwin Primer. – N. Y., 2006.

2. Mandeville, B. The Virgin Unmask’d; Or, Female Dialogues Betwixt An Elderly Maiden Lady, And Her Niece: On Several Diverting Discourses On Love, Marriage, Memoirs, And Morals, Etc. Of The Times [Text]. – L., 1709.

[4] Mandeville B. The Virgin Unmask’d; Or, Female Dialogues Betwixt An Elderly Maiden Lady, And Her Niece. P. 29.

[5] Ibid. P. 38.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболмасов Вадим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Аверьянов Сергей Михайлович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Авакян Кристина Арменовна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Акимов Юрий Германович, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет);

Акчурина Ольга Сергеевна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Алтабаев Евгений Владимирович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Алексеева Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент (Смоленский государственный университет);

Аронина Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент (Владимирский государственный университет);

Артеменков Михаил Николаевич, кандидат исторических наук, доцент (Смоленский государственный университет);

Артемова Алина Игоревна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Архипов Алексей Сергеевич, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Ахметшин Рамиль Ильгизович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет);

Базин Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент (Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна));

Басова Арина Игоревна, студент (Ивановский государственный университет);

Батурина Татьяна Александровна, кандидат культурологии, доцент (Костромской государственный университет);

Беляев Михаил Петрович, кандидат исторических наук, доцент (Российский университет кооперации (г. Мытищи));

Бирюков Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент (Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна));

Болычевская Марина Константиновна, студент (Оренбургский государственный педагогический университет);

Борзов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Владимирский государственный университет);

Бурлаков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент (Московский педагогический государственный университет);

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Академия ФСИН России (г. Рязань));

Веретельникова Виктория Александровна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Виноградова Мария Павловна, аспирант (Ярославский государственный педагогический университет);

Вульф Дитмар, PhD, профессор (НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург));

Гаврикова Анна Сергеевна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Галкина Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент (Государственный социально-гуманитарный университет (г. Коломна));

Гелла Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор (Орловский государственный университет);

Гераськин Юрий Вениаминович, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Гришакова Лариса Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент (Оренбургский государственный педагогический университет);

Гребенкин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент (Минский филиал Российского государственного социального университета (Беларусь));

Демидов Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Демидов Иван Сергеевич, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Денисова Юлия Евгеньевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Дигол Татьяна Евгеньевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, профессор (Липецкий государственный педагогический университет);

Долгова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель (Российский государственный гуманитарный университет);

Дуров Виктор Иванович, кандидат исторических наук (Военно-воздушная академия (г. Воронеж));

Ермаков Александр Михайлович, доктор исторических наук, доцент (Ярославский государственный педагогический университет);

Еропова Екатерина Владимировна, студент (Владимирский государственный университет);

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор (Нижневартовский государственный университет);

Ершов Виталий Федорович, доктор исторических наук, профессор (Московский государственный областной университет);

Жолудов Михаил Валентинович, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Захарова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук (Владимирский государственный университет);

Иванова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент (Смоленский государственный университет);

Ивонина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор (Смоленский государственный университет);

Каиль Максим Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Смоленский государственный университет);

Камынина Виктория Андреевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Калигин Алексей Александрович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Каркозашвили Нелли Шалвовна, кандидат исторических наук, доцент (Ярославский государственный университет);

Киреев Алексей Александрович, доктор исторических наук, доцент (Благовещенский государственный педагогический университет);

Кондратьева Ирина Петровна, учитель истории (г. Рязань);

Красильников Игорь Борисович, кандидат исторических наук (Смоленский государственный университет);

Кудряшова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Астраханский государственный университет);

Кудюкина Елена Игоревна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Кукушкина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент (Институт всеобщей истории РАН);

Кухарчук Мария Дмитриевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Лапшина Ирина Константиновна, доктор исторических наук, профессор (Владимирский государственный университет);

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН);

Левшина Юлия Александровна, аспирант (Орловский государственный университет);

Лежнева Анастасия Викторовна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Лосев Юрий Иванович, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Лунин Арсений Аркадиевич, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Мадрахимов Машраб, студент (Владимирский государственный университет);

Малиновский Анджей, адъюнкт (Поморская академия (г. Слупск, Польша));

Маршуба Денис Александрович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор (Нижневартовский филиал Тюменского государственного нефтегазового университета);

Махмудян Марианна Рубиковна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Мещерякова Арина Олеговна, кандидат исторических наук (Воронежский государственный университет);

Минаев Андрей Иванович, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Мирионкова Евгения Юрьевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Мокринских Александр Сергеевич, студент (Оренбургский государственный педагогический университет);

Мостяев Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Нагорнов Валентин Павлович, аспирант (Московский государственный областной университет);

Низова Карина Юрьевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Осяев Александр Геннадьевич, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Паничкин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный агротехнологический университет);

Петелин Борис Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Череповецкий государственный университет);

Петрунина Жанна Валерьяновна, доктор исторических наук, профессор (Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет);

Подгорный Алексей Владимирович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Понарин Павел Валентинович, кандидат исторических наук (Тульский государственный педагогический университет);

Пономарев Максим Николаевич, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Попова Евгения Вячеславовна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Преймак Александр Романович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Прокопов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Институт всеобщей истории РАН);

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич, доктор исторических наук, профессор (Московский педагогический государственный университет);

Романика Александр Сергеевич, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Романова Марина Ибрагимовна, кандидат исторических наук, доцент (Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск));

Рубаха Ярослав, профессор (Университет Вармии и Мазуры (г. Ольштын, Польша));

Савосина Юлия Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Савченко Наталья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент (Могилевский государственный университет (Беларусь));

Сальникова Светлана Анатольевна, учитель истории (г. Солнечногорск (Московская область));

Сафронов Борис Витальевич, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Сёмина Екатерина Игоревна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН);

Симс Николас, магистр истории (Бирмингемский университет (Великобритания));

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор (Ярославский государственный педагогический университет);

Соколов Александр Станиславович, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный радиотехнический университет);

Станков Кирилл Николаевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь;

Степанова Валерия Владимировна, аспирант (Орловский государственный университет);

Столяров Кирилл Михайлович, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Стрелец Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор (Брестский государственный технический университет (Беларусь));

Суслопарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент (Московский государственный университет);

Толмачев Юрий Олегович, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Тычинская Татьяна Алексеевна, аспирант (Орловский государственный университет);

Федорова Ирина Виталиевна, студент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Шандра Антон Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета);

Шибаева Виктория Михайловна, аспирант (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор (Казанский национальный исследовательский университет);

Шмелева Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина);

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор (Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина).

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

Материалы Международной научно-практической конференции,
г. Рязань, 20–21 апреля 2016 г.

Ответственный редактор
Жолудов Михаил Валентинович

Корректор *В.В. Голикова*
Технический редактор *Н.Н. Кулешова*

Дизайн обложки *А. Подгорный*

Подписано в печать 12.01.2017. Поз. № 40. Бумага офсетная. Формат 60x84$^{1}/_{16}$
Гарнитура Times New Roman. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 19,53. Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 100 экз. Заказ № 449.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а